

5
(59)

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«Философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого сознания».

Ю.М. Осипов

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2008

В НОМЕРЕ:

СОЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА
АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
МАРКСОВЕДЕНИЕ
ИННОВАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

N5 (59)

ГЛАМУР КАК ИСКУШЕНИЕ И ПОРЧА
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
BELLE-LETTRE

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ №5(59)

МОСКВА 2008

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2008. № 5. — 320 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

Л.А. Асланов; И.В. Бестужев-Лада; И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
И.К. Быстрыков (Украина); В.Г. Белолипецкий, заместитель гл. редактора;
Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский);
В. Драшкович (Черногория); Л.Н. Дробышевская (Краснодар); В.Я. Иохин;
Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
О.В. Иншаков (Волгоград); С.Г. Кара-Мурза; Д.С. Клементьев;
С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); В.П. Колесов; В.И. Корняков (Ярославль);
В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); П.С. Лемещенко (Белоруссия);
С.П. Макаров; М.А. Маслин; А.З. Новак (Польша);
Ю.М. Осипов, председатель совета; А.А. Пороховский;
В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
В.С. Сизов (Киров); И.П. Смирнов; В.М. Сологубов (Екатеринбург);
Е.А. Субботин (Екатеринбург); А.С. Филипенко (Украина);
В.В. Чекмарев (Кострома), В. Шмидт (Германия); Н.Б. Шулевский;
Ю.В. Яковец; Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Д.В. Дейнеко*

Компьютерная верстка — *Д.В. Дейнеко,*

Л.В. Дейнеко, С.С. Нина

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *С.Ю. Синельников,*

Н.П. Недзвецкая, Т.С. Сухина, С.С. Нина

Научно-вспомогательная работа — *А.А. Антропов, В.А. Луковенко*

Издается с участием Философско-экономического ученого собрания
и Академии гуманитарных наук

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Воробьевы горы, МГУ, II учебный корпус,
экономический факультет, к. 441, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

<http://www.econ.msu.ru/cd/110/>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

www.barrel.ru

ISBN 5-88010-200-9

© «Философия хозяйства», 2008 г.

Содержание

Раздел I	
Социальная элита	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Национальная элита — судьба России. Тезисы	9
<i>А.И. Неклесса</i>	
Герои и общество	23
<i>В.И. Корняков</i>	
Пророки и отечество	29
Раздел II	
Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Предмет философии (круги на воде)	39
<i>А.В. Бузгалин</i>	
Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма	49
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>А.П. оглы Бабаев</i>	
Национальное в экономической теории	81
<i>Д.Г. Егоров</i>	
План и/или рынок: вопрос для науки или идеологии?	91
<i>Ю.А. Кропин</i>	
Существует ли закон спроса и предложения?	96
<i>Е.В. Гнелинская</i>	
Формирование хозяйственного пространства для развития национально-государственной экономической системы	106
<i>С.Б. кызы Мусаева</i>	
Человеческий капитал как один из источников равновесного экономического роста	118
Раздел IV	
Марксоведение	
<i>В.Г. Белолитецкий</i>	
Классическая экономическая теория под завесой демагогии (попытка беспристрастного анализа биографии Маркса)	131
<i>А.В. Бузгалин</i>	
XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс	168
Раздел V	
Инновации в экономике и обществе	
<i>А.И. Колганов</i>	
Институциональные проблемы инновационного развития России	195
<i>М.И. Воейков</i>	
Пределы экономической науки для «общества знаний»	214

<i>М.Ю. Павлов</i>	
Нанотехнологии: сценарий инновационного развития страны на базе достижений фундаментальной науки.....	223
Раздел VI	
Гламур как искушение и порча	
<i>Р.М.-А. Гусейнов</i>	
Меритократия деградирующего общества	233
<i>П.А. Сафронов</i>	
Гламур как искушение и как польза.....	240
<i>А.С. Куликова</i>	
Гламур как феномен моды и стиля жизни	243
<i>З.А. Калмыкова</i>	
Утешение гламуром.....	258
<i>Ю.В. Якутин</i>	
Гламур как высшая стадия общества потребления.....	262
Раздел VII	
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Элита социальная.....	271
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономическое бессознательное (ответы на вопросы А.С. Нилогова).....	282
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Тщета толстовская	292
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Определение философии хозяйства	296
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Становление новой России	298
<i>С.А. Марков</i>	
Геополитический разворот России.....	298
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Кризис экономической цивилизации	301
Belle-Lettre	
<i>В.А. Ермаков</i>	
Темен жребий русского поэта.....	307
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Москворечь.....	316
Наши авторы	318

Contents

Part I

Social Elite

Yu.M. Osipov

National Elite — the Fate of Russia. Thesis 9

A.I. Neklessa

Heroes and Society 23

V.I. Korniyakov

Prophets and Fatherland 29

Part II

Actual Philosophy

V.A. Kutyrev

The Object of Philosophy (Circles on the Water) 39

A.V. Buzgalin

The Alternative of Deconstruction: Luster and the Misery of Postmodernism 49

Part III

Economic Theory

A.P. ogly Babaev

National into Economic Theory 81

D.G. Yegorov

Plan and/or the Market: a Question for the Science or the Ideology? 91

Yu.A. Kropin

Does Exist the Law of Supply and Demand? 96

E.V. Gnilitkaya

The Theoretical Bases of the Competitive Development
of National Economy Under the Conditions of the Globalization 106

S.B. kzy Musaeva

Human Capital as One of the Sources of the Equilibrium Economic Increase 118

Part IV

Marks Knowledge

V.G. Belolipetskiy

Classical Economic Theory Under the Curtain of Demagoguery
(Attempt at the Impassive Analysis of Marks's Biography) 131

A.V. Buzgalin

The XXI Century: in What it Was Rights and in What
Made Mistakes Carl Marks 168

Part V

Innovation in Economy and Society

A.I. Kolganov

The Institutional Problems of the Innovation Development of Russia 195

M.I. Voyeykov

The Limits of Economic Science for «the Society of Knowledge» 214

M.Yu. Pavlov

The Nano-Technologies: the Scenario of the Innovation Development
of the Country on the Base of the Achievements of the Fundamental Science 223

Part VI	
The Glamur as Temptation and Spoiling	
<i>R.M.-A. Guseynov</i>	
The Meritokratiya of the Degrading Society.....	233
<i>P.A. Safronov</i>	
The Glamur as Temptation and as the Benefit.....	240
<i>A.S. Kulikova</i>	
The Glamur as the Phenomenon of Mode and Style of the Life	243
<i>Z.A. Kalmykova</i>	
Comfort by Glamurom.....	258
<i>Yu.V. Yakutin</i>	
Glamur as the Highest Stage of the Society of the Consumption.....	262
Part VII	
Encyclopedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Social Elite.....	271
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Economical Unconscious (Answers on A.S. Niligov's Questions).....	282
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Tolstoy's Vanity	292
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Definition of Philosophy of Economy	296
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Standing of New Russia.....	298
<i>S.A. Markov</i>	
Geopolitical Point of Russia	298
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Crisis of Economic Civilization.....	301
Belle-Lettre	
<i>V.A. Ermakov</i>	
Sinciput the Lot of Russian Poet.	307
<i>G.I. Moyseychik</i>	
The Moskvorech	316
Our Authors	318

I

СОЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА

Ю.М. ОСИПОВ

Национальная элита — судьба России

Тезисы

1

История не совершается сама по себе, хотя в ней и действует стихийно-синергетическая, восходящая к трансцендентному началу сила, делающая историю частью самоорганизационным, как бы из себя исходящим, процессом, — история совершается, так или иначе, людьми, среди которых находятся воистину исторические субъекты — личности, группы, классы, иногда и народы — способные в полном смысле слова делать историю, вполне при этом и осознанно. История есть история человеческого сознания, как и бессознания тоже, она вершится сознанием в сфере сознания — ноосфере, и в функциональном аспекте она есть продукт сознания, однако не просто людского сознания, но и сознания, как и бессознания тоже, самой истории. История обладает своим собственным историческим сознанием, своей ноосферой, — и течение истории есть, при всей великой роли материального фактора и объективных обстоятельств, процесс реализации этого исторического сознания, как и бессознания тоже, процесс реализации исторической ноосферы. История — не то, что было, а то, что есть (есть это ист — исток — истечение — течение), что происходит (исход — исходит — ходит — проходит), что совершается, что в человеке и из человека, что делается, что вокруг. И первичны тут человек, сознание, ноосфера, а история как раз вторична, хотя у самой по себе истории как сложного и в чем-то трансцендентного процесса есть своя стихийно-объективная субъектность, признаваемая сознанием и допускаемая ноосферой. История творится — и это очень важно осознавать, но она и самотворится, что тоже очень важно осознавать. Человек — творец истории, но и история — творец самой себя, а поэтому и история — творец человека. Однако в центре всего все-таки творящий человек, творящее сознание, творящая ноосфера. История — творчество, это тварная история, но это и история исторического творчества.

2

Творение истории — деяние, прежде всего, творцов истории, среди которых личности, группы, классы и целые народы. Осмысливая историческое творчество, нельзя не заметить особой роли особой части социума, имеющей к творению истории самое прямое и наиболее творческое отношение — творческой, с исторической точки зрения, части социума, той самой части, в среде которой принимаются исторические решения и из которой исходят исторические действия, из которой история как бы выливается, точнее, выливается все то, что творит историю в ее самой творческой части — в ее, можно сказать, творческой матрице. Данная особая часть социума есть не что иное, как историческая элита, образующая то, что можно было бы назвать историческим очагом социума, его творческим ядром, социальной фабрикой истории. Есть история, а есть история истории, но не как реальное знание о течении истории, что понятно, а как зачинающее лоно истории, рождающая ее матка, но при этом и работающий мозг, творящий интеллект, действующая голова. История творится всеми людьми — участниками истории, но главным образом она творится все-таки вышеуказанными историческими элитами, наиболее и в первую очередь располагающими возможностью такого творчества — интеллект, информацией, знанием, опытом, властью, а также не просто расположенными к реализации такой возможности, в ней как-то по-особому заинтересованными, но, как правило, к этому попросту и обязанными.

3

Любой социум (а социум есть самостное, на себе замкнутое, для себя существующее, локализованное, выделяющее себя из среды социальное образование) содержит в себе наряду с составляющим его людским миром, или массой особей, или народонаселением, некий ведущий — организующий и управляющий — слой, как раз и образующий вместе с той или иной народонаселенческой массой тот или иной конкретный социум. Этот ведущий слой, способный продуцировать социум, его удерживать и обновлять, и есть этого социума историческая элита: либо при этом держащая социум в подчинении и даже в своей собственности, либо выполняющая свою функцию в качестве подконтрольной социуму его части, либо совмещающая то и другое, ловко и непрерывно лавируя между властью над социумом и его над нею контролем. Безэлитных социумов нет и быть не может, какой бы общественной, демократической или гражданской ни была бы его конкретная

организация. Дело вовсе не в присутствии или отсутствии в социуме элиты, ибо она всегда есть, а лишь в особенностях характера элиты, способах организации и реализации. Элита — не значит обязательно хорошо, а то и превосходно, это значит лишь, что есть особый слой в социуме, выполняющий особую в нем функцию — продуцента и держателя социума, как и его обновителя. Главное в понятии социальной элиты функция, а не качество, хотя качество тут, конечно же, не на последнем месте, ибо от него зависит качество исполнения функции: ведь от элиты до антиэлиты не самое большое расстояние, а в любой элите есть всегда что-то и от антиэлиты, что как раз и срабатывает не «за», а «против» социума, его нормальной жизнеспособности и позитивного жизнестроительства. Проигрывают и гибнут те элиты, которые не могут удовлетворительно исполнять свою функцию, превращаясь в пустую принадлежность всегда живого, но нормально уже не воспроизводимого, соответственно, и кризисного, социума. Кризис элиты — кризис социума! Отсюда и социальная потребность обновления элит, их смене. Однако бывает и внутриэлитарная потребность в обновлении и смене элит. И такие обновления и смены рано или поздно происходят, зачастую насильственно, нередко и с кровью. Так что элита — сначала именно особая функция, а затем уже и все остальное, среди чего не последнее место принадлежит как раз обязанности.

4

В современном сложно и иерархически структурированном цивилизованном социуме, состоящем фактически из множества разнообразных социумов (под- или субсоциумов), имеет место и столь же сложная и иерархически структурированная элитарная конструкция — социальная система различных элит: от локальных и особенных (специализированных) до общих и комплексных (целостных), а главное от властных, центральных и высших до подвластных, местных и низших. Современная элита — совокупность элит, нередко и не слишком консолидированная. Консолидация — важнейший параметр состояния и действенности любой элиты. Но важен еще и другой параметр — организованность, когда все частные элементы составляют вместе жизнеспособное и жизнестроительное целое.

5

Еще совсем недавно основополагающее и ведущее значение принадлежало, — так, во всяком случае, казалось, — национальным элитам, но сегодня ситуация в элитарном мире заметно изменилась. Сформировалась и все более ныне активничает наднациональная эли-

та, она же международная мировая, а ныне и глобальная, базирующаяся, правда, на элитах США и их ближайших сателлитов, т. е. на ряде глобализованных национальных (теперь уже полунациональных, а то и псевдонациональных) элит. Указанная наднациональная элита, подчинившая себе значительно экснациональные элиты, претендует на исполнение элитарной функции во всем мире в целом и сразу, используя в своих интересах остаточные экснациональные элиты, становящиеся не более чем локальными филиалами наднациональной, уже и глобальной, элиты. И если наднациональная элита теснит, преобразует и подчиняет себе национальные элиты сверху и из мирового центра, то снизу и из периферии национальные элиты подвергаются нынче еще и разрушительным атакам со стороны разного рода внутринациональных (внутристрановых) элит, ставших соответственно по тем или иным причинам в оппозицию к национальным — по духу, задачам и действиям — элитам. Для современности уже невозможно говорить о первостепенной роли национальных элит, для которых настало трудное, совершенно и апокалиптическое, время, когда вопрос «Быть или не быть?» уже замещен фактически на утверждение «Не быть!». Собственно национальные элиты для многих, если не для большинства, стран мира — достояние истории, а не текущей современности.

6

Однако констатировать окончательное исчезновение в современном мире национальных элит все-таки нельзя: не все страны, социумы, соответственно, и элиты согласны сегодня на исчезновение национальных элит, как, собственно, и наций. Возникшая в результате мировой интеграции и состоявшейся на данный момент глобализации открытость социумов, государств, хозяйств и экономик вовсе не означает схода с исторической сцены многих национальных (лучше даже сказать — национально-ориентированных) элит, а более всего означает лишь приспособление этих элит к новому социальному контексту, их преобразование и трансформацию: от, скажем так, обособленных национальных элит, как и национальных социумов, к интеграционным национальным элитам и социумам, однако не теряющим в условиях интеграции и глобализации своей национальной субъектности и функциональной специфики. Не растворение национальных элит в глобальном элитарном месиве, не подчинение этих элит наднациональной элите, не превращение в псевдонациональные филиалы в глобальной элитарной системе, а сохранение и упрочение национальных элит посредством их собственного для себя и своих социумов преобразования. Не все национальные элиты в современном мире идут по такому пути,

но есть элиты, которые стремятся не потерять ни своей историко-цивилизационной идентичности, ни ведущей роли в среде своего социума, ни самого этого социума.

7

Пережив всеобъемлющую и глубокую, революционного характера, трансформацию строя, государства, образа жизни, социума и элиты, современная Россия, изрядно открывшись внешнему миру, весьма амбициозно активному, если не прямо агрессивному, избежав полного социального краха, практически чудом уцелев от весьма вероятного распада и навязчивого поглощения мировым контекстом, успев немало затем стабилизироваться и укрепиться, а во многом и обновиться, оказалась сегодня перед проблемой сохранения и утверждения своей национальной самости, восходящей не к одной лишь историко-культурной идентичности, но и к социо-государственной суверенности и историко-цивилизационной субъектности. России удалось остаться Россией — имперской по сути своей внутренней организации и политического позиционирования вовне великой державой. И тут нельзя не обратить внимания на факт действительного исторического чуда, ибо Россия после развала СССР не располагала никакой целостной, консолидированной и эффективной национальной элитой, не то, что великодержавной, а тем более имперской. Мало того, в российской элите была сильна, как это ни странно звучит, мощная *не-российская*, если не *анти-российская*, составляющая, а подавляющая часть элиты (если и не подавляющая, то очень значительная) скорее выполняла функцию антиэлиты, чем собственно ответственной за страну и социум элиты. Что говорить, элита оказалась на высоте лишь по части собственного материально-присвоительного эгоизма, забвения нравственности, восстания «общечеловеческих амбиций», активного противодействия всему российскому, если не прямой измены отечеству. Это была во многом *пато*-элита, представляющая реальную угрозу стране, социуму, государству, культуре, цивилизации. Однако в среде российской элиты все-таки нашелся свой национальный «спецназ», который смог удержать страну от распада, а социум от разложения, обеспечить затем относительную стабилизацию и экономический рост, а главное, заложить основания для всестороннего национального возрождения. Правящему в 2000-е гг. режиму удалось поднять Россию с колен, вернуть ей национальное сознание и историческую память, остановить самоубийственный дрейф в небытие, переориентировать на активное жизнетворчество. Если 1990-е гг. были ознаменованы господством противороссии и иступленным ей сопротивлением, то 2000-е гг. стали го-

дами постепенного, но при этом и неуклонного преобладания про-России, что вовсе не значит, конечно, полного преодоления острейшего, апокалиптического характера, социального — и внутриэлитного тоже — кризиса.

8

Россия еще не миновала этого опаснейшего кризиса, во всяком случае, в стратегическом плане. Решение кое-каких конъюнктурных задач — лишь подготовка выхода из такого рода масштабного, глубокого и затяжного кризиса. Апокалиптический кризис — кризис, из которого нет ни автоматического, ни простого инструментального выхода. Выход из подобного кризиса связан не со стихией и не с мерами, он связан с преобразованием, да не чего-то частного, а практически всего социального организма. И если кризис был обусловлен в решающей степени проведенной в 1990-е гг. обвальной реформой, то выход из него обусловлен в той же решающей степени с антиреформной коррекцией — как субъективной, сознательной, волевой, так и объективной, стихийной, самопроизвольной. С той моделью страны, социума и социальной элиты, которая возникла в результате радикально революционной реформы, Россия не только не пойдет по пути развития и совершенствования, но даже и не сохранится как действенный исторический субъект. Отсюда необходимость скорейшего оздоровления всего российского социального организма и перевода его в режим созидательного суверенного бытия.

9

Перед Россией стоит сейчас гораздо более трудная и сложная задача, чем любая революционная — задача созидательного развития. И решение этой задачи по плечу только консолидированной внутри себя конструктивной, одновременно и инновационной, национальной элите, а в конкретном российском случае еще и мобилизационной. Без мобилизации сначала элитарной, а затем и в целом социальной, тут исторически достойного ничего не совершить. Россия — вообще мобилизационная страна, и не только потому, что без периодической созидательной мобилизации такой сложный и неопределенный социум, как Россия, исторически быть не может, — дело в том, что демобилизационные социумы вместе со столь же демобилизационными элитами, или же, наоборот, элиты с социумами, рано или поздно заканчивают свое историческое бытие, опрокинутые и замещенные элитами и социумами мобилизационного типа. Элитарная и социальная мобилизация — не армейская и не военная мобилизация, хотя и имеет час-

тенько соответствующие черты (принудительность, командность, исполнительность, иерархичность, тотальность), это мобилизация иного рода — побудительного, поощрительного, «влекущего», пассионарного, воспитательного, «осознательного», добровольческого, выборочного, она рассчитана не на насильно внедренный «энтузиазм», а на свободное духо- воле- и умоизъявление, разумеется, сочетаемое с неординарной гражданской ответственностью.

10

Нынешняя российская элита вышла из реформы-революции 1990-х, из всеобщей советско-российской смуты, из острейшего кризиса, она не несет в себе необходимого по силе, масштабу и качеству исторически созидательного потенциала, способного развернуться в эффективное движение национального возрождения и всестороннего социально-хозяйственного развития. Сегодня легче сказать, что национальной элиты нет, чем что она есть, но характеризовать всю российскую элиту как не национальную, не обновленческую и исторически не созидательную было бы грубой натяжкой: в сегодняшней элите всего хватает, она разнородна, разрознена и разнонаправленна, не консолидированна, а в стратегическом социо-историческом аспекте позитивно не сориентированна. Такая элита, все еще несущая на себе грубую печать антиэлиты — пока еще не национально обусловленный организм, и далеко не во всем своем нынешнем объеме и составе может рассматриваться как приемлемый для подобной «органики» материал. Разворот действующей власти к суверенитету страны и ее развитию не означает еще соответствующего разворота российской элиты, которая все еще элита более по положению, доходам, гедонизму и роскоши, чем по участию в национальном строительстве и целостном социально-экономическом развитии. Отсюда у нынешней власти двойная задача: разворачивая имеющуюся элиту к пониманию и реализации национальных целей и интересов, создавать одновременно и саму национальную, способную действовать в интересах страны, элиту. Иного инициатора и реализатора потребной переориентации элиты, как и ее необходимого перестроения, кроме верховной власти, у России нет, как и никогда в ее длительной истории, по сути, и не было.

11

И дело здесь вовсе не только в борьбе с элитарными произволами, криминалами и коррупциями, хотя это и архиважно, а в целеположенном одухотворении существующих, способных позитивно действовать элит, в побуждении их к национальному себя осознанию, в вовлечении

элитарных кругов в общенациональные деяния и проекты, в движение по возрождению и развитию страны, в побуждении элитарных слоев к национальной ответственности. Нация — не этническое вовсе понятие, а социо-политическое; национальная элита — это всего лишь элита, сообразная с нацией, действующая в ее интересах, ее поддерживающая и скрепляющая, ее реализующая и развивающая. Созидание мобилизационной национальной элиты, а через нее и с ее участием и новой российской нации — такова насущная задача нынешней российской власти, а точнее, ее стратегическая историческая сверхзадача. Это трудно, тяжело, затратно, болезненно, коллизийно, почти что и невозможно, но это надо, и это... возможно!

12

И вот на первое место тут выходит не что иное, как мобилизация национального интеллекта, способного обратить абстрактную волю к суверенитету и развитию нации в реальное общенациональное дело на основе и в русле выработанного элитарным интеллектом национально-го проекта. Национальный элитарный интеллект — это и сам по себе интеллект, обогащенный разнообразным знанием; это и конкретные люди, этот интеллект несущие и применяющие; это и соответствующие институты, на основе и посредством которых интеллект эффективно реализуется. Социумы и государства, нации и власти, не забываясь об элитарном интеллекте, либо исчезают совсем, либо, в лучшем случае, уходят во внеисторическую тень. Любая воистину жизнеспособная и животворящая социальность заботится об элитарном интеллекте и интеллектуальном продукте, производя то и другое, воспроизводя, оберегая и сохраняя. Интеллектуальные продукты бывают разные, но есть те из них, которые можно в полном смысле слова назвать национальными, но не в плане фиксации места их появления, или той же собственнической принадлежности, а в их выраженном бытии в духовно-интеллектуальном поле, потенциале и даже в самой концепции того или иного национального социума, это как раз тот самый продукт, который составляет основополагающее достояние социума, государства, нации, придающее им существенную организменную и функциональную самость. Понятие концепции нации, соприкасающееся с феноменом метафизики нации, далеко еще не общепринято, но все-таки оно есть, как есть и понятие метафизики нации, органично сопряженное с тем, что можно было бы назвать программой нации, проектом нации, определяет и демонстрирует историческую реализацию и историческое предназначение нации. И такой гуманитарный интеллектуальный национальный продукт — проект нации —

бывает заложен в само метафизическое основание нации, именно он делает в итоге нацию нацией. В нации, утвердившейся в истории и продолжающей свое историческое бытие, этот замечательный продукт сакрализуется, становится настоящей исторической святыней, что вовсе не значит, что ему нарочито и слепо поклоняются составляющие нацию граждане и народы, — они его прежде всего просто удерживают, воспроизводят, обогащают — через культуру, образ жизни и действий, как и стратегическую преемственность своего исторического движения.

13

Есть такой сакральный продукт и у России, но, во-первых, не столь он явен, как у других наций и государств, во-вторых, не столь целостен, он как бы прерывист и калейдоскопичен, в-третьих, не только не закончен, но и открыт для работы над ним. Россия почему-то противится законченности, в особенности, метафизической. Метафизика России не собрана воедино, она таинственна и вольна. Какая еще страна способна, гуляя по космосу и имея ядерный щит, взять да и превратиться вдруг в одночасье почти что в колонию... чуть ли не у всего мира, не говоря уже о чуть ли не добровольном подчинении лукавому глобальному центру! Одна из загадок России в ее недостроенной, невыявленной и неустойчивой внутренней концепции. Один проект, другой, третий — и все более почему-то нероссийские, внешние, контекстные: так и идет Россия по истории от одного чужеродного проекта к другому. Чужебесие — совершенно российское понятие! И однако Россия всегда остается Россией: загадочной, непонятной, темной, одновременно отталкивающей и прельщающей, вбирающей что-то в себя извне и непременно из себя это что-то выбрасывающей, непостоянной и переменчивой. Лишь на время замирающей, будто бы при этом и спящей. Сколько уже времени бьются над этой разгадкой тайны России всякие интеллектуалы, — что российские, что зарубежные, — и не находят никак подходящего ответа. Но Россия была и есть, есть ее метафизика, есть и концепция, наверное, есть и ее собственный проект, который, возможно, состоит просто... в его — этого проекта — неустанном поиске. Вот и сейчас, уже в XXI в., все то же самое — все те же неопределенность, незавершенность, прерывность, все то же неудовлетворение и все тот же отчаянный поиск... чего-то неизвестного, небывалого, иного. Россия — не страна вовсе, а мир, причем мир не просто особенный, а альтернативный — что Востоку, что Западу, не говоря уже о Юге. Российская бесформица — не случайность, не нелепица, а периодически вспыхивающая своей страшной явленностью законо-

мерность. Стоит какой-нибудь исторической форме сложиться и даже вроде бы утвердиться, как следует сброс этой вроде бы законченной формы ради новой, вполне иной раз и надуманной, если попросту не экстравагантной. Ничто из как будто бы вполне нормального и уже оправдавшего себя в мировой истории для России не годится, ей не нравится — ничто! И вот эта несбыточная и избыточная альтернативность как раз в самой метафизике России и сидит, а потому очень страдательно, невыносимо трудно, пожалуй, что и невозможно принадлежать России, в особенности, высокому мыслителю и великому деятелю.

14

Концепция России. Какая она? Кто же это достоверно знает, кроме разве Господа Бога и, быть может, самой России! И все-таки она есть — это концепция трансцендентной страны, находящей воплощение в смене не только текущих состояний, но и самих исторических форм, в переборе разных бытийственных вариантов, вплоть до не очень-то ей и нужных. Ибо здесь простор, масштаб, даль, сонная неподвижность с бешеной подвижностью, прозрачность, неожиданные сполохи, смуты, резкие срывы. Всякая определенность тут временна, ибо она из общей, глубинной и постоянной неопределенности — как накат, как пришествие, как восстание. То вроде бы ничего и нет, а то вдруг такое является нечто, что никому мало уже и не кажется! Странная страна, которая сама по себе произвол, сама себе и концепция. Есть, конечно, и кое-какие инварианты, они же и непреходящие параметры: те же имперские, деспотия и воля. Некое большое социальное море, в котором все возможно — штиль, волнение, буря. И если концепция России есть, то это концепция некой становящейся непрерывно концептуальности, не претендующей ни на какую выверенную законченность. Неблагонадежный какой-то вывод, но другого, кажется, нет! В какой еще стране, вырвавшейся в космос, может ставиться ни с того, ни с сего как первейшая необходимость та же задача... национальной консолидации, а еще хуже... задача... развития? Или какая страна, обладающая ядерным оружием и великой армией, вдруг окажется перед необходимостью... освобождения от почти что колониальной зависимости и обретения национального суверенитета? Или какая великая держава — постоянный член Совета безопасности ООН с правом вето, вдруг униженно и подобострастно внимает гневным филиппикам в свой адрес, покаянно поджимая хвост? Все это может проделывать только Россия, как и можно что-то подобное проделывать только с Россией. Сама себя — на колени и в образ кающейся грешницы! Кто только не

пинает сегодня Россию: мелкие, средние, крупные, великие — и кто сегодня не испытывает над нею умильного превосходства, в особенности из отколовшихся от империи кусков и бывших союзничков?! Россия то падает, то поднимается, временами несется, чтобы резко вдруг упасть, исполняя свой трансцендентный исторический танец-цикл. Вот и сегодня, кажется, новое вставание с колен после очередного падения и перед новым на очереди подъемом!

15

Национально ориентированная российская элита, окруженная чрезмерной антиэлитой, поднимается с колен, испытывая нужду в новой исторической концепции России. Не страна, а целый мир, к тому же великая держава, империя. Спрашивается, зачем? Запад в России не получается, Восток никогда не получится, а уж Юг с Севером тем более. Получиться может только... Россия — новая Россия, с новой национальной элитой и новой российской нацией, разумеется, на основе и на пути современного — производственно-интеллектуально-инновационного — развития. Особенность момента, как это уже было, кстати, не раз в российской истории — в новом противостоянии России и остального мира, неважно с какой стороны и как конкретно этот мир взирает на Россию. Хочет того Россия или нет, но раз она остается на исторической арене Россией, то такое противостояние неизбежно, поскольку Россия с точки зрения мира неверная, неправильная и чужеродная страна, а потому держать ныне Россию, как, собственно, и прежде — держать это самое противостояние: мирное, военное, культурное, цивилизационное, политическое, экономическое — любое! С Россией можно дружить, союзничать, бражничать, но как с самобытным и неопределенным в собственном «самобытстве» субъектом-феноменом. Кто это понимает, тот и выигрывает! Так что новая концепция России должна прежде всего вбирать в себя факт ее нового исторического противостояния остальному миру. Все, что в пользу этого противостояния, — в концепцию, все, что против, — вон! Однако базироваться концепция должна все-таки не на этом противостоянии, а на самой России, стремящейся уже, кажется, к образованию новой для себя исторической формы. Какой же? О-о, уже надоело повторять одно и то же: имперской, мобилизационной, но при этом и интеллектуальной, инновационной, творческой!

16

Возбудить творчество и не утратить России! И чтобы не утратить, потребны, с одной стороны, власть крепкая и гражданская, а с дру-

гой... гражданская свобода вперемешку с гражданской же ответственностью. Так что не одна элита позитивная и действенная нужна, но и граждане нужны, образующие столь же позитивный и действенный социум, где каждый человек по-своему, но при этом и вместе со всеми. Противостояние с миром и должно выдать из России соответствующую форму бытия и организации всего ее социального организма. Противостояние — не культивирование какой-то непрременной противоположности, это всего лишь культивирование самости: не той же демократии в привычном понимании, но и не столь же привычной диктатуры — даже и закона; не вседозволенности, но и не тоталитаризма, пусть и самого благостного. Кто должен управлять Россией? Вождь, элита, народ? В том-то и дело, что ни то, ни другое, ни третье, а весь российский социум — национально сообразованный и функционально дифференцированный, когда и вождю, и элите и народу есть, что делать и чем жить в рамках общего жизнеотправления.

17

И особое место должна занимать в социальном организме творческая, она же интеллектуальная, она же и инновационная, элита, без которой не выжить, — и это уже почти ясно, но не политической, не экономической, не той же самой культурной элите. Нация сильна не чувством своеобразия, а творческой энергией, в ней присутствующей и реализующейся. А творческая элита — это та самая элита, оказавшаяся как раз в ходе и по итогам радикальных реформ в самом что ни на есть маргинальном, если не прямо в смешном, положении, — и если она еще есть, то только вследствие упорного ее противостояния реформам и воцарившемуся по их результатам заряженному антисистемностью строю жизни, если не антижизни. Такое положение творческой элиты — совершенно недопустимая вещь! Мало того, что она брошена на произвол судьбы, что ее никто не поддерживает и не поощряет, что с ней не считаются, но еще и решают за нее ее собственную судьбу, тогда как само это решение может быть лишь элитарно творческим, а потому и принадлежать как раз самой этой творческой элите. Ситуация с творческой элитой в стране не просто сложная, она... чрезвычайная, — и это пока никак не может осознать ни общественность, занятая материальностью, потребительством и гедонизмом, ни власть, разгребаящая ужасные пореформенные завалы на всех участках современного российского жизнеотправления. Да, сегодня наконец-то заговорили об интеллекте и инновациях, но... но... где оно, столь же интеллектуальное и инновационное управление... процессом высвобождения интеллекта и инноваций?

Необходимо признать, что российская социальная среда сегодня — среда антиинтеллектуальная и антиинновационная, а фактически и антиэлитарная. Сама элита сопротивляется своей же элитарности, оставаясь без творческого, т. е. высокоинтеллектуального и реально инновационного потенциала, без чего не может быть ни суверенной, ни самобытной, ни самостной России, тем более, не просто сопротивляющейся агрессивно-амбициозному миру, а ему с достоинством противостоящей. Нужно хотя бы глубоко осознать этот факт! Никакой глобализм интеллектом и инновациями Россию не снабдит: умная и инициативно обновляющаяся Россия никому в этом мире не нужна, а нужна Россия глупая, застывшая, покорная, соответственно и Россия самоисчезающая. Где интеллектуально-инновационное сообщество, где всеобщий доступ к знаниям и новейшим достижениям, где новейшее оснащение интеллектуально-инновационной сферы, где новые отрасли производства, где разностороннее фундаментальное образование, где новые интеллектуально-инновационные кадры, а главное, где ко всему этому уважение — национальное, государственное, властное? И пока всего этого нет, не будет самостоятельной, самобытной и оригинально развивающейся России!

Пора в конце концов понять, что в изначалье, в основании и в сердцевине интеллектуально-инновационного процесса никакого рынка нет и быть не может, как нет и никакой экономики, хотя они есть, конечно же, во взаимодействии с этим процессом. В изначалье, в основании и в сердцевине процесса только творческий интеллект, разумеется, необходимым образом оснащенный. А это люди, это человеки, к которым в обществе должно быть исключительное поощрительное отношение. Главная производительная сфера сегодня — сфера творческая, так называемый интеллектуально-инновационный сектор. Где они, эта сфера и этот сектор? Ответ тут, к сожалению, один: в загоне! И в административном, и в экономическом, и в рыночном, и в социальном, даже и в культурном. Вывести творческий интеллект и инновационное воображение из загона, из своеобразной резервации — актуальнейшая и необходимейшая задача нынешней российской власти! Пора уже сделать хотя бы так, чтобы интеллектуально-инновационное творчество не воспринималось в лучшем случае как чудачество, а в худшем — как чуть ли не преступление. Современная российская среда — любая, но только не высоко и инициативно творческая. Это касается и самой

собственно научно-образовательной среды, не избежавшей собственной апокалиптики. Нет уже, или почти нет ни высокой науки, ни высшего (не по рангу, а по качеству) образования, зато слишком уж много псевдонауки и псевдообразования. Ум российский вовсе не отобилизован на творчество, а страна живет фактически без творческого интеллектуализма. Проведенная наспех, в угоду потребителю присвоению реформа никак не способствовала высокому интеллекту и инновационному творчеству, что вызывает сегодня потребность в контрреформе, способной решить насущные задачи мобилизации и реализации творческого потенциала, — не самая, скажем откровенно, простая социо-государственная задача! Самое страшное, что случилось с Россией — потеря вкуса к созидательному труду, ответственному и бескорыстному служению, производительной работе, большому творчеству. И вот оказывается, что для выживания и полноценного бытия страны потребны не одни только деньги и капиталы, но и дух, мораль, идеология — все то, что за деньги не купить и одним капиталом никак не оживить. Та же российская молодежь уже и не понимает, что такое служение общему делу, национальным задачам, совместно-му творчеству. Какой же тут урон, какая черная дыра, какой исторический провал!

20

Страна ныне без эффективной национальной идеологии, тем более, без элитарной идеологии — зовущей, влекущей, авангардной. Но страна нуждается в подобной идеологии: а) возвращающей России моральное достоинство и неформальный статус великой имперской державы; б) подтверждающей особенность исторического образа и пути России, как и невозможность с нею не считаться; в) рассматривающей Россию как общий дом уже всех россиян (через призму того же нового домостроя); г) приветствующей и утверждающей всестороннее развитие, обосновывающей самобытное будущее во взаимозависимом мире. Есть ли истоки и очаги такой идеологии? Есть, конечно! И среди них, помимо текущей практической, прежде всего, геостратегической, концептуальности, и такие, как русское домостроительство, русская философия с русской литературой и отечественная философия хозяйства. Интеллектуалы России любят искать истину за пределами отечественной истории и мысли, подальше от своей страны, где-то там... мало находя при этом функционально ценного и убеждаясь лишь в скором увядании в России большинства зарубежных идеологов, вроде бы самых что ни на есть новых и перспективных. А ведь Россия не только «кладбище» привносимых извне идей, она еще и со-

кровищница идей, но... уже своих, пока, быть может, не оформленных в целостную национальную идеологию, но могущих быть оформленными в таковую при движении России по действительно национальному пути — к новой российской нации!

А.И. НЕКЛЕССА

Герои и общество

Элита — слово, примелькавшееся за последние годы в российских речах и текстах. Слово, которое расшифровывается на первый взгляд достаточно просто — «лучшие люди». Между тем за обманчивой простотой скрываются свои глубины и парадоксы.

Вот, скажем, две фигуры, перемолвившиеся некогда несколькими словами на солнцепеке: Александр Македонский и Диоген. Они из числа героев, на которых зиждется репутация Древней Греции, т. е. «представители древнегреческой элиты» — без пяти минут правитель Ойкумены и нищий философ, живущий в бочке. Ситуация, надо сказать, несколько несуразная по нынешним меркам.

1. Глубинный источник обсуждаемой темы — неравенство людей, причем неравенство подчас весьма выраженное: как социальное, так и природное. В нем можно условно разграничить «внешнюю» и «внутреннюю» стороны. На практике определением «элиты» обозначаются: 1) властные и богатые люди (господствующее сословие), формирующие социальную среду обитания для всех; 2) сложноорганизованные люди, способные к чрезвычайно эффективной деятельности: трансценденции себя и обстоятельств (в узком смысле — чрезвычайно талантливые профессионалы). Но есть и третье, как бы подразумеваемое значение в категории элиты — благородство, «нобилитет».

Естественно, все эти качества не обязательно существуют отдельно, они совмещаются в некоторых личностях.

Над проблемой неравенства рода людского, причин и следствий подобного состояния мира задумывались многие. Существуют разные прочтения темы. Так, важные для современного общества (мира Модернити) позиции по данному вопросу, воззрения, имевшие долгосрочные следствия, сформулировали в свое время отцы-основатели протестантской версии христианства (в особенности — Кальвин). И, надо сказать, их толкования способствовали глобальной социально-политической и экономической экспансии этой культуры.

Знаком обладания высоким качеством личности (предопределенностью к спасению), согласно данной системе взглядов, являлся успех — примета Божьего благословения и критерий следования по верному пути. Но успех понимался все-таки не вполне в том смысле, который впоследствии был придан теме избранничества сужающими ее интерпретациями. Наряду с житейским, материальным успехом признавались другие критерии оценки наличия и проявления дара, например, творческие или теологические (в достаточно широком толковании). Подобная легитимация успеха превращает его в маяк социальных (статусных) устремлений индивида, наполняя и переполняя их энергией действия.

В России, однако же, господствовала заметно иная трактовка избранности, со скептицизмом оценивавшая критерии материального благополучия (ср. «от трудов праведных не построишь палат каменных»), но также акцентировавшая вполне определенный генезис таланта и харизмы, связанный с горным миром. Кстати говоря, это свойство сохраняется в универсальной этимологии (кодировке) данных понятий.

Что здесь представляется важным? Та или иная формула увязки человеческих качеств с метафизикой вводила в тему элиты, в культурный код и через его посредство — в житейскую практику *определенное ценностное содержание*. Предопределяя тем самым персональное напряжение, длинную волю, контекст деятельности, долгосрочное целеполагание. И как фактически прямое следствие подобных свойств — исторический проект.

Без этой мотивированной ценностной компоненты, по одним лишь формальным признакам «лучших в профессии» можно было бы рассуждать, скажем, об «элите преступного мира», но очевидно, что подобное рассуждение, обладая соответствующим привкусом, не имеет высокого судьбоносного горизонта. А воспроизводство «опрокинутого идеала» и «степеней деградации» ведет в конечном счете к моральному и историческому краху общества.

Это, конечно, крайняя оппозиция. Но, в некотором смысле о градусе духовного здоровья общества можно судить по тому, каковы его герои. Кого данное общество выделяет и провозглашает в качестве своих кумиров (элиты). Другими словами, каковы герои, таково и общество.

В практическом плане скорее можно говорить об акцентах времени, т. е. о том, какая группа элиты более других востребована и актуальна в тот либо иной период. К примеру, при определенных условиях

— складывающихся в тот или иной момент в том или ином месте — Диоген может оказаться более востребованным нежели Александр.

2. Наше время — время транзита, причем как в России, так и за ее пределами. Среда обитания человека, социальные параметры его существования имеют свойство время от времени серьезно меняться. И в различных обстоятельствах достаточно неодинаковые наборы качеств и талантов у людей признаются «лучшими» относительно других.

С этим обстоятельством тесно связаны историческая конкуренция, конфликты элит и выдвигаемых ими мироустроительных проектов. Равным образом можно утверждать, что перемена социальных сезонов сама является следствием конкуренции элит.

Отсюда возникает еще одно важное понятие: *контрэлита*.

Стереотипический конфликт подобного рода можно описать посредством классической оппозиции — «архаисты и новаторы», т. е. борение охранительного инстинкта общества (консерватизма) и прочтение истории как перманентной революции (трансценденции сложившихся обстоятельств). Исторических примеров тут множество, нет нужды их перечислять.

Мы сегодня живем в «химеричное» время, в том смысле, что на период нашего земного бытия приходится смена исторических эпох: эпоха современности (Модерна) сменяется неким новым состоянием человеческого сообщества. Состоянием, для которого существует некоторое количество определений: к примеру, постиндустриальный мир, постсовременность, постмодерн, но все они очевидно дефектны, ибо, фиксируя новизну, не определяют ее качество.

Нынешний социальный транзит проявляется в серьезном усложнении человеческой вселенной. Глобализация — своеобразная плацента, в которой вызревают индивидуация и предельная эмансипация человеческой воли (проявляемой как в свободе, так и в произволе). Новые инструменты вкупе с глобализацией социальной среды усилили роль/возможности элиты, что имело последствия. Транснациональный деятельный слой институализируется, прочерчивая поверх прежней административно-политической географии собственную властную топографию. В то же время пассивная часть общества становится все менее значительной величиной.

Претерпевает мутацию ряд привычных институтов. Политические учреждения уходящей эпохи постепенно утрачивают уровень компетенции, необходимый для эффективного мониторинга совокупности актуальных социальных сюжетов и действенного управления многоликим, динамичным обществом. Не справляясь с новой сложностью мира, не выдерживая исторической конкуренции, прежние политиче-

ские конструкции либо трансформируются в существенно иное качество, либо образуют симбиотические структуры с новым поколением социальных организмов, либо сходят с исторической сцены.

Соответственно меняются и требования, предъявляемые обществом к «лучшим людям». (Ведь разговор, в сущности, идет не столько о профессиональной элите, сколько об элите национальной, т. е. признанной и героизированной обществом в данный момент.)

Какая же элита востребована нынешним состоянием общества? По-видимому, та, которая может результативно действовать в складывающейся на планете ситуации исторического транзита и неопределенности, отыскивая достойный выход из дьявольских альтернатив, которыми полнится время.

Происходит снижение квалификационных параметров широкого числа работников относительно настоящего уровня технических и интеллектуальных операций при умножении уникальных ситуаций, не имеющих регламента действия. В итоге выдвигается слой, основа которого — высокообразованные, интеллектуальные, креативные личности, способные влиять на ход событий, обозревать горизонты актуального сюжета и эффективно трансцендировать сложившиеся обстоятельства. Проще говоря, востребованной оказывается страта людей, приспособленная к умному и умелому взаимодействию с комплексными, многофакторными, чрезвычайно динамичными процессами.

Сегодня на планете параллельно (а) привычным государственным конструкциям выстраивается (б) влиятельная социальная/политэкономическая среда, основой которых является новый уровень развития мира корпораций и гражданского общества. Завтра же можно предполагать дальнейшее усиление (в) гибких неформальных организаций самого разного толка, антропологических организованностей, основой которых становятся особо одаренные личности (люди-предприятия: *manterprizers*).

3. Какие это влечет следствия?

Судя по всему — формирование трансграничной социополитической реальности, выстраиваемой с заметно иной (негеографической) сеткой координат, утверждение новых принципов организации подвижного социума, равно как и управления им, а также смену языка власти. Кстати, в преддверии революции Нового времени управленческий корпус готовился в университетах по программе «свободных искусств», что, по сути дела, означало главным образом овладение именно разветвленной «языковой» (причем в весьма широком значении данного слова) системой.

Означает это также переоценку основных стратегических ресурсов общества, соотношения между весом материальных и нематериальных активов, изменение шкалы приоритетов, модификацию отношения к «роли личности в истории». Наконец, новую классификацию «лучших людей», их природных/социальных свойств, но главное — завоевание элитой нового положения в структуре человеческого сообщества (е.g. изменение положения «четвертого сословия» и «восстание элит», начавшееся в конце прошлого века).

В меняющемся контексте задачи управления обществом усложняются с нарастающей скоростью. В оптимальных условиях часть нагрузки перенимает на себя гражданское самоуправление (но для этого оно должно сложиться в развитую систему). При иных сценариях вероятно клановая приватизация социума и его ресурсов, чреватая серьезными разрывами социальной ткани. Более того, с какого-то момента проблема *удержания социальной связности начинает превосходить значение управления.*

Это существенная констатация и непростая тема, заслуживающая самостоятельного подробного обсуждения. Ввести же ее элементы в контекст сегодняшнего разговора заставляет содержащийся в ней «антропологический привкус».

Действительно, трансграничные параметры нового мира, нарастающее обилие операций со сложными объектами и нематериальными ресурсами, неоднородность механики внешних/внутренних взаимодействий, императив трансценденции старых обстоятельств и сборки новых сюжетов — все это заставляет задуматься о происходящей замене начал социальных конструкций. А также размышлять о новых траекториях человеческого общежития, в гораздо большей степени связанных с «коммунальным магнетизмом», профессиональными умениями, творческим потенциалом, уникальными личными свойствами. Причем количество промежуточных звеньев между идеей и ее воплощением драматичным образом сокращается.

Основой новой сборки мира (мирового порядка) может оказаться не столько территориальная, географическая связность социальных объектов, сколько культурная и пассионарная гравитация как традиционных сообществ (национальных, конфессиональных, этнических, профессиональных), так и новоявленных оригинальных протосуверенов. И, к примеру, одно из следствий данного процесса для России — возрастание, по мере продвижения в будущее, значения Русского мира, а также его производных.

4. В обсуждаемой теме наличествует ряд дополнительных сюжетов и аспектов.

Косные и рефлекторные структуры в период глобального политического обновления все чаще оказываются на обочине истории, а подчас просто ее покидают. Ресурсы же востребованных временем форм социального строительства во все большей степени связаны с *социокультурным капиталом общества*, с идейным лидерством, результативностью в производстве норм и смыслов, возможностями культурной мобилизации и моральной интеграции, другими факторами личного и социального роста, с потенциалом соборной солидарности, — в настоящих условиях все это оказывается весьма практической сферой деятельности.

Более того, возникает и нарастает острая конкуренция именно за источники социальной гравитации и культурного магнетизма усложняющихся антропологических систем.

Признаки неудач в наметившемся историческом транзите — упрощение и уплощение общества, инволюционные искажения его энергетики, ригидность институциональных конструкций, истощение культурного и социального ландшафта, распад внутренней целостности и растворение в партнерских/конфликтных взаимодействиях с организациями, которые успешно прошли сквозь горловину неосоциальной инициации.

Перечислю напоследок некоторые из проблем, вырисовывающихся в контексте поднятой темы. Это — объективный мониторинг состояния национальной элиты, частью чего является процесс картографирования (упомяну в данной связи затеянный в свое время проект «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия»); создание благоприятной среды для ее расширенного воспроизводства; развитие интеллектуальных предприятий; наличие воли к активному представлению будущего, способность к продуцированию перспективных инициатив; усилия по поддержанию высокого напряжения культуры и удержанию социальной связности...

Все это важные, перспективные темы, непосредственно сопряженные с формулированием и реализацией стратегии развития России в новом веке.

В.И. КОРНЯКОВ

Пророки и отечество

Население страны видит будущее через свои индивидуальные восприятия, интересы и рассчитывает его, в основном, на ряд предстоящих лет. Мало кто помышляет всерьез о будущем поколенческих протяженностей. Однако все без исключения живут-работают также (в том числе) и для него. Это — историческая данность. От этого никуда не уйти: то, что происходит сегодня, произрастает не только из вчерашнего, но подготовлено предшествующими поколениями. И здесь приходится говорить очень горькие и обидные вещи. Получается, героическое поколение Отечественной войны своим великим подвигом спасало страну и народ не только ради счастливой мирной жизни, но и для нашего сегодня — для распада СССР, решеток на окнах, миллионов бомжей, проституток, беспризорных, нищеты и необеспеченности основной массы народа, постыдной старости пенсионеров, нашего порнотелевидения и псевдоискусства, массового отказа молодежи от чтения и т. д.

Не только тогда, в Отечественную, но еще и лет двадцать-двадцать пять назад этого не предвидела никакая элита — никто.

Мне возразят: как же, немало людей писало и говорило о неизбежности краха СССР. Да, писали, говорили. Но писали о неизбежности замены советского строя «Швейцарией» — современным западным строем с последующим процветанием. Вспомним программу «500 дней» — пожалуй, вершинное коллективное достижение научной экономической элиты 1980—1990-х гг. В действительности же воследовали тысячи и тысячи дней прямо противоположного содержания. Кто, какая элита научно предсказала, что предстоит не просто крах СССР, но что он, этот крах, совместится, как бы сольется с небывалым, невиданным распадом? Всего комплекса реальной катастрофы 1990-х даже в 1980-е гг., уже на пороге развертывающихся событий, не предвидели и, пожалуй, даже не предчувствовали.

Мне скажут: происшедшее — порождение набора случайностей и гримас истории, которые в принципе предвидеть нельзя. Я рискую вызвать возмущенное несогласие и скажу, что предвидеть было можно, нужно, необходимо. Случайностей было не так много, и СССР рухнул, конечно, далеко не случайно. Такие грандиозные события случайно не происходят. Крах произошел по объективным причинам, закономерно. А что еще должна предвидеть наука, как не объективные тенденции, закономерности? Но вся громадная элита СССР, в том чис-

ле научная экономическая элита, трагических грандиозных событий 1990-х гг. все же не ожидала. И если это так, то какова ценность элиты СССР и, в частности, элиты социальной науки в рассматриваемом мною сейчас аспекте — в аспекте провидения тенденций социально-экономического развития?

В ходе катаклических событий 1990-х гг., трансформируясь в элиту РФ, советская элита, в общем, тоже проявила себя весьма неадекватно. Вот, к примеру, оценка всем известного Глеба Павловского: «Сейчас наши российские элиты — это коллективный преступник, который подрывает общество и государство и на самом деле мечтает о том, чтобы страна перестала существовать, а их собственные деньги и безопасность остались... Элиты генерируют смесь ненависти, невежества и самодовольства. И это транслируют по телевидению и радио на страну» (цит. по: [1, 3]). Наши элиты в значительной, а может быть, в основной своей массе бросились под Бориса Николаевича и Егора Тимуровича, сожгли все, чему поклонялись, поклонились всему, что сжигали, и на-ура поддержали курс, о котором можно сказать словами одного из участников Цусимы: «Вперед, на погибель, вперед!».

Эту свою оценку мне приходится во многом относить и к себе. Занимаясь некоторыми аспектами общественного воспроизводства, я видел, отмечал проявления закономерностей, уничтожавших советскую систему, но не понимал их губительной роли.

Случаен ли бесславный крах российских элит в высшем, в сакральном вопросе социального знания: куда приведет дорога, по которой мы идем? Боюсь — не случаен. Я не собираюсь выяснять, почему наши элиты — такие, почему они, например, с такой необыкновенной легкостью попрали десятки лет служения определенным идеалам и разом-ментально приняли противоположные. Передо мной иная проблема: почему не было ни одной (ни одной!) разработки о закономерном приближении смены (при пассивно-наблюдательной позиции большинства населения) лидировавшего тогда в мировом социуме общественного строя со взрывным уничтожением половины общественного производства и разрушительными метастазами во всей социальной и духовной жизни. Ведь история знает немало случаев грамотного предвидения событий и процессов, поимевших куда меньше значений и последствий. Среди таких случаев — точнейшее предвидение Ф. Энгельсом срока, места, исхода и последствий сражения при Седане. Но то — отдельное сражение, пусть и крупное и судьбоносное для двух стран. В нашем же отечестве произошел самый громадный во всемирной истории формационный переворот с самыми глубокими последствиями для общественных бытия и сознания всего

человечества. Он назревал и разразился в окружении целой армии элитных специалистов. И его приближение нашими элитами не было ни замечено, ни предсказано. Не знаю, правда, предвидела ли Ванга. Примечательно, что Б.Н. Ельцин, по сообщениям печати, не довольствуясь докладами ближней к нему элиты, обращался к Ванге насчет исхода предстоящих выборов.

Проследивая сегодня ход событий, приходится сказать, что партийно-советская власть своего финишного периода совершала одну глупость за другой, была поражена зазнайством и самолюбованием. И рассчитывала если не на абсолютную, то на достаточно надежную преданность своей элиты и своего народа. Между тем она вполне могла бы установить масштаб внутренней угрозы своему существованию. Проведя серьезные социологические исследования, элита убедилась бы, что не имеет в народе той поддержки и преданности, какими обладала, например, в Отечественную войну, и что внешняя преданность ряда групп элиты — вербальная игра. Более того, вполне можно было бы установить, когда стало значимым и внутреннее отчуждение народа от советского строя. А знание этого полностью проигнорированного в СССР факта позволило бы сосредоточить научные силы на его изучении, на поиски серьезного вывода. Ведь объективное и даже закономерное развитие не означает неизбежности. Можно же внести в объективные условия такие изменения, которые затормозят, а то и прекратят негативные тенденции, снимут проблему. Например, ситуация в РСФСР в 1920—1921 гг. говорила о назревающем глубоком конфликте с крестьянством, обозначившемся в антоновщине, кронштадтском восстании и других подобных событиях. Но ленинский нэп прервал это объективное развитие, направил его в новое русло.

Ничем подобным партийно-советская власть себя не обременила. Все усилия были направлены на то, чтобы, не дай бог, в книгах и статьях не промелькнуло бы что-нибудь недостаточно оптимистичное о перспективах социализма и коммунизма в СССР.

Чем же объяснить неуспехи нашей экономической научной элиты в реализации главного своего предназначения — высвечивании будущего? Кстати, о таких же неудачах в самореализации других научно-художественных элит вряд ли можно говорить. Можно напомнить нашу шумевшую историю с математиком Г. Перельманом, который при его, мягко говоря, некомфортном материальном положении, нищенской оплате в научном институте, отказался от премии Филдса (математического варианта Нобелевской премии) за доказательство «гипотезы Пуанкаре», более ста лет не поддававшейся усилиям математиков всего мира, и при этом решительно отверг какие бы то ни было контакты

со СМИ. Можно привести также примеры писателей, композиторов, художников, их сообществ, театров, твердо развивающих, возвышающих и обогащающих фундаментальные гуманистические направляющие российской духовности. Напрашиваются следующие варианты объяснений.

Первый. Наша элита сплошь состоит из флюгеров, механически твердящих любой власти: «Чего изволите-сь?». Это не соответствует действительности. Капиталистический переворот с самого начала встретил противодействие значительного числа ученых, общественных деятелей, работников искусства и культуры. Думается, что если бы деятели этой группы научно провидели близящийся переворот — они забили бы такую тревогу, что всполошили бы не только власти, но и всех святых.

Второй. Наша элита — сплошь трусы, боящиеся говорить правду, когда она неприятна власти. По-видимому, и это далеко-далеко не сто-процентно.

Остается последний, третий. Даже самая патриотическая и самоотверженная часть нашей социальной элиты, включая ученых, не обнаруживала — даже умозрительно — в собственной экономике ее столь значимых сущностей, что не смогла правильно диагностировать развившихся тенденций, рассмотреть их внутренний смысл, а потому и заранее предупредить о наступающих событиях всю общественность.

Уверен, сейчас это не гипотетический вариант объяснения, а неселый факт. Постепенно выясняется, что советские ученые, в том числе экономисты, не видели многого из того, что они и могли, и должны были бы видеть. А если и видели, даже фиксировали, то без глубокого анализа и отслеживания на перспективу, всего только на уровне, если называть вещи своими именами, «науки второго сорта» А.И. Китайгородского. Между тем видеть было чего.

По моему убеждению, самое главное упущение, которое необходимо было увидеть: в народном хозяйстве страны, как это ни парадоксально, возродилось и утвердилось отчуждение работников от своего труда, его результатов, причем того же характера, что и капиталистическое отчуждение. Не допускались начисление и выплата действительно заработанного, особенно если работник проявлял инициативу, добивался повышения выработки. Казалось бы — мелочь. Однако за десятилетия и десятилетия из «мелочи» выросла и окрепла тенденция, становящаяся традицией. Широко распространилось отношение к труду, его продукту, а далее — к рабочему месту, предприятию, наконец, вообще к объектам общественной собственности как к не своим.

Сейчас, «задним числом», стало понятным, что это в решающей степени предредило судьбу советского социализма. Ведь год от года он становился все более беззащитным. Защищать его столь же категорически и стойко, как реальный собственник защищает свою кровную собственность, оказывалось некому. Для устойчивости общественного строя это — противоестественная ситуация.

Поскольку научная элита не предвидела всей полноты формационного переворота (вкуне с его трагическими последствиями), не добралась до причин надвигающихся событий — не было научной почвы и для создания ею теоретически целостного представления-обоснования выходов из усугубляющейся ситуации. Однако множившиеся признаки неблагополучия толкали к поискам. При этом активнейшая часть экономической научной элиты разделилась, разработки шли двухканально.

Данная разделенность, весьма выражено прочертившись уже в 1960—1970-е гг., прошла до настоящего времени. Особенно она усилилась в связи с экономическими реформами 1960-х гг., в итоге которых укоренилась хозяйственная обособленность предприятий, первичные звенья экономики стали работать на прибыль. Значительная часть экономистов стала (да и сегодня продолжает) работать над вариантами совершенствования экономических отношений на частной предпринимательской основе, т. е. над возрождением, в принципе, экономических порядков, ликвидированных Октябрьской социалистической революцией. Она весьма активно участвовала в рождении российской новокapиталистической экономики. Правда, ее реальное развитие уже опрокидывает научные ожидания этой части элиты. Так, несмотря на ее отчаянные заклинания, объективное развитие поворачивает страну в русло государственного капитализма с его хорошо известными историческими сценариями. Научного прогноза предстоящего социально-экономического развития у этой части элиты здесь не получилось, хотя варианты развития производства (от оптимистического до пессимистического) проигрываются. Сейчас власти взяли на себя огромные обязательства — увеличить за двенадцать лет производительность труда в 3—4 раза, но как это сделать — и власти, и их элита пока молчат. Хотя, как давно известно, цель без адекватных средств ее достижения обречена на провисание.

Другая, меньшая часть (социалистической ориентации) экономической научной элиты стала и продолжает искать путей приближения работника страны к статусу реального собственника ее достояния. Более всего здесь проектов коллективной собственности на свое предприятие с той или иной степенью ее индивидуализации. Причем были

(и продолжают отстаиваться) и предложения смешанного, комбинированного типа: с сохранением товарного производства, рынка, работы на прибыль, но с ее передачей работникам для распределения между собой.

На сегодня оба крыла экономической научной элиты — вне зоны сколько-нибудь принципиальных теоретических успехов в провидении предстоящей дороги. Между тем общество ошутимо беременно назревающими новыми подвижками формационного масштаба. Даже не специалисты их предчувствуют чуть ли не кожей. И наша научная экономическая элита, побитая событиями недавнего прошлого, едва выйдя из его огня, — уже в новом полъмя. Сегодня всем видно: силы власти, в отличие от 1990-х гг., ориентированы уже не на прилежное послушание забугорным ценностям и пророкам, а на свое Отечество, на Россию, и ищут для нее оптимального пути в круг мировых лидеров. Задача — наподобие прорыва из окружения в Отечественную. Власть — в тяжелейшем положении. Собрать рассыпанный наперекосья народнохозяйственный комплекс, поднимать его — без Госплана, специалистов по народнохозяйственному планированию и управлению, при катастрофической нехватке квалифицированных рабочих и инженеров... Принципиально важно, что прорываться придется при новых необычных ограничениях: при частной собственности, корпоративной экономике, социальном неравенстве, при отказе от правила «сначала разрушить, потом построить» и т. д. Эти ограничения для видимых горизонтов предстоящих действий обязательны. И, конечно, они обязательно не нравятся — многим из них. Но у нашей научной элиты всех парадигм и школ просто нет иного выбора, кроме как хотя бы на время принять эти правила, условия и сейчас попытаться работать с нынешним правительством.

Сегодня только через такую работу элиты проходят спасительные направляющие к мировым социально-экономическим вершинам. Надо, наконец, вырваться (сколько же можно падать!) из мертвой петли теоретических провалов, напрячься, согласовать усилия, возможно — и по-новому организовать, чтобы предложить-представить власти серьезные лоции к решению заявленных беспрецедентных обязательств. Ведь без штурманской поддержки со стороны экономической науки никакому правительству не справиться с почти запредельным громадем провозглашенных контрольных цифр. Без науки в руках власти может оказаться не мастерок строителя, а совсем иной инструмент (в 1990-е это была коса, под лезвием которой погибали тысячи самых передовых предприятий).

Мне могут сказать: это — задача не для элиты, а для индивидуальных исследователей. Но это как посмотреть. Индивидуальный исследователь создается не морской пеной, как Афродита, а расплавом научных произведений, общений-дискуссий, учебой у мэтров науки, реальными экономическими противоречиями и т. д. Ему не появиться вне и без научной элиты. Хочет он того или нет, но, так или иначе, он носит ее в своей сложившейся научной индивидуальности и являет в своих исследованиях, сколь бы оригинальны они не были.

Научная экономическая элита не может быть наглухо отгорожена от реальной экономики. Сигналы последней, так или иначе, проходят к первой, в том числе и в порядке ненаписанных общественных заказов на разработки, проекты. Из таких ориентирующих и даже императивных сигналов сегодня особого внимания, по моему мнению, заслуживают два. Первый: переустройство экономических отношений должно обеспечить стране бьющий снизу, и именно снизу, от работников и предприятий, высший динамизм с много более высокими темпами экономического роста. Без этого России не только не прорваться в лидеры, но и не быть. Кто, как не они, будут повышать производительность труда втрое-вчетверо? И второй (столь же императивный). Для работника, главной экономической персоналии современного общества, активное поисковое инновационное участие в общественном производстве должно стать самым невыгоднейшим делом, как бы бизнесом, который ему чрезвычайно невыгодно и даже глупо упустить. Нам не получить от него нужного повышения производительности труда, если ему справедливо и достойно не заплатить.

Вне этих императивов, без их реализации наши лоции не заработают. Только, все-таки, как и когда мы их создадим?

Литература

1. *Коньгина Н.* Кто взрастил молодых волков // Российская газета. 2006. 26 авг.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЁВ

Предмет философии (круги на воде)*

Primum vivere deinde philosophare — Сначала жизнь, а потом философия. Сначала любовь — потом любовь к мудрости. *Предмет философии не мир в целом, а целостно о мире.* Философия свободна и... тоталитарна. Как всякая любовь.

* * *

Философствование бывает: «Школьное», университетско-профессорское. Трагующее и обучающее. Излагается методически. *Умствование (Философия рассудка).* «Научное», познающее. Занято собственными проблемами и на специальном языке. Эксплицируется логически. *Мышление (Философия разума).* «Жизненное», общечеловеческими словами, о драме и искусстве бытия. Постигается в общении. Раскрывается синергийно. *Мудрость (Философия духа).*

Философ — это думающая сороконожка. Когда бежит. Философствование начинается с вопроса «почему?», а завершается, когда спрашивают «почем?». Сороконожка останавливается. За(у)мирает.

Какого философского направления вы держитесь? *Утром я рационалист, в течение дня эмпирик, вечером экзистенциалист, а ночью Dasein-аналитик.*

Жизнеутверждающее мировоззрение = философия бытия = реализм. Жизнепреобразующее мировоззрение = философия становления = модернизм. Жизнеотрицающее мировоззрение = философия ничто = постмодернизм. Жизнезаменяющее мировоззрение = философия иного = трансмодернизм.

Настоящие философы или сумасшедшие, или много не болеют. Это не мудро.

* * *

Содержание мыслей умного человека примерно можно охарактеризовать так: 90% — чужие, заемные, воспроизводящие социальную норму — *идеологические*, 9% свои, субъективные, выражающие собст-

---

* Из кн.: Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006.

венные желания и настроение — *надуманные*, 1% — отражающие объективное положение дел, реальные тенденции развития — *истинные*. В зависимости от социального положения пропорции меняются. Особенно мала доля истинных мыслей у теоретиков, интеллигенции. Но поскольку мышление является их постоянным занятием, то результат иногда может оказаться выше. Вообще же, духовная элита не любит простоты и глубины. Она предпочитает сложность и поверхностность. Путать, разбирать путаное и вновь запутываться — ее стихия. Впрочем, как говорил Г. Честертон, умного человека можно встретить даже среди интеллектуалов.

Профессионал: чтобы стать в чем-то умным, он стал дурак во всем остальном. Так закаляется теоретическая сталь.

* * *

Начиная с древних греков роль философии была в том, чтобы отличать истинное от видимого. За эмпирическим явлением усматривать теоретическую сущность. Чувства нас обманывают, доверять можно только мысли.

Все это верно для познания природы.

В техногенном мире нас обманывают не чувства, а мысли. Видимостью стала информация. Роль философии в том, чтобы отличать объективный смысл действия от непосредственно поставленных перед ним целей. Чтобы понять, как из рациональных актов получается иррациональный эффект. Чтобы раскрывать коварство (нелинейность) сверхсложного типа развития.

Мысль-чувство, «участное», диалогическое (М. Бахтин), художественное (М. Хайдеггер), моральное (И. Кант) или аморальное, верующее (Ф. Аквинский), т. е. *неравно-душ-ное, мышление и есть гуманитарное*, о котором столько разглагольствуют, в основном абстрактно и схоластически. «Голой мыслью». Менталитетом, а не духом. Сциентистски. И эта форма убивает содержание. Ограничить гуманитарные науки, а теперь, точнее, гуманитарные технологии — таков должен быть лозунг гуманизации образования. Гуманитарной и гуманной может быть только культура в целом.

* * *

Настоящее гуманитарное знание человек получает из жизненных ситуаций, в которые он сам попадает. Потом из наблюдений над жизнью. Потом из общения и обмена знаниями с другими людьми. Потом из искусства и только после этого из чтения специальной литературы. Человек может очень много знать, но если нет первичных бытийных

импульсов, это только ученость. Ею в основном заполнены все журналы и книги. И лишь немногие — «с импульсом». Живые. Только их и надо читать. Но как их выделить? Надо самому быть живым. Это называется «герменевтический круг».

Ни в чем не надо бояться глубины. Если превысишь свои возможности, она, в конце концов, тебя вытолкнет. Голову ломают на мелководье.

Ум всегда на грани безумия. Какие-то гарантии психического здоровья дает только глупость. А вместе — дух, включающий в себя способность откликаться на зов чувств, «делать глупости». Многие безумны, особенно шизофреники, от того, что не дураки, утратили этот дар.

Самоотверженная любовь к себе. Мне очень нравится эта фраза. Но невозможно, просто невероятно, что она не была сказана кем-то другим раньше. Вот так с большинством наших мыслей: они собственные только потому, что нравятся себе.

Постмодернистский мир

Трудно стать певцом, если у тебя есть голос и слух. Эстрада не принимает: «не формат». На слуху те, у кого нет слуха. Трудно получить известность художнику, который умеет рисовать, ваять и образно видеть мир. На виду те, кто совершает какие-то инструментальные действия, «инсталляции», фокусы. Трудно прослыть философом, если ты предложил решение какой-то проблемы и ясно мыслишь. Известность придет, если ты внес лепту в запутывание жизненных вопросов темным и вычурным языком. Текстурбация — пожалуйста, будут читать, толковать, а порождение истины — увы, это старо. Ясно — это опасно. Людей злит, что правда проста, — говорил Гете. Да и кому она нужна?

* * *

Говорят о кризисе и смерти философии. Не верится. Хочется думать, что это интеллектуальное кокетство снобов. Однако проблема существует. Ведь постмодернизм — культура цитат и кроме технологий ничего не рождает. Сейчас можно сочинить миф, но он будет искусственным. Собственно мифология все-таки в прошлом. Значит — умерла. Фольклор и религия — тоже. Современный человек не способен, в сущности, ни верить, ни любить. Эти вершины духа остались позади нас и уже недостижимы. Умерло даже искусство, ибо абстракционизм и концептуализм — это «игра ума». Прикладная, «непроизводственная» технонаука. Так и с человеческой философией. Она су-

ществует прежде всего как история. История философии. Значит — умерла.

Говорят о смерти философии. В определенном смысле это верно — как следствие кризиса человека. Но в другом отношении, вследствие того же кризиса, у нее большое будущее. По мере того как люди вместо жизни переходят к рассуждениям о ней, философия получает новые импульсы. Общий вектор развития направлен от труда и любви к информации и рефлексии. Возникает феномен *технософии и фило-техники*. На этом пути философия вполне может процветать. Помните, господа пессимисты: пир во время чумы был философским. И будет...

* * *

Только немногие существа являются субъектами своих мыслей. Большинство повторяет чужие. Иметь по всем вопросам свое мнение — задача непосильная. Приходится верить и повторять, хотя у каждого должна быть сфера, где он чувствует себя творцом, благодаря чему может выработаться способность к самостоятельному восприятию чужого. Вера как доверие к миру. Как *творческая вера*.

Кто верит всему, что говорят другие люди — обычный, нормальный человек. Простой и честный. Кто догадывается, что они на самом деле думают и чего хотят — человек проницательный. Умный, хитрый. И только кто понимает, что слова людей значат помимо их воли и желания, какие объективные тенденции и обстоятельства жизни через них выражаются, тот философ. Человек мудрый.

Как-то один человек давал советы «за жизнь»: если вам плохо и преследуют неудачи, помните, что это пройдет. Если вы радостны и вам везет, пройдет и это. Повторяя царя Соломона, слыл он мудрым, и всем его слова казались глубокими. А по-моему, в них только ум. Мудрый должен сказать: если вам плохо, помните, что это пройдет. Если вам везет и вы счастливы, живите, будто так будет всегда. Но это поведение почти сверхчеловеческое. *Пре-мудрость*.

* * *

Чтобы хорошо писать, надо чтобы плохо публиковали. Раньше, в дорыночную, допродажную эпоху, так и было. Духовный порядок. Прибрано как в казарме. Сухо и стерильно. Столы писателей выровнены по линейке. Все отчитываются перед всеми. Сейчас опубликоваться можно запросто, были бы деньги. А попавшие в обойму («попные»), издаются прямо с колес. Океан духа кипит: выбрасывая гейзеры грязи, лопаются пузыри слов и статей; дымят свалки гнилых мыслей;

громоздятся горы поломанных и выброшенных теорий. Никто ничего не убирает. Инфекции. Духовная дизентерия. И вот попробуй тут хорошо писать. Попробуй быть здоровым — без цензуры, без дворников, без санитаров. Зато свобода. Свободно больное общество. Больно свободное общество? Спасает только собственный иммунитет. Но... распространяется спид — синдром приобретенного иммунодефицита; СХУ — синдром хронической усталости... Человека. Его культуры.

Раньше человек говорил: нет настроения. Пораженные медициной жалуются: депрессия. *А философ скажет*: опять приступ Небытия. Ничего не хочется.

* * *

Ранний ум. Тяжелая и скучная ноша, который(ую) с повзрослением неизвестно куда нести и что с н(им)ей делать. В мире осталось всего несколько стран, еще богатых дураками, этими (и) полезными ископаемыми. Они — «сырьевой придаток» иссыхающей цивилизации. Это дает надежду, что у России есть будущее. Может, даже великое.

Вместо вузов изучение философии предлагают ввести в школах. Поговаривают, что надо бы в начальных классах. Детям, мол, интересно. Но это и печально. Значит они сразу живут в мире слов и мыслей, а не вещей и чувств. Вместо междометий и радостных криков они произносят тирады с пятью придаточными предложениями. Иной раз оторопь берет. Даже если не болтуны, все равно плохо: созрели, не успев расцвести. Зачем эта ученость, мудрецы на горшках и философы-молокососы? Эти старчески умные подростки. Филососы. Потом им некуда развиваться. Их постигают разочарование, гиперрефлексия, потеря смысла жизни. Потому что произошло преждевременное прерывание детства. Духовный аборт. В глазах старца будет свет, если в глазах юноши был огонь. Сова же Минервы вылетает в сумерки. Она серая. Зачем нужны сумеречные де(ти)—каденты? Успеют.

Все это во вред человеку. Спорю, объясняю, нервничаю — бесполезно. «Успокаивает» одно: *теперь все делается ему во вред*. Уж раз прогресс нас переехал...

* * *

Решение большинства проблем состоит в том, что из острых они становятся хроническими. А на месте старой чаще всего появляется новая — более трудная, даже тупиковая. Но снятие старой, надоевшей и ставшей невыносимой проблемы воспринимается как решение. Так и живем, так и решаем-ся. *Прогресс проблем — вот суть «проблемы прогресса»*.

Почему считают, что чем больше какую-то проблему обсуждают, говорят о ней, защищают по ней диссертации, тем она становится ясней и «решается»? Напротив, результат умножающихся обсуждений в том, что ее запутывают. И это вовсе не ирония. Так идет развитие духа. Назначение проблемы в том, что она дает высказаться заинтересованным лицам. И в зависимости от преобладания интересов она запутывается в ту или другую сторону — куда идет развитие. При этом облачается в новые теоретические одежды, что дает основание обсуждать и запутывать ее на другом уровне. Сдвиг в сторону и облачение в новые терминологические одежды признаются ее «решением». Это действительно некое решение, так как в нем пробили дорогу другие интересы и тенденции, пришли новые люди. Когда же все говорят о сохранении чего-либо, это верный признак, что явление либо погибает, либо погибло. (Например, о сохранении природы, культуры, человека.) Что дело идет или будет идти в противоположном направлении. (Например, разговоры о гуманизации образования под аккомпанемент его реальной технологизации.) Но не говорить нельзя. Никто не хочет и не должен погибать молча. Это значило бы признаться, что ничего не было. Вас не было. Но это неправда. Все было, было. Было. И пока обсуждаем — есть. *Садист в отношении природы человек стал мазохистом в отношении техники.*

В эпоху экспансии Иного прогрессизм и либерализм стали знаменем философской толпы. И толпы вообще. Любой, сколько-нибудь глубокий философ — консерватор. Как человек вообще, если он личность, а не актер или фактор. Интеллигент, а не интеллагент.

* * *

Можно ли сказать: «Наша безмозглая наука» — нет, почти нет. «Наше бесчувственное искусство» — нет, но все чаще да. «Наша бездушная философия» — да, почти всегда — да. Большинство людей смотрят на мир закрытыми глазами. Все спутано, и куда что идет не понимают. Не таковы ученые и философы. Они смотрят на мир «широко закрытыми глазами». В своей теоретической массе они: *Перекормлены информацией...* Несварение головы... .. Со всеми вытекающими отсюда последствиями... ..

Из-за этого бывает так, что не хочется слышать ни одного умного слова. Противно.

Века рассуждений, монбланы книг о смысле жизни и назначении человека. Многие жизнь загубили в поисках ее оправдания. Перед кем? Великие мудрецы давали изощренные наставления, как жить, во что верить и каким быть. А все можно выразить несколькими словами.

Будь в этом мире добрым, умным и веселым. В несчастье — мужественным. В конце — мудрым: спокойно уйди в мир иной.

Что сложнее всего на свете? П(у)ростота.

* * *

Алкоголь, наркотики и масс-медиа — это одно и то же. Может быть, к ним иногда и надо прибегать, но в принципе живым и духовным человек должен быть сам. Информация — это только сырье, а в избытке шлак и энтропия. Я хочу иметь знания — о мире и понимание — человека, а не информацию о них.

Знать — владеть информацией. Понимать — проникать *за* знания, *сквозь* информацию. Знание (информация) — экран, который надо преодолеть, чтобы выйти к другому, войти в другое. В Другую. «Достать», как говорит сейчас молодежь. До-стал — п(р)онял — по(н)ял, поимел. Войти и выйти в тело, в душу, в со-знание. Сделать их своими. О-своить. О-влад-еть. Понимать — «владеть вопросом». Большинство людей «знают, но не владеют». Понимающих мало. Очень мало. Особенно среди умных. Да и нельзя все понимать. Ум — преграда для понимания, причем неодолимая, не просто экран, а настоящий забор, если у человека нет души. Не зря фраза: «счастье — это когда тебя понимают» — стала крылатой. Понимание — акт «спиритуального совокупления» с миром, который невозможен без сильных к нему чувств.

Основной вопрос филопософии

Гляжу на своего Филю и других знакомых собак: животные обретают душу. Параллельно тому, как у людей она распадается на интеллект и физиологию. А тот, у кого она остается, «по душам» может пообщаться только с псом. Недаром их так много заводят. «Для души». Полно семей, в которых только одно живое существо, да и то собака. И любой непредвзятый наблюдатель должен признать, что большинство собачьих лиц благороднее человеческих. Взгляд тоже глубже и внимательнее. Мудрее, наконец. А сколько людей с мордами и пустыми глазами. Поневоле задумаешься, у кого на самом деле лицо.

Хвост — улыбка собаки. Люди, истуканы вы этикие, *виляйте хвостами друг другу*.

...И все-таки, нет! Человек не хуже собаки, нет, не хуже! Он тоже чуткий и красивый. Бывает. Которого хочется любить. Иногда.

Третья лягушка

Известная притча о двух лягушках, одна из которых, попав в молоко, сложила лапки и утонула, а другая стала биться, получилось масло, и она выжила, обычно приводится как урок надежды и борьбы до конца. Берите пример со второй лягушки. Забывают однако, что лягушка билась без какой-либо цели и надежды. Она *просто* билась. А будет ли «биться» без цели и надежды человек? Человечество? Ведь это «лягушка с рефлексией» — третья лягушка. Нам обязательно нужен смысл. Если не внешний — масло и выживание, то хотя бы признание ценности самого процесса деятельного дерганья, его внутреннее оправдание. Вплоть до того, чтобы *найти смысл в отказе от поиска смысла*.

Еще раз о лягушках. Если на эту, сидящую в кастрюле особу, вылить кипяток, то она выпрыгнет — «как ошпаренная». А если воду или молоко в кастрюле подогревать постепенно, она не заметит, как сварится. Так сейчас человечество сидит в кастрюле науки и техники. Все происходит на наших глазах — поэтому мы ничего не видим. Сидим с комфортом. Кто бы ошпарил?

* * *

Наука и религия имеют дело с возможными мирами. Нам важна *наша реализация возможного*. Мир, в котором мы живем. Это вполне достаточное основание, чтобы считать его высшим и лучшим из миров. В определенном смысле мы всегда должны быть антропоцентристами. Ценностный антропоцентризм — это гуманизм.

Нынешнее состояние общественного сознания и философии таково, что приходится опасаться прослыть материалистом. Все чаще и чаще критикуют «антропоцентризм». Возник и быстро распространяется, становится модным трансгуманизм. Думаю, что вот-вот придется опасаться прослыть гуманистом. А потом — человеком.

Философам пора разрабатывать новое понятие: «пережитки гуманизма».

* * *

Чтобы существовать, надо делать усилие. Самым банальным образом. Желание, энергия, дурь уже не рвутся из человека. Он все чаще принуждает себя к действию. К самому обычному, к движению. Гиподинамия тела и духа. Гиподинамия в сексе: мужчины перестают проявлять инициативу: «неохота». Даже по студентам заметно: стали спокойнее, апатичнее, на лекциях почти не вертятся. А в перерыве ни взрывов дикого хохота, ни беготни, особенно как не стало стройотря-

дов и «картошки». А у меня правая (или левая?) ключица сломана на студенческой практике, но не в драке, а просто когда «все боролись» и я оказался внизу, в «куче мала», на которую сверху поднажали.

Соответственно *философия (не) дремлет* и появились писания на тему, что жизнь — это вообще «усилие». Всегда — усилие. Усилие быть (М. Мамардашвили).

Да не всегда, а только теперь, только начинается. Раньше жизнь надо было обуздывать. Для чего и мораль. А теперь надо стимулировать. Для чего и порнография. В ближайшее время в моду войдет новое философское направление: «философия усилия».

* * *

Сколько лет человечеству? Археологические раскопки, споры, радиоуглеродный анализ. Обычная научная суета. А я думаю проще: оно вышло на пенсию. Да, где-то уже лет за 60. Пенсия заработана, платит ее техника. Так что поживем, сколько там по статистике в среднем осталось.

Мысль о смерти всего человечества, о его гибели в результате, например, ядерной катастрофы (ужасная, труднообразимая в своей бессмысленности), кажется всего лишь огорчением разума, его страданием, если помнить, что по отдельности человечество умирает ежесекундно. *Со смертью человека умирает и человечество*. Каждый человек его когда-нибудь хоронит. Смерть одного человека также абсурдна, как и всех. Перед лицом абсурдности бытия количественный фактор значения не имеет. Жалко только молодых. А если бы вдруг всем стало по 80—90 лет и все сразу умерли, то чего жалеть? Только культуру. А культуре все равно, тем паче, что она тоже кончается, преобразуясь в технику. А техника в нашей печали не нуждается. Она не пропадет.

* * *

Возгонка всего и вся в разум: не удивлюсь, если на руке заключенного вместо наколки: «нет счастья в жизни» скоро будет: «нет в жизни смысла». Вместо счастья ищут его смысл. Вместо существования началось «смыслование». Вот какое несчастье случилось с человечеством к началу XXI в.

Писание, ученость, философия. Как и все завожу разные папки по проблемам. Одна из них посвящена поискам смысла жизни. Так и озаглавлена: «смысл жизни». Взгляды и высказывания великих, где и как его обрести. Вчера подумал: а чего далеко ходить, может, он у меня и заключен в этой папке? Там и лежит? Пожалуй, да. Для философа,

теоретика заполнение картонных папок и писание текстов является основным занятием. Такова их картонная жизнь. И бумажные кораблики ее смысла. Или самолетики. Иногда — солдатики. Но главное, что все бумажные. Теоретика достаточно осознавать, что он не *может* осуществить и потому реально он ничего *не осуществляет*.

Осмысляем, чтобы не жить.

Бум с познанием человека. Открываются гуманитарные университеты, центры, музеи. Академии человека. Неть числа лабораториям, исследующим его. Измеряют, тестируют, моделируют. Пишут рекомендации, вычисляют душу.

Изучаем, чтобы не любить.

Начали «конструировать». *Чтобы заменить*. Постчеловеком.

Великий основной вопрос философии, как бы над ним не иронизировали поверхностные головы — существует. Природа и дух, тело и мысль — это Земля и Небо нашей жизни. Разве не эта оппозиция в центре мировоззренческих споров и доньше? Но характер взаимодействия противоположностей исторически меняется — на вплоть до противоположного. Быть материалистом сегодня (феноменологическим) — консервативно, реакционно и человечно. А идеалистом (трансцендентальным) — динамично, прогрессивно и технологично.

Все первое когда-то становится вторым. А новое — старым. И наоборот. Все — универсальный круговорот гибельного перерождения одного в другое. Перехода через Ничто. Которое и есть бес(дьявольская)-конечность, воспринимаемая нами как похожий на человека Бог — *Конечный Образ Бесконечности*.

P.S. В последний час

Появились творцы и идеологи прямого светопреставления. Запускают андронный коллайдер, признают, что из-за этого эксперимента возможен «конец света», но что его вероятность невелика. Невелика, однако, есть, так зачем же играть в эту безумную игру? Запускать русскую рулетку для всей Вселенной? «Ученым интересно». Но чтобы до конца понять какое-то явление, его надо воспроизвести. Хотя воспроизвести рождение нашей Вселенной. Это значит «старая» должна уступить место новой. Две вселенных сразу быть не может. Философское осмысление данной ситуации обязывает сказать, что **человечество начало эксперименты по самоуничтожению**. Если не взорвет сейчас, разыскивая одну «частицу Бога», то к этому придут дальше, решая следующие, более «интересные» задачи. Аппетит приходит во время еды. Адрес Универсальной Машины (УМ...) смерти: Европа, граница Бельгии—Франции; время начала ее работы: сентябрь 2008 г.

Отсчет пошел, рано или поздно этот УМ сработает. И ничего его/ее не оставит. Крики 3—5% экологически озабоченных, философски понимающих, что происходит людей, жруще-жующая, шопингующая толпа и «немыслящие» технонаучные фанатики не услышат. Гибель цивилизации приближается буквально по моделям фантастических романов. И начинаешь верить, что фантасты не такие уж фантазеры. При этом спорят: когда, если конец света случится, «мы будем его наблюдать» (?). Хотят остаться «наблюдателями» (!). Да, надо перечитать книгу Ф. Гваттари о шизоанализе. Может, еще успею?

А.В. БУЗГАЛИН

Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма

Постмодернизм стал модной методологической установкой в последние десятилетия XX в. и с той поры остается господствующей парадигмой, отрицающей все и всяческие парадигмы. Мода на постмодернизм породила широкий круг работ, посвященных этой проблеме — от небольших, но очень содержательных брошюр до грандиозных энциклопедий, не содержащих ни одной сноски на источники¹. Большая часть монографий, посвященных методологическим и мировоззренческим проблемам, а также проблемам философии культуры, не обходится без постмодернистских аллюзий².

---

¹ В своем анализе этих феноменов мы будем часто обращаться к качественной, содержательной и методически очень удачной брошюре В.А. Кутырёва «Философия постмодернизма» [1]. Далеко не во всем соглашаясь с автором в трактовке глубинных основ постмодернизма (которые В.А. Кутырёв сводит к развитию информационного общества с его виртуальной реальностью), мы во многом согласимся с кратко данными в этой небольшой книге трактовками основных постмодернистских понятий и используем ряд положений автора ниже. Кроме того, в этой работе дан и неплохой очерк истории проблемы. Весьма интересны также аналитико-обзорные работы. Подробнее, но без каких-либо цитат и аппарата, в гораздо менее четком виде обзор постмодернистских терминов содержится в энциклопедиях, издаваемых в Минске.

² Интересна в этом отношении работа В.Г. Арсланова «Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века» [2]. Автор, ученик Лифшица, существенно отличен от «обычных» позитивистски-постмодернистских современных писаний. Он одновременно и критикует постмодернизм и ищет его «рациональное зерно», справедливо показывая неслучайность этого течения, его укорененность в *реалиях* постмодерна, но как-то неопределенно и неакцентированно бродит вокруг идеи: если реалии таковы, что они порождают «ложное сознание», то, следовательно, необходимо

При этом само содержание работ, делающих реверансы в сторону постмодернизма и щеголяющих некоторыми его терминами, остается в основном традиционно-позитивистским. Это касается не только работ российских авторов, в большинстве своем отстающих на десятилетие-два от Запада в том, что касается модных тем и «дискурсов», но и работ иных из известных западных постмодернистов нового тысячелетия. Типичный пример — нашедшие на Западе книги Хардта и Негри «Империя» и «Множество» [3; 4]³, в которых немало постмодернистских аллюзий, но основное содержание при всей его бессистемности следует отнести скорее к позитивистской традиции. Эти авторы нечто утверждают, аргументируют, предлагают (даже позитивную программу), указывают на постмодернистски-размытый, но все же определяемый ими субъект этих действий (“*multitude*”) и, в конечном счете, становятся носителями нового «большого нарратива». Все это делает их книги методологически не-пост-модернистскими.

И все же постмодернизм как таковой при всех его модификациях есть наиболее типичная методология начала XXI в. Распространившаяся как эпидемия мода на постмодернизм сугубо неслучайна. *Это течение порождено принципиальными изменениями, объективно происходящими в современном мире*, становящемся глобальным и существенно изменяющемся по сравнению с классическим капитализмом с его свободной конкуренцией, индустриальным наемным работником и парламентской демократией. Им на смену идет следующее⁴:

1. Информационные технологии, переносящие большую часть общественной практики в мир виртуальных знаков, распространяющие на все сферы жизни сетевые принципы организации, превращающие человека в продолжение компьютера и заменяющие личность на ее информационное обозначение.

2. Новый тип рынка — тотальное, порождающее «рыночный фундаментализм» (термин миллиардера Дж. Сороса) подчинение человека и его бытия превращенным формам труда и его результатов⁵.

понять, как и кто может изменить и эти реалии, и это сознания, возрождая в новом качестве Истину, Добро и Красоту...

³ Критический анализ этих работ можно найти, в частности, в дискуссии, опубликованной в журнале «Альтернативы» [5], где представлена и авторская позиция по основным вопросам, поднимаемым Хардтом и Негри.

⁴ Приводимые ниже тезисы развернуты в кн.: [6].

⁵ Этот глобальный рынок с его видимостным «плюрализмом» и действительным всеобщим утилитаризмом (=культурной унификацией), скрываясь за маской «мультикультуризма», создает мощные онтологические предпосылки постмодернистского безразличия.

Эти властвующие над людьми формы тотального рынка хорошо известны. Это порожденные рекламой и масс-культурой стандарты, вкусы, «бренды», имитирующие товары. В результате человек становится не просто покупателем, но покупателем *этикеток* (кто из нас не обращал внимание на то, как выбирают, скажем, одежду «продвинутые» агенты рынка: они смотрят не столько на само изделие, сколько на «лэйбл», пришитый к подкладке...). Этот рынок проникает во все поры жизни человека — от рождения и до смерти, от любви и до войны...

3. Новый тип капитала, господствующей формой которого становится не просто фиктивный, но виртуальный (как сказал бы Ж. Деррида — призрачный) финансовый рынок, а основным институтом — транснациональная корпорация, превращающаяся в своего рода «матрицу», рабом которой становится каждый ее член. Этот капитал подчиняет себе все и вся: личность человека и свободное время, культуру и нравственность — всю жизнь человека без остатка — он превращает в свою функцию, выступая в качестве некоего ризоматического монстра-вампира (я в данном случае нарочито использую постмодернистский язык).

4. Пандемия насилия⁶; вытеснение демократии и идеологического плюрализма политико-идейным и масс-медийным манипулированием⁷; трансформация культуры в ее рыночную имитацию, превращенную форму — масс-культуру; подмена свободного времени (времени развития творчески-деятельностных качеств человека) временем досуга; превращения масс-медийных структур в тотально-рыночные⁸.

С. Жижек прав, когда замечает: «Мультикультуризм в общепринятом смысле этого слова полностью соответствует логике глобального рынка» [7, 23].

⁶ «Нужно ли напоминать еще и об интернациональных войнах, гражданских интернациональных войнах, об экономических войнах, о национальных войнах, о войнах национальных меньшинств, о разгуле расизма и ксенофобии, об этнических столкновениях, культурных и религиозных конфликтах, раздирающих сегодня так называемую демократическую Европу и мир? Возвратились целые полки призраков, армии всех эпох, скрытые под араханскими симптомами пост-модерной парамилитаризации и сверхвооружения (информатика, спутниковая разведка, ядерная угроза и т. д.)» [8, 120].

⁷ Ж. Деррида в этой связи отмечает: «...трудно не заметить, что три места, три формы и три способности культуры, которые мы только что обозначили (политически маркированный курс “политического класса”, медийный дискурс и дискурс интеллектуальный, научный или академический), спаяны воедино — невиданным прежде образом — общими для всех них механизмами, также неразрывно связанными между собой. ...эти механизмы взаимодействуют и соперничают друг с другом, постоянно стремясь к точке наибольшей силы, чтобы обеспечить гегемонию или империализм...» [8, 82].

⁸ См. об этом: [9, 276—277].

5. Сумма суммарум этих трансформаций — приоритетное развитие тех сфер, где не производится ни материальных продуктов, ни человеческих качеств, ни феноменов культуры — «превратного сектора» — сектора фиктивных благ, которые «принято считать» *как бы* полезными и которые действительно полезны только для воспроизводства фиктивных благ тотального рынка, виртуального финансового капитала, политико-идеологических и масс-медийных манипуляций, масс-культуры и людей, искренне верящих в реальность этого мира призраков и фантомов...

Именно эти изменения и стали *онтологическим* основанием генезиса и упрочения постмодернизма, сделав объективно востребованной именно эту методологию. В то же время, логика развития методологии «в себе и для себя» так же вплотную подвела к необходимости некоего нового течения: крайне ограниченные в своем фундаментально-объясняющем потенциале позитивизм и прагматизм во всех их разновидностях, традиционный марксизм и т. п. «большие нарративы» XX в. во многом исчерпали себя в новом мире.

Комментарий к первому блоку причин нам хотелось бы построить на основе рассмотрения ключевых понятий постмодернизма. При всем своем сугубо негативном отношении к любым сколько-нибудь четко очерченным философским школам и парадигмам постмодернизм довольно быстро обрел некий набор типичных для его приверженцев понятий и подходов («дискурсов»), с которыми вполне можно работать как с некой определенностью.

* * *

Начать нам хотелось бы с феномена «*симулякр*» как ключевого для постмодернистской методологии. Этот термин принципиален, ибо он фиксирует настроенность этого течения на оперирование исключительно в пространстве искусственно созданных форм, с самого начала ориентированных на симулирование, а не на адекватное отображение реальности. Более того, как отмечает, например, Томас С. Рэй, симулякр делает неразличимым *a-жизнь* (*a-life*) и жизнь, *a-реальность* и реальность [10, 66].

То, что это именно установка, подтверждают не столько тексты постмодернистов, сколько реалии постмодернистской эпохи.

Позволим себе только два примера.

Первый — из области обыденной жизни. Регулярно общаясь с молодежью, легко заметить, что в их языке все более устойчиво доминирующее место занимает «неопределенный артикль» *как бы*. Он неслучаен, ибо выражает едва ли не врожденную неуверенность современ-

ного молодого человека в том, что он говорит, в том, что он видит, слышит и, главное, делает.

Второй пример — названное выше развитие новых аспектов жизнедеятельности капитала, связанное с опережающим развитием превратного сектора — таких сфер, как финансовые спекуляции и военное производство, масс-культура и вызывающее *пресыщение* сверхразвитие утилитарного потребления, политическое и духовное манипулирование человеком и т. п. продукты современного капитала. Все они рождают особый мир симулятивного, призрачного, рождающего наваждения (если использовать образ, предложенный Ж. Деррида⁹) бытия. Каждая из этих сфер полна «симулякрами»¹⁰. Финансовые спекуляции на мировых рынках валют и т. п. симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создает симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей¹¹. Это бытие «наведено» на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок. В результате этого у людей формируются «наведенные» потребности — «оторваться с “Фантой”», «запесовать мегахит», использовать для передвижения крайне неудобный в городских условиях гигантский «Хаммер» или «Ролс-Ройс»¹², голосовать за политиков, вызвавших глубочайший кризис, искренне интересоваться тем, какая из «попсух» находится на каком месте в «горячей десятке», а то и «написать черной икрой по капоту белого “Мерседеса” “Жизнь удалась!”» (цитата из выступления профессора, депутата Государственной думы). Конечно же, мир еще не до конца перешел в мир симулякром, но тенденция, улавливаемая постмодернизмом, очевидна: сфе-

---

⁹ Ж. Деррида не случайно пишет именно о «всевозможных формах наваждения, которое... организует те формы, которые *господствуют* в сегодняшнем дискурсе». И чуть ниже: «Гегемония всегда организует репрессии, а значит, подтверждает наличие наваждений» [8, 56].

¹⁰ «Мы теперь живем не реальностью, а гиперреальностью: обозначаемое заменено знаками» [11, 45].

¹¹ Как отмечают современные исследователи, в этом случае «...отношения между предметом и его символом-образом переворачиваются: не образ репрезентирует продукт, а скорее продукт репрезентирует образ» [7, 157].

¹² В результате, перефразируя работы С. Жижека и упомянуемого им Дж. Рифкина, мы можем сказать, что в современном мире человек покупает не столько товары и услуги, сколько продукты рекламы, симулякры, причем даже сам процесс потребления превращается в символический товар (ужин в престижном ресторане, релаксация в символически-«крутом» клубе...). Приведем в подтверждение еще один пассаж Жижека, цитирующего известного автора: «Так, Кристофер Ишервуд выразил эту нереальность американской повседневной жизни в своем описании комнаты мотеля: “Американские мотели нереальны!... Они специально сделаны так, чтобы быть нереальными... Европейцы ненавидят нас за то, что мы ушли в мир, созданный рекламой, подобно отшельникам, уединяющимся в пещерах для созерцания”» [7, 197].

ра «наведенных» потребностей и деятельностей, их производящих и удовлетворяющих, растет грандиозными темпами.

В результате вообще присущий товарному производству фетишизм [9] получает новое качество, достигая апогея: *фетишем становится даже не товар как псевдо-субъект, а его знак*. То же касается денег, которые удваивают свой отрыв от золотой основы — электронные деньги как знак бумажного заменителя золота¹³. И в этом мире вынуждены жить даже те, кто не имеет никакого отношения к методологии постмодернизма и не любит постмодернистское искусство¹⁴. В культуре эти наваждения еще более значимы. Они стирают грань... и ее отражения, превращая реальность в воплощение телевизионных образов (то, что не показали по ТВ, не существует), стирая грань культуры и анти-культуры, превращая все в коллапс «всякого-любого»¹⁵.

---

¹³ «Это, конечно, заставляет нас полностью пересмотреть традиционную марксистскую проблему “овеществления” и “товарного фетишизма”, поскольку эта проблема по-прежнему основывается на представлении о фетише как о целостном объекте, неизменное присутствие которого маскирует его социальную опосредованность. Парадоксальным образом фетишизм достигает пика своего развития именно тогда, когда сам фетиш “дематериализуется”, превращается в изменчивую “бесплотную” виртуальную сущность; денежный фетишизм достигает своей кульминации с переходом их к электронной форме, когда исчезнут последние следы их материальности — электронные деньги представляют собой третью форму после “настоящих” денег, которые олицетворяют собственную стоимость (золото, серебро), и бумажных денег, которые, хотя и являются “всего лишь знаком”, лишенным внутренне присущей ему стоимости, все еще существуют в материальной форме. И только на том этапе, когда деньги станут виртуальной точкой референции, они примут форму нерушимого призрачного присутствия» [7, 162—163]). Нам также довелось специально акцентировать виртуальность как отличительную черту денег капитализма новой эпохи (см.: [6, ч. II]).

¹⁴ «Я постарался провести различие между постмодернизмом и постмодерном, и, если взглянуть с достаточного расстояния, станет ясно, что между ними существует четкая граница. В конце концов, сегодня есть много тех, кто не любит постмодернистское искусство, отвергает постмодернистское отношение к культуре и обществу. Тем не менее, нравится им это или нет, они живут в мире масс-медиа, виртуальных денег и гиперреальной рекламы» [11, 45].

¹⁵ «Интересно, что А. Кроузер проводит параллель между телевидением и постмодернистской ситуацией, говоря, что телевидение сегодня является отражением жизни, а жизнь есть отражение телевидения: «...телевидение усугубляет эту становящуюся коллажностью сознания, создает эффект привыкания к совмещению несовместимого. Все годится и все сочетается. Высокая классика и рекламный ролик. Своеобразный триумф феномена “всякого-любого”. Коллажность, фрагментарность сознания и культуры, игра смыслами, образами становится нормой. Все не просто имеет право на существование, а мирно уживается рядом друг с другом, не сливаясь, однако, в единое целое, оставаясь самостоятельными фрагментами.... Лиотар пишет, что эклектизм есть “нулевая ступень всеобщей культуры наших дней”... И дальше: “Эклектическим творениям легко найти себе публику”» [12, 96—97, 98].

Этот аспект — *развитие искусственного вызываемого пресыщения, псевдодействительностей и псевдоценностей* — достаточно подробно раскрыт в работах Ж. Бодрийяра, который, — не будем отрицать действительных заслуг — активно критикует эти проявления «объективного постмодернизма». Но неслучайным парадоксом при этом является то, что он не подвергает систематической критике постмодернистскую методологию. И как таковой Бодрийяр остается в плену тех гносеологических «симулякров», онтологические эманации которых он критикует. Пожалуй, глубже в критике этих феноменов идет более далекий от постмодернизма автор — Джеймисон, указывающий на объективную укорененность этого постмодернистского дискурса. С его точки зрения, постмодернизм — это попытка теоретически отобразить специфическую логику культурного производства эпохи позднего капитализма¹⁶.

Сохранение постмодернистской методологии даже у тех авторов, для которых характерен критический «дискурс» по отношению к симулирующей жизни капиталистической среде, заставляет нас поискать *гносеологические и субъектные* причины постмодернистской увлеченности симулякрами.

Начнем с того, что в духовной сфере, в рамках «философского дискурса» это симулятивное бытие невольно уводит теоретика в сферы оперирования знаками, исследования текстов и решения преимущественно семиотических проблем. Семиотическая среда становится самодостаточной, что подметили еще советские критики этих интенций, ставших особенно популярными в последней трети XX в. (к вопросам гносеологических корней постмодернизма, герменевтики и семиотики мы еще вернемся). В последние годы *тенденция превращения бытия в «шум»*, едва ли не мешающий симулякрам жить в своем собственном мире, представлена в наиболее ярком виде в книге «Шум бытия» Ж. Делеза. Но уход от общественной практики и представление ее как «шума» — достаточно общая для постмодернизма тенденция.

Эта тенденция неслучайно стала столь популярна именно в последние десятилетия. На наш взгляд, она порождена трансформациями, происходящими в самом общественном бытии. В данном случае, на наш взгляд, наиболее значима *экспансия превращенных форм*¹⁷. Эти формы не просто отличны от своего содержания. Они содержат в себе способность к «превращению» их действительного содержания в иллюзорное, «наведенное», принципиально отличное от действительно-

---

¹⁶ См.: [9, 400]. Критика постмодернизма дана также в работе [13].

¹⁷ Точнее Маркса следовало бы перевести иначе — превратных форм; В.А. Кутырёв использует остроумное написание для этого термина — преврат(щен)ные формы.

го. Если использовать простейший и потому очень грубый образ, то в качестве примера превратной формы можно представить медведя, наряженного в человеческое платье и танцующего «Барыню». Форма — человеческая. Видимостное, наведенное содержание — косолапая баба. Действительное содержание — дрессированный, но опасный хищник.

Превратные формы возникают как следствие специфических содержательных противоречий, не позволяющих им проявлять себя в мире отчуждения в адекватном их природе виде. В результате превратные формы «отрекаются» (образное выражение Маркса) от своего содержания.

В определенном смысле можно утверждать, что Марксова теория превратных форм предвосхищает постмодернистскую любовь к симулякрам. Но есть и важные нюансы. Для Маркса и последующих марксистов эти формы имеют вполне рациональное материальное происхождение. Более того, *превратные формы в отличие от симулякров не самодостаточны, вторичны. Их производность*, то, что они «выворачивают» содержание, и есть их *differentia specifica*, состоящая в том, что они (1) имеют некое содержание и (2) выворачивают его «наизнанку», создавая тем самым (3) видимость другого содержания. Их наличие и тем более доминирование указывают на противоречия системы, особенно активно развивающиеся в период ее *заката*. В марксизме превратные формы *выводятся* из анализа действительного содержания предмета. Его диалектическое исследование показывает, как, почему и в какой мере эти формы проникают в действительность, как, почему и в каких условиях они могут быть сняты и т. п. Постмодернизм, напротив, не только (1) фиксирует симулякры как самодостаточные, но и (2) принципиально отрицает какую-либо их укорененность в бытии, подвергая последнее *деконструкции* (о ней ниже).

Экспансия превратных форм стала особенно значимой именно в последние десятилетия, что, как мы отметили выше, связано с приоритетным развитием сектора, который автор неслучайно назвал «превратным». Сама по себе эта фиксация не особенно нова: западные критически мыслящие ученые уже не раз указывали на все эти феномены. Но вот в чем проблема: критикующие финансовые спекуляции и общество потребления, масс-медиа и масс-культуру западные авторы, как правило, не делают тех методологических выводов, которые, на наш взгляд, прямо вытекают из такого анализа причин постмодернистского увлечения «симулякрами». А выводы эти довольно очевидны: *если восприятие мира через призму «номад» (не укоренных в бытии, детерриализированных феноменов) есть продукт объективного доминирования превратных форм, то...*

...то исследователь должен понять их вторичность по отношению к действительно протекающим объективным процессам. Понять, что эти симулякры — объективный феномен общественной жизни (в том числе — духовной жизни) позднего капитализма, что они имеют специфическое социокультурное отражение в философских текстах постмодернистов, но вполне могут быть подвергнуты и практической (изменяющей общественное бытие), и теоретическо-методологической (объясняющей причины и природу этих превращений) критике.

Поняв эту вторичность и причины ее появления, исследователь вполне логично приходит к *проблеме действительного содержания, лежащего в основе столь бурного развития превратных форм, порождающих мир симулякров*. И более того — к вопросу о том, каковы противоречия, вызывающие это превращение содержания.

Так *последовательная критика мира симулякров неизбежно ведет к диалектико-материалистической трактовке реальности*, ибо в этом именно диалектический метод предполагает и полагает принципиальность не только различия, но и исследования противоречивой взаимосвязи содержания и формы. Именно этот метод требует исследовать причины образования тех или иных форм, в том числе превратных — тех, что могут радикально изменять *представление* субъекта о содержании практически данного ему бытия.

Достаточно логично задать вопрос: а откуда исследователь может знать, что тот или иной феномен (например, мечта «оторваться с “Фантой”») есть превратная форма, имеющая некоторое отличное от «наведенного», *действительное* содержание?

Начнем с упомянутого примера. Для экономиста достаточно понятно, что содержание названного «симулякра» состоит отнюдь не в том, что эта водичка помогает почувствовать себя счастливым («оторваться»), а в том, что корпорация «Кока-кола» заинтересована в увеличении продаж этого напитка молодежи и ищет альтернативы другим симулякрам («поколение “Пепси”» и т. п.), внедряемым другими ТНК.

Этот пример указывает на хорошо известный методологам *критерий превратности формы*: им всякий раз является практика, особенно проявляющая свою критическую природу в моменты радикальных сдвигов в общественном бытии человека. В момент, когда человек выходит из практики, в которой господствуют симулякры (например, вырывается из мегаполиса в горы), он понимает действительную цену всех этих «кол» и тянется к роднику... В момент, когда медведь, попав в лес, избавляется от платья и перестает плясать под дудку дрессировщика, он становится красивым, опасным и сильным зверем, любоваться которым в природной среде не менее приятно, чем смеяться над его косолапием на *базаре*...

Революционизируя практику, подвергая стабильно воспроизводимые институты и нормы действительному, критическому отрицанию, мы скидываем со всех явлений их наведенные маски, мы расколдовываем мир, освобождаем его от мифов и мороков, наведенных на него поздним капитализмом, снимаем с человека очки, навешанные на него обществом потребления и масс-культурой, и открываем для него возможность видеть действительные ценности культуры и человека в его неотчужденно-творческом бытии, а не кривые зеркала «симулякров»...

А ргорос заметим: включенные в конструктивно-творческую, социально-ответственную деятельность люди — сельский учитель или активист социального движения — весьма далеки в своей жизни от мира симулякров. Их практика разбивает окружающие обывателя кривые зеркала и мороки. Последние им не нужны в их жизни, работе, общении. Нужны же «симулякры» именно и прежде всего исключенному из общественно-преобразовательной практики, абсолютно эгоцентричному интеллектуалу, занятому по преимуществу саморефлексией, *психологическим-само-анализом-себя-и-не-любящего-его-мира-как-продолжения-себя-любимого*, отсюда, кстати, и готовность этого интеллектуала к самоубийству, ибо жить в мире отчуждения, в этом не-любящем-тебя-мире — мире «носорогов» (Ионеско) — тонко чувствующий человек может либо деятельно (хотя бы теоретически) изменять этот мир, либо смиряясь с ним, превращаясь в обычного обывателя-«носорога». Тот же, кто не способен на первое, но и не хочет «оносорожиться», вынужденно выбирает *a*-жизнь, уходя во внепространство самоустранений и суицидов...

* * *

Здесь мы «попутно» сталкиваемся с двумя другими атрибутами постмодернизма — *детерриализацией и децентрацией*¹⁸. Развивая идеи детерриализации Ж. Деррида неслучайно вводит феномен «щели»¹⁹.

¹⁸ «Здесь нет больше ни времени, ни места» [14, 48]. Для Ж. Деррида детерминация раскрывается при помощи взятого у Платона имени *Хора* [14, 143].

¹⁹ Ср.: [14, 155—156]. Вот небольшой типичный отрывок, посвященный этой «щели»: «Все выглядит так, как если бы — и это “как если бы” очень здесь для нас важно — разлом данной пропасти заявлял о себе глухо и подпольно, заранее подготавливая и распространяя свои симулякры и бесконечно умножающиеся вглубь образы: серию мифических вымыслов, вложенных одни в другие» [14, 167]. В. Арсланов цитирует еще один типичный отрывок: «дойдя до середины цикла, речь о хоре кажется все еще открытой, между чувственным и умопостигаемым, не принадлежащей ни тому, ни другому, а следовательно, ни космосу как чувственному богу, ни умопостигаемому богу, — пространству с виду пустому, несмотря на то, что оно конечно же не пустота. Но разве она уже не названа зияющей дырой, пропастью или щелью? И разве не начиная с этой щели “в” ней, может состояться и иметь место расслоение между чувственным и умопости-

Это некое вне-бытие, вне-время, вне-пространство. Это некий «ззор», в который проваливается ушедшее от модерна, но никуда не пришедшее (точнее, *не-желавшее-никуда-прийти* в эпоху Ж. Деррида) бытие. Это «ззор», в котором прячется от необходимости развивать знание и творить красоту импотирующий экс-творец-пост-модернист. В этой щели *как бы* живут (кто сытно и спокойно, кто заканчивая самоубийством) *как бы* субъекты *как бы* философии. Живут благодаря (1) как бы бытию в мире не реалий, а (2) знаков, оторвавшихся даже не от содержания, а от (3) превратных форм, которые (4) искажают действительное содержание жизни и (5) создают видимость другого содержания, (6) наведенного теми самыми знаками-симулякрами, с которых мы начали раскручивать всю цепочку в этой длинной фразе.

Все эти шесть (как минимум) превращений-перевертываний значимы для *присутствия* (боимся даже слова «бытие») в *щели*. Они позволяют как бы соблюдать правила «краев» (реального бытия, пусть даже его превратных форм) и в то же время «детерриализировать» их, убежать от них в щель, показывая фигу в кармане (любимое занятие интеллектуалов-критиков-бытия). Эти интеллектуалы «по краям» вполне соблюдают правила: не забывают получать гонорары, не пренебрегают шопингом, слушаются полицию, но, забившись в щель своего как бы научного письма («Наука» и «Искусство» в щели не выживают — им там темно и душно; да их туда и не зовет никто), эти а-субъектные интеллектуалы отводят душу, детерриализируя и деконструируя (естественно, только как бы понарошку, оставаясь в щели иероглифов для элиты предназначенного письма) тот мир, который им вроде бы где-то как-то как бы не нравится...

В этой связи нам кажется неправомерной попытка В.Г. Арсланова найти в этой «щели» намек то ли на «золотую середину», то ли на диалектическое единство противоположностей или уже тем более диалог различно-единых субъектов (отношения между людьми, где единственно существуют любовь, дружба, товарищество и т. п.). Действительное отношение *между* возможно только там и тогда, где и когда есть не только полноценные стороны отношения (субъекты, способные любить или дружить), но и само их отношение, природа которого раскрыта в соизмеримости с критериями истины, Добра и Красоты. В «щели», да и «по середине» нет ни отношения, ни его субъектов. В ней

гаемым или даже между телом и душой? Не будем слишком близко приближать эту щель, называемую хорой, к такому хаосу, который к тому же открывает зияние пропасти. Не станем подгонять под нее антропоморфическую форму и пафос ужаса. Но не для того, чтобы установить на ее месте безопасную опору...» [15, 139].

есть только бегство от проблемы, де-проблематизация бытия через бегство от него. В щели нет даже различАния.

Арсланов прав, когда констатирует: это грустный итог. Но он глубоко неправ, пытаясь найти здесь выход на многогранность проблемы материального, тем более в его соотношении с идеальным (см.: [2, 563—579]). В этой великой проблеме нужны прямо противоположные постмодернизму решения: сложная системная определенность многогранных взаимоотношений небезразличных друг другу сторон. И эту определенность философия вполне способна дать, свидетельство чему (даже если мы на время абстрагируемся от классики) хотя бы блестящие диалоги М. Лифшица и Э. Ильенкова.

Вот почему В.Л. Кутырёв абсолютно прав, когда подчеркивает, что для постмодернизма отрыв от «земли» («терры») принципиально значим, ибо создает предпосылки для концептуализации симулякров. Для постмодернизма вопросом жизни и смерти является отказ от наличия «почвы», от анализа оснований, от понимания того, что есть феномен *обоснованности*, неслучайности, *закономерности* тех или иных явлений. Отказ от оснований (в диалектической логике Гегеля — атрибута содержания) создает предпосылки для отказа от содержания, без чего повисает в воздухе вся проблема превратных форм.

Децентрация довершает эту логику, приводя к отказу от какой-либо субординации феноменов.

Причины этого отказа от анализа оснований, от различения содержаний и форм имеют несколько иную природу, чем апелляция к симулякрам, хотя укоренены они в том же современном бытии — бытии позднего капитализма. Но в данном случае мы имеем дело не только с феноменами превратных форм, но и с наследием позитивистского анализа функциональных связей и факторного анализа, в которых все явления различаются лишь по своим количественным параметрам. Особенно явно эта методология проявляется в современной экономической, социологической и т. п. теории.

Однако постмодернизм идет еще дальше — идея отсутствия качественных различий, границ, историко-логических соподчиненностей доводится им до своего предела — до тезиса об отсутствии «центрации», «терриализации» вообще. В результате то, что ранее, в философии модерна, представало как структурированная система элементов, в постмодернизме превращается в *«ризому»* или лабиринт. Эта доведенная до абсурда методология бессистемности до конца так и не была принята в практике общественных наук, призванных решать хоть сколько-нибудь конкретные задачи. В то же время не-

акцентированность системности стала весьма характерна для науки последних десятилетий²⁰.

Впрочем, здесь есть важный нюанс. Он состоит в том, что современная общественная, экономическая, технологическая среда в настоящее время все более становится организована как *изменчивая совокупность подвижных, гибких сетей*. В этом смысле можно и должно говорить о *снятии (но не деконструкции) прежних линейно-иерархических, или атомизированных, типов структуризации социумов*. Постмодернизм, однако, идет в другом направлении. Отталкиваясь от объективных изменений социальной материи, он превращает ее в не-структурированное ничто, некую фантазмагорию вне-элементных-не-связей — ризому, в лабиринт без входа и выхода.

Такая методология оказывается, как мы уже отметили, мало пригодна для позитивных исследований. Но она оказывается весьма адекватна для философского *не-обобщения* частных, локальных, не-взаимосвязанных позитивных исследований, каждое из которых живет и хочет жить само по себе, принципиально отторгая актуальность поиска целостной картины, указывающей на место тех или иных частных позитивных разработок, закономерностей их возникновения и прехождения. Логика плюрализма, доведенного до полного безразличия и «ризомного», «лабиринтного» представления нового знания, становится все более распространена в общественных науках, где не-структурированные потоки сознания, не имеющего сколько-нибудь определенного предмета, становятся все более модными и популярными. Они приходят из так называемой эстетики и распространяются на многие сферы социального знания.

Эта ситуация прямо связана и с еще одним феноменом: все большим развитием в науке, образовании, художественной культуре культуры узкого профессионализма, процессов коммерциализации, «очастнивания» этих сфер. В результате наиболее востребованным оказывается *частное производство узко-профессиональным интеллектуалом знаков тех товаров, которые симулируют реальные ценности*.

Здесь принципиально важны все аспекты.

Во-первых, узкий профессионализм вырывает творца из мира культуры, создавая предпосылки для *трансформации творческой дея-*

---

²⁰ Весьма типичными в этом отношении являются почти все учебники по экономической теории, основанные на неоклассическом синтезе и восходящие к «Экономиксу» П. Самуэльсона. Их предмет не имеет четких границ (это и экономика вообще, и рыночная экономика, и — что является реальным предметом — североамериканская модель рыночной экономики второй половины XX в.). Принципы и критерии структуризации этих работ строго не задаются. И даже слово «система» используется едва ли не случайно.

тельности по формированию новых феноменов культуры в репродуктивный труд по профессиональному применению известных технологий к относительно новым предметам. Именно такими являются в большинстве своем современные западные работы в области социологии, экономики и т. п.: известная модель применяется к новому объекту или на основе известных принципов строится модель неких процессов. Именно так устроено производство «шедевров» масс-культуры, будь то очередной голливудский блокбастер или попсовый мега-хит. Именно так все чаще оказываются устроены университеты — эти супермаркеты по продаже информации и т. д.²¹

Во-вторых, такое производство теряет атрибуты творчества: открытый диалог творца со всем миром культуры, который принципиально открыт каждому; всеобщность и личностность творческой деятельности; гармоничное развитие субъекта этой деятельности и прогресс культурных ценностей как «продукты» творчества и т. п.²²

В этой трансформации скрыт глубокий резон. Рынок и капитал стремятся подчинить себе творчество. Но оно по определению есть всеобщая (а не частная) и открытая (а не обособленная) деятельность, т. е. то, что неподчиняемо рынку и капиталу. Так перед последними встает задача как-то так переделать творчество, чтобы оно могло быть утилизировано рынком и капиталом. Для этого его надо свести к симулированию творчества. *Эта симуляция и происходит при превращении творца в профессионала, культуры — в информацию, нового творческого результата — в как бы новизну симулякра.*

В результате собственно творчество оказывается минимизировано и развивается «по ту сторону» рынка и капитала (в среде странных, преимущественно не на деньги ориентированных и вне рынка живущих творцов: поэтов и ученых, учителей и художников той же России или Индии...). Рынок же и капитал затем не только присваивают, но и подчиняют своей логике эти продукты творчества, превращая в товары-симулякры все произведения культуры и даже личности их творцов (нас тошнило в Вене от Моцарт-симулякров, висящих на каждом углу; *Моцарт, превращенный в брэнд — это такое же преступление как фашистский костер из книг*).

---

²¹ Последнее превращение остроумно и точно характеризует Кутырёв, пишущий, что университеты в этих условиях превращаются в супер (мини-, мега-) маркеты по продаже даже не знаний, а их симулякров [1, 32]. И в этом смысле методология децентрации оказывается вполне прагматична.

²² Понятия диалога, со-творчества, субъект-субъектных отношений раскрыты в работах [16—18]. Авторская позиция по этому вопросу представлена в книге [6].

Теряя атрибуты творчества (всеобщность, открытость, личностность), т. е. переставая быть всеобщим творческим трудом, профессиональная деятельность может быть превращена в частную. Тотальный рынок и корпоративный капитал с восторгом превращают эту возможность в необходимость, делая действительностью процессы приватизации (в широком смысле — всестороннего «очастнивания») и коммерциализации («орыночничивания») науки, искусства, образования и т. п. В этой связи постмодернистская деконструкция, равно как и позитивистский отказ от генерирования обобщений, предстает, помимо всего прочего, как реакция узкого специалиста-профессионала («одномерного» (Маркузе), *частного* специалиста-не-творца, производимого капиталом) на свою собственную неспособность к творчеству как к диалогу не-отчужденных целостных Личностей. Заметим: частно-одиночный профессионал не способен к этому не в силу его индивидуальных свойств, а вследствие подчинения тотальной гегемонии капитала.

В-третьих, процессы коммерциализации и очастнивания превращенной в узкий профессионализм экс-творческой деятельности²³ создают все необходимые предпосылки для производства на этих фабриках прагматизированного образования, науки и масс-культуры даже не товаров, а их симулякров — превратных форм знаний, культуры, творчества, приспособленных к потребностям современного тотального рынка.

* * *

Философским оформлением этой прагматичной (при всей кажущейся отвлеченности) децентрации становится оперирование не теориями, парадигмами или школами, а «*концептами*». На место имеющийся некий вектор и энергию телеологичной концепции ставится нечто а-энергичное, безразлично-равнодушно-плюрально-нейтральное²⁴.

²³ Характерна следующая теза Ж.Ф. Лиотара, апеллирующего к Хабермасу: «Старый принцип, по которому получения знания неотделимо от формирования (*Bildung*) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т. е. стоимостную форму (*forme valeur*). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обменным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость» [19, 18; 20].

²⁴ «Концепт нетелесен, хотя он воплощается или осуществляется в телах. Но он принципиально не совпадает с тем состоянием вещей, в котором осуществляется. Он лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет

Выдвижение ставшего ныне крайне популярным, пожалуй даже модным, словечка «концепт» оказывается на самом деле концептуально. Оно несет мощный а-энергетический заряд абсолютной негации, разрушения какого-либо системного знания.

Не-методология «концептов» имеет четкий вектор: она позволяет продолжить атаку на любую системность и телеологичность, противопоставить этот философский «дискурс» всему и всем, где и кто занимает неравнодушно-практическую, творчески-преобразовательную позицию, в первую очередь — диалектике²⁵, далее — историзму, подразумевающему энергию развития²⁶ и т. д.

Для субъектов, имеющих *такую* позицию, «концепты» и «децентрации» окажутся не только бесполезны, но и вредны, точно так же как для методологов, живущих в мире конформного приспособления к среде, где главное — **выгодно продать симулякр**, — вредны любые системные, целостные, тем более, диалектические представления о реальности.

Сказанное наводит нас на еще более «злую» мысль: а не обусловлена ли (конечно же, отчасти, не будем впадать в вульгарный социоло-

---

энергии, а есть только интенсивности, он анергетичен (энергия — это не интенсивность, а способ ее развертывания и уничтожения в экстенсивном состоянии вещей). Концепт — это событие, а не сущность и не вещь. Он есть некое чистое Событие, некая эгость, некая целостность — например, событие Другого или событие лица (когда лицо само берется как концепт). Или же птица как событие. ...Концепт определяется как нераздельность конечного числа разнородных составляющих, пробегаемой некоторой точкой в состоянии абсолютного творения с бесконечной скоростью... Он реален без актуальности, идеален без абстрактности... У него нет референции; он автореферентен, будучи творим, но одновременно сам полагает себя и свой объект. В его конструировании объединяются относительное и абсолютное... Концепт — это конфигурация, констелляция некоторого будущего события... Всякий раз выделять событие из живых существ — такова задача философии, когда она создает концепты и целостности» [21, 32] (см. также: [1, 25]).

²⁵ В этой связи весьма примечательна даваемая Аленом Бадью характеристика метода Делеза: «Подлинный философский метод должен полностью воспрещать себе всякий раздел смысла Бытия с помощью категориальных распределений, любое приближение к его движению с помощью предварительных формальных расчленений, сколь бы тонки они ни были. Следует мыслить однозначность Бытия и неоднозначность сущностей “вместе” (поскольку вторая является лишь *имманентным продуктом* первой) без посредничества пород или видов, типов или ярлыков: словом, без категорий, без отвлеченностей. Метод Делеза, стало быть, — это метод, отказывающийся от посредничеств. Поэтому-то он существенно антидиалектичен» [22, 47].

²⁶ «Лиотар совершенно прав, когда говорит, что его нельзя сравнивать с традиционным представлением о прошлом, настоящем и будущем, которое всецело является порождением “современной”, то есть модернистской мысли, привыкшей все культурные и исторические феномены ставить в историческую перспективу» [12, 60].

гизм) столь большая популярность постмодернизма в нынешней академической среде тем, что последняя постепенно эволюционирует к превращению в среду профессионально-десубъективированного производства и продажи симулякров столь же десубъективированному покупателю? Нынешнему университету-супермаркету все больше нужны не субъекты особенной деятельности, а стандартные профессионалы, производящие продукты (точнее — товары), научную, культурную, образовательную значимость которых оценивает... рынок. Вот почему нам кажется уместным вопрос: а не в развитии ли формальных критериев оценки интеллектуалов (количество публикаций, количество студентов, выбравших курс и т. п.) кроется один из, может быть, не самых важных, но и не нулевых по своему значению факторов широкого распространения методологии постмодернистского безразличия к содержанию, к фундаментально-концептуальным основаниям? Отныне не важно, что ты преподаешь (продаешь?), важно сколько и почему ты продал...

И еще один момент: при таком типе существования интеллектуал вынужден *на практике* отказываться от своей *субъектности*²⁷. Субъектность — атрибут творца, того, кто сам определяет цель своей деятельности, кто сам формирует среду для диалога (со-творчества), кто сам решает, какие социальные и индивидуальные ценности формируют внешние условия его деятельности. Превращение университета в супермаркет, а интеллектуала — в «менеджера по продажам» лишает экс-творца всех его субъектных качеств. И тогда к нему приходит философ-постмодернист и говорит: «Не волнуйся; be cool. Это не *твоя* проблема утери *тобой* творческой субъектности. Это общее состояние. Это новая эпоха: ныне субъектность деконструирована. Это не ты

---

²⁷ Весьма симптоматична в этой связи позиция М. Фуко, который не только стремится к де-субъективированию философии и культуры, к отказу от поиска истины как сферы властных отношений [23; 24], но и принципиально отвергает «...попытки упрятать при-сущие этим формам условия духовности внутри некоторых социальных форм. Идея классового подхода, партийного, принадлежности к общественной группе, школе, посвящение, подготовка аналитика и т. п. — все это имеет прямое отношение к требованию формирования субъекта для получения доступа к истине, но мыслится в социальных понятиях, в организационных терминах» [25, 44]. Для Фуко же есть только один вопрос — «вопрос о цене, которую должен уплатить субъект за то, чтобы сказать правду, и вопрос о том, какое обратное действие на субъекта оказывает то обстоятельство, что он сказал, мог сказать и сказал правду о себе самом» [25, 45]. В конечном итоге окажется, что любое стремление к истине есть стремление ее навязать, воля к власти; истина станет сферой властных отношений; субъект же уйдет в область само-психо-анализа, перестав быть социокультурным субъектом. «Я» Фуко уйдет не только из сферы практики, но и из сферы мышления в сферу письма, которое это «Я»... уничтожит [11, 39].

продаешь банальности вместо созидания новых знаний: это мир стал лабиринтом симулякров...».

Естественно, что наш пассивный интеллектуал, стремящийся как можно скорее забыть о своей бурной студенческой молодости (если она у него была) и как можно лучше обустроить свой пятикомнатный домик в тихом университетском городке, с благодарностью принимает это утешение. А пастыри постмодернизма не только утешают благодарного интеллектуала, но и превращают интеллектуального торговца симулякрами в «героя нашего времени», создавая неисчерпаемый источник для расширенного воспроизводства своих идей и укоренения постмодернизма в интеллектуальной среде.

Однако не все так печально в нашем мире. Образование, наука и культура так устроены, что жить вне творчества они не могут. И капитал для своего роста нуждается не только в симулякрах, но и действительных инновациях. Да и Учитель, Ученый, Художник, как правило, не способны к полному творческому самоубийству. В результате в школе и университете, академическом институте или временном творческом коллективе, на мансарде художника или в студии музыканта живут альтернативные названным процессы.

В университетах (в одних меньше, в других — больше) сохраняют, а иногда и поддерживают круг исследователей, занятых именно «большими нарративами» и увлекающих ими странных студентов, готовых плыть против течения и искать истину, несмотря на провозглашенное постмодернизмом ее отсутствие. В академической среде и маленьких ВТК находятся творцы новых фундаментальных теорий, и мир раньше или позже понимает, как он был неправ, не обращая внимания на их творческую деятельность. Художник создает феномены культуры, которые вопреки рынку становятся всеобщим достоянием, и рынок затем вдогонку несется за ними, стремясь компенсировать опоздание пошлыми восторгами высоких цен.

Впрочем, альтернативы среде, формирующей постмодернизм, мы пока оставим в стороне.

* * *

Достаточно закономерно, что неизбежным и логичным следствием не-методологических дискурсов постмодернизма становится *отрицание «больших нарративов»* — новое обозначение концептуального безразличия, имеющего свое идейное оформление в лозунге «деидеологизации», известном нашим соотечественникам еще по горбачевской эпохе.

Впрочем, здесь все не так просто. Появившись примерно в период кризиса и социал-демократической, и советской систем (символическими точками отсчета здесь можно считать Пражскую весну и Парижский май 1968 г.), отказ от больших нарративов не случайно стал едва ли не монополюбно господствующей парадигмой в конце 1980-х гг. — в период распада так называемой «Мировой социалистической системы» и прозвучавшего на весь мир лозунга «конца истории» [26]. Именно в эти десятилетия возникло неслучайное ощущение «конца» мощных, имеющих историческую традицию и идеологическое оформление идейных течений, имеющих достаточно разработанные методолого-философские основания.

Почему?

Как минимум, по двум причинам.

Первая выглядит очевидной: вместе с берлинской стеной рухнула поддерживавшаяся едва ли не третью интеллектуалов мира марксистская философская, методологическая, идеологическая парадигма²⁸.

Вторая причина едва ли не анекдотична. Вместе с якобы рухнувшей марксистской парадигмой *как бы* (если верить их склонной к симулякрам саморефлексии) рухнули все парадигмы, существовавшие как таковые только потому, что они противопоставляли себя марксизму. Сами по себе они оказались (опять же по их собственному мнению)... ничем. И с радостью это подтвердили, провозгласив конец больших нарративов, ибо в глубине души подозревали, что на протяжении всего XX в. таковыми их теории и не были.

Самое смешное, что здесь мы будем вынуждены поспорить с этими интеллектуальными самоубийцами. Позитивизм, прагматизм и их производные были и остаются «большим нарративом», в методологическом поле которого живет по-прежнему большая часть ученых, работающих в сфере общественных наук. Если говорить о социальных парадигмах, то и либерализм в его современной американской прототипической или, в лучшем случае, европейской социoliberalной раз-

---

²⁸ Рухнула ли она окончательно — это большой вопрос. Она действительно потеряла большую часть своих сторонников, но в то же время освободилась от огромного дискредитировавшего ее балласта и получила новые импульсы развития. «Большой нарратив» марксизма в новом столетии продолжает развиваться, и весьма интенсивно. Автор и его постоянный соавтор не раз высказывали свою позицию по этому мнению в печати (см: [27—29]).

Постоянные дискуссии по проблемам современной марксистской теории ведутся на страницах журнала «Альтернативы».

В США и Западной Европе, Японии и Латинской Америке, Индии и Китае издаются десятки журналов и книг, в которых критически развиваются идеи современного марксизма.

новидности остается «большим нарративом». Именно они определяют реальные социополитические и идеологические ценности значительной части интеллектуалов. Покончив раз и навсегда со всеми большими нарративами и проведя полную деконструкцию всего экзистенциального мира, интеллектуалы — мы готовы спорить — забудут обо всех этих установках, если кто-нибудь вздумает выйти за рамки «большого нарратива» по имени «неприкосновенность частной собственности», или покусится на их гонорар...

Впрочем, это уже иной «дискурс».

Есть, однако, и другой тип постмодерниста — интеллектуал, выросший из критически-левой среды и отрицающий «большие нарративы» по иным причинам. Главным образом, это сознательное или бессознательное разочарование (после коллапса Советского Союза) в большом нарративе «социализм». И это разочарование было столь значимым и столь глубоким, что пережившие его интеллектуалы оказались не способны более к обретению какого-либо нового нарратива. Это *их собственное теоретико-методологическое бесплодие востребовало, однако, некое «фундаментальное» основание, создающее предпосылки для интеллектуального самооправдания их собственной пустоты*. Легко догадаться, что самым «мощным» обоснованием собственного отказа от какой-либо сознательно выбранной и отстаиваемой в теории (а желательно еще и на практике, в повседневной жизни) парадигмы выступает тезис о смерти парадигм и «больших» теорий вообще.

Кое-кто из левых интеллектуалов выбрал эту дорогу уже давно — за пару десятилетий до распада СССР. Зачастую, как мы уже отметили, это происходило под влиянием событий 1968 г. — Парижского мая, Пражской весны и прямо противоположного им по вектору акта ввода советских войск в Чехословакию.

Так или иначе, среди разочаровавшихся в активизме и возможностях социального творчества интеллектуалов особую популярность стал приобретать не-нарратив, который можно обозначить в стиле книги Ж. Деррида как «*золы угасший прах*» [30]. И этот ненарратив оказался столь созвучен самосознанию социофилософской среды, что превратился даже не в парадигму, а в претендующую на абсолютную монополию установку *единственно современной неметодологии не-исследований*. Она жестко навязывается интеллектуальному сообществу с однозначным отторжением всякого иного подхода как априори устаревшего, не-стильного, достойного «деконструкции».

Впрочем, *деконструкция* — это не только следствие иных атрибутов постмодернизма, но и исходная установка данного течения, хорошо известная прежде всего по работам Жиля Делеза и Жака Деррида.

«Шум бытия» первого; «Грамматология», «Письмо и различие» второго [31; 32]²⁹ стали едва ли не культовыми работами постмодернистов. Любопытно, что этот термин остается принципиально неопределенным³⁰. К нему ведет бесконечный процесс различения всего от всего, который пройдет через абсолютную разрозненность бытия и взаимо-безразличия его осколков³¹, «шумов», и завершится деконструкцией [32]³², торжеством бессмысленного текста³³.

Отказ даже от *попыток* изменить мир, от практики вызвал поначалу любовь к текстам как миру не-практики³⁴, затем к толкованиям и

---

²⁹ Вот что говорит о грамматологии и деконструкции сам Ж. Деррида: «Грамматология должна деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онтологией, с логоцентризмом, с фонологизмом. Это работа громадная и нескончаемая... Деконструировать оппозицию — значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию. ...Как это видно в названных текстах и в “Белой мифологии” всякому пожелавшему ее прочесть, наиболее общим заглавием для всей проблемы было бы: кастрация и мимесис. Я могу здесь только отослать к этим анализам и к их последовательности. Концепт кастрации по существу неотделим в этом анализе от концепта рассеивания. ...*Мне тогда хотелось бы у вас спросить, каково вводимое вами соотношение между рассеиванием и влечением к смерти.* — Соотношение самое необходимое» [33, 43, 50, 99, 107].

³⁰ Некоторая попытка его определения есть у К. Харта. «*Деконструкция* — производный от *Destruktion* Хайдеггера термин Дерриды, указывающий на способы формирования дискурса из ряда более ранних дискурсов и вскрывающий наличие разного рода совмещений и сглаживаний. Не будучи ни методологией, ни набором тезисов, деконструкция для ее использования не может быть изолирована. Не исходит она и просто из внешнего по отношению к тексту, как в случае с традиционной “критикой”. Скорее уж она кроется в шероховатостях текста и улавливается бдительным читателем. Возникающий из текста намек на деконструкцию фиксируется читателем и порождает модель двойного утверждения (“да, да”). Деконструкция выполняется многими способами, хотя ряд прочтений Дерриды считаются образцовыми. См. “Аптеку Платона” (Derrida J. Plato’s Pharmacy) в его “Рассеивании” (Dessimination, 1981), “Подпись события контекст” (Signature Event Context) в “На полях философии” (Margins of Philosophy, 1982), а также “Грамматология” (On Grammatology, 1976) и “Из духа” (On Spirit, 1989)» [11, 239—240].

³¹ Обратим внимание на приводимую В.Г. Арслановым цитату Делеза: [12, 10].

³² Примерно в том же русле лежит и мысль Ж. Деррида с его идеей «прививок», приводящих к мутации (это уже наш термин).

³³ Характерно в этом отношении высказанное Ж. Деррида в Москве мнение о своих собственных текстах: «...другие читатели, люди, не подготовленные к чтению, по крайней мере, не являющиеся знатоками Гуссерля или Ницше, те, что читают мои тексты, скажет так, по-варварски, наивно, более восприимчивы к трепетанию плоти текста, к тому текстовому воздействию, которое в конечном счете связано с телом, телом читателя или же моим телом; они извлекают некий ценный для себя опыт из этого бессмысленного текста или из этой микроструктурности смысла...» [34, 180].

³⁴ «Рисуя общую логику постмодернистского философско-эстетического дискурса, Ролан Барт обозначил ее в названии одной из своих самых известных статей: “От произведения к тексту”» [12, 126]; «В наши дни произведение исполняет один лишь критик — как палач исполняет приговор» [35, 421—422].

размышлениям о многообразии пониманий не-практики, текстов³⁵ (отсюда герменевтика), их структур (структурная лингвистика и другие науки о языках³⁶). Далее уже и язык объявляется нечто, существующим вне общений, изображений и топологических схем³⁷. Отсюда уже прямая дорога к деконструкции всего, даже пониманий; сведение всего к письму и смерти «Я».

Наиболее жесткое проявление деконструкции — эпатазирующее стремление Делеза к тому, что мы бы назвали «охулением» всех предшественников-философов, стало установкой деконструкции как не отрицания, и даже не разрушения, а *хулы*. Причем хулы иезуитской, осуществляемой путем выворачивания наизнанку собственных смыслов автора. Над предшественниками осуществляется не просто насилие: их искусственно, при помощи интеллектуальной *симуляции*, превращают в соучастников развращающе-деконструирующей игры. Делез инициирует не просто насилие над содержанием. Он вовлекает и насилуемого предшественника, и читателя-современника в интеллектуальный разврат, симулирующий активное соучастие насилуемого в этом процессе и через это превращающий объект насилия (предшествующую философию) в такого же развратника-симулянта, как и подвергающий эту философию атаке постмодернист.

Постмодернистская деконструкция — это именно насильственное вовлечение и предшественников, и современников, и будущих читателей в насилие-разврат, только интеллектуальный. Но от этого еще более грязный.

Не верите? Прочитайте внимательно широко цитируемый отрывок Делеза (его не случайно воспроизводит не раз упоминавшийся В. Кутырёв, но последний не делает столь жестких выводов, сколь мы): «В то время меня не покидало ощущение, — признается Делез в своем

---

³⁵ «Рассуждая о судьбе философии в эпоху постсовременности, Зигмунд Бауман отмечал, что философской парадигмой, наиболее адекватной этой эпохе, является герменевтика как философия понимания, пытающаяся переводить некоторую культурную реальность с языка одной культуры на язык другой. Бауман даже говорит, что герменевтика ведет за собой ситуацию» [12; 36, 15].

³⁶ «Научное знание — это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов, парадоксологи — вот явные свидетельства и список этот неисчерпан» [19, 15—16].

³⁷ «...нужно перестать подчинять язык и имя в языке (впрочем, находится ли имя, имя собственное или имя истинное в языке, и что означает такое включение?) какому бы то ни было обобщению, изображению или топологической схеме» [37, 101].

отношении к предшественникам, — что история философии — это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия и тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить» [1, 22].

Интенции Делеза — это *насилие*, ибо все содержание философии подвергается разрушению. Разрушается онтология и гносеология. Истина и системное знание. Субъект и объективная реальность (первый заменяется симулирующим действием игроком-актером, вторая — бессмысловым нечто, равнозначным чепухе — *нонсенсом*).

Более того, это именно насильственное вовлечение в интеллектуальный *разврат*, ибо в цитируемом отрывке есть и еще один чудовищный аспект деконструкции: стремление не просто насильственно, но и противоестественным образом («сзади» — симулируя соединение) заставить предшественника самого *как бы* породить *как бы* своего ребенка (опять симулякры) в результате (NB!) насилия-надругательства и с тем, чтобы этот ребенок стал смертью родителя — чудовищем, деконструирующим породившую его теорию («усатая Джоконда» — пример Делеза).

В результате все достижения человеческой мысли в этой процедуре деконструкции превращаются в гнусности интеллектуального импотента, симулирующего философствование в силу неспособности к продуцированию знания. Символично в этой связи и стремление значительной части художников-постмодернистов к эстетической деконструкции с патологическим тяготением ко всяческой грязи, разврату и т. п. Они *как бы* низводят высшую тему искусства — Любовь — до пошлости извращений или банальности мастурбации (Деррида), патологически боясь этого чувства в его культурно-гуманистическом величии вследствие своей неспособности Любить, так как же как их философствующий собрат патологически боится поиска истины вследствие своей неспособности Познавать.

Так постмодернизм, стремясь «деконструировать» талант своих прародителей, обнажает свою собственную неталантливость.

* * *

Заметим: теоретическая критика интенций деконструкции на самом деле бессмысленна. Они не поддаются теоретической критике. Они могут и должны быть вытеснены, так же как и теоретики, обосновы-

вавшие инквизицию или геббельсовское сжигание книг. Но вытеснены интеллектуально, а не политико-идеологически.

Другое дело, что теоретик, стремящийся к преодолению этого извращенного насилия над философией и — шире — культурой, должен понять, почему *это* возникло и получило столь широкое распространение, почему талантливые, в значительной массе критически настроенные по отношению к миру отчуждения мыслители оказались авторами едва ли не самых страшных в своей пропаганде крайнего отчуждения теорий.

Эта инверсия, в разной степени характерная для разных постмодернистов (Бодрийяр, например, заражен ею в меньшей степени, чем Делез и Деррида. Хардт и Негри — в еще меньшей степени, а особенно популярный в последнее время среди левых теоретиков Жижек по сути от нее вообще далек), неслучайна, что мы уже показали выше.

В своем крайнем виде она оказалась порождена одним из наиболее жестких *противоречий отчужденного духовного мира второй половины XX в.* Это противоречие между страхом достижения *реального* разрушающего активизма «больших нарративов», породивших *преступления либерализма* (ужас Хиросимы и Нагасаки, многие десятки миллионов жертв «локальных» войн — все это практика либерального «большого нарратива»), *фашизма, сталинизма*, — с одной стороны; тупиком жизни вне социальной позиции, жизни сытого конформиста — с другой. *Модерн снабжал обывателя иллюзиями о возможности благополучия, постмодерн предлагает иллюзии как реальность*³⁸.

Выходов из этого противоречия может быть несколько. Один из них характерен для «вялых» постмодернистов, подчинившихся логике университетских супермаркетов (о них мы писали выше). Другой — для тех, кто некритично остается в плену старых нарративов и ныне с легкостью скатывается к апологии имперскости или иного «нарратива» столетней давности.

---

³⁸ «Переключаться в дневное время с канала на канал — значит встречаться с ангелами и вампирами, пришельцами и киборгами, убеждающими в скором конце света проповедниками и, казалось бы, с образованными гостями ток-шоу, со всей серьезностью обсуждающими предсказания Нострадамуса. Постмодерн можно определить как то, что явилось миру, когда мы перестали верить в модерн, когда порядок и здравый смысл, моральное совершенство и просвещенность перестали быть общими для всех нас высшими ценностями. Мы осознали, что модерн, возможно, снабжал нас иллюзиями по поводу того, чего может достичь человек, однако он же оберегал от многих религиозных и политических кошмаров... что эпоха постмодерна может предложить нам все, что предлагал модерн, но без его абстракций, несбыточных общественных идеалов и морализаторства» [11, 34—35].

Если же искать новые решения, не сводящиеся к банальному принятию одной из названных выше позиций, то их может быть только два. Одно — поиск принципиально открытых для диалога новых больших теорий (о нем — ниже). Другое — *капитуляция*. Капитуляция перед неспособностью быть субъектом ни в философии, ни в жизни. Капитуляция, разрушающая до основания все, в том числе самого себя. Субъекта-то нет, следовательно, и автора постмодернистских текстов нет. Как субъекта. Есть текст, безразличный к *не*-автору, и не-автор, безразличный к своему *не-бытию*-в-тексте.

С сожалением приходится констатировать: самоубийство Делеза в этом контексте оказывается весьма симптоматичным, равно как и самоубийственный по сути стиль жизни многих других (хорошо, что не всех...) «гуру» постмодернизма, выбравших путь капитуляции перед неспособностью что-либо изменить в мире отчуждения при невозможности принять его. **Тотальная капитуляция** — вот, в конечном счете, причина той самой извращенной деконструкции, о которой мы писали.

С этим тесно связаны *гносеологические причины бурного распространения постмодернизма*. Среди них, прежде всего, — «дряхлость» *прежних парадигм*, их неспособность дать адекватный ответ на вызовы новой эпохи. На первый взгляд, простым решением этой проблемы кажется поиск новых больших теорий, но он оказался «непопулярен» во второй половине (и особенно в конце) прошлого века. Причины здесь были уже не столько гносеологические, сколько социальные, лежащие в основаниях той духовной атмосферы, которая породила Делеза, Дерриду, Фуко и К⁰.

Впрочем, любовь к абсолютной деконструкции и бытию исключительно в мире симулякров продержалась недолго. Собственно постмодернизм стал порождать некие попытки выхода на старую дорогу позитивизма («*трансмодернизм*», «*граматология*» и т. п.)...

Между тем крот истории тем временем вырыл большую ловушку для постмодернизма вообще, породив на практике *новый «большой нарратив»* — *имперскую политику современных глобальных игроков*, которым чем дальше, тем больше будет нужна и новая имперская идеология, и подводящая под нее теоретические основания («большой нарратив») философия [38]. Симулякры, впрочем, останутся: трансформация глобальной неолиберальной практики в практику протоимперии не уничтожает мир превратных форм. Но об этом мы уже писали.

* * *

Прежде, чем перейти в плоскость поиска альтернатив философии и методологии постмодернизма подчеркнем, что они были подвергнуты выше критике по нескольким фундаментальным причинам.

Первая — эта философия *разрушает и культуру, и философию не только настоящего, но и прошлого*, оставляя человека безоружным и одиноким перед лицом мира отчуждения. Человек, оказавшийся вне культуры и вне истории, не может быть человеком. И в этом смысле философия постмодернизма *разрывает с гуманизмом* как идейным (а тем более практическим) «дискурсом». Впрочем, она этого и не скрывает, но тем проще сделать вывод: *всем тем, кто не может и не хочет отказываться от гуманизма, с постмодернизмом не по пути*.

Вторая причина касается соотношения философии постмодернизма и господствующих отношений отчуждения. Практически все атрибуты постмодернизма являют собой по сути дела символы *капитуляции современного интеллектуала перед вызовами новых превратных форм отчужденного бытия человека в условиях тотального господства рынка и глобальной гегемонии капитала*. Эту связь мы постарались показать выше, равно как и ограниченность постмодернистской критики существующей системы в работах представителей левого крыла этого течения. Отсюда достаточно важный вывод: для интеллектуала, который ищет самооправдания своему приспособлению к миру симулякров, постмодернизм адекватен и всякая критика этого не-большого не-нарратива для них принципиально невозможна, ибо предполагает разрушение всего их жизненного уклада.

Для тех же, кто ищет альтернативы отношениям отчуждения, постмодернистская методология выведения мира идей из поля практики принципиально неплодотворна. Теоретический и практический критик мира отчуждения может решить поставленные им задачи только тогда, когда он не просто возмущается превратными, симулирующее человеческое бытие формами современного мира, не просто фиксирует (возможно, с негодованием) де-конструктивную природу современного мира, но и исследует *основания и причины* такого положения дел; ищет его *системные характеристики, границы и пределы*; стремится определить потенциального и реального *субъекта*, способного изменить существующую систему и начать решать проблемы, принципиально «закрытые» для постмодернизма: проблемы социального освобождения, развития науки, культуры, образования, т. е. чело-

века как субъекта со-творчества в мире культуры, социальной жизни³⁹. Как известно, для постмодернизма все эти понятия (Человек как родовое существо, субъект, со-творчество, культура, социальное освобождение) находятся под запретом и должны быть исключены из интеллектуального оборота.

Поэтому *интеллектуал сегодня стоит перед выбором: или признание (практическое или хотя бы теоретическое) названных выше интенций субъектности, гуманизма, преодоления отчуждения, или постмодернистский обтейнционизм.*

Сознательно или бессознательно каждый из нас сегодня делает этот выбор за исключением разве тех, кто предпочитает оставаться в мире позитивных частных работ, отстраняя себя и от больших нарративов, и от проблемы их отсутствия.

Третья причина нашей критики постмодернизма — его *не-футуристичность*. Постмодернизм оказывается неплодотворен не только в сфере познания природы отношений отчуждения, господствующих в современном мире, но и для (NB!) поиска путей снятия (не зрящего отрицания!) этих отношений. Для такого взгляда в будущее необходимо как минимум показать историко-теоретические границы и пределы развития нынешнего мира в его исторической динамике, ибо без этого мы никогда не поймем, что именно мы отрицаем, где, когда и почему это отрицание может стать конструктивным, ибо для него разовьются достаточные предпосылки, а старый мир достигнет своих пределов. Легко понять, что решение такой задачи возможно лишь при условии исследования системного качества, содержания, форм (в том числе — превратных) мира отчуждения, равно как и воз-

---

³⁹ Интересно в этой связи, что заигрывающий с постмодернизмом С. Жижек все же ставит как ключевую проблему поиска природы свободы и др. фундаментальных понятий, адресуясь при этом к В.И. Ленину и В. Беньямину как первоисточникам: «...куда более важно то, каким образом сегодня, быть может впервые в истории человечества, наш повседневный опыт (биогенетика, экология, киберпространство и виртуальный мир) вынуждает всех нас столкнуться с основными философскими вопросами о природе свободы, человеческой идентичности и т. д. Возвращаясь к Ленину, его “Государство и революция” в точности соответствует этому разрушительному опыту 1914 года...» [7, 8]; «Сегодня как никогда более актуальны слова Вальтера Беньямина о том, что недостаточно просто задать вопрос о том, что та или иная теория (или искусство) говорит о своем отношении к социальной борьбе, — нужно также задать вопрос о том, какую роль она на самом деле играет в этой борьбе» [7, 19].

Любопытно, что и ищущий в постмодернизме рациональное зерно В. Арсланов в самом конце своей книги все же обращает внимание и на проблему активного отношения к действительности: «Если опыт «активного отношения к действительности», приведшего к поражениям, что выше иных побед, ...будет усвоен, то можно смело ввязываться в бой, воссоздавая глубокий сократовский смысл формулы: дело наше правое [3, 632].

можного социального субъекта будущей практики снятия этого мира⁴⁰.

Любое другое отрицание превращается либо в зряшную деконструктивную хулу, либо в капитуляцию перед силами деконструкции. В первом случае весь пар отрицания уходит в свисток недовольного, но бездейственного интеллектуала, генерирующего неконструктивные, не-теоретические, не-идеологические «тексты». Во втором случае узаконивается отсутствие не только пара, но и свистка⁴¹.

Впрочем, об этом мы уже писали.

* * *

А теперь к проблеме *альтернатив*.

Наши размышления мы построим по принципу *снятия* логики развертывания основных атрибутов постмодернистского не-большого не-нарратива. Эта логика присутствует, несмотря на запрет на ее существование со стороны самих постмодернистов, и выше мы ее неявно развернули. Напомним ее основные компоненты: в исходном пункте — замена реальности (и материальной, и духовной) симулякрами. Работа с ними возможна лишь в мире не-концепций, концептов. Этот мир принципиально не может быть структурирован (иначе в нем на место концептов придут теоретические концепции, а симулякры будут вытеснены исследованием превратных форм и их содержания) и потому носит характер ризомы, или лабиринта без входа и выхода. Как таковой он не только отторгает поиск истины, но и принципиально лежит вне сложно организованного, системного, концептуального знания и предполагает отрицание «больших нарративов». Наконец, для того, чтобы такая не-философия, имеющая дело с не-реальностью и незнанием, была узаконена, остается только один путь — путь узаконения «не» в качестве не частицы, а подлежащего, превращение ее в краеугольный камень нового не-направления не-мысли. Так конструкция постмодернизма завершается принципом де-конструкции.

Проще всего было бы построить альтернативы этой не-логике по принципу возврата к классике, в которой есть материя, есть сознание, и есть вечный вопрос о том, что из них первично. Есть разные парадигмы и споры между ними. Есть системное знание и поиск истины.

---

⁴⁰ Авторская гипотеза ответа на эти вопросы представлена в уже упоминавшейся книге «Глобальный капитал», а так же в монографии «Ренессанс социализма» [2, 632].

⁴¹ «В нашем мире ничегониделанье не является пустым, оно уже обладает значением — это значит говорить “да” существующим властным отношениям» [7, 57].

Есть субъект познания и его вечная мука от неспособности завершить свою творческую деятельность.

Самое смешное, что такая альтернатива столь же правильна, сколь и мало конструктивна. Она позволяет выйти из постмодернистского тупика только «задним ходом», а пятиться придется долго: на этом попятном пути нам придется проследовать через такие «промежуточные станции», как структурализм и все разновидности позитивизма... Да и сам постмодернизм, как мы уже отметили, несколько сдвинулся в сторону все более популярной ныне игры в пространстве языков, текстов, знаков и иных «номад» (впрочем, этой моде уже не одно десятилетие, растет она из структурной лингвистики середины прошлого века).

К тому же постмодернисты справедливо подметили, что нынешний мир (мы бы сказали — поздний капитализм) по своей природе неклассичен (мы бы сказали — постклассичен; в чем именно состоит смысл этого «пост», мы постарались показать в своих книгах и в их кратком резюме в начале статьи).

Следовательно, нужен путь вперед, но путь не формальной альтернативы, а *снятия*, своего рода отрицания отрицания, подобного пути Ренессанса к новой реальности через диалектическое снятие Средневековья при дважды снятом (и в Средневековье, и в Новой эпохе) Античном мире.

Так и нам предстоит пройти дорогу двойного отрицания-воскрешения классики. Эта дорога покажет (1) как классика была подвергнута отрицанию постмодернизмом и (2) как может быть снят, а не просто отринут постмодернизм и (3) ре-актуализирована (новая) классика. Первое мы в меру сил показали выше. Второе предполагает понимание и преодоление (но не зряшную псевдо-теоретическую) деконструкцию причин, породивших и порождающих постмодернизм. Эту проблему мы также постарались решить выше. Теперь перед нами встает последняя и самая трудная задача: бережного воскрешения-снятия классики на основе не только отрицания, но и критического использования достижений (да-да — и достижений) заканчивающейся эпохи постмодерна подобно тому, как Возрождение воскрешало через снятие античность и отрицало (с сохранением достижений) феодальный мир.

Но это уже предмет другого текста.

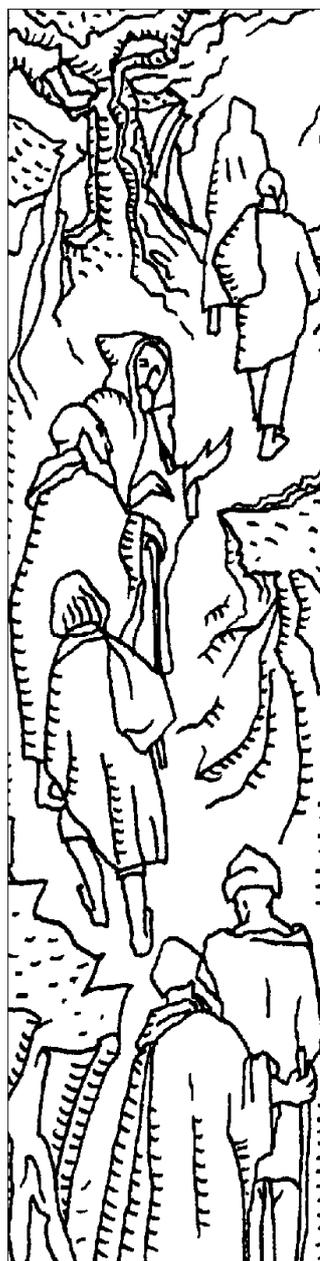
Литература

1. *Кутырёв В.А.* Философия постмодернизма. Н. Новгород, 2006.
2. *Арсланова В.Г.* Постмодернизм и русский «третий путь». *Tertium datur* российской культуры XX века. М., 2007.

3. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
4. Хардт М., Негри А. Множество. М., 2006.
5. *Альтернативы*. 2005. № 4.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004, 2007.
7. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003.
8. Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006.
9. Fredric Jameson. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. VERSO. L.; N. Y., 2001.
10. Sim S. The Routledge Companion to Postmodernism. L.; N. Y., 2001.
11. Харт К. Постмодернизм. М., 2006.
12. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб., 2003.
13. Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. L., 1989.
14. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 1998.
15. Деррида Ж. Хора // Социо-логос постмодернизма. М., 1996.
16. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1962.
17. Батищев Г. Диалектика творчества. СПб., 1997.
18. Библиер В.С. Мышление как творчество. М., 1975.
19. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
20. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt a/M, 1968.
21. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
22. Бадью А. Делез «Шум бытия». М., 1998.
23. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
24. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970—1984. М., 2005.
25. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
26. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
27. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. 2004. № 7.
28. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма // Вопросы экономики. 2005. № 9.
29. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики. 2007. № 9.
30. Деррида Ж. Золы угасший прах. СПб., 2002.
31. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
32. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.
33. Деррида Ж. Позиции. М., 2007.
34. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993.
35. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Изб. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
36. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2.
37. Деррида Ж. Кроме имени. М., 1998.
38. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел // Вопросы философии. 2004. № 2.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.П. ОГЛЫ БАБАЕВ

Национальное в экономической теории

Выбор рыночной модели экономики, соответствующей условиям той или иной страны, — одна из самых актуальных проблем экономической науки в постсоветских обществах. Прошлое этих стран, связанное с пребыванием в пределах единого государства и его системы экономического управления, делает проблемы моделирования экономики схожими, но далеко не одинаковыми. В этой связи выбор для Азербайджана национальной модели рыночной экономики, наиболее соответствующей традициям его народа и экономическим возможностям, адекватно отражающей внутренний потенциал государства и его международную, геостратегическую позицию, объективно обуславливается следующими условиями.

Во-первых, модельные параметры выясняют перспективы развития и тем самым ход продвижения Азербайджана в сторону оптимальной модели рыночной экономики, определяет основные направления экономической и социальной политики. Во-вторых, вместе с выявлением научных основ будущей национальной экономической системы решаются вопросы оптимальных методов формирования национальной модели экономики. В-третьих, исследование национальных моделей экономики необходимо для оценки и выбора стратегии и тактики реформ в Азербайджане. В-четвертых, выбор модели и соблюдение ее условий позволяют снизить издержки, связанные с переходом к рынку.

Таким образом, необходимо определить адекватную, более или менее соответствующую условиям Азербайджана рыночную форму экономики и приспособить ее к условиям и традициям нашей страны.

Прежде чем приступить к анализу национальных моделей рыночной экономики и соответствия одной из них специфическим условиям Азербайджана, коротко остановимся на некоторых общих методологических вопросах, которые в последнее время стали темой обсуждения в экономической литературе.

Во-первых, вопрос выбора Азербайджаном типа национальной модели рыночной экономики ничуть не снимает с повестки дня обсуждение теоретических и методологических проблем его национальной экономики. Во-вторых, надо решить вопрос о том, должна ли экономическая теория отражать специфику национальной экономики или

это задача только конкретных экономических наук и дисциплин. В-третьих, в чем заключаются конкретные формы, отражающие в экономической теории национальные особенности: в особых формах общих (универсальных) положений — на примере страны посредством сравнительного анализа или же в национальных экономических отношениях и законах. В-четвертых, из чего состоит смешанная экономика как экономическая система, каковы ее состав и структура, что относится к элементам современной модели смешанной экономики.

Следует отметить, что термин «национальная экономика» все чаще используется и в экономической науке, и в экономическом образовании. Уже издан ряд учебников по национальной экономике, эта тема становилась объектом обсуждения в экономической литературе и на научных форумах [1—3]. Но несмотря на это, многие вопросы методологического и теоретического характера, связанные с отражением национального своеобразия национальной экономики, все еще не нашли своего решения.

Известно, что в период появления новых суверенных, независимых государств и определения в соответствии с их национальными интересами их экономической политики, интерес к теоретическому и практическому исследованию национальной экономики возрастает. Формирование первой логической экономической политики — меркантилизма — ориентировало страны на политику протекционизма, защищающую непосредственно внутренние интересы страны и поддерживающую накопление национального богатства за счет внешней торговли. Создание первой научно обоснованной системы национальной экономики в известном произведении Фридриха Листа «Национальная система в политической экономии» (1841) непосредственно связано с рождением единого немецкого государства и осознанием его национально-экономических приоритетов. Еще один этап развития основ национальной экономики связан с поисками в условиях рыночного хозяйствования основ национальной экономики; понятно, что конкурентная среда, свободное предпринимательство как активные факторы развития требуют проведения, с учетом их национальной специфики, определенных регулирующих мер в масштабах всей страны.

Усиление внимания к проблемам формирования национальной экономики в настоящее время объясняется не только формированием новых независимых государств, но и с проблемами, поставленными текущим периодом.

Во-первых, в настоящее время экономическое развитие в мировом масштабе осуществляется в условиях глобализации. В связи с этим наряду с глобализацией мировой экономики возникает и такая частная

проблема, как определение национальной экономикой своей судьбы. Следует отметить, что вопреки одномерному политизированному пониманию глобализации, она осуществляется посредством многоаспектности мира, своеобразных национальных моделей общественного развития. Все это не только не снижает интереса к исследованию национальной экономики, но, наоборот, требует основательных исследований, так как в настоящее время изменяются способы присоединения национальных экономик к мировому хозяйству, появляются новые формы защиты национальных интересов. В достижении экономического развития свою значимость сохраняют учет национально-культурных факторов при формировании менталитета людей, который непосредственно сказывается на поведении людей, работе экономических структур (институтов). С большой уверенностью можно сказать, что пока существуют нации, в экономике будет действовать не какой-то «абстрактный человек», а конкретный «национальный» человек со своими традициями, национальной культурой, менталитетом. Отметим, что модели «экономические чудеса», имевшие место и в прошлом, и происходящие в настоящее время, проявляются как национальный экономический феномен (например, немецкое или китайское экономическое чудо).

Во-вторых, в начале XXI в. сформировалась совокупность национальных моделей экономики, объединяющая в себе рыночные отношения и государственное регулирование, национальное капиталистическое предпринимательство и социальные тенденции, экономические закономерности и неэкономические факторы. Уже всеми признано существование «американской», «скандинавской», «японской», «немецкой», «китайской» национальных экономик, а также других моделей национальных экономических систем. В этом аспекте в экономике стран, находящихся на стадии перехода от плановой экономики к рыночной, в том числе и азербайджанской, в качестве новой научной и практической проблемы, появляется проблема выбора модели национальной экономики, ее формирования.

В разных американских вариантах учебников «Экономика», состоящих из микро- и макроэкономики — разделов современной экономической теории, предпочтение отдается универсальным, общеэкономическим закономерностям. Что касается национальных особенностей, они рассматриваются лишь на примере развитых западных стран. Кроме того, указанные разделы современной экономической теории носят абстрактный характер. Хотя попытки рассмотреть их на примере конкретных стран и могут оказаться полезными, они не дают необходимых результатов, так как на фоне общих проблем национальные

особенности теряются, не проявляются, поэтому не позволяют полностью понять специфику национальной экономики. Переходная экономика и теории трансформационных процессов больше связаны с проблемами национальной экономики, но и это является односторонним подходом и применяется при изучении преходящего характера экономики. Конкретные экономические дисциплины исследуют отдельные аспекты национальной экономики в форме практического хозяйства. Следует отметить, что в последнее время в различных вузах СНГ изучается курс национальной экономики, но и это реализуется в организационно-экономической форме, потому-то эти курсы не могут выступать в качестве составных частей экономической теории.

И тут возникает закономерный вопрос: что подразумевается под словами «национальная экономика»?

Национальная экономика — это прежде всего конкретное историческое понятие. Это понятие чаще всего используется при изучении производительных сил, структуры народного хозяйства, экономических отношений и форм хозяйств определенной страны за любой отрезок времени в их отличии, сравнении и взаимосвязи с мировой и региональной экономикой. На абстрактно-теоретическом, политэкономическом, уровне под национальной экономикой подразумевается, в отличие от экономики фирмы (предприятия), общественный, макроэкономический, масштаб производства и воспроизводства, отличие личного капитала от общественного. Национальная экономика — как единство — с логико-методологической точки зрения определяется посредством философской тройки: 1) общее; 2) особое; 3) отдельное, единичное. На теоретико-содержательном уровне единство — это а) общность закономерностей и принципов экономики для всех стран; б) присущие группам стран видовые особенности; в) национальная специфика данной страны. Под общим подразумеваются универсальные экономические отношения и законы. В широком смысле слова, это — повышение потребностей, единство производства и потребления, соединение в процессе производства факторов производства и другие общие экономические законы. Под особым подразумеваются специфические исторические формы — закономерности и взаимоотношения системы рыночной экономики или других экономических систем, например, традиционной экономики, плановой экономики, постиндустриальной экономики. А под отдельным, единичным, подразумеваются проявления данных отношений и законов в форме национальной специфики. При применении к конкретной ситуации это означает: общее — связь производства и потребления; особое — рыночная связь платежеспособной потребности и предложения товара; единичное — из-

менение спроса и предложения под влиянием национально-специфических факторов.

Следует отметить, что национальное разнообразие в экономической теории всесторонне рассмотрено в работах В.М. Кулькова. По его мнению, национальное разнообразие полно и адекватно может быть показано конкретно в следующих формах: национальный способ исследования, национальная научная парадигма, национальные экономические законы и национальная специфика универсальных законов, национальная экономическая структура и национальная экономическая модель, цели развития национальной экономики и специфика общих экономических целей. Он отмечает, что наряду с национальной спецификой универсальных экономических законов имеются и специфические национальные экономические законы.

Думается, настала пора в составе экономической теории выделить раздел «теории национальных экономик», изучающий своеобразные, фундаментальные особенности национальной экономики, имеющий свой предмет и систему. Именно в рамках этого раздела могут быть более широко и адекватно реализованы указанные выше формы во всем своим хозяйством [4—6].

С теоретической и практической точек зрения необходимо различать национальную экономику, национальную экономическую систему и национальную модель экономики.

Национальная экономика как сложное политико-экономическое явление выступает системой, представляющей совокупность структур, форм и методов хозяйствования в рамках особых национальных условий. Здесь действуют специфические экономические и неэкономические факторы (природно-климатические, географические, исторические, культурные) и реализующих цели национального экономического развития. В национальную экономику входят различные типы существующих в стране экономических укладов, конкретные формы организации экономики и управления, специфические институциональные нормы. В то же время, национальная модель характеризует национальную экономику как проявление на том или ином этапе развития общества определенного типа экономической системы. Формирование национальной модели экономики предусматривает, прежде всего, определение господствующего типа экономических отношений в обществе. Во-вторых, необходимо создание на базе этой модели конкретной национальной экономической системы, состоящей из всей совокупности отношений между обществом и его учреждениями [4, 31—32].

В настоящее время в хозяйственной жизни общества преобладают именно рыночные отношения, а дискуссии идут в основном вокруг национальных моделей рыночной экономики. Но ведь можно говорить и о капиталистической, социалистической моделях или модели экономики развивающихся стран. Развивающиеся страны, в зависимости от проводимой в них экономической политики, предлагают модели, ориентированные или на экспорт сырья, или же на замещение импорта готовой продукции собственными усилиями.

Ни в одной национальной экономической системе нет чисто рыночных основ организации экономической системы. Необходимым атрибутом организации и функционирования современной экономики является государственное регулирование. Оно не отвергает основы частной собственности, не нарушает работу рыночного механизма. Современные модели в этом смысле являются вариантами смешанной экономики, которые нельзя отнести ни к свободным от разумного регулирования экономикам, ни лишенной хоть какого-то элемента конкуренции плановой экономике.

Под «смешанной экономикой» в современной экономической литературе понимается современная развитая рыночная экономика. Впервые идея смешанной экономики возникла еще в конце XIX в. (А. Вагнер). В 1920-х гг. более развернуто она была преподнесена немецким ученым В. Зомбартом. Впоследствии эти идеи, обогатившись идеями кейнсианства, получили дальнейшее развитие в послевоенные годы. Следует особо отметить попытку «гениального неоклассического синтеза» известного американского экономиста П. Самуэльсона. Этот синтез отражает сочетание здорового начала современного распределения доходов с классическими экономическими принципами. Он, устранив разницу между обобщающей макроэкономикой и традиционной микроэкономикой, соединил их в единое целое, как нечто взаимодополняющееся [7, 4]. Иными словами, проявляются попытки органично объединить кейнсианство с неоклассическим направлением, экономическое регулирование с рынком. На самом деле, тут обосновывается модель смешанной экономики, в которой соединяются элементы государственного контроля над организацией производства и потребления с элементами воздействия рынка [7, 38; 8, 85—86; 9, 48]. Для Самуэльсона это «магистральный путь экономики».

Однозначного объяснения термина «смешанная экономика» не существует нет. Первоначальная и наиболее распространенная трактовка его предполагает наличие сочетания разных секторов (частного и государственного), разнообразие форм собственности, их «смешанность». Вторая трактовка, получившая сильный толчок от кейнсианст-

ва, выдвигает на первый план сочетаемость рынка (рыночного механизма) с государственным регулированием. Третья трактовка, появившаяся вследствие инициатив различных социально-реформаторских течений, основывается на «смешанности» капитала (частное предпринимательство, «хозяйственный эгоизм») с социальностью (общественные социальные гарантии). И наконец, другой подход, потенциально содержащийся в концепциях постиндустриалистов, исходит из соотношения экономического и неэкономического (постэкономического) в основе структуры современного общества.

Различные подходы к понятию смешанной экономики не противостоят друг другу. Они лишь отражают несколько сильнейших направлений формотворчества развитой экономики современного типа и их единство. Наоборот, ограничение предметов экономической системы, отнесение ее лишь к одному из этих параметров, обедняет представление об этой системе.

С другой стороны, отдавая предпочтение тем или другим параметрам «смешанности», указанным в приведенных выше подходах к определению смешанной экономики, можно получить относительную свободу. В первом случае речь идет об институциональной «смешанности»: смешанная экономика преподносится как многоукладная (многосекторная) экономика, соединяющая в себе разные формы собственности (государственную, коллективную, частную и др.). В следующих двух случаях речь идет о функциональной «смешанности». При этом в рамках функциональных пар (регулирование—рынок, социальность—капитал) взаимно функционируют противоположные друг другу по содержанию виды экономических отношений. Наконец, в последнем случае речь может идти о глобальной «смешанности».

Состав, структуру и элементы смешанной экономики можно рассматривать с различных позиций. С позиции производительных сил — это приспособление различных технологических форм, в том числе самых современных информационных. С позиции технико-экономической — это новый уровень в высокой степени обобщения энергетических, информационных и других жестких взаимосвязей субъектов экономики. С позиции собственности — это разнообразие форм собственности. В настоящее время в производимом в Азербайджане совокупном внутреннем продукте преобладает доля частной собственности. Частная и являющаяся сложной формой и объединяющая в себе элементы коллективно-общественного присвоения акционерная собственность получают широкое распространение. Кроме того, существуют также личная, государственная, кооперативная и другие формы собственности. С точки зрения управления — это объеди-

нение личного, кооперативного, государственного уровней управления [10, 11—12]. С точки зрения социальной стабильности — это непрерывное воспроизводство социальной стабильности экономики и общества. Это достигается и социально справедливым распределением, и посредством воспроизводственного механизма, обеспечивающего увеличение потребления населения по мере увеличения эффективности производства, а также социальную ответственность населения по результатам экономической деятельности.

По мнению некоторых исследователей, новую систему смешанной экономики XXI в. сводить к сочетанию рынка и государства нельзя, хотя это соотношение — одна из основных характеристик. Новая смешанная экономика представляет собой сочетание следующих трех основных системообразующих составляющих — рыночной системы, продуманного регулирования экономики государством и социальной стабильности. И социальная стабильность — важнейшая [4, 35].

В последней трети XX в. в научный оборот вошел термин «национальная модель», который все еще не имеет устоявшегося определения. Само понятие «модель» имеет несколько толкований. Из них только три могут быть применимы к реальностям национальной экономики. Во-первых, модель — схематическое изображение какого-то события, или же общественного процесса. Во-вторых, модель — это образец, выполняющий функцию эталона для воспроизводства. В-третьих — совокупность элементов, формирующих национальную хозяйственную целостность и повторяемость этих элементов.

Важным аспектом национальной модели экономики является характеристика ее особенностей, иными словами, ее своеобразия. Это позволяет провести сравнительный анализ существующих в мировой экономике национальных моделей с учетом их особенностей. Сравнительный анализ может проводиться по одному или нескольким параметрам. Оценка содержания национальной модели экономики и параметры сравнения национальных экономических систем весьма разнообразны. К ним относятся:

- структура и соотношение разных форм собственности;
- степень охвата социальной политикой больших или малых слоев населения;
- степень перераспределения посредством бюджета и финансово-кредитной системы;
- степень и методы влияния государства на экономику.

Для исследования азербайджанской модели рыночной экономики, прежде всего необходимо выяснить, какие модели рыночной экономи-

ки сформировались в рамках развития мировой экономики. Учитывая определенную степень абстракции, национальные модели рыночной экономики делятся на три группы: либеральную, социально ориентированную и социально-демократическую. В каждой из этих трех моделей рыночной экономики в истории современной экономической мысли отражаются теоретические концепции либерального, неолиберального и социально-демократического направлений. Этим моделям соответствуют определенные национальные модели: американская либеральная модель, немецкая модель социально ориентированной рыночной экономики, шведская (скандинавская) социально-демократическая модель рыночной экономики. Выделяются также южно-азиатская промышленная модель (Корейская Республика, Тайвань и др.) и имеющая в высокой степени исторические и национальные особенности регулируемая (корпоративная) японская модель.

Американская модель — либеральная (рыночно-капиталистическая). Здесь предпочтение отдается личной собственности, абсолютизации индивидуализма, механизму рыночной конкуренции, высокой степени социального неравенства, ограниченному характеру государственного регулирования. Немецкая модель — социально ориентированная рыночная. В этой модели предпочтение отдается элементам высокой степени социализации — социальному обеспечению, бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию, построению ее на принципах социального партнерства и социальной ответственности, соревнованию между предпринимателями и профсоюзами за повышение заработной платы работникам предприятий. Шведская модель — классический вид социальной модели. Эта модель характеризуется высокой степенью социального обеспечения, основывающегося на весьма широком перераспределении доходов и распространении «свободных ассоциаций»; достижением высокой степени социальной защиты посредством высоких налогов и государственных расходов и путем методов перераспределения, вынесением за пределы производства решения социальных задач, преобладанием отношений распределения и перераспределения. Наиболее значительной особенностью данной модели являются вынесение процесса социализации за пределы производства и ослабление посредством высоких налогов конкурентоспособности производства. В результате этого шведским предприятиям стало трудно конкурировать на мировом рынке и шведская экономика в последнее время столкнулась с серьезными трудностями.

Из различных моделей рыночной экономики наиболее целесообразным для Азербайджана может быть немецкая — социально ориен-

тированная — модель рыночной экономики. Общенациональный лидер Азербайджанской Республики Г. Алиев неоднократно в своих выступлениях говорил о том, что Азербайджан строит социально ориентированную рыночную экономику. Целый ряд характерных особенностей этой модели уже находит свое отражение в азербайджанской действительности:

- во-первых, в Азербайджане действительно идет процесс формирования смешанной экономики, основывающейся на различных формах собственности и хозяйства, и здесь созданы равные возможности хозяйствования для эффективной деятельности частного и государственного сектора;
- во-вторых, в настоящее время в Азербайджане весьма значителен процесс регулирования экономики государством, прежде всего экономика выведена из кризисного состояния, обеспечен экономический прирост, осуществлены структурные изменения в экономике, созданы благоприятные условия для конкурентоспособности продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке;
- в-третьих, осуществляется регулирование не только в макроэкономике, но и из-за того, что во многих случаях в деятельности субъектов рынка все еще рыночные отношения полностью не установились, и в микроэкономике;
- в-четвертых, менталитет нашего народа с исторически сильными социальными связями (во многих случаях социальная политика немецкой модели больше соответствует традициям решения многих социальных проблем государством);
- в-пятых, в Азербайджане государство регулирует и защищает свободную конкуренцию;
- в-шестых, политика занятости, преследующая цель снижение числа безработных до минимума посредством создания новых рабочих мест, сегодня является составной частью реализуемой в настоящее время в Азербайджане экономической политики.

Одним из самых важных аргументов применения в Азербайджане немецкой модели рыночной экономики является то, что в Германии, как и у нас, социально-экономическое развитие движется от централизованного хозяйства к социально ориентированному рыночному. Таким образом, наиболее подходящей для условий нашей страны моделью рыночной экономики может быть модель социально ориентированной рыночной экономики.

Литература

1. Национальная экономика: Учебник / Под ред. В.А. Шульги. М., 2002.
2. Бункина М.К. Национальная экономика: Учебник для вузов. М., 2003.
3. Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. М., 2005.
4. Сидорович А. Формирование национальной модели экономики в переходных обществах // Общество и экономика. 2001. № 11—12.
5. Кульков В.М. Национальный контекст экономической теории: прошлое и настоящее // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2004. № 3.
6. Кульков В.М. Степень и способы отражения национального своеобразия в экономической теории // Экономическая теория: истоки и перспективы. М., 2006.
7. Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М., 1992.
8. Эклунд К. Эффективная экономика. М., 1991.
9. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 1992.
10. Пороховский А.А., Хубиев К.А. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2006. № 4.

Д.Г. ЕГОРОВ

План и/или рынок: вопрос для науки или идеологии?

Принципиальной проблемой приложения любой экономической теории к практике является априорная идеологическая нагруженность экономики. Еще в XVII в. Томас Гоббс написал примечательный афоризм: «Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум прямым углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью... учение геометрии было бы если не оспорено, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии», — а выводы из экономических теорий непосредственно затрагивают интересы людей (причем в степени большей, нежели выводы любой иной науки). В то же время, в отличие от физики, экономические процессы происходят не только в материальном мире, но и в мире субъективных представлений: в результате идеологически обусловленная манипуляция экономическими конструкциями совсем

не так очевидна, как аналогичное идеологическое вторжение, ограниченное только лишь материальной реальностью¹.

Вопрос о соотношении планового и рыночного регулирования экономики как раз относится к разряду идеологически перегруженных. Конечно, в экономике неизбежны и добросовестные заблуждения: объективно они связаны с меньшей формализованностью и строгостью теорий (в сравнении с науками точными), и сложностями строгой экспериментальной проверки (в сравнении с науками естественными). Как их минимизировать? Выводы будут тем более научными, чем менее мы будем пользоваться при их формулировке обыденным мышлением — следовательно, в качестве первого шага нужно точно определять понятия и избегать неправомерных отождествлений.

Одним из таких отождествлений является тенденция увязывать вопрос о соотношении планового и рыночного регулирования экономики с вопросом о собственности на средства производства². Реально это два абсолютно разных вопроса — и мыслимы все четыре комбинации ответов: 1) экономика рыночная с господством частной собственности (теоретическая модель — «идеальный рынок», конкретный пример: Сингапур³); 2) экономика плановая с господством частной собственности (теоретическая модель — межотраслевой баланс, конкретный пример: Япония); 3) экономика рыночная с существенно государственной собственностью на средства производства (теоретическая модель — социализм по О. Ланге [1], конкретный пример: Югославия 1970-х гг.); 4) экономика плановая с существенно государственной собственностью на средства производства (теоретическая модель — межотраслевой баланс, конкретный пример: СССР).

---

¹ В качестве примера обратимся к известному курьезу: в одном из штатов США был принят закон о числе $\pi = 4$: понятно, что объявившиеся сразу проблемы тут же привели к осознанию абсурдности такой «поправки» математики.

² Отметим, что исторически такое смешение восходит к К. Марксу: разработав теорию делового цикла и связанного с ним кризиса перепроизводства и сделав из нее вполне научный вывод о необходимости управления индустриальной экономикой, К. Маркс, однако, дополнил его уже *идеологическим* тезисом о том, что необходимой предпосылкой такого управления является обобществление средств производства. Идеология в данной теме столь сильно перемешалась с собственно наукой, что последствия этого ощущаются и сегодня.

³ Конечно, 100% рыночной (как и плановой) экономики не бывает вообще — все наши примеры, вполне очевидно, не являются чистыми, иллюстрируя только соответствующие тенденции. Как и модель «идеального рынка», модель Платона (когда планирование регламентирует экономическую систему на 100%) может существовать, конечно, только идеально (пресловутая «командно-административная» система СССР была от нее достаточно далека). Все реально существующие экономические системы расположены между этими двумя предельными случаями.

Теперь определим понятие «рынок»: это среда, посредством которой происходит обмен экономически значимой информацией (рынок — это информационная среда экономической системы). В качестве комментария к нашему определению обсудим «образцово неудачное», по нашему мнению, определение: «рынок — это институализированный и организованный обмен» [2]. В чем его неудачность? В первую очередь, в смешении эмпирического и теоретического уровней рассмотрения: конечно, любой *реальный* рынок надо организовывать и институализировать, но в теории смешивать два разных теоретических конструкта («рынок» и «институт») недопустимо. Идеальный рынок (на котором действуют всеведущие, непогрешимые, вездесущие, абсолютно правдивые *homo oeconomicus*) в институтах не нуждается: они (институты) есть следствие того, что реальные рыночные агенты не имеют всей нужной информации, совершают глупости, т. е. есть даже имеющейся информацией не способны толком распорядиться), обманывают и т. д. Наконец, информационный и физический обмены совмещены во времени и пространстве только при примитивной форме рынка («на базаре»). В развитой форме рынок теряет какую-либо пространственную определенность, становясь просто информационной средой в чистом виде: можно ли, например, увидеть или потрогать рынок недвижимости, рынок цветных металлов, рынок облигаций? Акты физического обмена чем бы то ни было суть только следствие процесса рыночного обмена информацией — и могут быть существенно оторваны от него во времени и в пространстве.

В случае, когда экономические агенты по своим качествам соответствуют *homo oeconomicus*, для образования экономической системы и достижения ею оптимально-равновесного состояния ничего кроме рынка (т. е. возможности обмена информацией) не надо: поэтому такая модель и называется «чистым» (свободным от каких-либо институтов) рынком. рынок есть та первичная реальность, которая присутствует в любой экономической системе, поскольку в любой экономической системе происходит обмен информацией между ее частями, следовательно, есть какая-то среда, эту информацию передающая. К сожалению, модель «чистого рынка» в общем случае весьма далека от реальности⁴: реальные экономические агенты не ангелы (и даже не *homo*

---

⁴ Это не значит, однако, что мы отрицаем значимость теории общего равновесия идеального рынка. Ее значимость не в том, что она точно описывает реальность (ибо это, конечно, не так), а в том, что она задает *эталон эффективности экономической системы*: при заданных технологических и сырьевых ограничениях экономика не может работать оптимальнее, нежели идеальный рынок.

oeconomicus). Поэтому любая реальная экономическая система — это рынок, дополненный какими-то институтами.

Институты — это идеальные модели, задающие правила поведения участников экономических отношений [3]. Их функция — ограничивать потенциально огромный выбор вариантов поведения некими рамками, т. е. уменьшать неопределенность (следовательно — уменьшать требуемую для принятия решения информацию, поиск которой тоже есть труд). В рамках институционально-ограниченного поведения потенциально возрастают издержки от возможно-неоптимального сочетания факторов производства, но уменьшаются издержки трансактные (предполагается, что общий баланс — в пользу носителей институтов; в ином случае институты подлежат трансформации).

Что же такое планирование с точки зрения институционального подхода? — просто один из институтов, имеющийся в любой «рыночной» системе, как на микроуровне (в виде фирм: трактовка фирмы как островка планирования в рыночном море со времен Р. Коуза общепринята), так и на макроуровне (ибо чем занимаются правительства стран с самыми «либерально-рыночными» экономиками, если не планированием?). Подобно тому, как оптимальный размер фирмы задается соотношением уровня внутрифирменных и рыночных трансакционных издержек, оптимальная степень планирования может быть определена по достижению равенства между предельными издержками рыночных трансакций (которые растут по мере уменьшения директивного регулирования цен) и предельными издержками управления (которые растут по мере увеличения регулирования). Говоря проще, управляющие процедуры имеют смысл до тех пор, пока затраты на управление ниже выгод от оного.

Известная критика социализма представителями Австрийской школы⁵, будучи абсолютно верна для случая *тотального* планирования (когда издержки поиска информации растут экспоненциально), оказывается совсем не к месту, если мы не ставим целью построение государства Платона. Здесь уместна аналогия с отношением между инстинктами и разумом: если человек решит контролировать умом напряжения и расслабления всех своих мышц при ходьбе, от информационной перегрузки он не сделает и шагу; однако разве из этого следует, что разум человеку только во вред? «Стандартные практические

---

⁵ «...[Рынок], являясь не чем иным как процессом переработки информации, способен собирать и использовать информацию, широко рассеянную — такую, которую ни один орган централизованного планирования, не говоря уже об отдельном индивиду, не может ни знать в полном объеме, ни усваивать, ни контролировать» [4, 29].

задачи, стоящие перед живым существом, инстинкты решают лучше, чем разум. Однако есть и обратная сторона дела... Разум позволяет человеку решать некоторые проблемы раньше, чем они встанут перед нами на самом деле. Что и обеспечивает человеку эволюционное преимущество перед животными» [5]. Подобно тому, как разум ставит человека на новую ступень по сравнению с животными, появление института централизованного планирования также переводит экономическую систему на новый уровень эффективности. На рынке, лишенном института централизованного планирования, устанавливается равновесие, но не неоптимальное, и самопроизвольный переход в точку оптимума (для реальных индивидов, а не *homo oeconomicus*) практически невозможен.

Значит, противопоставление «рыночной экономики» и «плановой» — идеологический пережиток? Представляется, что все не так просто: в обозначенной теме, по нашему мнению, весьма велика значимость откровенной идеологической ангажированности (экспликация которой и есть лучший способ ее элиминации): экономика «развитых рыночных стран», например, Японии и США, в весьма значительной степени регулируется⁶, в то время как для других стран предлагаются рекомендации Вашингтонского соглашения по неолиберализму (*neoliberal Washington consensus*): либерализация (отказ от регулирования) торговли и финансов, сведение к нулю инфляции, проведение приватизации («правительство должно уйти с дороги»). Результат следования этим рекомендациям — неизменно плачевный: «...с 1945 года Соединенные Штаты использовали Бразилию как “тестовую область для современных научных методов промышленного развития, твердо основанной на капитализме”. Эксперимент был выполнен с самыми “лучшими намерениями”. Иностранцы инвесторы процветали... в то же время Мировой банк сообщал, что две трети населения Бразилии не имели достаточно пищи для нормальной физической деятельности... Когда бедствие начало поражать и богатый класс, “современные научные методы развития, твердо основанные на капитализме” (Хэйнс), вдруг превратились в доказательство зла государственности и социализма»⁷.

В завершение отметим, что лучший способ элиминации идеологически ангажированных построений — исчерпывающая экспликация их оснований и ограничений (чему и посвящен этот текст).

---

⁶ Так, общеизвестно, что МОБ Японии составлял В. Леонтьев. Об истинных масштабах централизации экономики США см.: [6].

⁷ Цит. по: [7].

Литература

1. *Lange O., Taylor F.* On the Economic Theory of Socialism. Minneapolis, 1938.
2. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институции экономической теории. М., 2003.
3. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. № 2.
4. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М., 1992.
5. *Крылов К.* Новая ступень эволюции? // <http://contr-tv.ru/>.
6. *Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П.* США: федеральная контрактная система и экономика: механизм регулирования. М., 2002.
7. *Хомский Н.* Неолиберализм и глобальный порядок (Отрывки из книги Profit Over People, Seven Stories Press, 1999) // <http://www.archipelag.ru/>.

Ю.А. КРОПИН

Существует ли закон спроса и предложения?

В учебной литературе формирование цен чаще всего раскрывается с позиции неоклассической школы экономической мысли. Ее наиболее известными современными представителями являются авторы курса «Экономикс» К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, рассматривающие процесс ценообразования с точки зрения закона спроса и предложения, состоящего собственно из трех законов — закона спроса, закона предложения и как бы сводного закона спроса и предложения. Проанализируем содержание данных законов в том их виде, как они представлены в названном курсе.

Закон спроса. Данный закон говорит об обратной зависимости «между ценой и величиной спроса» [1, 62]. В такой его формулировке сразу же обращает на себя внимание одна методологическая некорректность, состоящая в том, что в связь ставятся не соответствующие друг другу параметры, а именно: просто цена и величина спроса. Корректная же формулировка закона требует того, чтобы величина спроса была поставлена в связь не просто с ценой, а с величиной цены. Если, с одной стороны, речь идет о величине какого-либо одного параметра, то, с другой стороны, речь должна идти также именно о величине какого-либо другого параметра.

Следующее обстоятельство, которое тоже обращает на себя внимание, заключается в отсутствии раскрытия хотя бы в самом общем виде понятия «спрос». Оставив без рассмотрения этот важнейший исход-

ный пункт всего курса, авторы «Экономикса» сразу же переходят к тому, как спрос изображается графически. «Спрос, — пишут они, — изображается в виде графика, показывающего количество продукта, которое потребители готовы и в состоянии купить по некоторой цене из возможных в течение определенного периода времени цен» [1, 61].

Раскрывая закон спроса К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, приводят «гипотетические данные» индивидуального спроса «мифического потребителя» кукурузы (табл. 1).

Таблица 1

Цена за бушель (дол.)	Величина спроса в неделю
5	10
4	20
3	35
2	55
1	80

И на основании этих данных строится график, иллюстрирующий обратную зависимость величины спроса от размера цены. График выглядит следующим образом (рис. 1).

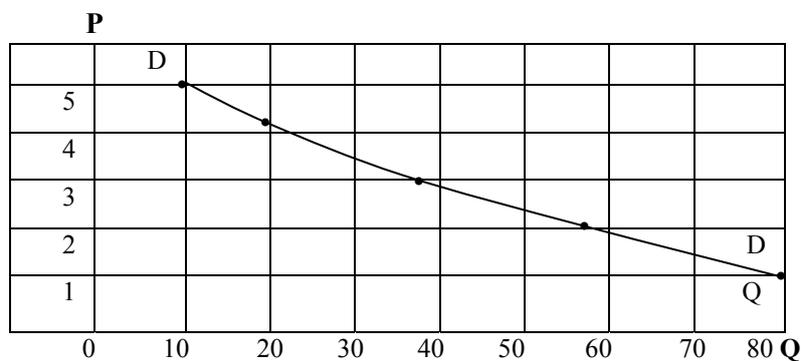

Рис. 1

Из приведенных данных и графика можно заключить, что если бы цена за бушель кукурузы приближалась к нулю, то величина спроса на нее со стороны индивидуального покупателя возрастала бы до бесконечности. Однако такое заключение было бы нелепым, исходящим из допущения, что индивидуальный покупатель является ненасытным потребителем кукурузы. Между тем в реальности потребление каждого индивидуального покупателя кукурузы ограничивается не только размером цены на данный товар, но и размером потребности в нем, от

которого (размера потребности) в приведенных гипотетических данных отвлекаются. Более того, авторы «Экономикса» прямо указывают, что «обратная связь между ценой и величиной спроса существует в любой другой точке графика» [1, 63]. В действительности такое утверждение необоснованно. Кривая спроса не может уходить вправо до бесконечности по мере приближения цены к 0 дол. Она должна иметь ограничения в виде естественной величины потребности индивидуального потребителя в данном продукте.

Другим ограничением, которое обязательно должно быть обозначено на кривой спроса, является размер издержек одного бушеля кукурузы. Но от них также почему-то отвлекаются. Судя по графику, они составляют ниже 1 дол. за бушель, так как кривая спроса на графике несколько опускается за эту величину. В действительности же величина цены товара в принципе не может быть ниже его издержек. Поэтому на графике необходимо было отразить еще один важный параметр, ограничивающий кривую спроса. В противном случае эта кривая будет отражением процесса, лишённого экономического смысла. Абстрагировавшись же от естественной величины потребности в кукурузе и размера издержек, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю выдают частный случай за закон.

Если предположить, что издержки кукурузы составляют даже 1 дол. за один бушель, а не ниже, как это следует из графика, то все равно можно было бы порадоваться за уровень прибыльности производителей—продавцов этого товара. Судя по приведенным данным, от реализации уже 55 бушелей кукурузы они имели бы прибыльность, равную 100%. Это, конечно, завидные показатели; правда, в реальности такие показатели обычно воспринимаются как нечто аномальное.

Следует также обратить внимание на то, что величина цены товара ограничивается не только размером его издержек, но и платежеспособностью покупателя-потребителя. Поэтому кривая индивидуального спроса должна быть ограничена не только справа, но и слева — платежеспособностью покупателя—потребителя кукурузы. В общем, она должна быть ограничена с двух сторон. И лишь в рамках этих ограничений она может отражать обратную зависимость между величиной цены товара и величиной спроса на него со стороны «мифического» покупателя.

Однако даже в этом ограниченном интервале указанная зависимость будет существовать далеко не всегда. Она может быть лишь в том случае, если товарный продукт по своим потребительским свойствам соответствует потребностям конкретного покупателя-потребителя, если он имеет для него ценность. Если же товарный продукт не будет

соответствовать индивидуальным потребностям покупателя-потребителя, если он не будет иметь для него ценности, то никакое изменение величины цены не повлияет на величину спроса на него. Однако данное обстоятельство даже не обозначено в курсе «Экономика» в числе «неценовых детерминантов» при раскрытии закона спроса.

В рамках этого закона лишь утверждается, что при повышении цены товара спрос на него падает, а при понижении цены спрос, напротив, растет. Другими словами, в данном законе говорится о последствиях изменения величины цены товара; но ничего не говорится о том, отчего она повышается или же понижается, т. е. в законе спроса ничего не говорится о причине изменения величины цены. Более того, в нем ничего не говорится о том, как первоначально устанавливается тот размер цены, с которого происходит его понижение или же повышение. Между тем действительный закон цены товара представляет собой причинно-следственную связь между обстоятельствами, влияющими на величину цены, и самой этой величиной. Размер цены в таком законе выступает следствием, а не причиной. В законе же спроса, напротив, размер цены выступает причиной, обуславливающей определенные следствия. Данное обстоятельство означает, что в законе спроса действительный закон цены товара отсутствует, о действительной причинно-следственной связи, реализующейся в ценообразовании, в данном законе фактически ничего не говорится.

Таким образом, неопределенность исходного понятия «спрос», ограниченность кривой индивидуального спроса (с двух сторон), игнорирование в рамках этой кривой обстоятельств, действительно связывающих величину цены товара с объемом его спроса (продаж), а также абстрагирование от причин, влияющих на формирование величины цены товара, свидетельствует о том, что закона индивидуального спроса не существует.

От «шкалы индивидуального спроса» К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю переходят к рассмотрению «шкалы рыночного спроса». Этот переход ими легко осуществляется «посредством суммирования величин спроса, предъявляемого каждым потребителем при разных возможных ценах» [1, 64]. При этом они указывают на такие «неценовые детерминанты» рыночного спроса, как «1) вкусы, или предпочтения потребителей; 2) число потребителей на рынке; 3) денежные доходы потребителей; 4) цены на сопряженные товары и 5) потребительские ожидания относительно будущих цен и доходов» [1, 65]. Отвлекаясь от детального анализа этих «детерминантов», обратим внимание лишь на две объективные тенденции рыночного процесса: с одной стороны, проис-

ходит постепенный рост объема продаж почти всего товарного ассортимента, а с другой — постепенное увеличение размера денежных цен большинства товаров, предлагаемых на рынке к продаже. Эти тенденции на кривой рыночного спроса можно изобразить стрелками, которые имеют диаметрально противоположную направленность (рис. 2).

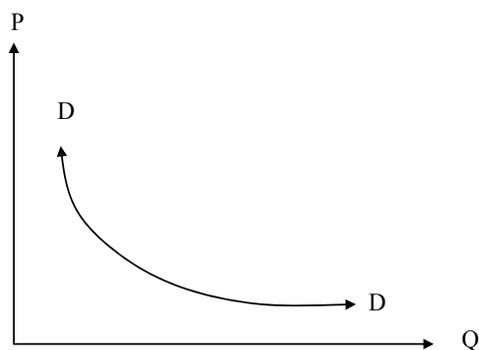

Рис. 2

Наличие такой разнонаправленности кривой рыночного спроса, иллюстрирующей соответствующий закон, свидетельствует о том, что она (кривая) является внутренне противоречивой, как собственно и сам закон. Закона рыночного спроса в действительности не существует так же, как и закона индивидуального спроса. Отличие кривой индивидуального спроса от кривой рыночного спроса заключается в том, что если первая ограничена с двух сторон, то вторая внутренне противоречива. Оперировать такими кривыми, «законами», экономическая наука не может.

Закон предложения. Данный закон «просто показывает, что производители хотят изготовить и предложить к продаже большее количество своего продукта по высокой цене, чем они хотели бы это сделать по низкой цене» [1, 68]. Прежде чем проанализировать содержание этого закона, обратим внимание на то, как понимается само предложение авторами «Экономикса». «Предложение, — пишут они, — можно определить как шкалу, показывающую разные количества продукта, которые производитель желает и способен произвести и предложить к продаже на рынке по каждой конкретной цене из ряда возможных цен в течение определенного периода времени» [1, 67]. Из такого определения следует, что предложение включает в себя как разные «количества продукта», так и их «конкретные цены». Вместе с тем, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю указывают, что «между ценой и величи-

ной предложения существует прямая связь» [1, 68]. Из последнего определения уже следует, что цена является самостоятельным элементом и не входит в предложение как таковое; между ней и предложением существует прямая связь. Соответственно в данном случае под предложением, видимо, следует понимать лишь количество продукта. Таким образом, читателю представлены два разных определения предложения. Каким из них следует руководствоваться, остается неясным.

Кстати, в последнем определении присутствует такая же методологическая некорректность, как и в определении закона спроса. Если, с одной стороны, речь идет о величине предложения, то, с другой, речь должна идти также именно о величине цены, а не просто о цене. Кроме этой некорректности авторы «Экономикса» допускают еще одну принципиальную ошибку, отмечая, что «цена представляет собой выручку за каждую единицу продукта» [1, 68]. Цена и выручка от продажи товара это хотя и взаимосвязанные, но все же разные явления, которые нельзя отождествлять.

Итак, оставаясь в неведении относительно того, что собственно следует понимать под предложением как таковым, рассмотрим теперь закон предложения.

Графически его изображают следующей кривой (рис. 3).

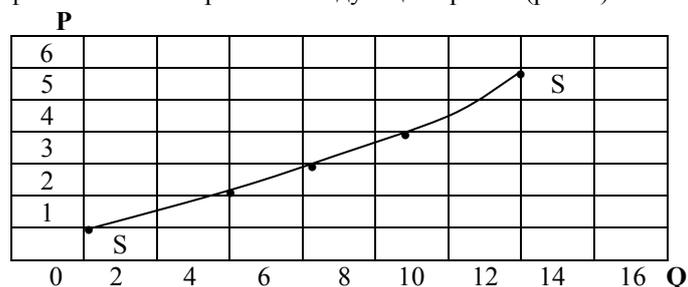

Рис. 3

Заметим, это кривая изображает не индивидуальное, а уже рыночное предложение. График же индивидуального предложения в отличие от графика индивидуального спроса в «Экономиксе» отсутствует, в связи с чем нарушается, так сказать, симметричность в рассмотрении закона спроса и предложения.

Кривая рыночного предложения наглядно показывает, что величина предложения находится в прямой зависимости от величины цены. Так, если размер цены возрастает, то и величина предложения тоже растет. Однако из содержания закона предложения остается неясным, вследствие чего растет цена. В структуру цены входят два элемента:

издержки и та часть, которая их превышает. Цена может расти как вследствие увеличения издержек, так и вследствие увеличения размера наценки к издержкам, а также вследствие одновременного увеличения обеих структурных частей цены товара. Рост любой ли части цены будет обуславливать увеличение предложения? Очевидно, не любой. Так, если рост цены произойдет вследствие увеличения издержек, то это, согласно уже рассмотренному закону спроса, должно привести не к увеличению объема производства (размеру предложения), а, напротив, к его сокращению. Именно так обстояло дело в странах Западной Европы на протяжении 1970-х гг. и в нашей стране, начиная с 1 января 1992 г. Цены за несколько лет в России выросли в десятки, и даже сотни раз на весь товарный ассортимент, в то время как объем производства (предложения) не возрос даже на символическую величину; более того, он упал во многих случаях просто до катастрофических размеров (вплоть до полного исчезновения целых отраслей национальной экономики). Ирония состоит в том, что именно с этого времени в вузах страны стали преподавать закон предложения, согласно которому рост цен должен вызывать адекватный рост производства (предложения). Практика не подтвердила наличие такой связи, она опровергла закон предложения.

Рост цен может вызвать увеличение объема производства лишь в том случае, если он будет обусловлен ажиотажным спросом, следовательно, увеличением наценки к издержкам. Однако ажиотажный спрос явление скоропреходящее, которое как внезапно наступает, так и неожиданно проходит. Соответственно ажиотажный спрос может вызывать рост объема производства (предложения) лишь в краткосрочном периоде. Таким образом, влияние роста цен на величину предложения (объема производства) может быть лишь частичным и при том кратковременным. А такая связь явлений в принципе не может быть идентифицирована как объективный экономический закон.

Производители-продавцы реагируют не на рост цен, как об этом говорится в рассматриваемом законе, а на возможный рост прибыли, прибыльности своей деятельности. И если такового роста при повышении цен ими не будет предвидеться, то они практически вряд ли станут увеличивать объем своего производства.

Таким образом, изменение величины цены не выступает тем фактором, который приводит к однозначным последствиям в отношении изменения размера предложения (производства).

Закон предложения говорит о реакции производителей—продавцов товаров на изменение величины цены; но он ничего не говорит о том, кто собственно и как ее устанавливает (если не они сами).

Поскольку та или иная цена товара, на которую реагируют производители-продавцы, выступает для них величиной данной, определенной без их участия, постольку собственно отпадает необходимость дальнейшего рассмотрения действий этих участников рыночных отношений в плане ценообразования. Более того, поскольку та или иная цена, на которую реагируют производители—продавцы товара, выступает для них величиной данной, то ее можно рассматривать уже как равновесную. Между тем, таковая еще только должна быть определена. Эти обстоятельства свидетельствуют о полной алогичности закона предложения.

Закон спроса и предложения. Трудность анализа данного закона обуславливается тем, что он не сформулирован в курсе «Экономика». Очевидно, что это обусловлено не тривиальной невнимательностью авторов, а причинами более существенного порядка. Сформулировать как бы сводный закон ценообразования на основе взаимодействия двух несуществующих законов — дело непростое. И поскольку таковой закон не сформулирован, то проанализируем лишь те отдельные замечания, которые приводятся в «Экономиксе» в разделе «Предложение и спрос: рыночное равновесие».

Здесь говорится о пересечении кривых рыночного спроса и рыночного предложения. (Взаимодействие же индивидуального спроса и индивидуального предложения в «Экономиксе», разумеется, отсутствует.)

Графически пересечение кривых рыночного спроса и рыночного предложения выглядит следующим образом (рис. 4).

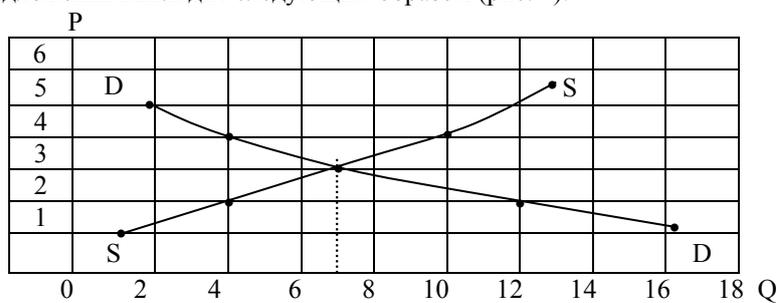

Рис. 4

На первый взгляд, такой график может показаться убедительным. Однако за этой внешней видимостью скрывается ряд принципиальных недостатков.

Прежде всего, следует обратить внимание на то обстоятельство, что на этом графике на одной оси (на оси абсцисс) откладываются од-

новременно две разные величины — спрос и предложение (объем продаж и объем производства). С математической точки зрения такое отложение разных величин на одной оси является некорректным. Причем, преодоление данной математической некорректности невозможно даже при условии, если графики рыночного спроса и рыночного предложения будут поставлены бесконечно близко друг к другу: кривые по-прежнему будут находиться в разных системах координат и потому никогда не пересекутся.

Кстати, формальным упущением всех приведенных графиков является то, что они не полностью отражают иллюстрируемые законы. Так, рыночный спрос, рыночное предложение, спрос и предложение рассматриваются в определенном интервале времени, но при этом ось времени ни на одном из графиков не изображается. Если бы она была изображена, то кривые спроса и предложения представляли бы собой уже не линии, а некоторые плоскости, пересечение которых, видимо, должно было дать не «равновесную точку» [1, 73], а уже некоторую линию. Правда, и эта линия, как и «равновесная точка», была бы лишь оптическим обманом, так как плоскости спроса и предложения по-прежнему находились бы в разных системах координат.

Принципиальная невозможность пересечения кривых рыночного спроса и рыночного предложения на графике в какой-то мере является отражением фактического положения дел. На рынке при установлении цен взаимодействуют не ассоциации покупателей-потребителей и производителей-продавцов, сталкивающихся между собой в виде рыночного спроса и рыночного предложения, в результате чего возникает якобы равновесная цена некоторого (экземпляра) товара, а действуют обособленные частные лица, у каждого из которых свои интересы и свое представление о приемлемой для них цене. В результате торга частные лица в каждой частной сделке приходят к определенному соглашению относительно взаимоприемлемой величины цены, по которой и происходит его реализация. В одной сделке это будет одна величина, в другой сделке другая и т. д. В целом по тому или иному товару в определенной сфере рынка формируется определенный разброс (коридор) цен. Наличие этого коридора свидетельствует о принципиальной невозможности совпадения кривых рыночного спроса и рыночного предложения, а значит невозможности существования так называемой равновесной цены. Наличие такой цены означало бы, что все производители-продавцы и покупатели-потребители сошлись в одном месте в один момент времени на одной и той же величине цены одного и того же (экземпляра) товара. Такое допущение нелепо, но именно из него исходит неоклассическая школа экономической мысли в своих

рассуждениях об установлении равновесной цены. Пересечение кривых спроса и предложения и практическое установление взаимоприемлемой («равновесной») цены могут быть лишь при взаимодействии индивидуальных величин спроса и предложения. Но такое взаимодействие в курсе «Экономикса» отсутствует. Таким образом, невозможность корректного пересечения кривых рыночного спроса и рыночного предложения на графике и установления равновесной цены действительно является в какой-то мере отражением фактического положения дел на рынке. Все перечисленные недостатки закона спроса и предложения свидетельствуют об отсутствии такого закона.

Каждый участник рыночных отношений последовательно выступает, с одной стороны, в качестве покупателя—потребителя товарных продуктов, а с другой — в качестве производителя—продавца товаров. Разница между этими качествами в плане ценообразования сводится к следующему. Сумма цен товарных продуктов, которые каждый участник рыночных отношений может приобрести, исходя из своих бюджетных возможностей, меньше суммы цен товаров, которые он сам предлагает на рынке к продаже. Разница между этими величинами составляет экономическую основу прибыли. Поскольку такая ситуация характерна в принципе для всех участников рыночных отношений, постольку она свойственна для всего рынка в целом. Общая сумма цен товарных продуктов, которые все покупатели-потребители могут приобрести в течение определенного промежутка времени, меньше общей суммы цен товаров, которые предлагаются на рынке к продаже в течение этого же интервала времени. Причем это обусловлено не только тем, что производители-продавцы предлагают свои товары к продаже по цене большей, чем были их издержки, но и тем, что многие из производителей-продавцов первоначально назначают цену на свой товар несколько завышенную, чтобы впоследствии можно было, поторгавшись с покупателем, уступить ему в цене.

В терминологии неоклассической школы экономической мысли первая величина — общая сумма цен товарных продуктов, обусловленная общей суммой бюджетных возможностей всех покупателей-потребителей за некоторый промежуток времени, представляет собой собственно величину платежеспособного рыночного спроса. А вторая величина — общая сумма цен всех товаров, предлагаемых на рынке к продаже в течение этого же интервала времени, составляет собственно величину рыночного предложения. При анализе закона спроса и предложения указывалось на принципиальную невозможность пересечения кривых рыночного спроса и рыночного предложения по отдельному товару в отдельной сфере рынка. Теперь же речь о невозможности

совпадения рыночного спроса и рыночного предложения в рамках всего рынка. Спрос в масштабе рынка в принципе не может быть равным предложению; совпадение этих величин означало бы отсутствие у страны экономической основы получения валового национального дохода, являющегося основой экономического роста. Равенство рыночного спроса и рыночного предложения противоречит самой сущности рынка, состоящей в постоянном самовозрастании. Это также свидетельствует о том, что закон спроса и предложения является просто нонсенсом неоклассической школы экономической мысли.

Литература

1. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Т. 1. М., 1995.

Е.В. ГНИЛИТСКАЯ

Формирование хозяйственного пространства для развития национально-государственной экономической системы

Реализация хозяйственной деятельности человека характеризуется рядом меняющихся параметров-координат: местом, временем, пространством. Место (территория) — география, производство, торговля, границы. Время (продолжительность) — историческая эпоха. Пространство (многомерность) — контролируемый объем над конкретной территорией (например, воздушное пространство). Организации хозяйственной деятельности человека присуща территориально-временно-пространственная определенность. Хозяйственное пространство — территориально-объемный параметр реализации хозяйственной деятельности.

Для исследования развития национально-государственной экономической системы хозяйственное пространство рассматривается в двух приоритетных взаимообусловленных формах реализации — как национальное и как мировое. Национальное хозяйственное пространство — территориально-объемный параметр реализации национального хозяйства. Мировое хозяйственное пространство — территориально-объемный параметр реализации мирового хозяйства.

Формирование хозяйственного пространства, в котором реализуется и развивается национально-государственная экономическая система, происходит под воздействием процессов глобализации, усиления

наднационального регулирования, роста влияния транснациональных корпораций, при увеличении ответственности национального государства и на основе цивилизационных особенностей.

Национальное и мировое хозяйственные пространства, развиваясь, оказывают влияние друг на друга, причем мировое хозяйственное пространство влияет на развитие национального через международные организации, распространение информации, наднациональные институциональные структуры. Влияние национального хозяйственного пространства на мировое хозяйственное пространство различно для разных групп стран. Параметрами хозяйственного пространства, необходимого для развития национально-государственной экономической системы, являются: институты, структура экономики, уровень технологий, позиции национального государства, специализация в международном разделении труда.

Функции государства как координирующего, защищающего и контролирующего развитие хозяйственного пространства центра в условиях глобализации и современного технологического развития расширяются. Государство становится хозяйствующим субъектом на подконтрольном хозяйственном пространстве. В условиях все более жесткой международной конкуренции необходимо защищать национальные товары на рынках других стран, оказывать протекционистскую поддержку национальному производству, перераспределять финансовые и кадровые ресурсы в наиболее перспективные отрасли хозяйства, формировать институциональные правила и обеспечить их соблюдение. Получается, что именно национальное государство оказывается способно погасить разнонаправленные интересы отдельных хозяйствующих субъектов и направить их в необходимое для стратегического успеха страны русло. Именно в руках национального государства концентрируются необходимые ресурсы, именно национальное государство выступает субъектом международных отношений, действуя в мегасубъектном, мировом хозяйственном пространстве, т. е. национальное государство ведет мегасубъектную хозяйственную деятельность, обеспечивая тем самым благоприятные возможности реализации стратегии конкурентоспособного развития национального хозяйства.

В условиях глобализации возможности реализации мегажизненной функции национальных государств качественно различаются. Это проявляется на практике через механизм участия отдельных стран в формировании капитала международных организаций и в процессе принятия ими судьбоносных для мира решений, в возможностях политического влияния и вхождения в мировую элиту, например, «Группу восьми», Совет Безопасности ООН, разрабатывающую «правила пове-

дения» для других и проводящую в жизнь выгодные им хозяйственные мероприятия. Хозяйственная мощь национального хозяйства заставляет остальных считаться с позицией этого национального государства, существенно расширяя для него возможности влияния на мировые процессы, создавая дополнительные преимущества в реализации стратегии конкурентоспособного развития.

Российское хозяйственное пространство формируется в значительной степени под влиянием мировой конъюнктуры на энергоносители, не создавая устойчивой основы конкурентоспособного развития страны. Альтернативой являются разработка и реализация стратегии инновационного развития страны, опирающейся на раскрытие человеческого потенциала, на эффективное «применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом» [1] и требующей системных, масштабных, долговременных инвестиций в человеческий капитал.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 г., зафиксировано: «Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития... Российская Федерация располагает реальным потенциалом для того, чтобы занять достойное место в мире» [2]. Обеспечение конкурентоспособности нашей страны в глобализующемся мире может быть достигнуто через создание «благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода экономики на инновационный путь развития» [2], и на основе применения «содержательных, философских подходов» [3, 2]. Ситуация усугубляется усиливающейся международной конкуренцией, активным проникновением транснациональных компаний на российский рынок и необходимостью для отечественных предприятий выдерживать возросшую конкуренцию.

По мере развития информационных технологий и распространения глобализации на все большее число областей хозяйственной жизнедеятельности происходят переосмысление и пересмотр теоретических концепций, отражающих данные события, объективно расширяется понятийный аппарат анализа. Системный анализ современных мирохозяйственных процессов с необходимостью предполагает «исследование глубинных закономерностей функционирования и эволюции национально-государственных экономических систем» [4, 21], способствуя пониманию природы формирования конкурентных преимуществ национального хозяйства в условиях глобализации. Качественными параметрами мирового хозяйственного пространства, имеющими оп-

ределяющее значение для конкурентоспособного развития национальных хозяйств, являются: сетевой характер распространения информации, продуктов, услуг, капитала; рост влияния ТНК, позволяющий им контролировать развитие национальных хозяйств; интеллектуальные и технологические мотивы успеха производительных капиталов на мировых рынках; институциональные основания развития национального хозяйства при активной роли макроэкономической политики государства; формирование мирового хозяйственного центра, его укрепление и расширение функций по регулированию мирохозяйственных процессов.

Национальное хозяйство обладает уникальным социокультурным кодом, выступающим в качестве важного параметра его развития и несущего в себе базовые (родовые) структурные элементы потенциала социохозяйственной системы. Это природно-географическая специфика, ментальные особенности, традиции культуры, принципы организации хозяйственного взаимодействия и защиты подконтрольной территории, механизмы принятия общехозяйственных решений и обеспечения их практической реализации, социальная структура общества, торговые связи и специализация в межхозяйственном обмене. В условиях глобализации цивилизационные особенности приобретают качественно иное звучание, предопределяя эффективность участия национального хозяйства в международном разделении труда. Национальное хозяйство есть цивилизационный феномен, поскольку, развиваясь, вбирает в себя и органично сочетает все элементы, факторы и процессы, принадлежащие к хозяйственной цивилизации и оказывающие определяющее воздействие на его реализацию как субъектной целостности. Хозяйственная цивилизация рассматривается как устойчивая и жизнеспособная система организации разумной деятельности человека, отражающая культурно-исторические особенности и ментальные формы взаимодействия и выступающая как целостная субъектная единица пространственно-временного бытия. Элементами хозяйственной цивилизации, формирующими представление о ней как об устойчивой во времени жизнеспособной целостности, являются: организационно-правовые формы предприятий, отношения собственности, социальная структура общества, нормативно-правовая база, производственно-торговая специализация, принятые нормы хозяйственного поведения, религиозные традиции, природно-географические условия, характеризующие историческую эпоху и определяющие специфику хозяйственного поведения ее представителей.

Историческими примерами хозяйственных цивилизаций выступают: египетская хозяйственная цивилизация и реализующееся на ее ос-

нове хозяйство; греческая, византийская, римская, японская, китайская, европейская, арабская, российская, латиноамериканская, африканская хозяйственные цивилизации и хозяйства. В значительной степени на формирование особенностей хозяйственных цивилизаций влияют религия (обычаи, обряды, культы, верования) и география (пища, одежда, жилище, торговля, оборона). Расположенные рядом небольшие по территории и близкие по географии страны, в силу единых цивилизационно-хозяйственных корней, могут иметь схожие национально-хозяйственные системы, что способствует развитию региональной и субрегиональной интеграции и практически активно реализуется странами Западной Европы (Европейский союз), Латинской Америки (Латиноамериканская экономическая система, СЕЛА), Карибского бассейна (Карибское сообщество и Карибский общий рынок, КАРИКОМ), арабскими странами (Совет арабского экономического единства, САЭ), государствами Африки (Экономическое сообщество государств Западной Африки, ЭКОВАС), странами Юго-Восточной Азии (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН). И чем, при прочих равных условиях, меньше территории национальных государств, тем сильнее обнаруживается их стремление к взаимодействию с соседями, вполне вписываясь в концепции сохранения национальной целостности и безопасности отдельных стран, поскольку вместе маленьким территориям легче реализовывать свои цели жизнеспособного бытия. Региональное сотрудничество потенциально может подкреплять национальные стратегии развития [5, 7]. В числе наиболее перспективных и динамичных направлений сотрудничества находятся инвестиционные проекты, реализуемые на основе международных инвестиционных соглашений. Однако, по данным ЮНКТАД, только небольшая часть этих соглашений [6, 13] содержит сопровождение инвестиций шаг за шагом в части страхования, трансфера технологий для обеспечения успеха проекта.

Крупные территориально-хозяйственные образования, относимые обычно к образованиям имперского типа (Римская империя, Византийская империя, Российская империя), напротив, используя накопленный потенциал, демонстрируют политику расширения подконтрольного пространства и, зачастую, распадаются в результате утраты возможностей управления. В большей степени это касается приграничных территорий, которые быстрее подпадают под влияние более близко расположенного хозяйственного центра, испытывая его хозяйственное «притяжение». Процесс расширения хозяйственной территории ограничивается возможностями осуществления управления. Управление предполагает способность эффективного, добровольного

или принудительного, распространения единообразной системы ценностей, приведения всех слагаемых «к общему знаменателю», некой унификации стандартов бытия хозяйственных элементов, реализуемой укрепляющимся хозяйственным центром через создаваемую им организационную структуру управления (наместники, губернаторы, представители). Интересно, что губернаторами часто были военные (генерал-губернаторы), располагавшие, как правило, гарнизонами и способные при необходимости мобилизовать имевшиеся силы для восстания и поддержания установленного порядка.

Родственные в цивилизационно-хозяйственном формировании территориальные образования обнаруживают стремление и раскрывающиеся способности к активному взаимодействию, институциональному взаимопроникновению, сотрудничеству и совместному построению общих хозяйственных приоритетов, что не исключает сохранения национальной идентичности и необходимости охранения национальных основ хозяйственного бытия. Происходит процесс институционализации общехозяйственных ценностей в региональном и субрегиональном аспектах мирохозяйственного пространства. Национальные хозяйственные пространства «делегируют» часть функций на межхозяйственный уровень, достигая укрепления формирующегося таким образом хозяйственного центра и одновременно утрачивая возможность выработки собственного независимого курса развития, все активнее согласовывая свои действия с партнерами. Появление новых информационных технологий во второй половине XX в. дало мощный импульс для уплотнения межхозяйственного обмена, позволив существенно снизить затраты времени на реализацию внутри- и межнациональных операций.

В современном мире основными источниками развития становятся знания, инновации, технологии, позволяющие достичь серьезных конкурентных преимуществ. Меняются и механизмы реализации возможностей конкурентоспособного развития, находя практическое проявление в расширении инструментов государственного регулирования, в применении защитных механизмов от институционального поглощения национального хозяйственного пространства извне, в повышении значения адаптационных возможностей национального хозяйства относительно внешней среды, в необходимости эффективного взаимодействия национального государства с транснациональными компаниями. Одновременно меняются качественные параметры и механизмы развития и национальных, и мирового хозяйственных пространств. Скорость изменения системы качественных параметров возрастает, актуализируя адаптационные способности национальных хозяйствен-

ных пространств и выводя эти способности в число жизненно важных характеристик для сохранения субъектной целостности и осуществления самостоятельного бытия. Современное мировое хозяйство характеризуется сетевым распространением информации. Компьютерные технологии позволяют контролировать хозяйственные операции, реализуемые в различных регионах мира. Сети как форма организации материи и продвижения ее в хозяйственном пространстве распространились на информацию, продукты, услуги, капитал.

Движущей силой процесса глобализации выступают иностранные инвестиции, оказывая принципиальное воздействие на процесс формирования хозяйственного пространства для развития национально-государственных экономических систем. В международном переливе капитала заинтересованы как вывозящие его компании и страны в целом, так и компании и страны-реципиенты: первые таким путем осваивают новые рынки сбыта, увеличивают свои прибыли и, соответственно, доходы государственных бюджетов, вторые получают дополнительные инвестиции, более высокие технологии, квалифицированные менеджмент и маркетинг, значит, и ускорение темпов технико-экономического развития. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в настоящее время имеют ряд особенностей в своем движении: 1) малые страны (Нидерланды, Швейцария) выступают в роли крупных экспортеров капитала; 2) преимущественный рост ПИИ происходит в наукоемких отраслях; 3) ТНК выступают как основной источник ПИИ; 4) США и страны ЕС — преобладающая сфера приложения ПИИ; 5) опережающие темпы роста ПИИ по сравнению с ВВП и торговлей.

Приток прямых иностранных инвестиций в 2006 г. в целом по миру вырос на 38% — до 1306 млрд дол., отток прямых иностранных инвестиций в 2006 г. вырос на 45% — до 1216 млрд долл. [7, 3]. Глобальные инвестиционные потоки заметно выросли благодаря увеличению на 23% трансграничных слияний и приобретений — до 880 млрд дол. Существенная часть трансграничных инвестиций осуществляется транснациональными корпорациями. По данным ЮНКТАД, на конец 2005 г. в мире насчитывалось 78 тыс. материнских компаний, которые имели 780 тыс. иностранных филиалов с персоналом 63,8 млн чел. Приток ПИИ в развитые страны в 2006 г. вырос на 45% — до 857 млрд дол. Основные страны — реципиенты прямых иностранных инвестиций в 2006 г. (млрд дол.): США — 175,4; Великобритания — 139,5; Франция — 81,1; Бельгия — 72,0; Китай — 69,5; Канада — 69,0; Гонконг — 42,9; Германия — 42,9; Италия — 39,2; Люксембург — 29,3; Россия — 28,7; Швеция — 27,2; Швейцария — 25,1; Сингапур — 24,2. Страны — экспортеры прямых иностранных инвестиций в 2006 г.

(млрд дол.): США — 216,6; Франция — 115,0; Испания — 89,7; Швейцария — 81,5; Великобритания — 79,5; Германия — 79,4; Бельгия — 63,0; Япония — 50,3; Канада — 45,2; Гонконг — 43,5; Италия — 42,0; Бразилия — 28,2; Россия — 18,0; Норвегия — 10,3.

По прогнозу ЮНКТАД [8, 7], в 2008 — 2009 гг. продолжится рост объемов прямых иностранных инвестиций, слияний и поглощений. Кроме того, международная конкуренция заставляет ТНК увеличивать инвестиции для развития (R&D), и к 2009 г. КНР, США и Индия будут в тройке лидеров [9, 20] по объему ПИИ для развития, осуществляемых транснациональными корпорациями. Динамика ТНК во многом определяет позиционирование крупного международного капитала. Для стран Центральной и Восточной Европы (включая Россию), прямые иностранные инвестиции, реализуемые ТНК, сыграли принципиальную роль в осуществлении их перехода к рыночной системе [10, 38]. Транснациональные корпорации оказывают серьезное влияние на развитие хозяйственных систем стран базирования как в институциональном, так и в политическом смысле. Современные ТНК характеризуют качественно новый этап развития мирохозяйственных связей в аспекте формирования наднациональных хозяйственных центров, концентрирующих финансовые и научные ресурсы и участвующих в формировании принципиальных институциональных изменений в организации мирового хозяйственного пространства. Особенность современного этапа развития мирового хозяйства проявляется в укреплении такого рода хозяйственных центров, расширении сфер их конкурентоспособного бытия и необходимости в этих условиях национальным государствам, с одной стороны, выработать механизм взаимодействия с ТНК, а с другой — эффективно противостоять их агрессивному институциональному проникновению и сохранять национальную идентичность. Инновационно-инвестиционная деятельность ТНК, в значительной степени поддерживаемая странами базирования материнских компаний и осуществляемая зачастую совместно с правительствами этих государств, оказывает серьезное и все возрастающее влияние на возможности конкурентоспособного развития национальных хозяйств, ограничивая означенные возможности и все в большей степени проникая на национальные рынки. В этих условиях трансформируются принципы конкурентоспособного развития национальных хозяйств.

Увеличение степени открытости национальной экономики сопровождается усилением участия национального государства в регулировании хозяйственных процессов по защите внутреннего рынка, созданию необходимых институциональных условий стимулирования пред-

принимательства, по реализации системы мер макроэкономической политики, направленной на повышение степени адаптивности и сохранение целостности национального хозяйственного пространства. Происходящие глобализационные трансформации обуславливают смену приоритетных факторов конкурентоспособного развития национальных хозяйств. Если в предшествующие исторические периоды достаточными выступали природные условия, полезные ископаемые, выгодное географическое положение, наличие дешевой рабочей силы, опережающее другие страны развитие промышленности, то в современных условиях, когда значительно возросла международная конкуренция, а новая информация все более трудно защищаема и распространяется в режиме реального времени, принципиально иное звучание приобретают способности национального государства по эффективной организации инновационно-инвестиционной деятельности на основе развития интеллекта, поскольку именно постоянно увеличивающиеся инвестиции в новые технологии и интеллектуальные способности человека позволяют добиваться стратегического успеха на глобальном рынке.

Выполненный на основе применения междисциплинарного подхода системный анализ [11] позволил сформулировать вывод о том, что необходимым условием успешного хозяйственного бытия нации в современном мире является сохранение целостности национального хозяйственного пространства при обязательном присутствии эффективного национального хозяйственного центра в виде национального государства, национально ориентированного крупного бизнеса, поддерживаемого национальным государством, особенно на рынках зарубежных стран, выращиваемых и поддерживаемых государством талантливых кадрах, способных генерировать неочевидные прорывные технологическо-управленческие идеи и реализовывать стратегию конкурентоспособного развития национального хозяйства в условиях глобализации. Хозяйственная практика наиболее успешных стран мира свидетельствует о грамотном сочетании различных форм собственности, поощрении частной инициативы на благо развития страны, участии государства в регулировании рыночных процессов и подтверждением служат успехи США, Японии, КНР, азиатских государств, Европейского союза, т. е. приоритетное распространение получает модель смешанной экономики в разных ее проявлениях.

Российская хозяйственная цивилизация имеет особенности своего формирования, обусловившие специфику реализации российского хозяйственного пространства и предопределяющие источники его конкурентоспособного развития в условиях глобализации. Социокультур-

ный код российского хозяйства отражает полиэтничность, природно-географические особенности, культурно-исторические традиции, организующую хозяйственное пространство и обеспечивающую его целостность роль сильного национального государства как координирующего и мобилизующего центра. Как пишет профессор Ю.М. Осипов, «набор возникших в России хозяйственных укладов не только не был случайным и конъюнктурным, а представлял собою органичное системное единство — российскую хозяйственную цивилизацию, входящую составной частью в российскую цивилизацию вообще» [12, 361]. И именно эти — цивилизационные — характеристики могут и должны быть положены в основу развития хозяйства. В 1990-е гг. произошел ряд серьезных геополитических трансформаций, оказавших принципиальное воздействие на ход последующего развития мирового хозяйства, причем Россия выступала одним из основных игроков, акторов, разворачивающихся событий. Пришедшие реформы принесли радикальные изменения по всем базовым направлениям хозяйственного бытия. По прошествии почти двадцати лет с начала системных трансформаций в России сформировалось качественное иное хозяйственное пространство.

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронов, анализируя последствия осуществленного в России в 1990-е гг. трансформационного перехода, констатирует: «Понесенные потери огромны» [13, 1]. С необходимостью произошла смена курса. Удалось преодолеть реально имевшуюся опасность развала страны. Государство вновь стало укрепляться, восстанавливая позиции в мире. Формируется стратегия по реализации потенциала развития национального хозяйства, в целом уже просматривается концепция движения страны, есть осознание необходимости перехода на инновационный тип роста, осуществления инвестиций в человеческий капитал. Вопрос заключается в том, каким образом мобилизовать и привлечь необходимые ресурсы, каков механизм реализации намеченных программных ориентиров с учетом преобладающих в российском обществе неэкономических факторов хозяйственной среды. Ключевые проблемы возникают в ментальной плоскости, в необходимости сплочения нации, преодоления социальной разобщенности. И разрешить их представляется возможным только на основе традиционных культурных ценностей России, цивилизационно-хозяйственных корней. Согласимся с высказыванием С. де Мадариаги, что «именно в человеке встречаем мы подлинные препятствия и именно в нем должны искать силы для их преодоления» [14, 7]. Важным фактором является национальный характер, сильные стороны которого

и необходимо использовать в кризисной ситуации. Российская история подтверждает способности целенаправленной мобилизации усилий нации для преодоления разрушающих воздействий.

Россия как миросубъектная хозяйственная целостность была создана сильной государственной властью, без наличия которой в настоящее время не представляется возможным сохранение субъектной целостности и реализация стратегии конкурентоспособного развития нашей страны. В настоящее время в России происходит заметное укрепление государства, обозначены национальные проекты, формируются государственные корпорации, развивается законодательная база инновационной направленности, растут показатели поступающих зарубежных инвестиций и внешней торговли, увеличиваются объемы международных резервов России.

Согласно данным Банка России, по состоянию на 24 июля 2008 г. денежная масса составила 14244,7 млрд р., международные резервы Российской Федерации — 568, 286 млрд дол. По данным Росстата, объем ВВП России за первый квартал 2008 г. составил в текущих ценах 8838,1 млрд р. В мае 2008 г. использовано 655,8 млрд р. инвестиций в основной капитал. По состоянию на 1 апреля 2008 г. на территории Российской Федерации осуществляли деятельность 10708 организаций с участием иностранного капитала (без малых предприятий). На 1 апреля 2008 г. в российской экономике накоплено 221045 млн дол. иностранных инвестиций, в том числе — 106604 млн дол. прямых. Лидерами по размещению прямых инвестиций в России являются: Кипр — 38283 млн дол. и Нидерланды — 37071 млн дол. Российский внешнеторговый оборот в апреле 2008 г. достиг максимального значения за последние 17 лет — 65,6 млрд дол. Положительное сальдо торгового баланса России выросло до 15,49 млрд дол. Увеличение экспорта связано со значительным ростом цен на топливно-энергетические товары на фоне небольшого изменения физических объемов. По данным Международной нефтяной биржи (Лондон), в апреле 2008 г. средняя цена на нефть сорта «Brent» составила 108,26 дол. за баррель, а — для сравнения — в апреле 1998 г. — только 13,92 дол. за баррель.

Россией определенные положительные результаты достигнуты. Однако важно использовать сложившуюся ситуацию в целях формирования стабильной основы для стратегического конкурентоспособного развития. Начать необходимо было с восстановления единого хозяйственного пространства, преодоления «лоскутности» хозяйственной территории страны, поскольку без решения этой проблемы все другие реализуемые государством меры не принесли бы желаемого результата. Профессор А.А. Пороховский подчеркивает, что «при всей

капризности и изменчивости современной мировой конъюнктуры до сих пор остается неизменным базовое условие прогресса любой страны — единое национальное экономическое пространство» [15, 52]. Для России единое пространство — условие сохранения субъектной целостности и основа для реализации стратегии конкурентоспособного развития.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется качественными изменениями в организации хозяйственного взаимодействия на основе интенсифицирующегося информационно-технологического обмена. Формируется мировое хозяйственное пространство, в рамках которого осуществляется жизнедеятельность национальных хозяйственных систем и реализуется самоорганизация хозяйственных субъектов. Характер конкуренции изменяется под влиянием ускоряющегося процесса трансляции знания, причем эффективность восприятия нового знания и структура трансляционного механизма оказывают возрастающее влияние на конкурентоспособность национальных хозяйственных систем.

Литература

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 года // Российская газета. 2008. 9 февр.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. // Российская газета 2008. 12 июля.
3. Выступление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в Министерстве иностранных дел Российской Федерации 15 июля 2008 г. // Российская газета. 2008. 16 июля.
4. *Сорокин Д.Е.* О традициях российской экономической науки // Экономическая наука современной России. 2008. Экспресс-выпуск. № 1 (13).
5. Trade and Development Report, 2007. Overview. UNCTAD. N. Y.; Geneva: United Nations, 2007. Globalization and Regionalization.
6. Investment Promotion Provisions in International Investment Agreements. UNCTAD Series on International Investment Policies for Development. UNCTAD. N. Y.; Geneva: United Nations, 2008.
7. World Investment Report 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. UNCTAD. N. Y.; Geneva: United Nations, 2007.
8. World Investment Prospects Survey 2007 — 2009. UNCTAD. N. Y.; Geneva: United Nations, 2007..
9. Prospects for Foreign Direct Investment and the Strategies of Transnational Corporations, 2005 — 2008. Executive Summary. UNCTAD. N. Y.; Geneva: United Nations, 2005.

10. *Boudier-Bensebaa F.* FDI-assisted development in the light of the investment development path paradigm: Evidence from Central and Eastern European countries // *Transnational Corporations*. UNCTAD. 2008. Vol. 17. No. 1.
11. *Гнилицкая Е.В.* Национальное хозяйство в эпоху глобализации. М., 2007.
12. *Осинов Ю.М.* Теория хозяйства. Начала высшей экономики: В 3 т. Т. III. М., 1998.
13. *Миронов С.М.* Служить другим и делать добро // Литературная газета. Вып. № 29 (6181). 2008. 16 июля.
14. *Мадариага де С.* Англичане, французы, испанцы. СПб., 2003.
15. *Пороховский А.А.* Единое экономическое пространство страны — определяющий фактор ее развития и конкурентоспособности // *Экономическая эффективность России* / Под ред. К.В. Папенова. Ч. I. М., 2007.

С.Б. КЫЗЫ МУСАЕВА

Человеческий капитал как один из источников равновесного экономического роста

Эффективность управления экономикой в условиях рынка, характеризующаяся многочисленными прямыми и обратными связями между ее составляющими, всецело зависит от научной обоснованности принимаемых решений, особенно тех, которые относятся к плоскости экономической политики государства. Опора на науку, точный объективный анализ и синтез макроэкономической ситуации как обязательная основа принимаемых стратегий остро ставит вопрос о разработке соответствующего инструментария принятия решений, адекватного природе рыночной экономики в целом и специфике национальных рыночных моделей хозяйствования.

Проблема переноса процесса принятия управленческих решений на качественно новую ступень — ступень оптимальных решений — связана также и с глобализацией экономики, ибо важной особенностью современного этапа мирового развития является резкое усиление значения экономических, социальных, политических, технических и экологических проблем, затрагивающих интересы всего человечества и требующих для своего решения общемировой координации действий. Этим объясняется тот резонанс, который получают различные проекты глобального развития, претендующие на системное описание и научное предвидение путей решения важнейших проблем начала XXI столетия и обозримого будущего.

Рассмотрим постановку одной из важнейших задач современности — задачу взаимоотношения государства и национальной экономики.

Не только отдельный человек, но и все общество живет в мире ограниченных возможностей. Поэтому ограниченность наличных ресурсов остается главным и весьма жестким условием, накладываемым объективной реальностью на размеры и возможности роста как общенационального, так и индивидуального благосостояния.

Следствием же ограниченности ресурсов (отметим, что данная ограниченность в основном носит относительный характер, т. е. вызвана принципиальной невозможностью одновременного и полного удовлетворения всех предъявляемых потребностей) является конкуренция: перед экономической системой всегда стоит задача выбора направлений и способов использования ограниченных ресурсов в различных конкурирующих целях. Иными словами, речь идет об определении производственных возможностей национальной экономики. Решение этой задачи является приоритетом экономической политики государства.

Взаимоотношения государства и экономики во все времена находились в центре внимания экономической науки, поскольку методы решения задачи выбора направлений и способов использования ограниченных ресурсов в различных конкурирующих целях и составляют предмет экономической науки. Системное исследование роли государства в экономике в конечном счете определяет концептуальные основы равновесного экономического развития страны. Однако вопрос о роли государства в экономике всегда был предметом споров не только среди экономистов, но и между экономическими школами. Еще экономисты классической школы во главе с А. Смитом считали, что роль государства в экономике должна быть сведена к минимуму.

Последователи же выдающегося английского экономиста Дж.М. Кейнса считают, что рыночная экономика в целом внутренне не стабильна и не имеет надежных механизмов, препятствующих развитию этой внутренней нестабильности. Поэтому без вмешательства государства спад производства и инфляционные процессы могут оказаться чрезвычайно глубокими и продолжительными. Представители же «монетаристской» школы американского экономиста М. Фридмана считают рыночную экономику в целом внутренне устойчивой. По их мнению, спад производства в принципе возможен. Но если правительство не допустит непоправимых ошибок, то эти спады будут не губительными для национальной экономики.

На наш взгляд, роль государства в современной рыночной экономике не следует недооценивать, ибо прежде всего государство устанавливает «правила» игры, т. е. правила экономического поведения, и обеспечивает их соблюдение всеми экономическими субъектами.

Главной задачей государства в рыночной экономике является обеспечение правовой базы, способствующей эффективному функционированию рыночной экономики. Если же государственное регулирование экономики определить как процесс воздействия государства на хозяйственную жизнь общества и связанные с ней социальные процессы, в ходе которого реализуется экономическая и социальная политика государства, основанная на определенной доктрине, то ее необходимость вытекает из несовершенства рынка. Данное несовершенство по меньшей мере проявляется в несостоятельности конкуренции; наличии многочисленных товаров, жизненно необходимых обществу, которые либо частично, либо полностью не предлагаемы рынком; внешних эффектах (загрязнение окружающей среды, экологические ущербы, нанесенные субъектам рынка); существовании неполных рынков (например, рынок страховых услуг); несовершенстве информации; безработице; инфляции; экономическом неравновесии; неравномерности в распределении доходов; наличии обязательных товаров, не «подчиняющихся рынку» (например, начальное образование) и т. д. [1].

Необходимость изучения поведения государства в экономических процессах является весьма важным моментом и для самого государства, ибо определение приоритетов развития зависит от степени и формы участия государства в экономике.

В странах с трансформируемой экономикой следует особо исследовать роль государства в экономике. Этот особый подход продиктован прежде всего тем, что данные страны унаследовали сверхгромоздкий государственный аппарат, который во многом продолжает по инерции выполнять функции «дирижера экономики», и крайне слабый рыночный механизм, находящийся на стадии структурного и организационного синтеза. Разрабатывая программу перехода свободного рынка, трансформируемые страны сталкиваются с тремя основными проблемами:

- как стабилизировать экономику и достичь равновесия на макроуровне внутри страны и на плоскости международных экономических отношений;
- как провести структурные и рыночные реформы организованно и эффективно;
- как осуществить приватизацию [2].

Одними из приоритетных задач в трансформируемых экономических системах являются децентрализация системы управления и принятия решений и переход к такой системе управления, которая своими внутренними механизмами способствовала бы ускорению и качест-

венному проведению экономических и социальных реформ. Иными словами, должна быть построена такая система управления, которая способствовала бы рациональному использованию производственных возможностей и созданию равновесия в системе.

Методы децентрализации основаны на использовании рыночного механизма, и в данном процессе вопрос об интересах не относится к проблеме существования или отсутствия централизованных интересов. Скорее всего данный вопрос охватывает следующие моменты:

- сфера и степень детализации централизованных интересов;
- виды отношений или степень согласованности между централизованными интересами и интересами, доминирующими среди объектов экономики на микроуровне.

На основе системного подхода к проблеме децентрализации процесса управления экономикой можно сделать основополагающий вывод для трансформируемых экономических отношений. Суть его в том, чтобы при условии удовлетворения принципа суверенитета потребителя и принципа свободы в принятии решения макроэкономическими объектами всемерно детализировать макроэкономические прогнозы, тем самым обеспечивая информационную наполняемость экономической системы и создавая максимально возможные условия для согласования централизованных интересов с интересами низовых уровней экономической иерархии. Такая постановка задачи государственного регулирования экономики в конечном счете приводит к ускорению процесса преодоления сложностей переходного периода.

Отрадно, что переход Азербайджана на рыночные отношения, осуществленные на базе умелой и разумной децентрализации управления, коренным образом изменили характер общественного производства, структуру и механизм функционирования хозяйствующих субъектов, формы финансовых связей, степень заинтересованности общества в результате хозяйственной деятельности.

Особое значение среди проблем устойчивого развития страны, решаемых государством, имеет задача обеспечения равновесного экономического роста. В течение двух последних столетий проблема роста была центральной проблемой, так сказать, «головной болью» экономического анализа, так как развитие экономики призвано обеспечить повышение уровня жизни при постоянном росте населения. Экономический рост, или растущая экономика, характеризуется приростом валового продукта, который необходим для удовлетворения насущных потребностей прироста населения. Экономический рост означает увеличение количества производимых экономической системой товаров и услуг, обусловленный этим рост их предложения и доходов населения,

а в силу этого и увеличение потребления. Обеспечение экономического роста имеет уже не только социально-экономическое значение, а и объективной необходимостью для удержания страной основных стратегических позиций. Это основа для решения социально-экономических проблем, фактор общественного прогресса.

Несмотря на все свои недостатки, экономический рост остается наиболее приемлемым критерием экономического развития. Он определяется рядом факторов, среди которых наиболее важными считаются такие, как труд, земля, капитал и предпринимательские способности. Эти факторы экономического роста весьма взаимосвязаны и переплетены. Так, труд производителен, если работник использует современное оборудование и материалы под руководством способного предпринимателя в условиях хорошо работающего хозяйственного механизма. Поэтому точно определить удельный вес того или иного фактора экономического роста достаточно сложно, более того, все эти важные факторы являются интегрированными.

Несмотря на то, что становление теории экономического роста как обособленного раздела экономической науки произошло в XX в., многие основополагающие идеи были высказаны значительно раньше. Известно, что первой моделью общего экономического равновесия является модель, разработанная Л. Вальрасом. Излагая свою теорию в концентрированном виде, Л. Вальрас составил систему уравнений, которая должна была отражать группу условий, отвечающих состоянию общего равновесия.

Проведенные системные исследования показывают, что применение методов неоклассической теории экономического роста и человеческого капитала для описания и анализа процессов экономического развития в условиях трансформируемой экономики, дает более реальную и объективную картину, ибо при таком подходе удастся выявить реальный рыночно-трансформационный потенциал экономического роста хозяйственной системы как макрорыночного приоритета транзитивной экономической политики, учет и реализация которого способны преобразовать экономическую сферу национального общества.

Основным уравнением неоклассической модели экономического роста является факторная модель роста нобелевского лауреата Р. Солоу, в рамках которой исследуются и определяются основные источники экономического роста.

Следующей базовой классической моделью оценки экономического роста и его взаимосвязи с такими экономическими категориями, как сбережение и накопление капитала, является модель, разработанная в 1956 г. тем же Солоу, которая до сегодняшнего дня остается теорети-

ческой базой для анализа связей между сбережениями, накоплением капитала и экономическим ростом. Современные трактовки неоклассической модели Солоу предполагают изучение многосекторной экономики в более конкретизированном варианте, т. е. при $n = 3$, так как трех секторная модель сохраняет в себе все особенности и характеристики многосекторной модели: нулевой (материальный) сектор производит предметы труда (топливо, электроэнергию, сырье и другие материалы), первый (фондосоздающий) сектор — средства труда (машины, оборудование, производственные здания, сооружения и т. д.) и второй (потребительский) сектор — предметы потребления [3].

Данная трактовка неоклассической модели экономического роста позволяет изучить трехсекторную модель экономического роста и особенности национальной экономики в условиях перехода к рыночным отношениям, проанализировать устойчивые состояния трехсекторной экономико-математической модели и расширить модель экономического роста Солоу с учетом человеческого капитала, а также исследовать влияние человеческого капитала на экономический рост. Другими словами, речь идет о современной трактовке неоклассической модели Солоу с учетом фактора «человеческого капитала», о так называемых моделях «новой волны», в которых детально изучается роль человеческого фактора в глобальном экономическом развитии.

Закономерным результатом развития ведущих стран мира стало формирование постиндустриальной экономики, однако на этом развитие не завершилось и появилась новая экономика — экономика знаний, инноваций, глобальных информационных систем, экономика интеллектуального труда, науки и новейших технологий. Основу новой экономики составляет накопленный человеческий капитал, выступающий в роли доминанты социально-экономического развития современного общества. Экономическое развитие такого общества обладает всеми характеристиками сложных кибернетических систем и проявляется как многофакторный, противоречивый и трудноизмеряемый процесс со стохастическими характеристиками. Так как зависимости между элементами экономических систем проявляются как корреляционные зависимости, то развитие экономики должно рассматриваться только за средне- и долгосрочные периоды времени. Современный человеческий капитал как фактор развития общества формируется за счет инвестиций в воспитание, здоровье, образование, науку, культуру, предпринимательские способности, информационное обеспечение, безопасность и экономическую свободу людей и как экономическая категория имеет многофакторный характер. Сегодня можно смело говорить о том, что экономическое развитие уже немислимо без челове-

ческого капитала, изменения его роли, расширения его структуры и функций, превращения его из затратного фактора в основной производительный и социальный фактор развития и функционирования современного общества. Итак, можно говорить о формировании новой парадигмы развития, в рамках которой человеческий капитал уже рассматривается как ведущее звено в национальном богатстве и в совокупном производительном капитале. Во многих развитых странах удельный вес человеческого капитала в национальном богатстве достигает 80% и его накопление опережает темпы накопления физического капитала.

Исследования показывают, что в последние два десятилетия в управленческой науке доминировали два направления — инновации и человеческий капитал. Наблюдается изменение роли социально-экономических и инновационных факторов, действующих на одну из основных составляющих развития — экономический рост. В результате в инвестиции, направляемые на развитие человеческого капитала, стали играть более значимую роль. Человеческий фактор стал «основной скрипкой» в общественном производстве, следовательно, анализ роли и рассмотрение на уровне модели человеческого капитала и направленных на него инвестиционных ресурсов в процессе экономического роста становятся приоритетным направлением в экономической политике государства. Человеческий фактор играет одну из основных ролей в общественном производстве. Человеческий капитал, т. е. приобретенные знания, навыки, мотивации, которые могут использоваться в конкретных условиях экономического пространства и экономического времени, становится мощным и действенным инструментом получения дохода.

Каковы же основные предпосылки формирования человеческого капитала, являющегося главной ценностью современного общества и основополагающим фактором экономического роста? Они связаны с такими характеристиками человеческого капитала, формирование которых требует значительных затрат как от самого индивидуума, так и от общества в целом: он обладает аддитивной характеристикой, т. е. может быть накоплен (индивидум может приобретать определенные навыки, способности, может существенно поправить свое здоровье). В то же время, человеческий капитал на протяжении определенного временного периода не только аккумулируется, но и изнашивается как физически, так и морально, иными словами, налицо элементы амортизации человеческого капитала. Однако при этом необходимо иметь в виду, что человеческий капитал по степени ликвидности функционально отличается от физического капитала и не отделим от его носи-

теля — от живого человека. Наконец, инвестиции в человеческий капитал носят довольно длительный характер и его функционирование зависит от решения человека, от его волеизъявления. Человеческому капиталу свойствен и определенный дуализм — человек является, с одной стороны, основным объектом экономического развития, а с другой — звеном, воплощающим в жизнь экономический процесс.

Доказано, что повышение времени образования, являющегося одним из основных аспектов развития человеческого капитала, приведет к повышению прибыли населения, как минимум, на 25%, и это присуще многим развитым странам. В целом его влияние на повышение прибыли населения различно и зависит от таких факторов, как социально-экономическое положение страны, ее институциональная среда и т. д.

В связи с такой трактовкой роли человеческого фактора в развитии общества можно утверждать, что человеческие ресурсы во многих странах определяют содержание и этапы социально-экономического развития и недооценка данного фактора может привести к необратимым процессам, ибо люди являются наиболее активным и функциональным фактором экономического развития.

Формирование наукоемких производств и интенсификация роли научно-технического прогресса привели к изменениям в структуре экономики и повысили требования к квалификации работников. Жизнь предъявила к трудовым ресурсам качественно новые требования, реализация которых возможна только путем непрерывной подготовки и обучения человеческих ресурсов. Следовательно, образовательная составляющая человеческого капитала считается основной в теории человеческого капитала и является основополагающим фактором, воздействующим в дальнейшем на стоимость человеческого капитала, заработка и социальное положение. Инвестиции же в здравоохранение приводят к синтезу человеческого капитала в целостном виде. Если наиболее изучаемым аспектом современной концепции человеческого капитала считать образование, то в рамках данного аспекта необходимо выделить такие составные компоненты, как способность к поиску и обработке информации, а также ее использование в решении поставленных задач (так называемые общие навыки), способность к адаптации к определенным технологическим или производственным операциям и процессам (специальные навыки), аналитические приемы, которые приводят к развитию существующих или созданию новых технологий (техническое или другое знание).

Оценка человеческого капитала формируется как синтез таких частных показателей, как совокупный уровень охвата населения образо-

ванием (т. е. доля населения, получающего среднее образование), среднее количество лет завершено образования для взрослого населения, оценка качества образования на основе результатов тестов или обследований учащихся.

Необходимо отметить, что анализ влияния этих показателей на экономический рост предполагает преодоление таких аналитических проблем, как скрытость причинно-следственных зависимостей, скрытость роли человеческого капитала из-за его взаимодействия с другими факторами, ошибка измерения из-за отсутствия единства классификации завершено образования в разных странах и т. д.

Человеческий капитал, как и благосостояние, является сложным, комплексным, интегрированным понятием, не исследованным до конца теоретически и не поддающийся полному статистическому учету вследствие недостатка информации. Однако расчет эмпирических данных с помощью ряда моделей теории человеческого капитала показывает, что влияние срока обучения на доход более значимо, чем воздействие таких факторов, как врожденные способности и происхождение. Считается аксиомой, что чем выше образование в стране, тем лучше развивается и экономика, ниже безработица и больше продолжительность жизни. Однако образование нельзя считать «лекарством от всех бед», т. е. само по себе оно не способно решить все экономические проблемы.

Если «экономика знаний» в современном понимании — это сложная система, то ее первичными элементами будут:

- образование (только образованное и хорошее обученное население способно эффективно работать, разрабатывать и применять все новое и прогрессивное);
- информационная инфраструктура (информационно-коммуникационные технологии);
- правила игры в сфере экономики (адаптация новых технологий и идей, поддержание инвестиций в образование и науку и т. д.);
- наличие «инновационной системы» (сеть университетов, научных центров и т. д.);

Согласно официальным статическим данным, за последние годы показатель образованности в общемировом масштабе неуклонно повышается. Если в середине XX в. более 1/3 населения мира не имело даже базового образования, то к началу XXI столетия их число уменьшилось до 1/4, несмотря на то, что население планеты за этот же период выросло с 3 млрд до 6 млрд. В индустриально развитых странах

число неграмотных составляют не более 2%, однако для развивающихся стран проблема ликвидации неграмотности по-прежнему остается весьма актуальной и число неграмотных в мире к концу XX столетия превысило 1 млрд человек. Следовательно, еще не задействованы мощные источники экономического роста в глобальном масштабе и страны мира должны прежде всего инвестировать средства в человеческий капитал, т. е. в образование, здравоохранение, профессиональное обучение. Это приведет не только к росту производительности труда, но и существенно уменьшит остроту социальных проблем, которые оказывают негативное влияние на национальную экономику. Чем лучше образование, тем выше производительность труда работников и менеджеров, тем более сложные задачи им под силу.

Однако повышение образованности населения в некоторых случаях вызывают эффект «бумеранга», т. е. достаточно хорошо образованные работники с неохотой соглашаются на неквалифицированную работу. Это тенденция, которая характерна почти для всех индустриально развитых стран, привела к выводу многих промышленных предприятий в страны «третьего мира», ибо предпринимателям выгоднее использовать необразованную рабочую силу, которой можно платить меньше.

Таким образом, образование действительно становится «генератором» равновесного экономического роста лишь в тех странах, где население в целом малограмотно. В развитых же странах образование отнюдь не означает автоматического роста экономики, ибо на получение образования тратится слишком много времени и сил и у людей почти не остается времени на изобретения. Рост числа образованных людей создает еще одну проблему — очень многие специалисты с дипломом о высшем образовании сталкиваются с невостребованностью своих профессий на рынке труда.

Итак, образование является одним из наиболее значимых факторов равновесного макроэкономического роста и уже оттеснило на второй план такие важные составляющие, как сбережения, инвестиции и рост населения. Поэтому в последние годы в отличие от традиционных неоклассических моделей развития все большее значение приобретают вопросы накопления человеческого капитала, новых технологий и инноваций. С учетом этих требований в настоящее время современная теория экономического роста развивается в направлении усиления роли человеческого фактора. Поэтому важное значение для национальной экономики имеет массовый переход на новые технологии, носителем которых является человек.

Данная тенденция весьма характерна и для модели развития национальной экономики Азербайджана. Большое значение в экономике

Азербайджана приобретают вопросы усиления роли человеческого капитала как важнейшего источника роста. В настоящее время одной из важных задач социально-экономической политики страны является создание человеческого капитала, отвечающего современным требованиям рынка труда. Анализ имеющихся разработок в области регулирования равновесного экономического роста показывает, что человеческий капитал оказывает существенное влияние на формирование показателей экономического развития республики. В частности, влияние человеческого капитала на экономический рост весьма различное и зависит от развития других секторов и институционального устройства общества. Кроме того, влияние человеческого капитала на экономический рост довольно устойчиво. Такой подход позволяет по-новому подойти к проблемам экономического развития республики, поскольку он создает основу для оценки эффекта тех или иных мероприятий, направленных на устойчивый рост.

Литература

1. Экономика / Под ред. А. Булатова. М., 2002.
2. Садыгов Ш.М. Макроэкономическое управление и магистральные модели. Баку, 1999.
3. Колмаев В.А. Математическая экономика. М., 2002.

IV

МАРКСОВЕДЕНИЕ

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

**Классическая экономическая теория под завесой демагогии
(попытка бесстрастного анализа биографии Маркса)**

Кто злым учением разрушает веру
Божию, за которую распят Иисус Хри-
стос, тот пойдет в неугасимый огонь, а
также и тот, кто его слушает...

Св. Игнатий

Я думал, что Россия переболела марксизмом. Ан нет. На недавнем обсуждении кандидатской диссертации аспиранту сделали замечание: а вот классик по этому поводу говорил... Кандидату не повезло. Он изучал экономическую теорию по экономиксу, с теорией Маркса был почти не знаком, поэтому диссертацию отправили на доработку. Тогда я и решил публично поговорить о марксизме с точки зрения биографии Маркса¹.

Яркий след, оставленный Марксом в истории мирового гуманитарного знания, на протяжении почти двух последних веков будоражит умы политиков, священнослужителей, ученых-обществоведов. Поводом биографического анализа Маркса во всех известных монографиях является оценка вклада выдающегося ученого-обществоведа в сокровищницу мировой экономической теории и философии, и лишь наиболее вдумчивые авторы в контекстном анализе приводят факты его организаторской деятельности в дополнение к научной и публицистической. Но и это не раскрывает подлинных черт выдающейся личности, предопределявшей логику и суть его творческой деятельности, поэтому появляются все новые и новые книги о жизни Маркса.

О Марксе писать трудно. Не только потому, что он гений обществознания, но и потому, что это гений с мятежной душой. О нем до сих пор помнят, спорят о его творчестве, одни его люто ненавидят, другие боготворят. По масштабу влияния его научного наследия на судьбы

---

¹ В научной среде бесстрастный анализ обычно трактуется как непредвзятый. В пользу непредвзятости суждений в данной статье есть всего лишь два аргумента: 1) автора как большевистский марксизм, так и сам Маркс никогда не вдохновляли, интерес к Марксу временами был, но по принуждению, поскольку при коммунистах все было по принуждению (антимарксистом никогда не был, поскольку не активист); 2) автор уважает русские традиции, включая мыслительные и религиозные, поэтому несоответствие им суждений автора будет легко замечено читателем.

общественного развития в XX в. на всей планете Маркса вообще не с кем сравнить. Тем интереснее понять, кем же был Маркс.

У нас нет цели анализировать научные труды Маркса, об этом написаны миллионы страниц. При этом все ученые подчеркнуто или по умолчанию признавали величие главного труда — «Капитала» — как по форме, так и по содержанию. Все ученые стремились к непредвзятому анализу, однако разброс мнений о трудах Маркса столь широк, что невольно приходишь к выводу, что каждый автор проводил анализ с позиций собственного мировоззрения безотносительно к мировоззрению самого Маркса. Ясно и другое: спор с Марксом не закончен до сих пор².

Наш интерес написать о Марксе как об обычном человеке, хотя и гениальном³, коих было немало в истории человечества, вызван двумя обстоятельствами.

1. Маркс считал единственной рациональной целью науки — стремление к истине, выступающей неким абсолютом, на который человек может опереться в мире относительного. Этот священный для

---

² На страницах журнала «Вопросы экономики» в 2004 г. «разразилась ожесточенная научная дискуссия» о марксизме, в которой приняли участие: Е. Гайдар, В. Мау [1]; А. Бузгалин, А. Колганов [2]; Л. Гребнев [3].

Инициатор дискуссии, Е. Гайдар — активист по родословной. Уже в юном возрасте стал вместе со старшими товарищами Е. Ясиным и В. Кошкиным автором коллективной монографии, хотя и откровенно слабой. Людям моего поколения хорошо известно, что издать при коммунистах монографию в любой области общественнознания могли либо активисты, либо «правильно» мыслящие ученые. Указанные авторы не входили в круг авторитетных ученых-экономистов, поэтому путь к публикации монографии открывало только признание марксизма как особой религии. Эти люди преуспели и в новой России. Видимо, когда потенциал активиста у Гайдара начал иссякать, у него возникла потребность очистить душу от марксистской религии. Исповедь по очищению души от немодной религии активисту от СПС пришлось делать публично. Положение обязывало — какой ни какой, а один из лидеров СПС. Так и началась странная дискуссия по Марксу в главном экономическом журнале страны.

Но дискуссии не получилось. Вместо этого в журнале была проведена интеллектуальная игра по Марксу. Известные игроки из трех команд в меру своих сил сыграли на своих полях. На том все и закончилось. То, что эту игру редколлегия журнала по советской привычке ошибочно назвала научной дискуссией, стало понятно по реакции интеллектуального сообщества России на нее. Даже после хорошей игры в хоккей (иногда в футбол) в кулуарах экономфака МГУ можно услышать какие-то комментарии. После интеллектуальной игры по Марксу на факультете было тихо, не говоря уж о продолжении дискуссии...

³ О Марксе современники (М. Гесс, например) говорили: «Глубочайшая философская серьезность сочетается в нем с тончайшим остроумием; вообрази себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, соединенными вместе в одном лице». Исключительные аналитические способности выделяли многие его современники: «Энгельс со своей стороны восхищался могучей силой анализа и синтеза у Маркса» [4, 299].

науки постулат вроде бы никем и не оспаривается, тем не менее в последнее время учеными-экономистами все больше забывается или осмысленно игнорируется, особенно в научном сообществе российских экономистов.

2. Маркс в отличие от Энгельса не считал свои теории вечными и применимыми к любым направлениям классовой борьбы пролетариата⁴. В этом смысле автобиографические исследования, публикуемые на Западе в начале третьего тысячелетия, как и дискуссия в журнале «Вопросы экономики», в сущности нелепы, поскольку время Маркса прошло.

Автобиографий Маркса написано множество. Но как в XIX в., так и в XX-м и XXI-м не появилось ни одной книги о Марксе, где не бросалась бы в глаза очевидная предвзятость автора. Конъюнктурный характер книжек о Марксе объединяет одно — они оторваны от душевного мира Маркса. На это обратил внимание еще в начале XX в. С.Н. Булгаков, «через себя пропустивший» марксизм. О возможных инсинуациях относительно биографии Маркса он прозорливо замечал: «Почти отсутствуют и характеристики его личности, сделанные тонким и компетентным наблюдателем и не преследующие цели дать непременно социал-демократическое “житие” (каковы воспоминания Лафарга и Либкнехта). Потому в характеристике Маркса неизбежно остается простор для субъективизма. Если судить по печатным трудам Маркса, душе его вообще была гораздо доступнее стихия гнева, ненависти, мстительного чувства, нежели противоположных чувств, — правда, иногда святого гнева, но часто совсем несвятого» [5].

К сожалению, на это прозорливое замечание не обратили внимания. Именно поэтому нашей задачей является прояснение мировоззрения самого Маркса и истоков его формирования. Если удастся с этим справиться, то мы, возможно, облегчим путь «постижения Маркса» будущими исследователями. Если это им понадобится...

Среди автобиографических книг о Марксе отчетливо выделяются три спектра биографий.

Первый — откровенно антимарксистские. Типичным современным образцами этого направления является книга британского историка Фрэнсиса Уина «Карл Маркс», а также работы более радикальных авторов, на которые он ссылается.

Многие западные биографы этого направления активно муссируют увлечение Маркса спиртным, табаком и кофе, особенно в студенческие

---

⁴ «Я — машина для пожирания книг, извергающая их затем в иной форме на навозную кучу истории» — написал однажды Маркс дочери Лауре. Куда уж понятней...

годы. Основания для этого, конечно же, были. Ни один автор не смог удержаться от подробного описания единственного случая в жизни, когда Маркс напился «в стельку» и в результате ночь провел в немецкой «кутузке». Общим местом в книгах западных биографов является описание пьяных скандалов и драк Маркса, и даже дуэли, когда Маркс чудом остался жив, получив ранение в лицо. Все это действительно было, но в ранние студенческие годы. Маркс, как и наши поколения студентов, «по прямому назначению» использовал относительно беззаботные студенческие годы. Как сейчас, так и во времена Маркса были «ботаники» и были «нормальные» студенты⁵. Маркс был нормальным... Маркс много общался с разными людьми, причем всегда был заметен. Природные качества лидера и мятежный нрав делали Марса «заводилой» в любой компании.

В последних биографических изданиях этого спектра много внимания уделяется увлечению Маркса пивом. Создается впечатление, что Маркс используется в конъюнктурных целях не только для обоснования неизбежности экономической глобализации, но и оправдания пьянства, хотя всякому понятно — не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности, что несовместимо с пьянством. Современники отмечали: «Маркс работал необычайно много, и так как днем, в особенности в первое время его эмигрантской жизни, ему часто мешали, то он стал работать по ночам» [4, 316]. Людям интеллектуального труда нет необходимости даже пояснять роль кофе и сигарет в ночных бдениях.

Но это скорее проблема невежества, а не пивного алкоголизма, захлестнувшего сегодня планету. Маркс пил только определенные марки пива, которые были для него лекарством (пивные дрожжи) от тяжелого заболевания — гнойного гидраденита (воспаления апокриновых потовых желез), в народе называемого «сучьим выменем».

Невежеством в анализе биографии Маркса является важный для личности Маркса момент, связанный с сыном служанки семьи Маркса, родившемся от безвестного отца. Этот случай так и остался тайной, ушедшей в могилу вместе со служанкой, но он был поводом для семейных ссор и интриг. Есть документальное подтверждение того, что это был сын Энгельса. Тем не менее западные авторы с упоением муссируют этот факт, приписывая отцовство Марксу.

---

⁵ Ясно, что деление студентов на разные категории весьма условны. К примеру, принято считать, что «ботаники» занимают в аудитории первые ряды, «нормальные» обычно сидят на «галерке». Маркс, будучи ярко выраженным представителем второй категории, сидел в первом ряду.

Ясно, что биографические издания, которые снизили до таких инсинуаций, вряд ли вызовут доверие читателей.

Советские автобиографические книги (второй спектр биографий) — откровенно апологетического содержания, к примеру, «Их простота и честность» С. Виноградова, в меньшей степени «Карл Маркс. Молодые годы» (сценарий многосерийного телефильма), поскольку в ее написании участвовали люди не только науки, но и искусства. Во всех советских книгах мы находим уважительное отношение к личности Маркса, с акцентом на ярких гранях его таланта. В них предпринята неуклюжая попытка показать стремление Маркса к общечеловеческим ценностям, к примеру, заботе о благополучии семьи. Так, в последней из указанных книг из 160 страниц текста 40 страниц посвящены подробному описанию работы Маркса в «Рейнской газете». В результате создается впечатление, будто Маркс действительно старался заработать себе на жизнь наемным трудом. На самом деле, это был самый длительный период, как теперь говорят, постоянного места работы, продолжительностью пять месяцев за более чем сорокалетний период после окончания университета.

Последний спектр — это «онаученные» биографии западных мыслителей, где правдоподобие сопровождается аргументированными выводами, к примеру, книга французского политолога и экономиста Жака Аттали «Карл Маркс: Мировой дух». Используя все богатство библиотечного фонда объединенной Европы, талантливый исследователь и писатель с беспощадной прямоотой с позиций убежденного сторонника усиления экономической глобализации открывает новый взгляд на личность и научный гений Маркса.

Русские биографические книги много точнее, нежели европейские, отражают характер Маркса как человека. Известно, что у Маркса не было друзей. Энгельс — единственное исключение, но это проблема скорее для психиатров. Почему так произошло — понять не сложно, если принять во внимание две черты характера Маркса: острый эгоизм и безоглядное следование в жизни своим мировоззренческим принципам. Именно в такой последовательности русские биографы представляют характер Маркса читателю.

Советские биографы представляют Маркса как последовательного интернационалиста, играя тем самым на руку современным западным биографам-конъюнктурщикам. Дело в том, что новая волна всплеска интереса западной науки к личности Маркса объясняется обострением проблем экономической глобализации. Не случайно авторами последних биографий Маркса, написанных на рубеже третьего тысячелетия, являются глобалисты. Именно в этот период экономическая глобали-

зация «забуксовала», поэтому понадобились новые оригинальные аргументы в защиту неизбежности углубления процесса глобализации. Эта и только эта причина побудила западных ученых обратиться за помощью к самому авторитетному обществоведо всех времен и народов, более всех повлиявшему на ход общественного развития человечества в XX в. — КАРЛУ МАРКСУ. Основанием для этого были лояльное отношение Маркса к внешней торговле как прогрессивному фактору развития капитализма и сформированный советскими биографами его имидж убежденного интернационалиста. При этом негативное отношение Маркса к России, противоречащее духу интернационализма, обычно не обсуждается.

Маркс, дальше всех продвинувшийся в исследовании фундаментальных закономерностей общественного развития, так и остался до сегодняшнего времени самым цитируемым ученым-обществоведом. Выверенные тексты Маркса составлены из рафинированных фраз — каждая как «пистолетный выстрел» или, как говорили его современники, кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце. Стиль работы Маркса отличался исключительной научной строгостью. «Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью, — отмечали современники, — любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты... Энгельс, сам в высшей степени добросовестный в научной работе, не раз выходил из себя от скрупулезности Маркса, не желавшего напечатать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать десятью различными способами» [4, 298].

«Капитал» Маркса — уникальный по красоте научный труд. Капитал демонстрирует безупречную логику автора. Не будет преувеличением сказать, что «Капитал» написан с математической строгостью, что давало шанс людям с математическим складом ума без особых проблем трактовать идеи марксизма, умышленно представленные советской наукой именно в догматичной форме. Такая форма выражения марксистского учения дала возможность Е. Гайдару небезосновательно назвать теорию марксизма религией.

Все, кто связал судьбу с экономической наукой в советские годы, были обречены не просто на изучение, а на «постижение Маркса». Всем, кто добросовестно изучал труды Маркса, известно: они очень трудны для восприятия. Студенты моего поколения знали — от Маркса, как от судьбы, не уйдешь, поэтому много «корпели» в библиотеках над самостоятельными заданиями по Марксу. Но парадокс в том, что, никогда не являясь поклонником Маркса и даже испытывая некоторое отторжение от него в юности, мне не пришлось испытать труд-

ности на экзаменах по Марксу даже на кандидатском экзамене по капитализму, который сдавал представителям грозной кафедры политэкономии экономфака МГУ при здоровствовавшем Н. Цаголове.

С годами я понял суть этого парадокса — во всех трудах Маркса прослеживается безупречная, «железная» логика, поэтому студентам, с детства увлеченным математикой, Маркс давался легко, поскольку «Капитал» по логичности не уступает ни одному труду по математике. «Капитал», представленный в догматичной форме, давал возможность воспринимать его как строгую последовательность математических формул, логически безупречно связанных между собой. В аспирантуре экономического факультета МГУ, когда понадобилось изучить «Капитал» для сдачи кандидатского экзамена по политэкономии, я выучил все четыре тома за один месяц.

Марксистская теория, обладающая, казалось бы, безупречной научной строгостью, до сих пор активно используется в политике⁶ — самой грязной, но необходимой области человеческой деятельности — в своих корыстных, конъюнктурных интересах.

Что же касается ученых, то они до сих пор не смогли, а возможно, не захотели дать однозначную объективную оценку теории Маркса. Чтобы прийти к однозначной оценке, необходимо выстроить бесспорные исходные научные предположения для анализа взглядов Маркса. Но именно это и не сделано учеными-обществоведами.

Жаль, что люди, решившие связать свою жизнь с наукой, не клянутся, подобно медикам Гиппократу, неукоснительно следовать постижению истины. В результате огромное количество ученых-обществоведов утонули в риторике, а точнее в словоблудии, ускользая таким манером от поиска истины. Если бы все ученые давали клятву бесповоротно следовать в своих исследованиях поиску истины, сколько бы мусорных книг не увидело свет и соответственно сколько бы бумаги было сэкономлено, а уж сколько появилось бы сегодня свободной памяти в компьютерах — и вообразить невозможно.

Результатом риторических упражнений являются некогерентные суждения — «как бы» все правильно, но внятного умозаключения нет. Умозаключение в результате мыслительного процесса — когда, по Достоевскому, мысли исследователя сфокусировались в одну точку, что есть формулировка истины. Противоположный результат — суж-

---

⁶ Философское объяснение смысла политики предельно ясно дал Ф. Гиренок: «Политики играют в реальность, ибо за политикой нет никакой реальности, нет никакого социального. Политика — это не язык, на котором говорят об истине и свободе. Поэтому есть только одно справедливое отношение к политике. Это полное безразличие» [6, 142].

дения на некогерентном языке. Профессор С.Г. Кара-Мурза, глубоко переживая проблемы обществознания в России, безупречно сформулировал главную проблему российского экономического сообщества: «В настоящее время язык, на котором говорит та группа специалистов, которые воспринимаются как “экономисты”, является некогерентным. Это значит, что утверждения, высказанные на языке понятий, принятом в этом сообществе, не связываются в непротиворечивые умозаключения» [7, 10]. Подмеченная С.Г. Кара-Мурзой проблема имеет фундаментальный характер, поскольку корнями уходит в извечную проблему научной строгости исследования, а, по сути, еще раз подтверждает провал в объясняющей функции российской экономической науки.

Вывод Кара-Мурзы есть рефлексия ученого на размытое мировоззрение ученых-экономистов, которое сформировалось в 1990-е гг. Об этом можно было и не вспоминать, если бы это не отражалось на учебном процессе. Ясно, что размытое мировоззрение преподавателей неизбежно переходит к студентам со всеми вытекающими последствиями. В результате мы выпускаем новые поколения экономистов, не способных выражать свои мысли на когерентном языке.

Проблема осложняется тем, что философию бакалаврам дают как второстепенный предмет в последнем семестре, когда студенты озабочены исключительно дипломной работой. Преподаватели философии при таком отношении к их предмету преподносят его соответствующим образом. В результате философские представления студентов укладываются в знание некоторых имен философов, причем Ницше знают, Гегеля нет. При этом начальство из учебного отдела пытается внушить выпускникам, что дипломная (выпускная квалификационная) работа — это научная работа студента. В сущности так оно и есть, но предъявлять соответствующие требования к студенческой научной работе у преподавателей нет оснований, поскольку, не имея философских знаний, студент не имеет представления о методологии научного исследования. Круг замкнулся...

Слабая философская подготовка особенно недопустима в условиях глобализации. Тот же Фридрих Ницше утверждал, что убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь. Если исходить из понимания убеждения как твердого взгляда (по Ожегову), основанного на каком-нибудь мировоззрении, то следует признать: Ницше немало озадачил современных ученых-экономистов, поскольку в условиях экономической глобализации разрабатываемые учеными теории должны иметь общемировое значение или быть признаваемы всем ученым сообществом, независимо от их мировоззренческих взглядов. В противном слу-

чае возникает необходимость опровержения утверждения Ницше, справедливость которого зиждется на национальном самосознании людей. В данном случае мы имеем дело с антиномией: с одной стороны, мировоззрение, базирующееся на национальном самосознании, не ведет исследователей к истине, а значит, научная работа таких исследователей не имеет никакой научной ценности. С другой стороны, убеждение может трактоваться как вера в правоту собственного мнения автора безотносительно к национальному самосознанию. В этом случае Ницше, конечно, прав.

Во времена Ницше, тем более Гегеля и Маркса, национальное самосознание выступало объективным исходным научным предположением, на котором строились теории социально-экономического развития. Совершенно очевидно, что теория экономической глобализации не может строиться на таком предположении. Это показала практика: на рубеже третьего тысячелетия глобалисты обнаружили непреодолимое препятствие на пути политики дальнего углубления экономической глобализации, проводимой странами «золотого миллиарда», вызванное сопротивлением со стороны государств остального мира. Перед теоретиками экономической глобализации встала задача поиска дополнительных аргументов в пользу неизбежности глобализации. Эта прозаическая задача и является первопричиной всплеска интереса к научному наследию Маркса. Чтобы привлечь внимание к Марксу, с подачи государств — мировых лидеров ЮНЕСКО назвал в 1998 г. Карла Маркса ученым номер один всех времен и народов.

Использование авторитета Маркса объясняется двумя обстоятельствами: Маркс был интернационалистом и гражданином мира, лояльно относившемся к либерализации внешней торговли, что фактически подтверждается его научными трудами и биографией. Следовательно, Маркс был сторонником глобализации. На это обратил внимание Кара-Мурза, написавший предисловие к самой последней биографии Маркса⁷.

По какому бы пути ни шел общественный прогресс, на этот процесс всегда сильнейшее влияние оказывали национальные особенности народов. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи. К примеру, английское рабочее движение, которое Маркс опекал с особым энтузиазмом, поскольку много лет прожил и умер в Англии, превратилось в лейбористское движение, из которого в конечном счете выросла здравствующая и поныне лейбористская партия

---

⁷ Вот некоторые формулировки Аттали без комментариев: «Маркс отстаивал свободную торговлю, приветствовал глобализацию...» [8, 11].

Великобритании, в программе которой ничего не напоминает о ее марксистских корнях. Природная нетерпимость к чужому мнению, подчеркиваемая многими исследователями, сделали Маркса жертвой собственного ошибочного убеждения.

В анализе взаимоотношений России с Западом русские исследователи чаще всего уповают на настолько особенные и уникальные национальные особенности России, что «умом Россию не понять». При этом чаще всего даже не ставится вопрос о том, что у стран Европы тоже есть свои национальные особенности. Наблюдая за идейными метаниями Маркса относительно судеб пролетарской революции в России можно найти еще одно подтверждение ее уникальности. Даже гений Маркса ничего не смог просчитать относительно России.

Маркс видел факторы, сдерживающие революцию в России, но не видел факторов, способных довести глубокий межклассовый антагонизм до взрыва. Это, пожалуй, главная причина непонимания России, хотя в самом конце жизни Маркс все же поймет: Россия — «общинная». Общинная, значит имеющая объективную основу для обобществления средств производства. Мало того, в общине Маркс увидел исходный пункт коммунистического развития. Противоречивые выводы Маркса относительно пролетарской революции в России не подходили большевикам-марксистам: ни Ленину, ни Сталину, ни даже Горбачеву. Последний сделал попытку вернуться к Марксу, но не будучи европейцем, не смог правильно интерпретировать марксизм⁸.

О роли мировоззренческих позиций в науке люди моего поколения, получившие образование в советской образовательной системе, имеют весьма отчетливое представление. Все учебники по политэкономии капитализма, обстоятельно излагавшие марксистскую концепцию, заканчивались разделом «Критика антимарксистских или буржуазных теорий», наиболее трудном для советских студентов, поскольку излагался он отрывочно и избирательно (выхватывались только выгодные большевистской пропаганде мысли). К последним теоретикам относились все, кроме реальных и мнимых соратников и последователей Маркса. Очередность критикуемых определялась степенью несоответствия их теорий взглядам Маркса. Из выдающихся ученых-экономистов меньше всех «доставалось» Кейнсу за его дирижизм и отрицательное отношение к рантье. В этом мы усматривали в высшей

---

⁸ Маркс неоднократно говорил: я не марксист. Он не был уверен в своей правоте, возможно, в этом была одна из причин того, почему Маркс был теньвым революционером, в отличие от Энгельса, непосредственного участника сражений на баррикадах.

степени последовательное проявление большевистского мировоззрения.

Ученых без мировоззрения не бывает, поэтому истинные ученые в своей работе должны исходить из мировоззренческой позиции, базирующейся на общечеловеческих ценностях. Так и только таким образом формируются экономические теории, которые признаются во всех странах. Но и в этом случае исследователей поджидает немало трудностей.

Общечеловеческие ценности, в сущности, иллюзия, поскольку не одно поколение ученых-обществоведов, но особенно политиков, использует этот расхожий и совершенно неопределенный термин для достижения своих эгоистических интересов. Особенно в этом преуспели американские политики, озабоченные торжеством во всемирном масштабе общечеловеческих ценностей, высшее практическое воплощение которых они находят в принципах демократического общества по образцу стран западной цивилизации, и прежде всего самих США. Используя сильнейшие на планете вооруженные силы, США под лозунгом торжества общечеловеческих ценностей, растоптали только в последние годы несколько неугодных им режимов.

Однако иллюзорность общечеловеческих ценностей в интерпретации США не укладывается в понятные, казалось бы, любому человеку следующее логическое построение: мир людей делится на две части — добрые и злые → в каждом человеке есть добрые и злые начала, но в разной пропорции → между добром и злом идет постоянная борьба → чтобы поддерживать силы добра, некоторые люди должны, не задумываясь, идти на жертвы во имя добра → церковь и государство всегда стоят на стороне добра; церковь последовательно и твердо, государство — всегда декларирует стремление к идеалам добра и справедливости, но часто под этим лозунгом приносит людям зло → если теория описывает поведение людей во имя добра — это добрая теория, если теория во имя торжества добра предполагает злые действия — это злая теория, какими бы благими намерениями она не прикрывалась.

В данном построении остается открытым по сути главный вопрос — что считать добрыми деяниями. Чтобы не увлечь читателя в бесконечные споры о морали и этике, в дальнейших суждениях будем исходить из однозначного ответа на этот вопрос, вытекающего из критерия эффективности Парето, признаваемого многими экономистами⁹. Именно с этих позиций мы решили посмотреть на Маркса и марксизм.

---

⁹ Состояние экономики называется Парето-эффективным в распределении благ между потребителями, если невозможно перераспределить блага таким образом, чтобы благо-

Маркса еще при жизни упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывался Маркс [4, 311]. В результате, научные тексты Маркса — сложны для восприятия, к тому же с неоднозначным толкованием, как бы с двойным дном. Это одна из причин долгожительства теории Маркса. Для науки самое опасное — неоднозначное толкование исследуемых проблем. Проблема «двойного дна» свойственна всей теории Маркса. Однако каким бы гением не был ученый, двойное толкование его теории всегда имеет в основе ложное научное предположение либо вовсе его отсутствие.

Двойное дно в теории Маркса с особым коварством продемонстрировано в «Капитале». Капитал — это самовозрастающая стоимость, бойко отвечали мы преподавателям на первом курсе университета. Но при коммунистах нам и в голову не приходило, что капитал — это еще и *политическая привилегия на эксплуатацию*. Это и есть второе дно «Капитала» Маркса, а его коварство в том, что оно давало возможность легко вводить в заблуждение безграмотных пролетариев, указывая им на очевидных виновников всех их страданий. Заразив же толпу вирусом марксизма, легко направить справедливый гнев на ненавистных капиталистов, чтобы лишить их политической привилегии на эксплуатацию. При этом Маркса совершенно не беспокоило, что он посылал пролетариев на братоубийственную войну, что и продемонстрировала Россия в 1917 г.

Двойное толкование природы капитала стало возможным только потому, что Маркс проигнорировал предпринимательство как созидательную хозяйственную деятельность, подменив на субъектном уровне предпринимателя капиталистом. На заре капитализма Марксу удалось

состояние хотя бы одного из потребителей увеличилось без уменьшения благосостояния других.

Состояние экономики называют Парето-эффективным в производстве, если невозможно увеличить производство одного или нескольких продуктов, не сокращая производства других.

Наконец, структура выпуска благ является Парето-эффективной, если невозможно увеличить благосостояние хотя бы одного индивида, не уменьшая благосостояния других, путем изменения структуры (комбинации) выпускаемых благ.

Нас интересует последняя интерпретация Парето-эффективности, вытекающая из объективного различия интересов людей. Мало того, можно сказать, что этот критерий поведения людей лежит в основе деятельности церкви, а вернее, на нем базируется сама суть этой деятельности — надо давать жить всем — поэтому в церкви находят утешение и бандиты, и их жертвы.

«втереть очки» неискушенному читателю, тем более «Капитал» издавался очень малыми тиражами.

На самом деле ложная научная посылка Маркса совершенно очевидна. От природы все люди разные. Это различие проявляется, прежде всего, в разных способностях к труду. Многочисленные исследования показали: лишь 5% экономически активного населения обладают предпринимательским талантом, и именно им от природы дано стать капиталистами, остальные от природы, по терминологии Маркса, — потенциальные пролетарии. Суть взаимоотношений между ними Маркс сформулировал в отношении отчужденного труда. Именно накопленный отчужденный труд и есть капитал. С этим неохотно спорят даже антимарксисты, за исключением разве что Прудона — автора первой системной теории отчужденного труда.

Часть студентов моего поколения по-своему относились к «Капиталу» Маркса. Имея определенный жизненный опыт и еще непокоренную крестьянскую душу, они иначе, чем однокурсники, воспринимали Маркса. С годами стало понятно, что отторжение Маркса шло не от духа (разума), а от души. Мне, например, и в голову не приходила бредовая мысль об отчуждении труда, когда во время каникул, а потом и календарных отпусков приходилось, пока была жива мать, накопить 3 т сухого сена для ее коровы, которую она держала не столько ради материальной выгоды, сколько для души. Зато было очевидно — без этого труда корова не перезимует, и это вряд ли перенесет мать. Мы слишком поздно осознаем простые истины, хотя всякому известно — на любого мудреца довольно простоты.

Как водится — одно научное заблуждение тянет за собой другое. Игнорирование роли предпринимательства в хозяйственном процессе вынудило Маркса с ног на голову поставить теорию рисков, основы которой уже были разработаны в его годы, надуманным фетишизмом. Все эти подмены Маркс выполнил виртуозно, будучи мастером научной абстракции. Если предпринимательство, которое немислимо вне теории рисков, мешало Марксу в его толковании капитала, значит, от него следовало просто абстрагироваться, а риски перевести в плоскость мистики (товарного фетишизма).

Феномен долгожительства марксизма заключается еще и в том, что теория Маркса — из разряда непроверяемых. Это особый тип теорий социально-экономического развития, построенных на нереалистичных предпосылках, характеризующих исходное состояние объекта развития, которое обычно выражается одним из двух способов:

1) идеальное состояние объекта исследования, которое в принципе не достижимо на практике, а существует лишь в воображении людей, к примеру, состояние эффективного финансового рынка;

2) состояние объекта, которому присущи объективные неразрешимые противоречия, предопределяющие закономерности его бытия, которые таковыми не являются.

Исходное состояние идеального финансового рынка положено в основу моделей анализа и управления финансовыми инструментами на рынках капитала. Ряд таких моделей удостоен Нобелевской премии по экономике, хотя давно доказано, что эти модели непроверяемы.

Марксова теория развития общества базируется на втором варианте исходных предположений, но доказать неразрешимый характер противоречий ему не удалось, поэтому теория марксизма не только непроверяема, но и опасна, а потому вредна для человечества.

Проблема отчужденного труда — это основное прозрение Маркса в молодые годы, на котором основаны суждения о характере труда и его противоречиях в «Капитале». Именно эта идея стала стержнем, на котором зиждется вся его творческая, политическая, да и личная жизнь во всех ее проявлениях.

Отчужденность труда — концепция, окончательно оформленная Марксом, — основана на утверждении: отчуждение есть объективный социальный процесс в классовом обществе, характеризующемся превращением деятельности человека и ее результатов в отражающуюся в сознании человека самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки отчужденности труда Маркс видел в разделении труда и частной собственности, господстве прошлого труда над живым со всеми вытекающими из этого плачевными последствиями для пролетариата. Коммунизм и социализм как его первая стадия уничтожают коренные источники отчужденности труда.

Но в таком случае проблема отчуждения вообще имманентна всем проявлениям человеческого бытия, любой форме труда, в том числе труда предпринимателя. Это обстоятельство позволило поставить проблему отчуждения капитала, что мы и наблюдаем в феномене размывания капитала. Но именно отчуждение капитала привело к сглаживанию основного противоречия капитализма по Марксу.

Отдельные западные биографы склонны проблему отчуждения связывать с природной предрасположенностью Маркса к восприятию результатов собственного труда. Считать рукопись законченной — значит позволить отнять у себя произведение, из чего он заключит, что любой труд — отчуждение [8, 41]. При этом все биографы Маркса отмечают главную особенность научного стиля Маркса — не закончив

одну работу, он ее откладывал и весь уходил в другую. Это внешнее проявление стиля работы Макса явилось поводом для «черных» биографов причинами внутренней отчужденности труда называть безалаберность, неумение планировать свою работу. Скорее всего, все эти причины надуманны. Идея отчужденности труда, тем более заимствованная у Прудона, — это хорошо обдуманная посылка всей экономической теории Маркса. Однако перевернутая с ног на голову эта идея уже выступала в качестве инструмента построения «двойного дна».

В советские годы о двойном дне теории Маркса лучше других знали преподаватели кафедр политэкономии. Не прослушав установочных лекций, сдать им кандидатский экзамен по «Капиталу» было весьма проблематичным. Среди них и сегодня немало тех, кто Маркса считает классиком экономической теории. При этом их совершенно не заботит, что Маркс — воинствующий безбожник, а все же большая часть населения планеты — люди верующие, поэтому теория безбожника для них не авторитет и ни о какой «классике» не может быть и речи. Хуже, когда о теории Маркса как о классической рассуждает верующий преподаватель. В данном случае студенты имеют дело с человеком с заблудшей душой, с внутренним разладом, а это уже клиника¹⁰.

Возможно, все было бы иначе, если бы блистательный профессор философии МГУ, Федор Гиренок, сказал бы раньше: «Маркс — гений социальной демагогии. Марксизм пытается понять человека, минуя его сознание» [6]. Нужно еще добавить: и минуя его душу. Гиренок не стал особенно пояснять природу демагогии Маркса. А надо бы. Если под демагогией (от греч. *demos* — народ и *ago* — веду) понимать обман преднамеренным извращением фактов, лживыми обещаниями; лицемерное подлаживание под вкусы малограмотных масс для достижения политических целей, то Маркс действительно гениальный демагог. Именно в демагогии во всей полноте проявился гений Маркса.

Истоки великого обмана надо усматривать в антропологии — науке о происхождении и эволюции человека. Именно из текстов Энгельса мы узнали, что труд сделал из обезьяны человека. Этого оказалось достаточно, чтобы с ног на голову перевернуть теорию своего не менее гениального современника Чарльза Дарвина. Этот научный кульбит необходим был только для того, чтобы убить в антропологии Дарвина эволюционную методологию, поскольку она делала невозможной со-

---

¹⁰ Иначе позиционируют Маркса западные ученые-экономисты. Так, французские исследователи относят Маркса вместе с Мальтусом к первому поколению инакомыслящих ученых-экономистов (см.: [9]).

циальную революцию со всеми вытекающими из этого последствиями для теории Маркса. При жизни Маркс пытался найти поддержку «Капиталу» у Дарвина, который проживал всего лишь в 20 милях от него. Но из этого ничего не вышло, поскольку Дарвин никогда не вступал в полемику с людьми, затрагивающими интересы церкви, тем более с богоборцами.

В отличие от обезьяны, тело, душа и дух человека относительно самостоятельны, поэтому живут «своими жизнями». Через дух (разум) они связаны, эта связь только и осознается разумом. Именно из нежелания интерпретации связей между элементами человеческой триады проистекают как заблуждения, так и добродетели и пороки людей. Философы вообще утверждают: «У человека нет определенной сущности, он все может сделать со своей сущностью» [6, 138]. Чтобы люди могли сосуществовать, необходимо ограничить свободу манипулирования человеческой сущностью. Эту миссию выполняет религия. Освободившись от бога, Маркс получил неограниченную свободу для научной фантазии, или социальной демагогии по Гиренку.

Природа вероотступничества Маркса практически не раскрывается в известных нам биографических изданиях. Часто люди приходят в церковь под давлением неотвратимых обстоятельств. Все люди — как заурядные, так и гении — живут только надеждами. Бедный надеется на отступление нужды, больной — на скорое выздоровление, предприниматель — на быстрое обогащение, ученый — на постижение истины в выбранных им направлениях исследования. Именно надежда мобилизует все силы организма на их достижение. Но человек в общем случае слаб от природы, поэтому успех в мобилизации сил определяется многими причинами, и в первую очередь здоровьем человека. Осознав это, человеку ничего не остается, как посетить церковь.

Если исходить из этой посылки, то Марксу был уготован путь священнослужителя. Он знал, что рано или поздно даст о себе знать «болезнь отверженных» — туберкулез. Тем не менее пошел наперекор судьбе и даже сознательно усугублял проблемы со здоровьем. Поль Лафарг писал: «Маркс очень много курил. — “Капитал” не вернет мне даже того, что стоили сигары, которые я выкурил, работая над ним, — как-то сказал он мне» [4, 281]. Маркс понимал, что курить ему в принципе нельзя, также считал и его отец. Об этом свидетельствует следующий диалог между ними: «У нас у всех слабые легкие, папа. Врачи считают, что мне нужен свежий воздух, я болел...

— Поменьше кури!

— Но тогда я не смогу работать по ночам» [10, 37].

Современники Маркса отмечали, что «уже в конце пятидесятих годов он начал жаловаться на всякого рода физические недомогания, от врача последовало категорическое запрещение работать по ночам. Но едва он почувствовал себя выздоравливающим, как постепенно снова втянулся в свою привычку работать по ночам, пока опять не наступал кризис. Кризисы все усиливались, развилась болезнь печени, появились злокачественные нарывы, — и постепенно железный организм надломился» [4, 317]. Но это не изменило отношения Маркса к церкви.

К лояльному отношению Маркса к религии располагали не только неизлечимые болезни, но и семейные традиции. В семье Марксов было несколько поколений раввинов. Семейную традицию прервал отец Карла, избрав мирской жизненный путь с профессией юриста. Скорее всего, именно он предопределил отношение Карла Маркса к религии. Именно отец подал ему яркий пример возможности идти в жизни «вразрез — на фонарь», как писал Высоцкий, когда вопреки всем традициям и обычаям благословил Карла и Женни на брак, причем в тайне от семьи Женни, зная о сложном отношении к Карлу семьи Вестфалленов. И это притом, что отец Маркса поддерживал дружеские отношения с отцом Женни. По сути, для Карла — это был не просто сигнал о том, что свою жизнь можно обустроить и без Бога, а событие, сделавшее переворот в душе юноши. Более веской причины формирования радикального отношения Маркса к Богу нам в биографии Маркса обнаружить не удалось. Возможно, это еще одна тайна, которую Маркс унес в могилу.

Но Марксу удалось создать условия, позволившие реализовать свой талант революционера-богоборца. Замкнувшись в своей семье, Маркс, по-своему любивший жену, всегда находился на острове безопасности... Церковь ему заменила Женни.

По воспоминаниям его дочери Элеоноры, «не будет преувеличением» сказать, «что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не смог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую. Жени фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервер, Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящим, как и красота ее. Маркс потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить» [4, 339, 341].

Женни растворилась в Марксе, но осталась личностью. Современники об этом писали: «Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась

и получила воспитание в аристократической немецкой семье» [4, 293]. То же мы находим в другой книге: после ухода из Рейнской газеты и решения Маркса о первой и, как оказалось, вечной эмиграции, Женни ему заявила: «Я никогда не спрашивала, кто ты и что ты намерен делать дальше... Куда бы ты ни пошел, я буду с тобой...» [10, 85]. По сути, Женни как женщина — это типический образ русских декабристок, поведение которых укоренилось в нашем народе, хотя сегодня об этом чаще говорят в саркастической форме.

У Маркса был счастливый брак, что во все времена считалось экзотической редкостью. Он покорила, очаровал, околдовал первую красавицу Трира — баронессу Женни фон Вестфален. Тем не менее ни в одной из биографий авторы не смогли найти пронзительные слова во славу этой женщины. Она отдала без остатка душу дьяволу и никогда об этом не сожалела.

Марксу повезло уже в том, что он знал красоту Женни во всех ее проявлениях: как женщины-весны, наблюдая за взрослеющей девушкой, как женщины-лета, влюбившись в нее и тайно обручившись, с грустью наблюдал за увядающей красотой женщины-осени, испытал смертную тоску, когда умерла женщина-зима.

Тем не менее Маркс, всю жизнь влюбленный в Женни, пожертвовал всем самым дорогим для «нормального» человека и, прежде всего, благополучием своей семьи¹¹. Отсутствие денег было важной причиной многочисленных задержек издания его трудов. Но не меньше трудностей издателям доставлял ужасный почерк Маркса, к тому же сопровождавшийся условными сокращениями. Но на это были объективные причины.

Стремительно нарастающий поток все новых идей требовал их первичной обработки, чтобы мысли не растерять. Кроме того, поток мыслей надо было еще систематизировать, поскольку Маркс «рос» вместе со своими мыслями. Это отчетливо видно, если проанализировать движение Маркса на протяжении 20 лет к своему главному труду — «Капиталу». К тому же надо учитывать слабое от природы и ухудшавшееся с годами состояние здоровья Маркса. Болезни сужают поле деловой активности, данной человеку Богом. Чем острее болезни, тем меньшее поле физиологических возможностей для реализации отпущенных свыше способностей. Маркс все это ощутил в ранней юности, поскольку со студенческих лет болезни давали о себе знать.

---

¹¹ Женни родила шесть детей, трое из которых умерли при жизни Маркса, двое закончили жизнь самоубийством после его смерти.

Сужение поля активной деятельности неизбежно ведет к изменению работы головного мозга: мозг будто торопится упорядочить поток важных идей. Важных — не совсем точно отражает характер мыслей, поскольку возрастающая острота восприятия окружающего мира фиксирует только существенные параметры его состояния и развития, поэтому их количество стремительно нарастает и начинает не хватать времени на их фиксацию на бумаге. Вот почему рукописи Маркса были трудны для восприятия. Для ускорения фиксации мыслей он пользовался сокращениями, значками, означавшими целое предложение, и все надо было расшифровывать.

В то же время сужение поля активной деятельности вызывает удивительную концентрацию мыслей (степень концентрации мыслей пропорциональна сужению поля активной деятельности или остроты болезней тела). Для исследователей это великое счастье, поскольку пучок мыслей быстро концентрируется или, как говорил Федор Достоевский, «мысли сходятся в одну точку». У Маркса, одаренного от природы человека, этот феномен проявлялся с особой силой, по сути, на всем протяжении активной фазы жизни.

Только Женни умела расшифровывать каракули Маркса (значительно позже это ремесло освоил Энгельс). Она всю жизнь переводила его рукописи с немецкого на немецкий, с французского на французский, с английского на английский. Она владела языками не хуже, а скорее лучше Маркса.

Современники отмечали у Женни склонность к философии с юных лет. Маркс также обладал философским складом ума. Возможно, это обоюдное увлечение философией не подвластно научным интерпретациям, поэтому в биографии Маркса осталось так много белых пятен.

Первым на это обратил внимание его отец, поэтому он не настаивал на продолжении юридического образования и осмысленно перевел его в Берлинский университет, где когда-то блистал сам Гегель. Яркая склонность к философии проявилась в студенческие годы, поэтому не случайно Маркс стал самым молодым участником вечеринок в докторском клубе, причем с первых встреч занял там заметное место.

Особенность склада ума проявилась во всех трудах Маркса, как в публицистических, так и в научных. Острое ощущение противоречий во всех сферах общественной жизни рождало в голове Маркса нескончаемый поток актуальных идей, которые требовали обстоятельного осмысления. Именно это обстоятельство предопределило стиль научной деятельности Маркса и актуальность многих его идей до настоящего времени. Например, изучая последствия драконовского закона о наказаниях немецких крестьян за сбор хвороста в лесу для отопления

своих лачуг, Маркс обнаружил истинную причину бедственного положения крестьян — все они до единого «попали в лапы к ростовщикам. Если так будет продолжаться, все пойдет с молотка» [10, 75]. Как видим, такая ситуация в точности повторилась 160 лет спустя в новой России, став основной причиной деградации русской деревни.

Стремительному формированию гения Маркса (в 30-летнем возрасте его уже без иронии называли «отец Маркс») люди всех возрастов способствовала сама обстановка того времени. Марксу несказанно повезло в том, что, попав в Берлинский университет, на 2 курсе он окупился в самое пекло классического идеализма, поскольку стены университета еще дышали духом великого гения, даже спустя 5 лет после его смерти. Философская теория Гегеля, несмотря на малодоступность по причине сложности для восприятия, благосклонно принималась не только просвещенной частью населения Пруссии, но и властями. Она оказалась весьма полезной властям Пруссии, отличавшимся крайним консерватизмом с реакционным оттенком. Поскольку у Гегеля все от Духа, поэтому власть естественна, какая бы она ни была. Авторитет Гегеля был настолько силен, что молодежь, представлявшая аристократические круги, кулаками на улицах вдалбливала в сознание нетитулованным студентам суть его философии. Маркс, будучи одаренным и добросовестным студентом, быстро изучил премудрости философии Гегеля, но, главное, точно определил причину могущества этой теории — принципы диалектики.

С первого года обучения в Берлинском университете он обнаружил не только достоинства, но и «изъяны» гегелевской философии, которую в скором времени подверг сокрушительной критике за «однобокость», ее строго идеалистический характер. Для такой критики Гегеля надо быть даже не безбожником, а богоборцем. И Маркс был таким человеком.

Повезло Марксу и в том, что в том же университете он слушал лекции доктора Фейербаха, заразившего его материалистическими взглядами. Впитав две выдающиеся школы философии в юном возрасте и соединив их преимущества в одной собственной философской концепции, Маркс сделал «величайшее открытие» в области общественных наук — он разработал принципы материалистической диалектики.

Силу материалистической диалектики Маркса по сравнению с гегелевской диалектикой многие усматривали в том, что она обладала большей ценностью для ученых всех направлений, особенно естест-

венных наук¹², поскольку являлась непревзойденным методологическим инструментом познания окружающего мира.

Силу марксистской диалектике придавали три обстоятельства: 1) объектом диалектического материализма является действительность; 2) чувственность как атрибут личности не имеет значения и понимается как чувственная деятельность человека, как практика; 3) сознание — свойство материи, человеческое мышление обладает предметной истинностью.

Именно эти обстоятельства делают материалистическую диалектику могущественным инструментом научного познания мира. Именно отсюда знаменитая формула Маркса: «Философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Так диалектика Гегеля и материализм Фейербаха превратились из созерцательной формы в форму практического, или активного, действия, преобразующего мир.

С древности известно, массам нужны хлеб и зрелища (события). Маркс это усвоил еще в юности и мастерски построил свойства толпы в свой строй жизни. Вот почему так труден путь к «постижению Маркса». В принципе вопрос о постижении Маркса имеет смысл исключительно среди богоборцев, в крайнем случае — безбожников, поэтому сама попытка проводить научные дискуссии «по Марксу», как это делает главный научный журнал для экономистов «Вопросы экономики», вызывает недоумение.

На мой взгляд, именно философская концепция Маркса предопределила его величие в мироздании общественных наук, поэтому важно понять истоки рождения этой концепции, а точнее: а) его путь к материалистическому восприятию мира; б) формирование радикального подхода к достижению своих целей (революционного в противовес эволюционному).

Ясно, что материалистами не рождаются, ими становятся. Это вторая судьбоносная неразгаданная тайна Маркса. Некоторые исследователи считают, что истоки этой тайны находятся в детстве Маркса, о котором по сути ничего не известно, кроме слабого от рождения здоровья и жестокого обращения со сверстниками.

Древние утверждали: в здоровом теле — здоровый дух, и, соответственно, наоборот. Отсюда: болезнь делает здоровье приятным. Маркс, как никто другой, даже не понимал, а ощущал это. Букет болезней,

---

¹² Это расхожее мнение несколько обесценивает общеизвестные факты: «звезды» в различных отраслях естественных наук, к примеру, Эйнштейн в физике или Менделеев в химии, не являлись поклонниками философии Маркса, а скорее более ее противниками.

сопровождаящий его на всем протяжении активной фазы жизни, не мог не наложить отпечаток как на стиль, так и на содержание рукописей. Именно это объективное обстоятельство является одной из перво-причин формирования материалистических философских взглядов, на основе которых в сравнительно молодом возрасте Маркс разработал концепцию материалистической диалектики.

Конечно, есть и другие мнения по поводу причин, подтолкнувших Маркса к материализму. Среди них чаще всего называют бытовые (материальные) проблемы, сопровождавшие Маркса и его семью всю жизнь. Особенно последовательно эту причину муссировали большевики. Действительно, в «Немецкой идеологии» четко проводится мысль о том, что «прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией, люди должны есть и пить, иметь жилище и одеваться... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание!» [10, 146]. Это несомненно, но это лишь часть правды. Это видели люди, весьма далекие от науки, к примеру, верная служанка в семье Вестфалленов, а затем Маркса — Ленхен, которая однажды высказала свое наивное недоумение: «Фрау Женни, я слышала, доктор Маркс говорил, что в мире не будет ни бедных, ни богатых. Как это понимать? Значит, и вы никогда не разбогатеете?

— Боюсь что так...

— Очень жаль. А у Женнихен до сих пор нет теплой одежды. И у вас... А доктору Марксу нужны его любимые сигары и пиво. А ведь все так подорожало. И сигары тоже!» [10, 146]. В данном случае действительно сложно разобраться, где причина, а где следствие. Недоброжелатели Маркса упрекают его в нежелании жить как все, зарабатывая на содержание семьи своим трудом. Это нежелание оправдывается особым отношением Маркса к отчужденности труда, которое проявилось в его личном протесте против эксплуататорской сущности наемного труда. На первый взгляд, все справедливо и правдоподобно.

На самом деле для темной души Маркса все это не имело никакого значения. Так же, как и множество убогих людей в современной России, Маркс в свои годы «с шапкой ходил по миру», на выпрошенные средства в основном и жил. Для работоспособного человека — это проявление вопиющей беспринципности. Таким и был Маркс. Но парадокс в том, что, прожив жизнь в крайней бедности, а большую часть сознательной жизни в нищете, Маркс при этом легко расставался с

деньгами, на себя и удовлетворение своих амбиций денег не жалел¹³. Хотя, как будет показано далее, никакого парадокса в этом не было.

Ясно, что это фундаментальное противоречие материалистической диалектики гений Маркса не мог не заметить. Тем не менее его даже не смутило «предательство» лидеров английского рабочего движения, отторгнувших марксистскую философию и порвавших с мечтой о пролетарской революции. Английским рабочим дорожке оказалось благополучие их семей. Так, из пролетарского кружка британские рабочие создали лейбористскую партию, здравствующую и поныне. Для Маркса, не привыкшего к поражениям, это было не просто предательство, а опровержение его доктрины.

В этом одни исследователи усматривают трагедию личности Маркса, другие — научное заблуждение, третьи — онаученную аферу. Для всех этих суждений есть достаточно оснований и фактов, поэтому многое зависит от позиции исследователя по отношению к марксизму вообще. Не менее запутана эта проблема и в российских изданиях. Одни, как Д.И. Нечволодов, с издевкой относились к научным трудам Маркса, другие — большевики — сделали из него икону. Однако неугасающий в мире интерес к Марксу, несмотря на столь полярные позиции исследователей, настораживает и вынуждает усомниться в их истинности. Истинная причина трагедии Маркса как ученого и человека скорее всего та же, что и печальной судьбы большевистского СССР — мировоззренческая.

Мировоззрение Маркса сформировалось уже в студенческие годы, о чем свидетельствует следующий факт: «Вручив Марксу кружку пива, Бауэр (приват-доцент Берлинского университета. — В.Б.) тут же бесцеремонно поворачивает его лицом к молодому человеку... Вы человек принципов или принципиальный человек? — с места в карьер обрушивается на Маркса младший Бауэр» [10, 29—30]. Это было во время первого посещения докторского клуба — пристанища свободомыслящих людей в Берлине. В приведенной цитате два критически важных момента, во многом объясняющих логику марксизма и предпосылки его создания.

Во-первых, в юном возрасте перед Марксом ребром встал вопрос: кто же он — принципиальный человек или человек принципов? Бауэр дал понять Марксу, что «всякий принцип, которому вы служите, об-

---

¹³ «В середине февраля 1848 г. мать запоздало переслала ему огромную сумму в 6000 золотых франков в качестве его доли в наследстве Генриха Маркса, и большая часть этих неожиданных денег была немедленно пущена на подрывные цели... Были добыты кинжалы, револьверы и т. д.» [11, 143].

ращает вас в духовное рабство» [10, 30]. Тем не менее вскоре обнаружилось — Маркс сделал свой выбор в пользу принципов. Первым это понял его отец, посетивший сына вскоре после разговора Маркса с Бауэром в докторском клубе. Он заметил: «Я никогда не пойму этого самоистязания. Так можно разрушить все. Даже собственное “я”! Твой дух в вечном смятении» [10, 36]. Отец оказался прав. Маркс как самоубийца разрушил свою внутреннюю гармонию, свое внутреннее «я». Но это был осознанный шаг, шаг, подтвердивший первичность сознания, но никак не материи. По сути, это был шаг предательства идеалов своего кумира — великого Гегеля. Именно так и именно таким образом Маркс стал человеком принципов, которым неукоснительно следовал всю жизнь, и в высшей степени беспринципным человеком, который ради принципов мог пойти на любое предательство и любое унижение. Большевики это, конечно, понимали, поэтому вечные материальные затруднения Маркса объясняли чем угодно, но никак не беспринципностью Маркса. И понятно почему — икона не может иметь такой порок.

Проблема беспринципности европейского образованного человека, вызванная разложением аристократических традиций, во времена Маркса достигла своего пика. Типический характер такого человека наиболее яркое выражение получил в произведениях Мольера. Тартюф — это не только литературный герой, но и распространенный тип поведения людей, особенно в Германии, где быть «приживалой» в аристократических семьях считалось модным. Возможно, многое в жизни Маркса перестало бы быть загадкой, если бы биографы посмотрели на Маркса именно с этой стороны. Известно, что Маркс обожал драматургию и наверняка знал произведения Мольера, хотя западные биографы старательно избегают освещения этого момента. Известно и то, что Маркс вел аристократический образ жизни, хотя по своей родословной не имел на это никаких оснований. Возможно, Маркс рассчитывал обеспечить материальную сторону аристократии за счет Жени фон Вестфаллен — потомственной аристократизма, но эти планы Маркса расстроил ее сводный брат, вовремя «раскусивший» Маркса и ненавидевший его скорее всего именно за это.

Человек принципов в Европе — «белая ворона», — в отличие от типичного европейца — «принципиального человека». «Принципиальный европеец» последовательно отстаивает интересы Европы — это его главный принцип. Интересы Европы исторически не совпадали с интересами России. Мало того, многовековая история бесстрастно свидетельствует о том, что Европа всегда, в том числе и в настоящее время, усматривала необходимость реализации собственных интересов

за счет России. Это устремление укоренилось на генетическом уровне европейцев, поэтому не стоит удивляться политике двойных стандартов европейских институтов и их представителей относительно России. Так было и так будет, пока жива Россия, поскольку как генетику европейцев, так и геоэкономическое положение России, изменить нельзя.

Отстаивая принципы свободной торговли, Маркс косвенно отстаивал интересы Европы, в том числе и по отношению к России¹⁴, хотя Маркс прекрасно знал о хроническом отставании российской экономики от европейской, поэтому не мог не понимать, что европейская политика свободной торговли неизбежно принесет вред России. В этом Маркс так и остался европейцем. Это есть проявление «двойного дна» теории Маркса, но в этом — и поучительный урок нам. Если даже Маркс — человек принципов — легко становился беспринципным человеком, как только речь заходила об интересах Европы, что уж говорить о беспринципности европейцев куда меньшего калибра. Поэтому не стоит современным русским читателям нервничать по поводу двойных стандартов современных западных политиков, если даже Маркс не смог преодолеть в себе эту черту.

Переосмысливая философию Гегеля, Маркс пришел к гениальному, как ему казалось, умозаключению: у Гегеля предмет и предикат перепутаны. Надо лишь поставить все на свои места и получится «правильная» философия. Мало того — это будет революция в философии, поскольку открывается принципиально новое знание. Из этого вытекает и другой вывод — революцию делают люди. Скорее всего, этот вывод стал для Маркса определяющим. Революция стала для него не просто мечтой, а образом жизни. Но Маркс, отстаивая единство закономерностей развития природы и общества, не мог не заметить вопиющего противоречия в своей философской концепции: если природа развивается эволюционным путем, что блестяще во времена Маркса доказал Чарльз Дарвин, то в обществе революции противоестественны.

Это лишь подтверждает правоту Гиренка по поводу Маркса — демагога, но только с одной оговоркой: демагогия Маркса проявлялась лишь как средство обеспечения своих принципов среди соратников и

---

¹⁴ В России тоже было немало одаренных людей с мощью ума, не уступающей Марксу. Без сомнения, одним из таких был Д.И. Менделеев. Полвека спустя после Маркса он не менее последовательно противопоставил европейской концепции свободной торговли российскую альтернативу, но направленную на реализацию российских интересов в Европе. Менделеевская концепция была принята царским правительством и исправно служила до Октябрьской революции.

оппонентов. Талант демагога (не зря народ говорит: если человек талантлив, то талантлив во всем) был эффективным оружием Маркса в подавлении взглядов любых оппонентов, мнения которых не отвечали содержанию его принципов.

Люди, последовательно реализующие главную цель науки, это всегда люди с принципами, они всегда «неудобные» партнеры в общении с другими людьми. Известно, если человек воспринимает окружающий мир исключительно в белом и черных тонах, то найти общий язык с таким человеком любому собеседнику трудно. Верно и то, что люди, посвятившие свою жизнь служению науке, точно знают, что истина всегда одна, все остальное ложно. Отсюда проистекает восприятие мира в черном и белом тонах, отсюда трудность поиска компромисса в научной среде. Однако большинство людей принимают серый цвет (эволюцию), поэтому ученых, признающих только белое и черное, в лучшем случае называют «неудобными» и просто терпят, но чаще всего их пути расходятся со всеми вытекающими последствиями. В этом надо усматривать главную причину отсутствия друзей у Маркса. Его судьбу осложнило и то, что он был первым ученым-обществоведом, твердо ставшим на позиции материалистической диалектики. Это веский аргумент в пользу выводов французских ученых, отнесших Маркса к инакомыслящим. Ясно, что эта мировоззренческая позиция сразу же отсекала общение Маркса с представителями всех ветвей идеалистической философии.

По мере разработки теории материалистической диалектики у Маркса стали возникать трудности в общении с другими материалистами, даже с Фейербахом и Вейтлингом. Основа расхождений — в различном отношении к церкви.

Подавив внутреннее «я», Маркс уже с юных лет вполне осознанно отказался от Бога. Впоследствии у Маркса сформируются твердые жизненные принципы, которым он непоколебимо будет следовать всю жизнь. Один из них — богоборческая позиция, которая стала причиной потери многих друзей и соратников и, прежде всего, выдающихся людей того времени: философа Фейербаха и теоретика социализма Луи Блана. В этом смысле показателен следующий сюжет. В октябре 1843 г. два молодых доктора наук — Руге и Маркс — решили организовать издание нового журнала «Немецко-французский ежегодник». Нужны были солидные авторы, и выбор пал на Луи Блана. Посетив его, друзья получили следующую отповедь: «Участвовать в вашем журнале не буду. Весь вопрос в том, какие взгляды вы считаете современными. Мне лично представляется, господа, что грубый материализм и отрицание бога отбрасывают человечество по меньшей мере на

сто лет назад. Времена Вольтера и Дидро были временами Вольтера и Дидро. Безбожие и насилие не принесли еще людям ничего, кроме разочарования и напрасно пролитой крови. Вы на ложном пути, господа» [10, 88—89]. Кто прав — Маркс или Блан, судить каждому из нас. Но ясно, что правда одна и только одна. Я бы выбрал Блана.

Отрицание Бога не самый важный принцип Маркса, в этом он не одинок. Главный принцип, который и обеспечил ему память в веках, был *принцип бескомпромиссного служения науке*. Именно этот принцип стал непреодолимой «планкой» для всех друзей Маркса, за исключением Энгельса, да и то показавшего после смерти Маркса свое собственное мнение по многим принципиальным вопросам экономической теории, на которые Маркс возразить уже не мог.

Одним из первых добросовестных исследователей, понимавших теорию марксизма, был С.Н. Булгаков, который точно определил главную проблему философии Маркса: «Теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории. Маркс-мыслитель, невольно подчиняясь здесь Марксу-человеку, растворил индивидуальность в социологии до конца, т. е. не только то, что в ней действительно растворимо, но и то, что совершенно нерастворимо, и эта черта его облегчила построение смелых и обобщающих концепций «экономического понимания истории», где личности и личному творчеству вообще поется похоронная песнь» [5]. Именно из этой посылки в анализе марксизма исходит Федор Гиренок сегодня. Разница лишь в форме выводов, а не в их существе.

Особый строй внутреннего мира Маркса столь сложен и противоречив, что позволяет исследователям делать самые различные выводы — от крайне негативных (Маркс — социальный демагог) до возведения экономической теории Маркса в статус классической. Растоптав собственное «я» и ограничив свою свободу жесткими принципами поведения и, прежде всего, в научном исследовании, Маркс при жизни взошел на алтарь «раввина от науки». Гений же Маркса довел трансформацию раввина от религии в раввина от науки до крайности. Так произошло полное отрицание одной догматики (церкви) и возведение на ее руинах принципиально новой догматики (политико-экономической). Общее у них то, что они выстроены на непроверяемых в принципе исходных предположениях, поэтому в каждое из этих догматических учений можно только верить. В результате для одних — к примеру, большевиков — марксизм — социальная религия, для других — социальная демагогия, для третьих, куда автор относит и себя — Маркс — несчастный, душевно больной человек, своими же

руками разрушивший свой внутренний мир, направивший свои гениальные способности на разработку ложной теории силового преобразования общества самым болезненным для людей способом.

Последний вывод вытекает и из анализа марксизма С.Н. Булгаковым, который был не только тонким знатоком теории Маркса, но и прозорливым ученым, который задолго до большевистского переворота точно определил опасность марксизма для судеб человечества: «Мы должны различить и в Марксе, наряду с работой Господней, энергию совсем иного порядка, зловещую и опасную, — он загадочно и страшно двоится. Социалистическая деятельность Маркса как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы, по объективным своим целям, казалось бы, должна быть признана работой для созидания Царствия Божия. Но то обстоятельство, что он хотел сделать это движение средством для разрушения святыни в человеке и поставления на место ее самого себя и этой целью руководился в своей деятельности, с религиозной точки зрения должно получить отрицательную оценку; здесь мы имеем именно тот тонкий и самый опасный соблазн, когда добро и зло различаются не снаружи, а изнутри» [5].

Большевики, будучи такими же, как и Маркс, богоборцами, превзошли своего «духовника», превратив в пыль тысячи церквей. При этом нарисовали фальшивую икону Маркса, истолковав на свой лад научный марксизм, и народ в огромной массе им поверил. Почему? На этот вопрос точно ответил Ленин: низы не могли жить по-старому, верхи... В результате государственная власть в Российской империи оказалась никому не нужна, и большевики ее подобрали, как подарок судьбы. Марксистская теория в большевистском перевороте не имела определяющего значения, хотя использовалась большевиками в качестве пропагандистского драйвера, как теперь говорят. Именно поэтому большевики с легкостью изуродовали истинный марксизм, поскольку он им самим был опасен. С легкостью потому, что в этом им помог сам Маркс непроверяемостью своей теории.

Главным искажением марксизма большевиками сегодня многие считают подмену марксистской материалистической диалектики диалектическим материализмом, поменяв местами предмет и метод исследования. Для Маркса материалистическая диалектика — метод научного познания естественного хода вещей. Для большевиков диалектический материализм — наукообразное объяснение (оправдание) варварского способа разрешения противоречий общественного развития, где носитель противоречия — субъект, он же предикат в логике — был

определен как враг советской власти, а значит, враг народа со всеми вытекающими из этого плачевными последствиями. Таким образом, подмена предмета предикатом, впервые сделанная Марксом по отношению гегелевской диалектике, большевиками была сделана уже по отношению к диалектике Маркса, доводя тем самым классическую философию до абсурда.

Вот и получается, истинно научные достижения Маркса большевиками были искажены, а необходимые для практического социализма рекомендации Маркса им не были придуманы¹⁵, их пришлось сочинять с чистого листа, но для этого нужен был талант человека, превосходившего Маркса¹⁶. Такого не нашлось... социализм был обречен.

Страдая от природы склонностью к образному мышлению, большевики до неузнаваемости исковеркали Марксово наследие. Известно, что основное свойство образного мышления проявляется в нарушении пространственной перспективы, как доказывал академик Раушенбах. С таким мышлением большевики легко трансформировали сначала для советских граждан, а впоследствии для граждан всего соцлагеря материалистическую диалектику Маркса в диалектический материализм (печально известный диамат). За этой, с виду безобидной, подменой в конечном счете выросло поколение большевиков с уродливым мировоззрением, попросту «людоедов». Именно этим мировоззрением обосновывались все жестокости, которые испытал на себе наш несчастный народ. Поменяв слова местами большевики точно указали на

---

¹⁵ В советской науке Маркса прославляли не только как философа и политэконома, но и как создателя теории научного коммунизма, хотя последняя у большевиков получалась плохо. Причиной тому было весьма туманное представление о коммунизме у самого Маркса и его соратников. «Согласитесь, — утверждал Маркс, — существуют самые разные точки зрения на то, что мы с вами называем коммунизмом. Это очень красивое знамя, и кого только под ним нет» [10, 130].

С тех пор прошло немало времени, но даже пережив эпоху практического социализма, у людей представление о коммунизме так и осталось на уровне мифологии, которой Маркс удачно приклеил ярлык «красивого знамени».

¹⁶ К примеру, для большевиков открытой оставалась проблема распределения при социализме. Маркс ничего вразумительного придумать не смог. Вот аргумент, свидетельствующий о беспомощности Маркса в этом вопросе. Предложений на этот счет Маркс слышал множество, к примеру, из книги Вейтлинга Маркс зачитывает Женни: «Встает вопрос: как же в условиях всеобщего равенства будут распределяться, например, места в театре? При входе в театр устанавливают несколько урн с пронумерованными шариками... Таким образом, привилегия занимать лучшие места становится делом случая или жребия... Что ты улыбаешься? Это не так наивно, как кажется на первый взгляд. Этот человек продумал до мелочей всю организацию будущего общества» [10, 97]. Женни понимала, что это чепуха, а гениальный Маркс принимал ее всерьез. Собственно, ничего умнее большевики не придумали, чем подорвали основы социализма в СССР.

объект, где действуют законы диалектики — материальный мир. Главный элемент материального мира — человек. А коль диалектика предполагает развитие как процесс разрешения противоречий, что верно, по утверждениям Гегеля и Маркса, то исходным условием развития большевистского общества являлись классовые противоречия, поэтому согласно законам диалектики эти противоречия надо обязательно снимать, не заботясь о методах. Для удержания власти все средства хороши. Отсюда миллионы невинно расстрелянных и еще больше прошедших ГУЛаг. Что поделаешь, диалектика...

Однако даже гений Маркса с авторской методологией материалистической диалектики не позволил ему обнаружить основное противоречие общественного капитала, а скорее всего Маркс его просто проигнорировал. Единственным оправданием является то, что во времена Маркса класс буржуазии (состоявшихся капиталистов) находился в стадии становления, а в большинстве западных стран проходил эмбриональную стадию, к примеру, в США¹⁷. Перед Марксом стояла та же задача, что и перед современными российскими учеными-экономистами — разработать адекватную эпохе становления рыночной (капиталистической) экономики методологию экономического исследования, или обосновать содержимое «ящика с инструментами», как после Маркса удачно скажет Джоан Робинсон. Мало того, стоявшая перед Марксом задача была много сложнее, чем она представляется сегодняшним экономистам, поскольку к тому времени существовавшие теоретические концепции либо не были апробированы на практике, либо находились в эмбриональном состоянии.

Анализируя факты бытия, Маркс мог и не заметить созидающей роли и противоречий общественного капитала, они стали очевидными на рубеже XIX—XX вв. Это обнаружил Ленин, но его это совершенно не интересовало, ему важны были монстр в лице финансовой олигархии и возможность пролетарской революции в отдельно взятой стране, что категорически отрицал Маркс.

---

¹⁷ Жаль, что обществоведы не принимают во внимание тот очевидный факт, что экономика и общество США с самого начала формировались по буржуазным принципам. История США уникальна тем, что в отличие от Европы, и России тоже, США миновали стадию феодализма, поэтому атавизмов этой стадии у них нет, поэтому бессмысленно внедрять позитивный социальный опыт США где бы то ни было, тем более распространять его по всему миру. Результат заведомо известен — глухое или активное отторжение. Это еще раз подчеркивает важность принципа историзма в научных исследованиях обществоведов. Игнорирование этого принципа очень дорого обошлось российскому народу и обходится до сих пор. Достаточно посмотреть наугад несколько свежих авторефератов диссертаций экономистов, и вы с горечью обнаружите отсутствие принципа историзма в этих исследованиях.

Известно, что Ленин, в отличие от Маркса, был больше активист, нежели ученый. Видимо, поэтому именно под таким углом зрения увидел Ленин основное противоречие общественного капитала. Но не только это осложняет «постижение Маркса». На этом пути следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Есть активисты, есть ученые. Их объединяет то, что это талантливые люди, с полной самоотдачей делающие каждый свое дело, поэтому совместить эти два занятия в одном человеке почти невозможно. Маркс был не только выдающимся ученым, но и талантливым журналистом. Его остроумные, актуальные статьи в газетах и журналах не оставались незамеченными. На них обращали внимание не только политики и ученые разных стран, в том числе и России, но и любознательные представители (представительницы) европейских дворов.

Ясно, что занятие публицистикой свойственно активистам. Но для Маркса, по сути кабинетного ученого, публицистика заменяла практический опыт, в ней он черпал и оттачивал понимание сути общественных явлений, особенно в сфере экономики. Однако оторванность от реальной практики не позволяла Марксу проникать в суть животрепещущих явлений, поэтому в своих суждениях он был вынужден активно использовать научные абстракции, часто игнорируя важные характеристики анализируемых событий.

Если случается совместить талант активиста и ученого в одном человеке, то все остальное, включая семью, обычно приносится в жертву этим занятиям. Маркс это осознавал, поэтому в 36 лет поведал Энгельсу: «Благословен тот, у кого нет семьи». То, что происходило в семейных отношениях Маркса, не поддается описанию ни с позиций патриархальной, ни матриархальной семьи. Только большевики относились к этому благосклонно, доведя в первые годы советской власти институт семьи до полного абсурда. Но если у большевиков семья разрушалась сексуальной распущенностью, то у Маркса какой-то материалистической формой супружеской любви, в которой дети воспринимались как продукт природы... Создается впечатление, что если бы не служанка, никто из детей Маркса не выжил бы. При этом все, кто выходил за рамки собственно «странной семьи», включая родственников и близких, были для Маркса на втором плане, даже мать, с которой у него были сложные, натянутые отношения.

Маркс был охвачен демоном одержимости, но это крайнее проявление гордыни он тщательно маскировал, хотя были люди, упрекав-

шие Маркса в этом¹⁸. Природа одержимости Маркса беспокоила его отца: «Сумеешь ли ты установить гармонию между разумом и сердцем? Я же знаю, при всех твоих достоинствах ты ведь не лишен эгоизма, и его в тебе, пожалуй, больше, чем нужно для самосохранения. Есть ли у тебя способность и воля к самопожертвованию, чтоб твое “я” не стало главным? В тебе какой-то демон одержимости, я хочу понять его природу: что это — небесное или фаустовское?» [10, 20]. Для европейцев различие между гордыней и эгоизмом более размыто, нежели для русских. Маркс был воинствующим индивидуалистом, что свойственно европейцам, поэтому многое в жизни Маркса не поддается объяснению в рамках русской мыслительной традиции.

С точки зрения чистоты науки ученый и активист — антиподы. Активист всегда убивает науку, это известно всем. Активист — это вдохновитель и организатор практического воплощения неких идей. У Маркса был врожденный дар руководить людьми. «Влиянию его подвергался всякий, кто соприкасался с ним... Он был подлинный вождь, к которому все относились с полным доверием даже в делах, выходящих за пределы его компетенции» [4, 298]. Закрепившаяся за Марксом кличка «Мавр» емко выражала его качества лидера. Непревзойденный полемист своего времени, вооруженный энциклопедической эрудицией, он легко мог «положить на лопатки» даже своих учителей. Часто Маркс делал это в грубой форме, повергая в шок своего оппонента излюбленным афоризмом — «невежество еще никому ни в чем не помогало». Невеждой для Маркса мог оказаться любой человек, чье мировоззрение противоречило его взглядам. Поэтому даже близкие друзья дистанцировались от Маркса, он становился истинно инакомыслящим. Никогда и никому не хотелось получить ярлык невежды, даже от великого Маркса. Это усложняло преодоление «планки». Отсюда и полное одиночество. Всего девять человек на похоронах «отца мирового пролетариата», включая родных и близких.

Тем не менее Маркса нельзя назвать истинным активистом, в отличие от Ленина, поскольку эту миссию он выполнял наполовину — был талантливым вдохновителем, но роль организатора всегда выполнял чужими руками, выступая в роли серого кардинала. Так было с I-м Интернационалом и другими организациями рабочего движения, оставившими след в мировой истории классовой борьбы. Однако даже

---

¹⁸ Дядя Маркса по материнской линии, Лион Филипс, создатель ныне здравствующей транснациональной корпорации «Филипс», в беседе с Марксом заметил по поводу отказа Марксу в наследстве: «А может, Генриетта хочет смирить твою гордыню? И сам удивился такой догадке» [10, 123].

идейные противники Маркса не считали его подстрекателем пролетарских бунтов, а известные люди, по достоинству оценившие его талант ученого, видя половинчатость Маркса-активиста, давали ему добрый совет — не ввязываться в политику. К примеру, великий поэт Генрих Гейне и искренний друг семьи Маркса ему советовал: «Подальше от этой публики и вообще от политики! Оставьте это занятие бездарностям, у них нет другого способа обратить на себя внимание... Пишите ваши философские книги и не ввязывайтесь в политику» [10, 93]. По сути, Гейне точно объяснил природу половинчатости Маркса-активиста. Маркс был бесспорно талантлив, поэтому понимал, что открытая позиция активиста неизбежно поставит его вровень с бездарностями. В этом заключается загадка серого кардинала, который, по определению, может быть только талантливым демагогом.

Стихией Маркса была пора экономических кризисов, он жил их ожиданием. Его мятежная натура расцветала в такие времена, поскольку до предела обострялись классовые противоречия. Маркс переживал в такие моменты всплеск политической активности. Его революционная пропаганда усиливалась многократно.

Революционные воззрения Маркса, как ни странно, находили самый горячий отклик в России, хотя Маркс и не верил в возможность революции в России в отрыве от Европы. Причина этой странности в особой позиции русской православной церкви относительно пути развития общества. Природа революционных предпочтений С.Н. Булгакова, видимо, в том, что догмы, на которых покоится религия, не требуют доказательств, поэтому эволюционным путем людей к ним привести нельзя. Для этого необходима только революция.

Любая революция — это торжество сил зла, хотя каждая из них совершается во имя добра и справедливости, во всяком случае, так всегда декларируется. Как ни странно, православная церковь, несомненно устремленная к торжеству добра, хотя открыто и не поддерживает революции, но и не осуждает их. При этом отдельные революции, к примеру, Великая октябрьская социалистическая революция, имели для церкви весьма плачевные последствия. Но это, судя по всему, не изменило отношение церкви к революциям, о чем свидетельствует публичная поддержка патриархом Алексием II ельцинского переворота, а по сути — буржуазной революции в России.

Видимо, особое отношение к революции было определяющим в формировании мировоззрения религиозного философа С.Н. Булгакова. Пытаясь разрешить глубинную антиномию России революционным путем, в начале Первой мировой войны он писал: «Здесь мы опять сталкиваемся лицом к лицу с идеей эволюционного прогресса, в кото-

рый вчера только верили повсеместно и для которого принципиально не существует идеи конца. Но именно потому для него нет и идеи Будущего, если все дано уже в настоящем и господствует одна лишь непрерывная его эволюция» [12, 291]. Это роднит Маркса и Булгакова в отношении к эволюции. Возможно, именно лояльное отношение к революциям предопределило путь трансформации мировоззрения С.Н. Булгакова от марксистского к противоположному — православному мировоззрению.

Известно, что великая миссия русской армии в Первой мировой войне по очищению Запада от мещанской болезни оказалась жестокой иллюзией. Это была глубокая трагедия и С.Н. Булгакова, поскольку уже через два года секуляризация жизни в неопикуемых по жестокости ударах обрушилась на Святую Русь. Будущее пришло, повергнув в прах уже третий, и последний, Рим.

Век назад в России многие отвергали идеи эволюционного развития общества. Однако среди интеллектуальной элиты были и те, кто придерживался противоположного мнения. Из называли «постепенцами». Категорическим противником привнесения *умышленных разрывов* в жизнь общества был Д.И. Менделеев. Постепенцы всегда в России были в меньшинстве. Как ни странно, исторически им противостояли приверженцы двух идеалов: религиозной философии и марксизма. Последние два столетия именно эти две идеологии были преобладающими в России, поэтому неудивительно, что постепенцы со своими эволюционными воззрениями редко определяли социально-экономическую политику государства.

Фундаментальной основой в менделеевском направлении философии хозяйства является мировоззренческая позиция нашего великого соотечественника, которую он назвал *реализмом*. «Русский человек, — писал Д.И. Менделеев, — заняв холодные, однообразные лесные и степные равнины, поневоле должен быть прежде всего реалистом, — ведь иначе не проживешь в этих палестинах. Для классиков — это дело чисто рабское, для русского человека — это дело истинного гражданина своей земли. Приноровиться, приглядевшись к делу, и одолеть его понемногу, упорным трудом — составляет истый прием реализма и подлинное качество, выработанное в нашей народной массе. Недаром между русскими учеными больше всех успели выдаться реалисты» [13, 391].

Именно отсутствие реализма в марксистской теории — главная причина ее отторжения Менделеевым. Человек, не зарабатывающий себе и семье на жизнь, не может, по определению, создать жизнеутверждающую теорию. Разлад в триаде факторов (тело, душа и дух),

только и определяющих цельную личность человека, неизбежно вносит разлад в социальную теорию. И Маркс не исключение. Гений Маркса проявился в том, что ему удалось скрыть этот разлад посредством особого логического инструмента — превращенных форм. Сконструированные им превращенные формы на поверку оказались извращенными. Причем извращение это весьма тонкое, оно в самой первооснове формирования общественных отношений — антропологии.

В отличие от бескрылого материализма и оторванного от земли идеализма, реализм учитывает все три составляющие человека — тело, душу и дух. Следовательно, истинные открытия и другие добродетели делаются работой не одного ума, а всех свойственных человеку сил. Только в рамках реализма, а не двух крайностей (материализма и идеализма), возможно, на наш взгляд, адекватное познание мира, действительности в ее полноте, достижение успехов и прогресса исключительно эволюционным путем.

Видимо, не стоит углубляться в эту болезненную для сознания русского человека тему, поскольку восприятие марксизма в догматах советской экономической науки как «светской религии» имеет более глубокие корни, чем принято об этом думать. Игнорирование этого факта привело к бесплодным результатам упомянутой ранее острой дискуссии на страницах журнала «Вопросы экономики». Бесплодной потому, что она велась по принципу «сам дурак», хотя все выглядело научнообразно, внешне пристойно.

Отечественные современные марксисты даже не подозревают, что выступают в качестве «пятой колонны» в смертельной схватке на мировоззренческом фронте между странами «золотого миллиарда» и странами остального мира. Ведь центральным императивом глобализации мирового хозяйства являются разрушение мировоззренческих корней разных народов, их унификация по лекалам стран «золотого миллиарда». Россия в этой войне — главный противник Запада, что мы и наблюдаем в развязанной сегодня информационной войне на Западе.

Таким образом, только менделеевское мировоззрение открывает возможность научного познания будущего российской экономики, оставляет ясную надежду вытащить Россию из состояния системного кризиса с помощью глобальных национальных проектов.

Вина российских обществоведов в том, что они не смогли в самом начале рыночных реформ вскрыть научную несостоятельность теории Маркса и ее искаженных большевистских интерпретаций. Рано или поздно российским обществоведам придется это сделать. Ведь сегодня

вред материалистической диалектики — в том, что российское формирует социальную среду, в которой все взаимоотношения между людьми опосредуются деньгами. «Скажи, сколько ты зарабатываешь, а я подумаю — стоит ли тебя слушать», — сегодня звучит грубо, но в 1990-х гг., когда формировалась в России новая социальная среда, эта фраза точно выражала суть социальных реформ. Проводниками же реформ были люди, впитавшие диамат.

Господство товарно-денежных отношений мы сегодня наблюдаем повсеместно. Особенно людей тревожит глубочайший кризис в образовательной системе, прежде всего в школе. Тревожно то, что между школьниками и учителями сформировались враждебные отношения. Зловещая тень марксизма преследует нас и сегодня.

Как и век назад, нам придется проделать обстоятельную ревизию результатов научных блужданий в лабиринтах безбожия и богоборчества. Маркс ведь не скрывал, а, наоборот, подчеркивал исходные предположения своей концепции общественного развития, среди которых богоборчество акцентировалось особенно внятно: религия — опиум для народа, — куда уж ясней.

При этом Маркса не заботила общеизвестная взаимосвязь тела, души и духа между собой. Маркс точно знал, что эту взаимосвязь научно доказать нельзя, поэтому для чистоты науки ею лучше пренебречь. В этом — парадокс Маркса. Именно парадокс, поскольку строго научным образом, исходя из хитро сформулированных научных предположений, Марксу удалось доказать, как теореме в математике, неопровержимую концепцию материалистической диалектики. А дальше — дело техники научного анализа: не подвергая сомнениям состоятельность научных предположений Маркса, легко построить любую интерпретацию марксизма. Что исследователи и делают до сих пор. Вот и получается, истинная социально-экономическая ценность марксистского учения заключается в возможности его использования в качестве непревзойденного примера для тренировки мозгов будущих обществоведов или в занимательной гимнастике ума интеллектуалов. Именно в таком качестве всегда использовалось научное наследие Маркса в здоровом обществе и используется до настоящего времени. В таком контексте спор с Марксом вечен и весьма полезен. Опасен же Маркс в руках демагогов от власти и от науки. Чтобы предотвратить вольное использование теории Маркса, к ней надо раз и навсегда «пришпилить» инструкцию по противопоказаниям, как это делают для лекарств, поскольку марксизм сам по себе — социальный яд, изобретенный больным воображением гения.

Маркс вечен еще и потому, что ученые-экономисты за все годы после Маркса и его современников почти не продвинулись в понимании закономерностей существования и развития капиталистического порядка. Были, конечно, продуктивные идеи, но их некому было довести до логического завершения, поскольку так и не появилось обществоведов с талантом, хотя бы приближающимся к таланту Маркса.

Как Эйнштейн поставил перед естествоиспытателями глобальную и нерешенную до сих пор проблему создания общей теории поля, так и Маркс поставил перед обществоведами задачу создания общей теории развития общества. Два титана мировой мысли поставили две, не решенные до сегодняшнего времени, глобальные научные проблемы, которые вдохновляли и будут вдохновлять все новые поколения исследователей к познанию законов развития природы и общества, которые Маркс считал всеобщими.

Понимая, что космос бесконечен, можно с уверенностью утверждать: открыть всеобщие законы развития природы и общества невозможно в принципе. Но стремление к их познанию остановить невозможно, поскольку исследователи слишком поздно начинают понимать философию Маркса. Именно поэтому Маркс вечен для обществоведов, как Эйнштейн для естествоиспытателей.

Но главное, Маркс вечен по причине несовершенства окружающего мира, недостатки которого он страстно критиковал. Устав от мерзостей мирского мира, человек уходит в мир духовный. Устав от духовного закабаления догматами церкви, он возвращается в мир мирской, в мир философии Маркса. Так и мыкается человек между двумя несовершенными мирами в надежде найти истинное утешение в мире третьем, последнем.

Литература

1. *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 5—6.
2. *Бузгалин А., Колганов А.* Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. 2004. № 7.
3. *Гребнев Л.* «Мавр» возвращается? А он и не приходил... // Вопросы экономики. 2004. № 9—10.
4. Их простота и честность / Сост. С. Виноградов. М., 1984.
5. <http://www.vehi.net/bulgakov/marks.html>
6. Философия хозяйства. 2008. № 3.
7. *Кара-Мурза С.Г.* Вопросы экономистам // Философия хозяйства. 2000. № 1.
8. *Аттали Ж.* Карл Маркс: мировой дух. М., 2008.

9. *Бейтон А., Долло К., Дре А.М., Казорла А.* 25 ключевых книг по экономике. Екатеринбург, 1999.
10. Карл Маркс. Молодые годы: Сценарий многосерийного худож. телефильма / А. Гребнев, Б. Добродеев, Л. Кулиджанов. М., 1982.
11. *Уин Ф.* Карл Маркс. М., 2003.
12. *Булгаков С.Н.* Война и русское самосознание // *Философия хозяйства.* 2000. № 5.
13. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М., 1995.

А.В. БУЗГАЛИН

XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс

Далеко не все россияне знают, что 5 мая сего года Карлу Марксу исполнилось бы 190 лет. Дата не самая круглая, но значительная, поскольку дискуссия вокруг идейного наследия Маркса и практической реализации его идей, казалось бы, надолго утихшая, сейчас разгорается с новой силой.

Причин этому несколько. Во-первых, и в нашем Отечестве, и в других странах нарастает разочарование в либеральной теории. Предсказания четвертьвековой давности — конца истории и идеологий, классового мира, всеобщего демократического процветания и торжества прав человека — явно не сбываются. В большинстве стран, и в России в первую очередь, растет социальная поляризация. США (и кое-кто в нашей стране) мечтают о новой империи. Войны остаются правилом. Глобальные проблемы и не думают уходить в прошлое. И главное: люди мучительно ищут общественный идеал, который бы хоть немного отличался от людоедского: делайте деньги и конкурируйте!

И тут «вдруг» вспоминается Карл Маркс с его обоснованием возможности движения к миру, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». И еще с добавлением: свобода — это не только формальное право полунисшей пенсионерки и олигарха проголосовать за того или иного пропиаренного кандидата, но и реальная экономическая и социально-политическая возможность развить и реализовать все заложенные в тебе таланты, обеспечить прогресс своих человеческих качеств в диалоге, а не конфликте с другими.

Как тут не задуматься: а реально ли это в XXI в.?

Но тут приходит скептик-либерал и говорит: «Хватит!».

Хватит кровавых экспериментов в духе Мао, Полпота, Сталина и К⁰. Давайте жить как в «цивилизованном мире». А Маркс — это оско-

лок прошлого, который интересен разве что с точки зрения истории социально-философской и экономической мысли.

Ну, насчет «вхождения в цивилизацию» — это мы уже знаем. Мы в России в нее уже вошли. Кому-то там действительно сытно и богато, кому-то только сытно. Кому-то по-прежнему голодно. Но при этом большинству — неустойчиво. Неуютно. Жестко. Недушевно. Малокультурно. Зло. Нервно...

* * *

Впрочем, эмоции здесь не причем, и мы оставим их в стороне. Давайте посмотрим на традиционные аргументы антимарксистов, доказывающих, что Маркс почти во всем ошибся.

Воспроизведу традиционный перечень упреков, оговорившись: автор впервые с этим столкнулся в далеко не лучшем советском учебнике по критике буржуазных идей. Там было сказано, что западные марксологи критикуют марксизм за то-то и то-то. Будучи студентом, я тогда удивился: неужели эта критика, действительно, столь примитивна? Спустя тридцать лет, в постоянной полемике с антимарксистами в России, США и многих других странах мира я убедился, что учебник был прав... Итак, аргументы критиков марксизма.

По Марксу пролетариат должен был нищать, а он стал жить намного лучше. По Марксу, пролетариат есть эксплуатируемый революционный класс, а на самом деле он поддерживает капиталистические системы. По Марксу, производство должно было становиться все более концентрированным, а оно становится все более разнообразным, и малый бизнес прогрессирует. По Марксу, частная собственность должна быть уничтожена, а она везде процветает, захватывая все новые сферы. Классики предсказывали, что на смену капитализму должен был прийти социализм, причем революционным путем, а сами революции должны были свершиться в наиболее развитых странах; на самом же деле они произошли в странах слаборазвитых, продержались несколько десятков лет и рухнули. Ну, и, наконец, по Марксу, социалистическое общество должно было дать рост свободы и благосостояния, а в СССР мы жили в стране ГУЛАГов и дефицита колбасы...

На первый взгляд, все эти упреки обоснованы. И действительно, в некоторой своей части они резонны. Для того, чтобы отделить хулу от критики, разберемся с предпосылками анализа.

Маркс исследовал законы классического индустриального капитализма. Не так ли?

Начну с того, что Карл Маркс не строил прогнозов и не создавал символов веры. Если кто-то из него сделал пародию на религию, то это

уже не Маркс... (насколько Маркс ответствен за последующие пародии на марксизм — тема особая; автор не раз к ней обращался ранее и здесь не будет на этом останавливаться). Карл Маркс, его коллеги и последователи исследовали законы жизни общества и формулировали эти законы, при этом многократно предупреждая: социальные процессы отличны от природных. Здесь действует множество разных факторов. Исследователь может показать закономерности действия ряда из них и доказать, что именно эти факторы в некоторых определенных условиях действуют именно таким образом. Но не более того. Никаких «железных» законов Маркс не выводил.

Далее. В «*Капитале*» Маркс исследовал *индустриальный классический капитализм* и показал, что для него характерны некоторые социально-экономические закономерности. Давайте их рассмотрим и заодно ответим на большую часть «критики» в адрес марксизма.

Закономерность номер один. *Закон стоимости*. Развивая идеи Смита и Риккардо (на что он сам прямо указывал), Маркс показал, что капиталистическая система в исходной своей определенности есть товарное производство. В основе последнего лежат обособленность производителей и общественное разделение труда. Соответственно, там, где производители будут обособлены, а разделение труда будет развиваться, будет (при прочих равных условиях) прогрессировать рынок. Там, где их будут ограничивать, рынок будет хиреть. Где здесь ошибка?

Далее, Маркс показал (и здесь он существенно отличен от нынешних либеральных экономистов), что рынок — это *исторически ограниченная* система общественных отношений *людей*, а не некий «естественный» и вечный «механизм» взаимодействия агентов и обмена информацией в экономике. В частности, он показал, где, когда и почему рынок возник; где, когда и почему (вследствие развития общественного регулирования — «контроля ассоциированных производителей за общественным производством» — раз; прогресса всеобщего творческого труда, создающего общественные блага, — два...) он будет снят новой системой организации хозяйства. Что здесь ошибочного?

Более того, Маркс доказал, что *человек не всегда стремился и не всегда будет стремиться прежде всего к максимизации денег и минимизации труда*. Вне рыночной системы, при господстве других общественных отношений человек ведет себя иначе. А вот в условиях господства рынка и капитала, действительно, человеческие качества, ценности, мотивы начинают подчиняться власти товаров и денег. Есть у тебя «Мерседес—600» — ты «крутой» (престижный, умный, талантливый) человек. Нет — «лох» (дурак, не талантлив и т. п.). В соответ-

ствии со строгой рыночной меркой (измерением человеческих качеств в деньгах) работающий в деревне учитель-энтузиаст в миллионы раз менее эффективен, чем нувориш, а любой олигарх в тысячи раз талантливее нобелевского лауреата. Так рынок переворачивает с ног на голову человеческие отношения, наводя мороки товарного и денежного фетишизма. Прав ли Маркс в том, что именно так обстоит дело в условиях товарного производства?

Заставшие советские идеалы люди на протяжении полутора десятилетий убедились в справедливости закона, в соответствии с которым иная общественно-экономическая система рождает иные ценности и мотивы, иной тип человека. Брачные контракты, когда от жены (мужа) ждут, прежде всего, делового партнерства в области получения и использования дохода и собственности, ожидание смерти родителей (чтобы, наконец, получить их наследство), отношение к детям как к выгодному вложению капитала с целью обеспечения старости — все это казалось бредом для большинства моих сограждан еще двадцать-тридцать лет назад и все это стало нормой для большинства молодых (и не только) людей сейчас. Я не оцениваю эти изменения. Я только фиксирую: Маркс был прав, когда показал, как и почему это происходит.

Впрочем, Маркс показал и другое. То, что включаясь в неотчужденные отношения сотворчества и солидарности люди обретают другие интересы и ценности. Да, в СССР был ГУЛАГ. Но было и много чего другого. Были миллионы молодых людей, бредивших в 1960-е поэзией и космосом, физикой и открытием новых земель. Было нормальным полупрезрительное отношение к тем, для кого главное в жизни — деньги. Я и сейчас знаю (хотя бы по кругу моих личных товарищей) сотни людей, включенных в деятельность экологических организаций и профсоюзов, движение «Образование для всех» и правозащитные НПО, для которых главное в жизни — изменение к лучшему природы и общества в нашей стране и не только. Это обычные люди. Но иная деятельность и иные отношения общения рождают у них другие — пострыночные — ценности и мотивы. Так ошибался ли Маркс, показав, что рынок (а не «естественная природа человека») рождает страсть к деньгам и что пострыночные отношения развивают другие ценности и мотивы, другой тип личности?

Прежде чем продолжить мой анализ достижений Маркса, замечу: в *«Капитале» впервые сформулированы многие тезисы, которые затем (без отсылок к оригиналу) были включены в современные учебники «Экономика»* (так, знаменитое «уравнение Фишера», указывающее на определение количества денег в обращении, было задолго до него,

точнее и более подробно обосновано в 3 главе I тома «Капитала»). Но это не столь важно.

Важнее другое. Маркс доказал, что при прочих равных условиях (эта оговорка важна: экономика развивается не в безвоздушном пространстве; и политика, и идеология, и т. п. факторы могут тормозить или ускорять те или иные экономические процессы) развитие рынка ведет к дифференциации его агентов. Одни богатеют и превращаются в собственников капитала. Другие беднеют, лишаются собственности и превращаются в наемных работников, единственной предназначенной на продажу собственностью которых является их рабочая сила. В постсоветской России этот закон проявил себя во всей своей красе, превратив в течение едва ли десяти лет меньшинство из тех, кто начал частный бизнес, в буржуа, большинство — в наемных работников.

Перейдем к одному из важнейших вопросов — об *эксплуатации*. Здесь идет долгий, более века не прекращающийся спор между марксистами и представителями теории факторов производства (позднее — предельной производительности), доказывающими, что прибыль создает сам по себе капитал, а не прибавочный труд наемного работника, безвозмездно присваиваемый собственником средств производства. Этот спор носит сугубо теоретический характер, и аргументы сторон весьма серьезны; этот публицистизированный текст — не место для их воспроизведения. Но вот что характерно: на практике капиталисты, а не только наемные работники, взаимодействуя друг с другом, прекрасно отдают себе отчет в том, что их интересы фундаментально противоположны. Начинается все с того, что капитал всемерно стремится удлинить рабочий день, а рабочие его сократить, капитал стремится сократить заработную плату и увеличить прибыль, наемные рабочие — наоборот; дальше — больше: создав профсоюзы и политические организации (социал-демократические, впоследствии социалистические и коммунистические партии) класс наемных работников стал добиваться существенного перераспределения прибыли в свою пользу. Простейший пример этого — прогрессивный подоходный налог (когда богатые до половины своего дохода отдают в общественные фонды).

Так вот, там где экономическая и политическая борьба наемных работников и представляющих их общественно-политических структур активна и успешна, там и в этой мере происходят сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты, рост социальных трансфертов. Как только и в той мере, в какой эта борьба ослабляется (а это типично для последних двадцати лет спада антикапиталистической борьбы, последовавшего за распадом СССР), начинается обратный процесс. На про-

тяжении последних 20 лет многие страны столкнулись с процессом относительного (а в ряде случаев — например, в США 1990-х гг. — и абсолютного) сокращения реальной заработной платы, социальных трансфертов и т. п.

А теперь об *обнищании пролетариата*. Эта идея принадлежит не Марксу. Маркс ее развил, показав закономерность относительного обнищания (когда прибавочная стоимость растет быстрее, чем заработная плата) и указав на закономерность: в условиях индустриального капитализма, при абстрагировании от социально-классовой борьбы пролетариата и других противодействующих факторов, не рассматриваемых в «Капитале», для капиталистической системы в целом характерна тенденция и к относительному, и к абсолютному обнищанию пролетариата.

О том, как и почему эта тенденция в большинстве развитых стран себя исчерпала, марксисты показали более столетия назад, указав на возникшую еще сто лет назад и усилившуюся в дальнейшем систему противодействующих факторов, подробно описанных в любом толковом учебнике.

Но вот что важно: открытая Марксом закономерность увеличения богатства капитала за счет заработной платы наемных работников в условиях *классической индустриальной* капиталистической экономики действует. Ей могут противостоять и противостоят показанные теми же марксистами на основе работ того же Маркса другие закономерности. Переход к высоким технологиям и творческой деятельности, превращающим частного работника, выполнявшего роли придатка станка или конвейера, в высокообразованного человека-креатора — раз. Мощные волны антикапиталистической оппозиции (от профсоюзов и левых партий, народных фронтов и примеров «мировой социалистической системы» до социально-ориентированной активности тысяч неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, защищающих гражданские и социальные права человека) — два... Перечень можно продолжить.

Важен вывод: благосостояние части мирового рабочего класса (в развитых и ряде развивающихся стран) за полтора столетия со времен Маркса, действительно, в среднем росло, хотя и медленнее, чем совокупное богатство капитала. Но росли доходы класса наемных работников не благодаря доброй воле и благородству буржуазии, а вследствие классовой и социальной борьбы антикапиталистических сил, теория которой была развита (хотя и не открыта — об этом писал сам Маркс) марксистами.

Кстати о теории классовой борьбы. Маркс и его последователи отнюдь не считали ее универсальным объясняющим фактором человеческого развития. Такую роль ей отвели догматики сталинских времен и поверившие их трактовке марксизма (и влюбившиеся именно в эту их трактовку) либеральные советологи и марксологи. Маркс же и творческие марксисты многократно показывали, что это — не более (но и не менее), чем особая закономерность взаимодействия основных форм социальной общности, характерных для тех обществ, где производственные отношения приводят к формированию четко выделенных крупных общественных сил, занимающих различное (в том числе — противоположное) место в общественно-экономической жизни. Такое социальное структурирование характерно не для всех обществ, а для так называемой «экономической общественной формации». Тот же Маркс немало писал об иной специфике азиатских обществ и даже нашей родной России. Так что, пожалуйста, не надо оглуплять Маркса и марксистов.

Перейдем к вопросу о *частной собственности*.

Первый том «Капитала», действительно, заканчивается знаменитыми словами: «Бьет час капиталистической частной собственности... экспроприаторов экспроприируют». И действительно, марксисты подчеркивали, что суть их учения можно выразить двумя словами: «снятие частной собственности». Подчеркну: *снятие*. Не уничтожение. Русский перевод прошлого века не случайно искажил смысл Марксовой идеи. Для Маркса — и в этом суть его диалектической методологии — любое общественное явление должно развиться в полной мере свой прогрессивный потенциал и только тогда, исчерпав его, сняться в новом отношении. При этом «снятие» для диалектика — это всегда отрицание с удержанием положительного. Сие азбука марксизма, который показал, где, почему, в каких отношениях и до какого предела частная собственность была, есть и будет прогрессивным общественным отношением; где и почему она должна быть снята, подвергнута позитивной критике.

Как же Маркс видел это снятие?

Анализ классического индустриального капитализма показал, что для него характерно обобществление производства. Не просто концентрация и специализация, но обобществление — сложный процесс роста взаимозависимости отдельных технологических комплексов, разворачивающийся по мере прогресса общественного разделения труда. Этот прогресс приводит к тому, что, выражаясь современным языком, нерегулируемый, стихийный рынок, основанный на индивидуальной частной собственности, становится малоэффективен. И это в полной

мере подтвердилось сначала в процессе развития ассоциированной собственности акционерных предприятий, затем в виде государственного ограничения и регулирования рынка, вызванного к жизни Великой депрессией.

Стало практикой капитализма и ассоциирование собственности в виде передачи части акций работникам предприятий, развития кооперативов, государственного сектора, а он в развитых капиталистических странах много больше, чем принято думать. Традиционная статистика учитывает только государственные фирмы, чья доля в ВВП действительно невелика. Но в общественной собственности находятся в большинстве случаев наиболее ценные ресурсы современного мира: значительная часть недр, природные заповедники, значительная часть земельного фонда (особенно крайне дорогого городского), культурные ценности и информационные богатства, значительная часть учреждений культуры, образования и науки.

Последнее особенно важно: в общественной собственности сегодня находится едва ли не большая часть наиболее близкой к будущему постиндустриальной экономики, где занят преимущественно креативный класс. Если мы посмотрим на наиболее близкую к Марксову идеалу (из существующих в развитых странах) скандинавскую модель, то выяснится немало интересного. Например, в Финляндии практически все школы и большая часть университетов, большая часть учреждений здравоохранения и спорта, культуры и фундаментальной науки — общественный сектор, работающий на некоммерческих, т. е. рыночных, принципах. Более того, в этих странах через прогрессивный подоходный налог и другие каналы до половины прибыли капитала перераспределяется в пользу наемных работников. Иными словами, в этих странах сделан целый ряд значимых шагов на пути к реализации той тенденции общественного развития, которую Карл Маркс выделил как возможный и закономерный путь прогресса. При этом Маркс не раз указывал, что на этом пути немало препятствий, что прогресс нелинеен и не идет сам по себе: там, где реализующие прогрессивные тенденции силы мощны, а реакционные слабы, он будет идти быстрее и эффективнее. Но возможна и обратная ситуация.

Марксисты всегда подчеркивали, что в истории есть объективные законы, но как именно, когда, какой ценой и какими методами, сколь скоро они реализуются — все это зависит от творящих историю людей. Так, с точки зрения Маркса, переход от натурального хозяйства, крепостничества, абсолютной монархии, сословного неравенства к рынку, наемному труду, демократии и соблюдению базовых прав человека есть историческая закономерность. Но он многократно писал и

анализировал причины, по которым этот переход в одних странах произошел быстро, эффективно, и еще в XVI в., а в других не завершен и пятьсот лет спустя. Почему Англия заплатила за переход к капиталистической системе ценой огораживания, «кровавого законодательства», революций и войн; США — ценой войны против той же Англии за право строить капитализм, а не быть колонией, плюс Гражданской войной Севера и Юга (самой кровопролитной в XIX в.) плюс рабством на половине своей территории...

А еще путь к капитализму — это колониализм. И Первая мировая война. И Вторая мировая война, которую Германия (напомню: ее экономика была основанной на частной собственности) начала против других капиталистических стран — Польши, Франции и Англии...

Многие открытые Марксом общественные законы сегодня не действуют. Почему?

Итак, классическая марксистская теория была и остается истинной как теория индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классики». Плюс к этому весьма значимыми были и являются наброски Маркса по проблемам философии (особенно социально-политической), проблемам рождения нового общества и многое другое, но эти аспекты сейчас оставим в стороне.

Для нас важнее другое. В точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: *в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами, которые исследовал Маркс, — в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны»*. Точнее так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать или действовать по-другому. Поэтому в современном мире, где развивается глобальная интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему, пронизанную новыми противоречиями; где началась постиндустриальная (информационная, человеческая и т. п.) революция; где реальностью стали монополии и антимонопольная политика, государственное регулирование и социальные трансферты, соизмеримые с едва ли не третью валового национального продукта, — в этом мире в точном соответствии с методологией Маркса законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале».

Так, факт полета самолета не отменяет правомерности закона всемирного тяготения (в соответствии с которым тело, тяжелее воздуха, должно падать на землю), а подтверждает его. Самолет *не* падает на

землю в строгом соответствии с этим законом, который можно было бы специально переформулировать для непонятливых: тело, тяжелее воздуха, будет стремиться упасть на землю с силой, равной его весу; но оно не упадет на землю, если этому будет противодействовать другая сила (в случае с самолетом — подъемная сила крыла). Так же и характерные для ряда десятилетий XX в. процессы снижения социальной дифференциации не отменяли закона относительного обнищания пролетариата, а предполагали действие других мощных процессов, вызвавших к жизни значительное перераспределение доходов от класса буржуазии к классу наемных рабочих.

То же можно сказать и о других закономерностях, открытых и обоснованных Марксом в «Капитале». И рост обобществления производства, и закон-тенденция нормы прибыли к понижению, и ряд других, подвергаемых ныне критике, закономерностей строго выводятся Марксом из некоторых предпосылок. Среди них важнейшие — действие законов стоимости (классический вид которого предполагает свободную, «совершенную» конкуренцию), закона прибавочной стоимости (классическое действие которого предполагает реальное подчинение труда капиталу и несовместимо с участием рабочих в управлении, прибылях, собственности, не говоря уже о прямом перераспределении части прибавочной стоимости в пользу трудящихся через такие механизмы, как прогрессивный подоходный налог и многое другое), и рост органического строения капитала.

Последняя предпосылка особенно важна. Как я уже отметил выше, Маркс исследовал капитализм, развивавшийся на базе индустриальных производительных сил, для которых как раз и был характерен относительно более быстрый рост массы применяемого «мертвого» (овеществленного в машинах, сырье и т. п.) труда по сравнению с живым трудом. Попутно подчеркну: у Маркса везде речь идет не о стоимостном, а об органическом строении капитала. Для последнего стоимостные измерители не адекватны; оно предполагает учет только таких изменений стоимостного строения, которые обусловлены изменениями технического строения, т. е. предполагают элиминирование процессов удешевления постоянного капитала и удорожания переменного.

Но это не главное. Главное в другом: переход к качественно иным технологиям, предполагающим человеческую, информационную и т. п. революции, рост значения творческой деятельности, «человеческих качеств» и т. п., естественно, привели к принципиальным изменениям не только в динамике, но и в природе и постоянного, и переменного капитала. Все это в строгом соответствии с Марксовой методологией диалектического единства производительных сил и производст-

венных отношений *должно* было вызвать существенные изменения всех базовых закономерностей капитала как производственного отношения. Это и произошло в реальности, подтверждая, а не опровергая правоту марксистской теории. Эта связка совершенно банальна и ее многократно в том или ином виде воспроизводили десятки марксистов XX в., а ваш покорный слуга изучал ее в курсе политэкономии на первых курсах МГУ еще в начале 1970-х гг. И тогда любому студенту, пытавшемуся ничтоже сумняшися утверждать, что в условиях капитализма второй половины XX в. закономерности, показанные в «Капитале», действуют в чистом виде, ставили без всяких колебаний «неудовлетворительно» за полное непонимание теории и метода Маркса.

Еще важнее не забывать того, что *рубеж XIX—XX вв. ознаменовался переходом капиталистической общественно-экономической системы в новую фазу — фазу самоотрицания, «подрыва» своих собственных основ*. «Классическое состояние капитализма в развитых странах завершилось более столетия назад, сменившись длительной фазой «заката» — развития в недрах этой системы ростков нового качества общественно-экономической жизни.

Опять-таки в строгом соответствии с закономерностями «заката» исторически конкретной системы этот процесс начался с привнесения в старую систему ростков новой, но в подчиненном, адаптированном для нужд старого, господствующего строя виде. Это «вливание крови молодых девушек» (ростков социализма) в тело стареющего капитализма происходило и происходит на протяжении вот уже более столетия. Процесс этот идет неравномерно, то усиливаясь (как, например, в 1960-е гг. XX в.), то ослабляясь (как в последние десятилетия), но до конца он не исчезает и не исчезнет. К числу этих ростков нового ученые-марксисты еще столетие назад отнесли многочисленные формы сознательного регулирования рынка со стороны как крупнейших корпораций, так и государства; многочисленные формы частичного перераспределения доходов и социального регулирования; продвижение к бесплатному обеспечению граждан базовым общественными благами (образование, здравоохранение, культура и т. п.). Добавим к этому развитие таких ростков «царства свободы», как мощная активность социальных движений и неправительственных организаций; наличие на протяжении всех этих десятилетий стран, стремившихся так или иначе развивать некапиталистические общественно-экономические отношения, и т. п. — и мы получим *мир, в котором закономерности классического капитализма просто не могут и не должны действовать в прежнем виде (а какие-то не могут и не должны действовать вообще)*.

И еще одно следствие из сказанного выше: там и тогда, где и когда законы Маркса оказываются адекватны для понимания реальности, мы можем говорить, что это общество, близкое по уровню развития к классическому индустриальному капитализму, подобному капитализму Великобритании позапрошлого века. И это не только теоретическая абстракция — это реалии для ряда стран в нынешнюю эпоху. Это, например, в значительной мере можно сказать о России эпохи «шоковой терапии», о многих секторах бедных стран третьего мира и т. п.

Можно ли на основании сказанного выше считать проблему критики классического марксизма снятой?

Отнюдь нет.

Социалистические революции XX в. произошли в слаборазвитых странах и закончились кризисом «реального социализма. Ergo?

Безусловно, многие десятилетия, прошедшие после смерти Маркса, показали, что многие положения Маркса требуют не только развития как устаревшие, но и прямой критики.

Что касается развития, то открытым остается вопрос, насколько десятки сильных и талантливых работ марксистов XX и начала нынешнего века (как отечественных, так и зарубежных), раскрывающих природу современного «позднего» капитализма, могут служить своего рода «Капиталом XX века»...

Что же касается критики, то здесь пока что без ответа остался важнейший вопрос критиков классического марксизма: почему капитализм перешел в новую, постиндустриальную, «постклассическую» стадию, а не был свергнут победоносными социалистическими революциями, необходимость которых, на первый взгляд, Маркс выводил из противоречий именно классического индустриального капитализма?

Этот вопрос, действительно, принципиален и не имеет готового простого ответа.

Начну с того, что идея неизбежной и победоносной революции, осуществляемой классом индустриальных наемных рабочих — это не столько классический марксизм, сколько его сталинская версия, растиражированная в учебниках 1930—1950-х гг. Ни у самого Маркса, ни у Ленина, ни в сколько-нибудь «продвинутых» учебниках марксизма, вышедших в СССР начиная с 1960-х гг., таких утверждений не было. Классический марксизм действительно доказывал, что индустриальный капитализм создает необходимые предпосылки для социалистической революции и что ее субъектом является класс наемных рабочих.

Но во всех работах классиков многократно подчеркивалось, что эта потенция превращается в действительность только тогда, когда складываются все необходимые социально-политические предпосылки.

Впрочем, для нас сейчас этот аспект является не самым главным. Важнее другое. На мой взгляд (и здесь я не оригинален), *Маркс, действительно, был не прав в той мере, в какой размышлял не только о возможности, но и о необходимости социалистической революции как продукта классического индустриального капитализма.*

Развитие методологии марксизма, особенно диалектики перехода от одной социально-экономической системы к другой, предполагает использование ряда сугубо марксистских, но не развитых самим Марксом, подходов, показывающих, почему утверждение о *неизбежности* социалистической революции в условиях индустриального капитализма неправомерно. Иными словами, в этом вопросе марксистская методология и теория могут и должны быть использованы для конструктивной критики некоторых поспешных выводов Маркса.

Начну с подтвержденного опытом последнего столетия и достаточно известного (но часто «забываемого» критиками марксизма) тезиса о том, что смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому развитому целому, а как длительный процесс заката одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, «классическое» состояние) и сугубо нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контр-реформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не «чистые», а переходные отношения и формы...

Эта диалектика перехода у самого Маркса «прописана» слабо, есть лишь некоторые наброски, свидетельствующие о том, что Маркс видел эту проблему. Зато в работах марксистов XX в. и последнего десятилетия об этом сказано немало. И не только сказано, но и доказано. И эти доказательства позволяют считать обоснованным вывод о том, что *марксистская теория способна объяснить те многочисленные зигзаги, которыми полна история последнего столетия.* Но для этого надо вместе с марксистами последнего столетия пойти дальше Маркса и учесть все многообразие явлений периода нелинейной трансформации одной системы в другую.

Далее. Для анализа процесса рождения нового общества, называвшегося Марксом коммунизмом, по-видимому, можно и должно применить (естественно, критически) методологию исследования генезиса капитала, примененную самим Марксом. В частности, методологию перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. Эта методология представлена, в частности, исследованием развития капитала от форм простой кооперации к мануфактуре и фабрике. На первых стадиях генезиса капитал развивается на технологическом базисе, характерном для предшествующей системы (феодализма) — на базе ручного труда — и остается в этом случае неустойчивым, относительно легко уступающим место реставрационным процессам, образованием. На базе ручного труда, мануфактурных технологий, капитализм может как выиграть у феодализма (что произошло, например, в XVI в. в Нидерландах), а может и проиграть (как это произошло примерно в то же время в Итальянских городах-государствах). Здесь подчинение труда капиталу если и возникает, то остается неустойчивым, формальным (созданным лишь формой — производственными отношениями), но не имеющим достаточного технологического базиса. Лишь на базе машинного производства, индустриальных технологий капитализм побеждает окончательно (но тоже не везде и не сразу: вспомним хотя бы пример крепостных фабрик в России, да и всю нашу историю полуфеодального полукапитализма позапрошлого века — века развитых индустриальных капиталистических экономик Запада).

Итак, на базе технологий (и, прежде всего, содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный — для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может — к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал «опережающей мутацией». Это ситуация, когда общественные отношения несколько «забегают вперед» по отношению к материальному базису, содержанию труда. Если в этих условиях социальные силы созидания нового общества окажутся достаточно мощны, то новые отношения смогут обеспечить технологическую революцию, и это закрепит победу нового строя. Если нет — опережающая мутация завершится регрессом и вырождением попыток воздania нового общества. Для удобства дальнейшего анализа назовем «ранней» революцию, совершающуюся в условиях развитого (но не «позднего», «закатного») состояния старой системы и на базе адекват-

ного для старой системы, но недостаточного для окончательной победы новой уровня развития ее материально-технических предпосылок.

Парадоксом при этом является то (и это очень спорная гипотеза автора, которую он выносит на обсуждение, не будучи сам в ней до конца уверен), что *для совершения ранней революции, совершаемой на стадии зрелого состояния «старой» системы, социально-политические предпосылки складываются легче и полнее, чем в условиях «заката» последней.* При этом, однако, материально-технические и социально-экономические предпосылки ранней революции оказываются развиты слабее.

Причин для этой амбивалентности несколько.

Во-первых, противоречия старой системы в ее зрелом состоянии максимально «чисты», социальное противостояние обнажено. Система еще не породила внутри себя массу переходных отношений и «компенсаторов», смягчающих общественные конфликты.

В то же время, «классическое» состояние системы еще не порождает новых общественных сил, способных формировать новые отношения. Как известно, буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества — лично свободные представили «третьего сословия». Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). Сейчас можно предположить, что это будут представители «креативного класса», не подчиненные непосредственно капиталу (укажу в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т. п. субъектов по преимуществу творческой деятельности, занятых в «бюджетной сфере» и проявляющих в последние десятилетия очень большую социальную активность). Последнее отрицает тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата.

Во-вторых, в рамках «классической» системы еще не сформировалась типичная для периода «заката» некая совокупность таких переходных отношений, которые «уводят» общественное развитие в сторону от «красной нити» исторического процесса. Переходные формы предотвращают (на более или менее долгое время) взрыв старой системы, создают некий «отводной канал», пространство для исторических зигзагов, порождая в конечном итоге тупиковые, но временно полезные для старой системы квазиновые общественные отношения. В результате вместо социализации производства и собственности раз-

вертывается экономика, в которой господствующее положение занимают гигантские акционерные капиталы; вместо свободного труда — формы «народного капитализма» и социального партнерства; вместо ассоциированного планирования — бюрократическое и потому малоэффективное государственное регулирование; вместо свободного и гармоничного развития личности — общество потребления (а теперь уже и пресыщения). Эти переходные формы, намеренно повторю этот тезис, уводят развитие в сторону от дороги рождения качественно нового общества, создавая пространство «обходов», в котором вполне могут развиваться и технологии, и благосостояние...

В то же время эти переходные отношения создают определенные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для нового строя. Так, формирование гигантских акционерных обществ создает предпосылки для социализации, государственное регулирование — для демократического планирования, социальное партнерство — для освобождения труда и т. п.

В-третьих, период «заката» общественно-экономических систем рождает специфические, приспособленные к задачам выживания и развития прежней системы, пути развития технологий, прежде всего — труда. Так, объективно создаваемая развитием индустрии необходимость перехода к преимущественно творческой деятельности в условиях позднего капитализма оборачивается приоритетным развитием того, что я условно назвал «превратным сектором». В самом деле, для последних десятилетий характерно наиболее быстрое развитие таких сфер, как финансы, государственное и корпоративное управление, масс-культура и СМИ, военно-промышленный комплекс и т. п., где по преимуществу создаются продукты, мало способствующие прогрессу производительности труда и человеческих качеств. Вместо приоритета воспитателей и учителей, врачей и экологов, ученых и художников, поздний капитализм формирует приоритеты финансистов и брокеров, охранников и моделей, звезд шоу-бизнеса и рэп-музыкантов...

Кстати, в условиях позднего феодализма так же формируется своеобразный превратный сектор — сфера производства непродовольственных предметов роскоши, огромная «сфера услуг» (растущие полчища слуг), непомерные военные расходы и т. п.

Кроме технологических зигзагов закатные траектории порождают и зигзаги социальные. В обществах, где застаивается старая система, господствующими становятся ценности и стимулы, характерные для «закатного» типа личности с его отторжением парадигм социального творчества (да и вообще прогресса), ориентацией на ценности превратного сектора, а не социальное обновление. В результате склады-

ваются мощные общественные противовесы интенциям рождения нового общества.

Тем самым *перед социальной революцией в поздних системах встает особая задача: вывести технологическое и социальное развития из того тупика, в который их заводит процесс заката прежней системы*. Если же революция совершается в обществе, где эти тупиковые траектории еще не господствуют, то задачи движения к новому обществу упрощаются...

Однако, этот параметр так же амбивалентен, как и два предыдущих. Уводя социальный и технологический прогресс в сторону, переживающая закат система, тем не менее, развивает производительные силы, повышает производительность труда и в этом смысле продвигает нас к новому обществу.

В результате сказанного мы приходим к не слишком очевидному и несколько парадоксальному с точки зрения классического марксизма (но в нынешнем веке отнюдь не оригинальному) выводу: *для успешной социалистической революции в идеале (который на практике, естественно, никогда в полной мере не достигим) необходимы следующие условия:*

1) высокий уровень производительности труда и технологического развития, достаточный для хотя бы формального освобождения труда, при относительно слабом развитии превращенных форм этого прогресса (превратного сектора);

2) развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата при сохранении «прозрачности» социального противостояния и относительно слабом влиянии превратных ценностей и стимулов;

3) формирование относительно «чистых», адекватных задачам саморазвития нового общества форм переходных отношений.

Иными словами, к социализму лучшего всего было бы идти в стране, где еще нет переразвитого «общества пресыщения», но уже есть высокий, не меньший чем в сегодняшних развитых странах, потенциал технологического и социального прогресса плюс налицо (само)организованный субъект общественного обновления, переполняемый социально-творческой энергией.

В реальной истории все было и есть много сложнее. Так, в Российской империи начала XX в. в результате ее внутренних противоречий, крайне обостренных Первой мировой войной, были налицо только предпосылки второго блока, да и то в крайне странном виде — в виде симбиоза нескольких миллионов солдат, матросов и рабочих, готовых отдать свои жизни ради снятия неимоверно тяжелых противоречий

России 1917 г., и нескольких сотен тысяч (само)организованных большевиков и их союзников, действительно способных с сознательному социальному творчеству. В результате предпосылки первого и третьего блоков в нашей стране создавались ценой максимального напряжения нетехнологических и неэкономических факторов: массового насилия и массового энтузиазма. Неизбежное исчерпание потенциала сначала (к началу 1950-х) первого, а затем (к концу 1960-х) и второго вызвало неизбежный крах этой опережающей мутации.

Что касается современного состояния мира, то я вижу только один, да и то несколько фантастический вариант комбинации условий, наиболее благоприятных для социалистической революции. Это некая система, в которой значимую роль играют люди занятые хотя бы отчасти социально-творческой деятельностью, в незначительной мере подчиненные стандартам общества пресыщения; для которых, однако, характерен достаточно высокий (близкий к среднему для развитых стран) уровень благосостояния и производительности; где налицо достаточно сильная тенденция самоорганизации и слабо развито подчинение труда капиталу; где труд осуществляется преимущественно не в превратном секторе, а господствующими социальными институтами являются не формы, типичные для позднего капитализма (корпоративный капитал), а иные, более адекватные для решения задач (формального) освобождения труда (формы, характерные для «экономики солидарности», «демократии участия»...). Эта система должна, однако, оставаться под внешней властью капитала, ибо иначе это будет уже готовый социализм.

На первый взгляд, системы, для которой были бы характерны хотя бы в значительной мере названные выше черты, нет и быть не может. И это действительно так, если мы говорим о некоторой *стране*. Однако современный мир — это мир глобализации, а не национальных государств. И потому мы можем поставить вопрос по-другому: а нет ли в современном мире такого субъекта глобальных процессов, который был бы близок по своим основным параметрам к названной выше модели?

На этот вопрос ответ найти уже несколько легче. Внимательный исследователь, знакомый с альтернативами современного мира, его уже, по-видимому, увидел: это сети новых социальных движений и неправительственных организаций. Для них и их членов в основном характерны названные выше черты, но они по-прежнему живут и действуют в мире, подчиненном глобальному капиталу. Именно против него они и могут совершить социальную революцию. Только это будет не столько национальная революция в виде штурма нового Зимнего

дворца или Казарм Монкада, в которых засели силы капитала, сколько *глобальная революция против правил тотальной гегемонии капитала*.

Естественно, это уже значительный отход (надеемся — вперед) от классического марксизма. Но, повторю, было бы странно ожидать от марксиста того, чтобы он считал возможным видеть и тем более осуществлять социальные преобразования по модели позапрошлого века...

* * *

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого раздела: почему же развитие в XX в. пошло не по Марксу? Почему социалистические революции совершились не в наиболее развитых странах, а там, где совершились, породили не только определенные достижения, но и монстров наподобие ГУЛАГа, в конечном итоге закончившись крахом порожденных ими систем? Почему господствующей стала траектория самореформирования капитализма?

Ответ на этот вопрос я уже отчасти дал выше. Карл Маркс и понимаемый только как наследие самого Маркса марксизм были и остаются ограничены исследованием преимущественно классического состояния капитализма. Они не принимали (и не могли принять в силу исторической специфики) во внимание всей многосложной диалектики заката и рождения систем, сложностей их нелинейной трансформации, хотя ряд предпосылок такого анализа (в частности, идею формального и реального подчинения труда капиталу) в этом наследии есть.

Однако этого мало. Главный новый параметр, привнесенный XX в., — это осознание того, что действительная проблема социального обновления последнего столетия (если не более) это не столько переход от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабный переход — переход от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на отчуждении и приоритетном развитии материального производства, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» отчуждения и собственно материального производства.

Главными сегодня становятся глобальные проблемы, а не классовая борьба: «провал» марксизма?

Итак, по моему мнению, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX — XXI вв.) от марксизма классического состоит в том, что первый (не всегда осознанно) поставил во главу угла проблему принципиально

более масштабную и сложную, нежели «только» вопрос смены капитализма новым общественным строем — уже названную выше проблему заката «царства необходимости» и рождения «царства свободы».

Для себя этот тезис (в гораздо более примитивной формулировке) я впервые открыл более тридцати лет назад, заканчивая первый курс МГУ. Буквально через несколько дней я обратился к Марксу и с радостью обнаружил, что это одно из ключевых положений, четко сформулированных как самим Марксом, так и его сподвижником Энгельсом. Несколько позднее я с еще большей радостью обнаружил эти тезисы в работах своих учителей — советских марксистов-шестидесятников СССР. Получив доступ к зарубежным «диссидентским» изданиям я (и уже без удивления — странно было бы думать, что западный марксизм не развивает этих идей) нашел богатые исследования по этой проблематике.

Так вот, именно этот «нюанс» (проблема перехода «по ту сторону» материального производства, проблема глобальной трансформации всей «предыстории»), в большинстве случаев игнорировавшийся в примитивных марксистских текстах XX в. (но, повторю, не самим Марксом и не творческим марксизмом), и позволяет объяснить большую часть специфических для начавшейся около столетия назад *эпохи глобальных проблем*.

Самим Марксом эта проблематика была только намечена, а ортодоксальным «марксизмом» сталинской поры проигнорирована. Как следствие анти-марксизм, знакомый по преимуществу только с этими, самыми примитивными версиями критикуемой им теории, сделал вывод об еще одном провале марксизма.

Самое смешное, что в некотором, крайне ограниченном смысле, эта критика была правомерна: классический марксизм, действительно, основной акцент делал на исследовании развитого капиталистического способа производства, его социально-классовых противоречий, предпосылок и движущих сил его снятия. Исследование того проблемного поля, которое выдвинулось на первый план в XX в., в работах Маркса и Энгельса было лишь намечено. Зато в XX в. оно неслучайно оказалось в центре внимания практически всех основных течений творческого марксизма и — шире — демократической социалистической мысли. Берусь утверждать, что именно *глобальная проблема нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» стала генетически-всеобщей основой большинства специфических новых разработок марксизма XX — XXI вв.*

Лишь несколько мозаичных иллюстраций к этому тезису.

Проблемное поле А. Грамши — темы гегемонии (категория, характеризующая одну из основных форм отчуждения и, одновременно, потенциал его снятия), проблемы роли интеллигенции и культуры, идеи свободной добровольной ассоциации — все это проблематика, существенно выходящая за традиционные рамки исследования капитала и пролетариата. Но в работах этого мыслителя тема глобального скачка к новому качеству общественного бытия, снимающего всю предысторию, только намечается.

Исследования Г. Лукача, особенно его работы по истории классового сознания и феноменологии общественного бытия, прямо выводят нас на проблемы отчуждения во всем многообразии его видов, характерных для «царства необходимости», а не только капитализма. Будущее общество все более позиционируется именно как снятие *всей* предыстории, что позволяет ученому сделать целый ряд интереснейших следствий для теории социализма, но это уже другая тема. Существенно, однако, что эта линия была затем активно развита в работах как советских (М. Лифшиц, Э. Ильенков и др.), так и западных ученых (И. Мессарош, Б. Олман и др.). Косвенным ответвлением этого направления стали ученые, близкие к школе «Праксис» (так же акцентировавшие недостаточность исследований в рамках проблемного поля классического марксизма).

Тематика Франкфуртской школы непосредственно слабо пересекалась с рассматриваемыми нами фундаментальными социальными проблемами, но в своих гуманистических, освободительных интенциях они неявно тяготели к явно более широкому, нежели сугубо классовый, взгляду на проблему освобождения человека и общества. Впрочем, эти интенции вкупе с постепенным отказом от диалектики и переходом к анализу «коммуникативных» аспектов бытия увели их в сторону от проблем социальной эмансипации...

В отличие от них Ж.-П. Сартр и подавляющее большинство его последователей из круга марксистов проблемы гуманизма и свободы (причем свободы позитивной, не «свободы от», а свободы деятельного совместного преобразования мира) сделали непосредственным центром исследования. Они четко переместили акцент на проблематику принципиально более глобальную, нежели исследование собственно классического капитализма. Сходную тенденцию выразили и другие гуманистические направления в социальной философии и психологии (один из наиболее ярких примеров здесь — Э. Фромм). Интереснейшие работы по проблемам свободы, гуманизма, отчуждения появились в 1960—1970-е гг. в СССР, Польше, Венгрии, ГДР и др. странах «мировой социалистической системы».

Вообще, поставив в центр внимания проблемы человека и свободы, творческий марксизм середины XX в. по сути дела (хотя и не всегда осознавая это теоретико-методологически) перенес акцент с экономико-политических вопросов анатомии капитализма и его кризиса на иные проблемы. Проблематика социальной эмансипации Человека и Природы стала центральной для левых теоретиков с этого периода, породив широчайший спектр взаимопересечений гуманизма и социализма.

Поставив в центр внимания всю совокупность параметров, угнетающих и порабощающих человека, марксизм смог адекватно ответить на вызовы основных глобальных проблем, этим угнетением рожденных. Так в круг внимания исследователей левого спектра оказались включены проблемы эмансипации женщин (левый феминизм), расового неравенства, взаимодействия «центра» и «периферии», миграции и многое другое.

Другой крупнейшей подвижкой стало привнесение в марксизм и теорию социализма экологической проблематики. И хотя постановка задачи «натурализации человека и гуманизации природы» относится еще к рукописям Маркса 1844 г., свою действительную актуальность этот блок проблем обрел лишь во второй половине XX в. Для этого были как мощнейшие эмпирические основания (обострение экологических проблем и превращение их в глобальные), так и теоретические предпосылки. О последних несколько слов особо. Тема скачка «по ту сторону собственно материального производства» в качестве одной из главнейших своих проблем неслучайно выдвигает принципиальное изменение отношения общества и природы: последняя в процессе движения из «царства необходимости» в «царство свободы» должна превратиться из прежде всего предмета труда (ресурса материального производства) в прежде всего культурную ценность (биосфера как самоценное условие воспроизводства человеческой личности и общества в целом). Так в повестку дня альтернативного теоретического мышления вошел экосоциализм и различные вариации на темы решения проблем не просто сохранения, но возрождения Природы.

Подчеркнем: подавляющее большинство теоретиков левого спектра, работающих над проблемами феминизма, экологии и т. п., как правило, не акцентируют или даже не осознают содержательной связи их исследований с глобальным контекстом грандиозной трансформации, начало которой мы все переживаем вот уже столетие. Нелинейно и крайне противоречиво начавшийся скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только закат капитализма — вот глубинная основа и объективных, онтологических проблем снятия всех

видов отчуждения Человека, Природы, Общества, и гносеологического акцента на этой проблематике.

В эту бочку гуманистически-экологического меда следует, однако, добавить изрядные порции современного неопозитивистского и постмодернистского дегтя. Конец прошлого и начало нынешнего веков ознаменовались кризисом не только стран «реального социализма», но и едва ли не всей марксистской теории. «Новые левые», постарев, потеряв свое активное alter ego («мировое коммунистическое движение» в качестве достойного оппонента) и столкнувшись с бешеной атакой неолиберализма, в значительной части растерялись, а то и капитулировали под этим натиском. В результате последние два десятилетия стали периодом не только заката «больших нарративов», но и отхода значительной части (экс-?) марксистов от масштабной социальной тематики вообще.

Позитивистски-прагматический взгляд сделал постановку «абстрактной» проблемы социально-экономического и политико-идейного освобождения не только немодной, но и едва ли не ненаучной (в самом деле, результаты такого рода исследований плохо поддаются верификации...). Постмодернизм вообще объявил единственно достойными интеллектуала деконструкцию, десубъективацию, декцентрацию и т. п., что, естественно, потребовало отказа от проблем поиска Истины, Добра и Красоты, а вместе с этим фактически запретило даже постановку проблемы гуманизма и свободы (последняя рассматривается постмодернизмом едва ли не единственно как свобода от Истины, а то и вообще контекста-содержания). В результате конец XX — начало XXI в. ознаменовались засильем не только в «мейнстриме», но и в среде левых интеллектуалов либо узких позитивных исследований, либо постмодернистской критики, то и дело сползающей в хулу...

Естественной реакцией большинства «традиционалистских» марксистских теоретиков на произошедшие в XX в. теоретические сдвиги стала критика акцента на глобальной гуманистически-социологической проблематике. Она вновь (как и во времена брежневизма) стала рассматриваться как едва ли не предательство интересов классовой борьбы наемных рабочих и ревизионизм.

В этой критике, заметим, есть и доля правды: проблемное поле трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» не может и не должно полностью вытеснить «традиционных» марксистских вопросов исследования анатомии позднего капитализма, его заката, сил и путей формирования посткапиталистической общественной системы (социализма). Так перед марксизмом нового века встает целая серия задач, среди которых первоочередными, на наш взгляд, являются

ся следующие. Во-первых, реабилитация во всей его полноте вопроса о глобальной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» как генетически-всеобщего основания всех проблем эмансипации Человека, Общества и Природы. Во-вторых, проблемы содержательного исследования природы, противоречий и путей снятия позднего капитализма. В-третьих, соединение этих двух проблемных областей в рамках единой теоретической парадигмы. В-четвертых, конструктивная критика узкого прагматизма и постмодернизма как по большому счету тупиковых методологий. Подчеркнем: единственно возможной позитивной основой для такой критики станет дальнейшее развитие марксистской методологии, превращающееся для левых теоретиков в одну из задач первостепенной важности.

* * *

Подводя итоги данного текста сформулируем ответ на едва ли не главный упрек в адрес марксизма — упрек в *не*-предвидении успехов реформ и поражений революций, в не-предвидении того, что капитализм окажется столь устойчивой системой. Ответ на него, коротко суммируя сказанное выше может звучать следующим образом.

Во-первых, классический марксизм оказался прав в том, что даже индустриальный капитализм создает основания для социалистических революций. Парижская коммуна; революции в Российской империи, Германии, Венгрии и т. д. в начале XX в.; победа социалистических сил в Восточной Европе, на Кубе, во Вьетнаме, в Чили и т. п.; попытки социалистического строительства в Китае и ряде стран третьего мира... — все это, несмотря на поражения, нельзя считать случайностью. Ну а то, что продукты этих первых ранних революций оказались крайне противоречивыми, следует считать скорее закономерностью, чем случайностью.

Другое дело, что, во-вторых, классический марксизм не предвидел и не мог предвидеть всей сложности, нелинейности, длительности и противоречивости трансформационных процессов, всей диалектики заката капиталистической системы. Но первые шаги, восполняющие этот пробел классики, уже сделаны марксизмом XX — XXI вв.

В-третьих, в классическом марксизме оказался недооценен сделанный им же вывод о переходе не только от капитализма к новому обществу, но от всей эпохи отчуждения к эпохе социального освобождения как главном содержании переживаемых человечеством трансформаций. Эта глобальность перехода поставила вопрос реформирования и/или революционного преобразования капитализма в контекст гораз-

до более масштабной проблемы принципиального решения системы глобальных проблем отчуждения Человека, Общества и Природы.

Наконец, подчеркну: открытые Марксом и его сподвижниками законы классического капитализма остаются актуальны в той мере, в какой нынешняя система сохраняет как свою генетическую основу основные черты капитализма, а она их сохраняет: экономика остается рыночной и более того, растет рыночный фундаментализм; труд по преимуществу является наемным, а капитал стремится к максимизации прибыли; социальное неравенство в мире не снижается... Другое дело, что эти законы сняты и дополнены новыми закономерностями, характерными для позднего, переходного к постиндустриальному капитализма и эпохи заката «царства необходимости», эпохи глобальных проблем.

Эти выводы показывают лишь некоторые, акцентированные нами для данной статьи, проблемы (само)критики марксизма — темы столь же сложной и многообразной, сколь и актуальной, вызывавшей и вызывающей большой интерес ученых вот уже не одно десятилетие; мы же всего лишь стремились внести посильный вклад в эту большую работу.

V

**ИННОВАЦИИ В
ЭКОНОМИКЕ И
ОБЩЕСТВЕ**

А.И. КОЛГАНОВ

Институциональные проблемы инновационного развития России*

Как уже стало очевидным, формирование переходной экономической модели в России сопровождалось глубокими просчетами в деле формирования эффективной институциональной среды, соответствующей требованиям современной рыночной экономики. На начальном этапе реформ их институциональная составляющая определялась краткосрочными решениями в сфере макроэкономической политики и правового режима деловой активности. Помимо того, что многие из этих решений несли явный отпечаток некомпетентности либо давления со стороны узких групп экономических интересов, они вовсе никак не были связаны с какой-либо долгосрочной концепцией формирования эффективных рыночных институтов. Институциональные последствия принимаемых решений совершенно не просчитывались.

В результате российская экономика попала в ловушку спонтанно сформировавшихся неэффективных институтов и в целом несбалансированной институциональной среды. Особенно серьезно эти проблемы сказались на формировании модели воспроизводства и на состоянии инновационной составляющей экономического роста. Значительные проблемы существуют во всех ключевых сегментах институциональной структуры, призванной обеспечивать инновационное развитие, что касается как государственных институтов, так и институтов частного бизнеса.

Инновационный спрос

За годы реформ в России сложились и до сих пор не устранены весьма высокие институциональные риски в сфере экономической деятельности вообще, и в сфере инновационной активности в особенности. К ним можно отнести несовершенство и неустойчивость налогового и таможенного законодательства, свертывание экономического стимулирования инновационной активности фирм, негарантированность прав собственности, слабость системы юридической защиты

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных научных исследований. Грант № 08-06-00341-а.

прав в сфере экономической деятельности. Значительный отпечаток на стратегию поведения бизнеса оказали также особенности социальной среды формирования современного бизнес-сообщества: высокий удельный вес криминальных элементов и коррумпированной номенклатуры.

Все эти факторы в совокупности определили ориентацию бизнеса на краткосрочные цели. Ход российских рыночных реформ, связанный с широкомасштабным перераспределением прав собственности и доходов, при крайне низком уровне контроля над законностью таких операций, придал перераспределительным процессам первенствующее место в ряду средств достижения делового успеха. Таким образом, бизнес оказался нацелен на резкий рост доходов за короткие сроки в результате не столько производственной деятельности, сколько за счет перераспределения прав собственности и доходов либо за счет финансово-посреднической деятельности.

Незначительный спрос на инновации со стороны частного бизнеса объясняется, кроме того, сложившейся моделью восстановительного экономического роста, опирающегося на использование недогруженных производственных мощностей, созданных в советский период, на применение недооцененных трудовых ресурсов и на присвоение природной ренты. В то же время, хотя присвоение природной ренты служит источником высокой рентабельности природоэксплуатирующих отраслей, их высокие доходы далеко не в полной степени служат источником инвестиционных ресурсов для остального народного хозяйства¹.

При общем низком уровне инвестиций в технологическую модернизацию основная нагрузка по их финансированию падает на довольно ограниченные собственные средства предприятий. В 1998 г. только 6% общего объема инвестиций вкладывалось в новые технологии, и эти вложения на 86% финансировались самими предприятиями [2, 131—132]. В 2000 г. доля собственных средств предприятий в финансировании технологических инноваций в промышленности составила 74% [3, 4]. Хотя роль фондового рынка и кредитной системы в формировании источников финансирования реального сектора экономики за годы экономического роста (1999—2007) несколько увеличилась, это не привело к качественному изменению ситуации. Ни фондовый рынок и присутствующие на нем специализированные инвестиционные организации, ни банковская система пока не стали, как правило, заметным

---

¹ На это обращено особое внимание в кн.: [1, гл.1, 2, 401—402].

источником финансирования долгосрочных инвестиционных проектов.

Разумеется, было бы ошибкой утверждать, что российская экономика вообще не предъявляет спроса на инновации. Однако и масштабы, и структура этого инновационного спроса оставляют желать лучшего. Следует заметить, что доля инновационно-активных предприятий, по данным Росстата (на 2002 г. — 9,8%), резко отличается от доли, указываемой по расчетам Института экономики переходного периода (ИЭПП) (41%) и Российского экономического барометра (РЭБ) (77%) [4, 195—197]. В тоже время методика Росстата базируется на стандартной методике ОЭСР и потому более пригодна для международных сопоставлений. А в развитых странах доля инновационно-активных предприятий находится на уровне примерно 70—80%.

Но даже если больше доверять данным ИЭПП и РЭБ, то и тогда мы еще не имеем оснований для оптимизма. Так, в 2003 г. количество внедренных передовых производственных технологий, несмотря на их увеличение в период экономического роста, составляло лишь 82,4% от уровня 1997 г. Еще более низкими были показатели числа созданных технологий, обладающих патентами на изобретения, принципиально новых, или новых в стране [4, 205].

Лишь 16% инновационно-активных предприятий заказывают НИОКР со стороны. Для основной части инновационно-активных предприятий (по данным ИЭПП — 64%, по данным Росстата — 62%) инновации сводятся к закупке нового оборудования. Существенно меньшая часть (36 и 16% соответственно) внедряет новые технологии. Приобретение патентов и лицензий характерно совсем для небольшой доли таких предприятий (7 и 8%). Разработкой новых продуктов и технологий занимаются 33% инновационно-активных предприятий [5].

Даже тот спрос, который небольшое число инновационно-активных предприятий предъявляет на новое оборудование, приходится в основном на оборудование зарубежного производства. Так, в 2001 г. емкость внутреннего рынка составила 53 тыс. единиц, из которых на долю импортированного оборудования пришлось более 43 тыс. В 2003 г. показатели составили 118 тыс. и 115 тыс. соответственно. Иными словами, если в 2001 г. отечественные производители обеспечивали 10% внутреннего рынка, то к 2004 их доля сократилась до 2%. При этом импортеры увеличили поставки более чем в 2 раза [6]. Следует заметить, что среди этого так называемого нового оборудования довольно велика доля уже бывшего в употреблении. Несколько иные цифры называет министр промышленности и энергетики, но и они ведут к столь же тревожным выводам: «В 2006 году Россия произвела около 7 тыс. единиц металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, что в 14,5

раз меньше, чем РСФСР в 1990 году. <...> В связи с недостаточной конкурентоспособностью российской станкоинструментальной продукции наблюдается устойчивая тенденция к удовлетворению внутреннего спроса преимущественно за счет импорта. Начиная с 2002 года, объем российского импорта механообрабатывающего оборудования превышает объем внутреннего производства и растет опережающими темпами. Импортная зависимость России в 2006 году составляла уже 87%.

Инерционное развитие станкоинструментальной промышленности может привести к абсолютной импортной зависимости отечественного машиностроения» [7].

Сказанное касается не только оборудования, но и создаваемых технологий: доля созданных в России технологий в общем объеме технологий, использованных отечественными компаниями, составляет менее 1% при отсутствии видимой позитивной динамики. Получается, что, несмотря на высокий научно-технический потенциал экономики и относительную дешевизну отечественных разработок, отечественный бизнес предъявляет спрос на западные технологии [8].

Но одновременно с этим отечественная наука концентрируется на обслуживании зарубежных заказчиков. Западный бизнес приходит в Россию «не за готовыми технологическими продуктами отечественного производства, а за техническими способностями и инженерными знаниями наших специалистов. Об этом свидетельствует, например, впечатляющая динамика российского экспорта в области заказного программного обеспечения. Согласно оценке Министерства связи, объем экспорта этих услуг вырос в 2004 г. почти на 50% относительно предыдущего года, составив 560 млн долл. Через три года эксперты министерства ожидают удвоения этого объема» [8].

Однако предоставление наших научно-технических услуг зарубежным заказчикам происходит на крайне невыгодных для России условиях. По данным ОЭСР, правообладателями 65% патентов на отечественные разработки являются иностранцы. При этом большинство регистрируемых патентов не имеет приоритета на территории Российской Федерации. Иными словами, это те отечественные разработки, которые доводятся до уровня бизнеса за рубежом, минуя отечественный рынок, и возвращаются уже в виде готовой продукции с приросшей добавленной стоимостью. В среднем цена покупки технологий в 3,2 раза превышает цену продажи, а в отдельных случаях и почти в 80 раз. В результате мы гораздо больше платим за приобретаемые технологии, чем получаем от продаж собственных [8].

Значительная часть исследований и разработок, ориентированных на нужды промышленности, оплачивается в России не из частного, а

из государственного кармана. «По данным Science & Engineering Indicators—2002, 23,3% государственных расходов на исследования и разработки в России идет на развитие промышленности. В США соответствующий показатель составляет 0,6%, в Великобритании — 1,5%, в Японии — 6,5%. В этих странах бизнес предъявляет прямой спрос на НИР и сам оплачивает предоставленные услуги, в то время как в России государство пытается компенсировать недостаток спроса со стороны бизнеса собственными финансовыми вложениями» [8].

Нередко можно видеть объяснения разрыва между инновационным спросом и предложением в России, сводящиеся к тому, что отечественные НИОКР слабо ориентированы на нужды бизнеса и на их коммерческое применение. Но отечественный бизнес почему-то не проявляет интереса и к тому сегменту (весьма, к сожалению, небольшому) отечественных инноваций, который коммерчески успешно востребован за рубежом. Так что действительно слабый инновационный менеджмент в системе НИОКР не является главной причиной слабости внутреннего инновационного спроса. Основная причина этой слабости заключается в ориентации российского бизнеса на очень короткие горизонты принятия решений, на краткосрочные цели (отсюда, кстати, и ориентация на закупку оборудования, а не на разработку новых технологий). В свою очередь, причины этой краткосрочной ориентации многообразны, но могут быть сведены к многосторонним факторам риска, затрудняющим ориентацию на долгосрочные цели.

Для нормального формирования и функционирования негосударственных институтов в сфере инноваций критически важными являются благоприятные общеэкономические условия для инновационной деятельности. Для этого необходимо снижение рисков в сфере долгосрочных инвестиций по всем аспектам: обеспечение стабильности экономических и институциональных норм, гарантии прав собственности, другие меры, способствующие снижению транзакционных издержек (например, снижение административных издержек), меры по страхованию долгосрочных рисков и т. д.

Роль государственных институтов в решении задачи преодоления разрыва между инновационным спросом и предложением весьма велика. Ведь именно от их деятельности во многом зависит, будет ли поощряться инновационный путь экономического развития и блокироваться неинновационный путь.

Одним из способов снижения рисков в области осуществления крупных научно-технических проектов может быть образование крупных государственных корпораций как каналов размещения инвестиций, направляемых на осуществление масштабных задач в инновационной сфере. Эти корпорации могут сами реализовывать соответ-

вующие инновационные проекты, а могут служить институтами, размещающими инвестиции на эти цели в сфере частного бизнеса [9].

Общий слабый спрос на инновации препятствует развитию отечественного венчурного бизнеса. Венчурные фонды остаются немногочисленными и имеют в основном иностранное происхождение [10, 195—195; 11, 58—60]. Значительная часть финансируемых этими фондами отечественных научно-технологических разработок предназначена для использования за рубежом, а не внутри страны [12, 60, 65; 13, 46—50]. Возможно, и не следует рассчитывать на масштабы венчурного бизнеса, сопоставимые с масштабами его развития в США. Однако нынешнее его состояние иначе как жалким, назвать трудно. В России действует всего немногим более 40 организаций, осуществляющих венчурное финансирование (из них половина принадлежит иностранному капиталу и ориентируется на вывоз российских научно-технических разработок за рубеж). В общей сложности за 1994—2005 гг. ими осуществлено проектов примерно на 2,5 млрд дол.

В России полностью отсутствует практика «бизнес-ангелов» (предпринимателей, осуществляющих рискованные вложения в инновационные фирмы на начальной стадии их организации), в то время как в США они осуществляют финансирование примерно 40% вновь создаваемых венчурных фирм [4, 216]. Не существует в России и инфраструктуры сопровождения венчурных операций, опирающейся на специализированные центры, осуществляющие консультационные и тренинговые функции как для венчурных фондов, так и для инновационных компаний. Между тем такие центры успешно действуют в США и Западной Европе [14, 16].

Венчурные фонды и финансируемые ими проекты (компании) должны получить более благоприятные экономические условия. Необходимы меры по поддержке формирования крупных финансовых фондов для венчурного бизнеса, поскольку без таких фондов невозможно добиться распределения рисков. Немалое значение при этом имеют государственные гарантии и различного рода льготы для частного финансирования инновационной деятельности. Кроме того, должно быть предусмотрено участие частного инновационного бизнеса (в том числе осуществляемого на основе венчурного финансирования) в государственных контрактах на НИОКР.

Государство в России оказывает поддержку малому предпринимательству в сфере НИОКР через Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, образованный в 1994 г. Через него проходит до 1,5% бюджетных средств, выделяемых на гражданскую науку. С момента основания Фондом профинансировано 2000 проектов на сумму 1,7 млрд р. [15]. Кроме того, в 2000 г. был ор-

ганизован государственный Венчурный инвестиционный фонд с капиталом в 10 млн дол. Он должен был предоставлять капитал в сумме 1 млн дол. венчурным фондам, с условием, что эта сумма составит не более 10% капитала указанных фондов. К началу 2003 г. им было образовано всего два фонда, причем оба реально не приступили к работе [16, 48—50].

В настоящее время российское государство принимает меры по активизации венчурного бизнеса через ОАО «Российская венчурная компания», капитал которой доводится до 10 млрд р. ОАО РВК предназначена для конкурсного отбора венчурных управляющих компаний и для покупки паев венчурных фондов, создаваемых этими компаниями. Пока проведен только первый конкурс по отбору этих компаний и ими сформированы первые три венчурных фонда. В настоящее время проводится второй, более широкий конкурс². Но о влиянии этих фондов на развитие венчурного бизнеса говорить пока рано.

Многие проблемы венчурного бизнеса связаны с тем, что в условиях низкого инновационного спроса в России многие инновационные фирмы не в состоянии получать стабильный доход от инновационной деятельности и вынуждены значительную часть усилий направлять на другие виды деятельности, чтобы обеспечить свое выживание. В результате значительная часть бизнес-активности таких фирм лишь формально покрывается инновационными целями. Поддержка же малых инновационных фирм со стороны государства нередко сводится просто к поддержке малого бизнеса без какой-либо реальной инновационной составляющей. По некоторым оценкам, лишь половина инновационных предприятий в России действительно связана с осуществлением инноваций.

При относительно высоком уровне рисков в сфере инноваций для их снижения необходимо формирование крупных венчурных фондов, способных диверсифицировать свои вложения во множество венчурных проектов. Однако при относительно низкой капитализации российской кредитной системы и при наличии возможностей высокоприбыльных вложений капитала на финансовом рынке нет оснований рассчитывать на серьезное участие российского банковского капитала в формировании крупных венчурных фондов без появления к этому дополнительных стимулов. Что касается подготовки инновационных менеджеров, то эта проблема постепенно решается, однако крайне медленными темпами, поскольку при явной нужде в специалистах такого профиля эффективный спрос на них на рынке труда почти отсутствует.

---

² См. официальный сайт ОАО РВК: [17; 18].

Приходится констатировать также и низкий государственный спрос на инновации, концентрирующийся главным образом в военном производстве. Это связано с инерцией сложившихся в 1990-е гг. подходов, исходивших из концепции самоустранения государства из сферы производства. Несмотря на значительный профицит бюджета, обеспечиваемый в 1999—2007 гг., государство даже сейчас, при официально провозглашенной ориентации на инновационный путь развития, отказывается пойти на заметное расширение финансирования инфраструктуры НИОКР, вложений в «человеческий капитал» (при том, что и то, и другое является общепризнанной практикой государства в развитых странах), вообще на какие-либо серьезные проекты в деле активизации инновационного развития.

Государство пока решается лишь на отдельные весьма скромные шаги в деле институционального обеспечения инновационного бизнеса (программа создания инновационных технико-внедренческих зон с некоторыми временными льготами по налогообложению), не связывая их с каким-либо мерами по прямой государственной поддержке инноваций в экономике в целом.

Между тем, выделение финансируемых государством научных приоритетов, государственное финансирование инфраструктуры науки, стимулирующее налогообложение инновационной деятельности — эти хорошо известные в мировой практике направления участия государства в инновационном процессе давно подчеркиваются отечественными специалистами³.

Инновационное предложение

Значительные проблемы существуют и в деле коммерциализации существующего научно-технического потенциала, т. е. в способности превратить исследовательские заделы в рыночно эффективные продукты. Это препятствует превращению потенциально имеющегося интеллектуального капитала в реальные внеоборотные активы компаний, способные увеличить конкурентоспособность последних [20, 391]. В сфере НИОКР отсутствует эффективный инновационный менеджмент, способный связать планирование исследований и разработок с реальными потребностями бизнеса, осуществить маркетинговые исследования коммерческих перспектив инноваций. Кроме того, структура институтов НИОКР в России в настоящее время крайне далека от оптимальной.

---

³ См., напр., работу солидного исследовательского коллектива: [19, 256].

О проблемах с государственными институтами в сфере фундаментальной науки уже было сказано выше. Что касается исследований и разработок в сфере, непосредственно приближенной к коммерческому применению инноваций, то здесь должны действовать преимущественно негосударственные институты. В настоящее время негосударственные институты в сфере инноваций представлены в основном малыми инновационными предприятиями и внутрифирменными научно-исследовательскими организациями. Ситуация в этой области крайне нерадостная.

Количество малых предприятий в сфере науки и научного обслуживания сократилось за 1995—2003 гг. более чем вдвое, и в три раза сократилась среднесписочная численность занятых на этих предприятиях. Что является самым неприятным, тенденция к сокращению малых научных предприятий вполне отчетливо прослеживается и в годы восстановительного роста: если в 1999 г. таких предприятий было 37,1 тыс., то в 2003 г. осталось только 22,1 тыс. [4, 167—168]. Это не означает автоматически свертывания масштабов их научно-исследовательских работ, поскольку удельных вес этих предприятий в общей продукции малых предприятий и в инвестициях малых предприятий остается более или менее постоянным. Однако если мы обратим внимание на качественное состояние внутрифирменной науки, то ситуация отнюдь не внушает оптимизма.

Внутрифирменными научными организациями в развитых странах выполняется значительная часть научно-исследовательских работ. В Японии эта доля составляет 71%, в странах ЕС — 2/3, в США — 3/4. В СССР в 1990 г. эта доля составляла 62%, что было близко к параметрам западных стран. Однако в результате принятой концепции приватизации внутрифирменная наука в России была практически уничтожена, и в 2003 г. ее доля в общем объеме затрат на НИОКР составляла всего 6% [4, 135].

В данном случае мы сталкиваемся с крайне нерациональным сочетанием государственных и негосударственных институтов в сфере НИОКР, порожденным в первую очередь непродуманной государственной экономической и научно-технической политикой. Если государственные институты в сфере НИОКР, понеся довольно существенный урон, все же сохранились и выполняют определенный объем научно-исследовательских работ, то их необходимое дополнение в виде частного инновационного бизнеса и внутрифирменных научно-исследовательских подразделений оказывается совершенно недостаточно развитым, даже по сравнению с нынешним жалким состоянием государственного сектора НИОКР.

Тем самым финальные стадии инноваций оказываются в своего рода институциональном вакууме — их зачастую просто некому обеспечивать. Кроме того, такая ситуация затрудняет формирование внятного заказа со стороны бизнеса на научные исследования и разработки государственных организаций и учреждений. Бизнес зачастую просто не имеет инструментов оценки инновационных перспектив и потребностей собственного развития.

В то же время в отсутствие государственной стратегии научно-технического развития бизнес не имеет внятных сигналов со стороны государства о том, какие направления инновационной деятельности государство считает перспективными и будет поддерживать. Наличие таких сигналов, подкрепленных выдвижением пакета инновационных предложений, обеспечивающих стратегические направления развития со стороны разработок государственной сферы НИОКР, могло бы послужить толчком для активизации инновационной активности и инновационного спроса со стороны бизнеса.

Что касается взаимодействия частных и государственных организаций для перспективного планирования подготовки специалистов для государственного и частного рынков квалифицированных кадров вообще, и инновационного персонала — в частности, то подобные институты вообще отсутствуют. Лишь в разрабатываемых концепциях реформы образования появилась идея участия частного бизнеса в определении перспектив подготовки кадров. Между тем именно взаимодействие государственных и негосударственных (корпоративных, предпринимательских) институтов в сфере перспективного планирования подготовки специалистов является эффективной альтернативой краткосрочной ориентации на текущую конъюнктуру рынка труда, которая неизбежно дает сфере образования запаздывающие сигналы.

Взаимодействие с государственными институтами может выступать и как инструмент укрепления эффективности негосударственных организаций в самой сфере образования. Так, негосударственные организации в сфере высшего профессионального образования могут на равных участвовать в конкурсах за контракты на подготовку специалистов и кооперироваться с государственными организациями в разработке и реализации перспективных программ воздействия на структуру подготовки кадров. Негосударственные организации в сфере школьного образования, в силу более высокого уровня их ресурсного обеспечения, могут выполнять роль опытно-экспериментальных площадок для отработки перспективных технологий школьного образования для государственной школьной системы.

Изменение модели экономического роста и активизация инновационного спроса и предложения

Активизация инновационного спроса невозможна без изменений сложившейся в настоящее время модели экономического роста. Каждая из трех важнейших опор нынешнего экономического роста — ставка на доходы от экспорта природных ресурсов, недооценка рабочей силы, экономия на инвестициях в глубокую технологическую модернизацию производства — должна быть либо отвергнута полностью, либо, во всяком случае, подвергнута серьезной коррекции.

Разумеется, российская экономика еще длительное время будет существенным образом зависеть от доходов от эксплуатации природных ресурсов. Проблема заключается в том, чтобы в самой этой сфере происходило эффективное возобновление разведанных запасов полезных ископаемых, совершенствовалась технология их извлечения и переработки, был поставлен заслон для экономически необоснованного присвоения природной ренты. Первым шагом к решению этих проблем является *прекращение политики отказа от налаживания обычного* (принятого в мировой практике) *рыночного механизма распределения природной ренты*, основанного на оценке продуктивности природных ресурсов, проводимой под предлогом сложности такой оценки⁴.

Недооценка оплаты труда свидетельствует о низком уровне ответственного предпринимательства, неспособного организовать в массовых масштабах эффективный бизнес без недоплаты наемным работникам, что резко ослабляет кадровый потенциал развития. «Доклад ГУ—ВШЭ развеивает миф о наличии в России большого потенциала квалифицированных кадров. Наоборот, среди наиболее существенных ограничений для развития недостаток квалифицированных рабочих занимает второе место в перечне из 20 позиций. Наличие этой проблемы отмечают более 50 процентов предприятий во всех группах. Дефицит квалифицированных кадров вызван в основном тем, что предприятия не в состоянии платить адекватную заработную плату. Хуже всего, что процесс необратим: в основном массиве российской промышленности перестает существовать инженерная среда, способная хотя бы копировать достижения передовой технической мысли» [23].

Аналогичную недалекую позицию занимает и российская бюрократия. Среди назревших мер по сокращению недооценки рабочей силы можно назвать включение в действие механизма минималь-

---

⁴ Ситуация с изъятием природной ренты и предложения по налаживанию нормального рыночного механизма ее использования анализируются в статьях: [21; 22].

ной оплаты труда и использование стандартов оплаты в бюджетной сфере в качестве средства стимулирования общего роста цен на рынке рабочей силы (которое в первую очередь должно быть ориентировано на рост оплаты работников тех профессий, которые связаны с использованием инновационных источников развития). Однако этому препятствует с завидной настойчивостью проводившаяся и продолжающаяся до сих пор государственная политика давления на рынок рабочей силы с целью понижения оплаты труда. С этой целью используются занижение государством уровня минимальной заработной платы ниже нормального рыночного стандарта и удержание оплаты труда работников бюджетной сферы на недопустимо низком уровне.

Минимальная оплата труда во всех странах со сколько-нибудь развитой рыночной экономикой выступает как рыночный стандарт низшего порога нормальных условий воспроизводства рабочей силы. При задании такого стандарта на нереалистично низком уровне (как это происходит до сих пор в России) подвергаются искажению в сторону занижения все ценовые параметры рынка труда. Разумеется, как низкий уровень так называемой МРОТ, так и заниженные стандарты оплаты труда в бюджетной сфере связаны с ограничениями, определяемыми политикой доходов и расходов консолидированного бюджета (бюджет «расширенного правительства», по американской терминологии) — а эта политика имеет не только субъективные, но и объективные ограничения. Но уж во всяком случае, многолетнее продолжение политики накопления финансовых резервов, вкладываемых в низкодоходные облигации государственного казначейства США, никак не является разумной альтернативной увеличению вложений в «человеческий капитал».

При сохранении заниженного уровня оплаты труда не появятся достаточно эффективные экономические стимулы к обновлению основного капитала. Низкий уровень оплаты труда научных и инженерно-технических кадров продолжает оказывать дестимулирующее воздействие на их инновационную активность. Кроме того, мировой опыт свидетельствует, что инновационная активность работников хорошо стимулируется практически отсутствующими в современной российской практике мерами по участию работников в капитале, доходах и системе управления коммерческих организаций.

Наконец, должен быть обеспечен целый комплекс мер по проведению целенаправленной политики стимулирования ускоренного технического обновления основного капитала. Ситуация в этой области крайне безрадостна: «По данным ГУ—ВШЭ, более трети крупных и средних предприятий в 2004 году вообще не осуществляли инвестиций в основной капитал. Еще примерно 20 процентов фирм осуществляли

незначительные инвестиции, которые были ниже уровня, необходимо для простого воспроизводства. Таким образом, только 45 процентов фирм вели инвестиционную деятельность в объемах, теоретически допускающих расширенное производство. Значительная часть инвестиций в оборудование приходится на закупку импортной техники. Из всех отраслей только на предприятиях машиностроения доля отечественного оборудования в инвестициях превышает половину. При этом, чем более конкурентоспособно предприятие и чем более оно инвестиционно-активно, тем выше доля импорта в покупаемом оборудовании. В группе наиболее активно инвестирующих предприятий доля импортного оборудования превышает 70 процентов. Иными словами, даже модернизация машиностроения не генерирует развитие производств для средств производства, то есть не способствует расширению внутреннего рынка, подъему инноваций и НИОКР. А по данным уже мартовского 2007 года исследования Института экономики переходного периода (ИЭПП), инновационная активность в промышленности в 2007—2008 годах еще более ухудшится» [23]. Общий вывод из этих тенденций — «Стремительно исчезает самовоспроизводящаяся креативная научно-инженерная среда, способная самостоятельно генерировать НИОКР и инновации по широкому фронту научно-технического прогресса» [23].

Для ускорения обновления основного капитала следует ввести либо восстановить известные по мировой практике стандартные меры рыночного стимулирования. Должны быть исправлена допущенная ранее грубая ошибка в экономической политике и восстановлено льготное налогообложение прибыли, реинвестируемой в технологическую модернизацию основного капитала. Необходимо также разрешить практику ускоренной амортизации. Государству необходимо перейти к активному использованию различного рода технических стандартов (экологических, санитарных, стандартов безопасности, нормативов потребительских свойств продукции и т. д.) в качестве средства, ограничивающего возможности применения в производстве устаревших и неэффективных технологических решений.

Наряду с мерами общеэкономического характера, следует предпринять также ряд шагов, непосредственно направленных на активизацию инновационного спроса со стороны частного бизнеса.

Целый ряд шагов в этом направлении не может дать непосредственного эффекта, но их долгосрочные последствия делают такие шаги необходимой составляющей политики поощрения инновационного спроса. Речь идет в первую очередь об улучшении институционально-правовых условий функционирования частного бизнеса, что является одним из условий снижения рисков осуществления крупных и долго-

срочных инновационных проектов. Наряду с этим необходима выработка комплекса конкретно-ориентированных экономических льгот для фирм, инвестирующих в инновационные проекты. Среди этих льгот необходимо предусмотреть специальные льготы для банков, финансовых компаний и фондов, инвестирующих свой капитал в различные стадии инновационного процесса (образование и переподготовка кадров, НИОКР, технологическая модернизация, формирование венчурных фондов). Однако следует учитывать, что финансирование инноваций зависит не только от указанных условий, но и от общей степени развития финансового рынка, в особенности кредитной системы и рынка ценных бумаг. Меры по росту капитализации кредитной системы и расширению фондового рынка будут носить заведомо долгосрочный характер.

Что касается государственного спроса на инновации, то, за исключением исследований в сфере обороны, государство может и не выступать прямым заказчиком инноваций. Однако только при активном участии государства можно обеспечить достаточный уровень инвестиций в развитие инфраструктуры высшего образования и НИОКР.

В России уже функционируют два государственных научных фонда — РФФИ и РГНФ. Хотя их деятельность в общем отвечает принципам, опробованным в мировой практике [24], по удельному весу в расходах государства на НИОКР (в 2003 г. — 2,7%) [25] и по размеру предоставляемых грантов они пока не в состоянии оказать существенное влияние на инновационную деятельность. Что же касается государственных кредитных институтов поддержки инновационных проектов (в особенности крупных), то таковые пока отсутствуют, и их создание даже не намечается.

В настоящее время формируются новые виды государственных учреждений и организаций в сфере НИОКР: федеральные центры науки и высоких технологий, государственные научные центры, федеральные центры коллективного пользования, национальная исследовательская компьютерная сеть. Однако большая часть из них пока не проявила себя на практике.

В инициативном порядке формируются технопарки, исследовательские центры на базе университетов, совместные учебно-научные центры университетов и институтов РАН, многие из которых уже доказали свою эффективность. В некоторых случаях и на региональном уровне предпринимаются усилия для поддержки развития современной инновационной инфраструктуры, применяются меры по стимулированию инновационной деятельности, поддержки венчурных предприятий, организации технопарков и т. д. Но, насколько можно судить по публикациям, даже носящим рекламный характер, масштаб этих

усилий, по сравнению с потребностью в них, совершенно ничтожен [26].

Создание крупных технопарков, образование единой сети информационного обслуживания НИОКР, совершенствование материальной базы фундаментальных научных исследований — все это задачи, которые могут быть решены главным образом за счет государственных усилий. Особого внимания требует развитие материальных возможностей университетской науки для создания противовеса сложившемуся в советское время ведомственному монополизму учреждений Академии наук. *Без развития в университетах фундаментальных исследований, опирающихся на огромный массив квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, невозможны ни дальнейший прогресс фундаментальной науки, ни обеспечение высококачественного университетского образования.* Меры по ограничению государственного финансирования вузовской науки, предпринимаемые в настоящее время, нельзя поэтому воспринимать иначе, как еще один демонстративный шаг, направленный на отказ государства от решения стратегических проблем развития страны.

Участие в мировом рынке инноваций

Особая система институтов требуется для поддержки инновационной деятельности на мировом рынке, включая экономическую (специальная система кредитования экспорта инновационной продукции), организационную (формирование экспортно-ориентированных пулов и консорциумов при поддержке государства), информационную и политическую поддержку продвижения инноваций и инновационно-емкой продукции на внешний рынок, а также защиту национальной интеллектуальной собственности на мировом рынке. Следует заметить, что усилия по защите национальной интеллектуальной собственности имеют экономический смысл только в том случае, если предполагается получение экономической отдачи от прав собственности на интеллектуальные продукты — иными словами, если мы не собираемся занимать позицию «собаки на сене», а ведем политику государственной поддержки инноваций, основанных на новых научно-технических разработках. Это касается как экспортно-ориентированных инноваций, так и инноваций, ориентированных на внутренний рынок.

Одним из важнейших ограничений перехода России на инновационный путь развития является слабость позиций России на мировом рынке инноваций и высокотехнологичных продуктов и услуг. Объем мирового рынка наукоемкой продукции оценивается в настоящее вре-

мя в 2 трлн 300 млрд дол. Из этой суммы на долю США приходится 39%, Японии — 30, Германии — 16%. Доля России составляет лишь 0,3% [26, 133—134; 27]. В том, что касается экспорта из России патентов и лицензий, следует отметить, что при общем его незначительном объеме более половины приходится на сделки по примитивной передаче авторских прав на изобретения. Это отражает неспособность отечественной экономики утилизировать проводимые внутри нее собственные исследования и разработки.

В условиях фактической технологической монополии наиболее развитых держав преодоление указанной слабости будет сопряжено со значительными проблемами. Одним из перспективных направлений преодоления этих проблем может быть научно-техническая кооперация России с новыми индустриальными странами, не обладающими (в отличие от России) значительным потенциалом в сфере фундаментальных исследований, но имеющими неплохой опыт в области коммерческого осуществления инноваций. Однако в любом случае невозможно обойтись без временного применения методов протекционистской защиты точек инновационного роста в экономике России и без применения известного в практике развитых стран комплекса мер (как экономических, так и политических) поощрения и поддержки высокотехнологичного экспорта.

Среди этих мер можно назвать государственную поддержку патентной и лицензионной работы, содействие организации технологической экспертизы по международным стандартам, льготное кредитование (в том числе с государственными гарантиями или через специальные государственные кредитные организации) высокотехнологичного экспорта, содействие финансовой поддержке лизинга высокотехнологичного оборудования (как в части приобретения современного зарубежного оборудования в лизинг, так и в части продажи отечественного оборудования на условиях лизинга), государственное сопровождение крупных экспортных контрактов, содействие организации пулов или консорциумов для организации высокотехнологичного производства на экспорт.

Общие проблемы формирования благоприятной институциональной среды для инновационного развития

Формирование экономических институтов происходит под воздействием целого комплекса факторов: экономических, экономико-политических, социально-психологических и т. д. До настоящего времени взаимодействие этих факторов в России не привело к созданию

эффективного комплекса институтов, способных обеспечить переход экономики России на инновационный путь развития.

В отличие от процесса формирования экономической системы в целом, где институциональные проблемы становления современного рыночного хозяйства сводятся в основном к незрелости или неэффективности тех или иных институтов, в национальной инновационной системе можно наблюдать, помимо этого, отсутствие или зачаточное состояние многих институтов. Ситуация настолько серьезна, что впору ставить под сомнение вообще наличие в России национальной инновационной системы как целостного явления.

Можно сделать вывод, что в российской экономике не действуют или крайне слабы факторы, определяющие потребность в формировании соответствующих институтов. В такой ситуации никакие усилия государственной политики, направленные непосредственно на формирование или активизацию тех или иных институтов инновационного развития, не могут принести серьезного успеха. Чем же определяется столь инертный характер современной российской экономики по отношению к инновационным институтам?

Основная проблема видится в том, что за последние пятнадцать лет в России сложилась модель экономического развития, при которой экономический рост опирается в первую очередь на факторы, не связанные с технологическими инновациями. В то же время этот рост не носит целиком экстенсивного характера, опирающегося только на количественное наращивание ресурсов. В значительной мере такая модель экономического развития связана с переходным характером российской экономики.

Качественные факторы экономического развития, которые используются в российской экономике, как раз и определяются спецификой переходного периода. К этим факторам относится в первую очередь приспособление структуры выпуска к сложившимся условиям рыночного хозяйства, выбраковка неэффективных производств и видов продукции и расширение выпуска продукции, опирающейся на эффективный рыночный спрос [4, 220—240]. Именно этот фактор позволил российской экономике, несмотря на глубокий экономический спад 1990-х гг., значительно улучшить качественную структуру конечной продукции в ряде отраслей, в первую очередь, в производстве потребительских товаров и коммерческих услуг. В некоторой степени здесь сыграли роль и технологические инновации, сводящиеся в большинстве случаев лишь к применению сборки из импортных комплектующих изделий, к совершенствованию внешнего вида и упаковки продукции. Однако это качественное улучшение сопровождалось технологической

деградацией производства в инвестиционном секторе, и в первую очередь — в производстве машин и оборудования.

Другой фактор качественного совершенствования производства — переход на стандарты капиталистической экономики в организации труда, что выражается, например, в широком применении тейлористских методов организации производства, обеспечивших рост интенсивности труда, в заимствовании целого ряда форм и методов капиталистического менеджмента. Это позволило без качественного совершенствования технологической основы производства выйти на дореформенный уровень производительности труда, в то время как дореформенный объем производства еще далеко не восстановлен.

Можно убедиться, что эти факторы качественного совершенствования производства носят именно переходный характер, и хотя их потенциал еще не исчерпан, но за их счет уже нельзя добиться дальнейшего существенного прогресса. Почему же качественное совершенствование производства в российской экономике ограничилось в основном именно этими факторами? Дело в том, что основные экономические результаты развития экономики (и финансовые результаты на микроуровне) достигались за счет формирования своеобразной модели экстенсивного экономического роста.

Своеобразие этой модели состоит в том, что она основана в первую очередь не на количественном наращивании объема вовлекаемых в производство ресурсов, а на использовании имеющихся ресурсов при сокращении необходимых затрат на их возобновление. Речь идет о сокращении затрат на воспроизводство рабочей силы, на возмещение основного капитала, на воспроизводство возобновляемых природных ресурсов и на обеспечение прироста разведанных запасов не возобновляемых природных ресурсов. В результате объем применяемых ресурсов (факторов производства) может даже не увеличиваться, а сокращаться, но это достигается не за счет интенсификации их использования, а за счет их истощения.

В таких условиях инвестиции для обеспечения технологических инноваций выглядят как излишние затраты. Соответственно, поскольку нет экономической заинтересованности в инновациях, нет и серьезных стимулов к формированию институтов инновационного развития.

В настоящее время переходные факторы качественного развития экономики России подошли к своему исчерпанию. Точно также ставка на истощение ресурсов подвела экономику к опасной грани. Более того, компании, исповедующие такую модель, лишаются стратегических перспектив, что уже начинает осознаваться. В результате единствен-

ным источником стабильного экономического развития остаются инновационные факторы⁵.

Таким образом, российская экономика подошла к рубежу, за которым инновационное развитие превращается в критически необходимый императив экономического роста, с крайне неприспособленной для этого институциональной структурой. Попытки в этих условиях дожидаться эволюционного формирования эффективных институтов инновационного развития могут привести лишь к окончательной утрате остатков инновационного потенциала и к необратимой в среднесрочной перспективе деградации всей российской экономики. Чем скорее будет осознана необходимость применения экстраординарных мер стимулирования инновационной составляющей экономического роста, тем меньше будут издержки борьбы за конкурентоспособную российскую экономику.

Литература

1. *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. М., 2004.
2. *Дмитренко С.И.* Экономика России реформируется. М., 2001.
3. Экономика и жизнь. 2000. № 17.
4. Инновационный путь развития для новой России. М., 2005.
5. *Козлов К., Соколов Д., Юдаева К.* Инновации на российских предприятиях: какие факторы стимулируют активность? // Transition. 2004. № 3.
6. Инновационная депрессия // Финансовый контроль. 2004. № 12 (37) // <http://www.fincontrol.ru/themes/fincontrol/archive-document.asp?folder=3434&matID=56558>
7. Тезисы доклада заместителя Министра промышленности и энергетики Российской Федерации А.Г. Реуса на заседании Правительственной комиссии по развитию промышленности, транспорта и технологий 27.07.2007 г. // http://gov.cap.ru/list2/view/02SV_SPEECH_OV/form.asp?id=4353&pos=16&GOV_ID=15.
8. Нам бы ваши инновации... // <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/2055>.
9. *Алехин Б., Захаров А.* Золотое правило вмешательства // <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/2057>.
10. *Хаустов Ю.И., Соловьев Б.А., Бочаров В.П.* Инновационный процесс в системе общественных отношений. Воронеж, 2001.
11. *Аммосов Ю.* Пора покупать ноу-хау // Эксперт. 2003. № 19.
12. *Аммосов Ю.* Узнать в лицо // Эксперт. 2003. № 18.
13. *Аммосов Ю.* Калифорния ставит на нас // Эксперт. 2003. № 32.

---

⁵ «Поскольку период рыночной выбраковки неэффективных производств практически завершен, а трансформационные факторы роста рыночного качества продукции практически исчерпаны, *главной составляющей качественных приращений российской экономики является развитие инноваций*» [4, 240—241].

14. Венчурная индустрия в России: история реалии, перспективы. Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ). М., 2003.
15. www.fasie.tradition.ru.
16. *Аммосов Ю.* Неустойчивая динамика // Эксперт. 2003. № 22.
17. <http://www.rusventure.ru/>
18. http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib/mert/resources/028dde004788c637a0b8f30233a56c66/informatciya_ob_oao_rossiiskaya_venchurnaya_kompaniya.doc
19. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Ч. 3. Государство в современной России / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2003.
20. Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового развития. Теория. Сопоставления. Поиски / Под ред. В.Н. Черковца. М., 2004.
21. *Шарипова Е., Черкашин И.* Что дает рента федеральному бюджету? // Вопросы экономики. 2004. № 7.
22. *Кривоцекова Е., Окунева Е.* Система регулирования нефтяного комплекса России // Вопросы экономики. 2004. № 7.
23. *Васильчук Е.* Импорт идет ва-банк // Российская бизнес-газета. 2007. 15 мая. № 603 // <http://www.rg.ru/2007/05/15/import.html>.
24. *Салтыков Б.Г., Дежина И.Г., Лаптев Г.Д., Спивак В.И., Цыганов С.А.* Роль научных и инновационных фондов в развитии национальных инновационных систем // Бюро экономического анализа: Информационно-аналитический бюллетень. 2004. № 64.
25. *Голиченко О.Г.* Эффективность российской науки в национальной инновационной системе // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 1. М., 2005.
26. *Кобер П.* Сборка скелета. // Эксперт—Урал. 2004. 20 дек. № 48 (73) // <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/2020>.
27. *Аганина Л.С.* Методы реализации государственной инновационной политики // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения — 2003». М., 2003.

М.И. ВОЕЙКОВ

Пределы экономической науки для «общества знаний»*

В 1873 г. Альфред Маршалл в докладе «Будущее трудящихся классов», прочитанном в Кембриджском клубе реформ, поставил такой вопрос: могут ли все в равной мере быть богатыми, здоровыми и обра-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных научных исследований. Грант № 08-06-00341-а.

зованными? Он сказал буквально следующее: «Вопрос не в том, будут ли в конечном счете все люди равными — ибо наверняка не будут, — а в том, не может ли прогресс продолжаться неуклонно, пусть даже и медленно, до тех пор, пока каждый человек, по крайней мере по роду занятий, не станет джентльменом. Я думаю, что это возможно и что так оно и будет» [1, 75]. Вопрос этот капитальный. И касается он возможности материального обеспечения всех людей на таком уровне, который достаточен для благополучной, комфортабельной и здоровой жизни. Или повернем этот вопрос по-современному: возможно ли материальное обеспечение и другие условия для всех людей, чтобы все стали кандидатами наук? То есть получили бы наивысшую квалификацию в своей области знаний и деятельности? Иными словами, мы достигнем состояния «общества знаний» тогда, когда все будут кандидатами соответствующих наук или будут иметь образование на этом впечатляющем уровне. Другими словами, по логике Альфреда Маршалла все будут джентльменами.

В принципе, я согласен с Маршаллом, — все люди достойны благополучной жизни. И это, видимо, когда-нибудь будет. По крайней мере, дело идет именно к этому. Или просто в это хотелось бы верить. Но здесь нас интересует другой вопрос: способствует ли именно этому экономическая наука или нет? Вопросы благополучия и счастья людей — решает их экономическая наука или нет? Способствует она получению всеми членами общества необходимых знаний или нет? Чему служит современная во многом американизированная экономическая наука, которая преподается в наших вузах под названием микроэкономики и макроэкономики, — рынку или людям? Когда-то эти вопросы не вызывали сомнений. Например, даже американец Ф. Найт писал в 1921 г.: «Практическим оправданием изучения общей экономической теории служит вера в возможность повышения качества жизни людей» [2, 12]. В 1960-х гг. советский академик А.М. Румянцев писал об этом так: «Утилитаристски подстриженная наука теряет свою здоровую функциональность. Она теряет связи с подлинными интересами народов, она перестает искать человеческое счастье. Неудивительно, что она перестает также искать истину, перестает быть наукой» [3, 323]. В наши дни профессор В.А. Волконский утверждает: «поиски человеческого счастья — это элемент истины общественной теории» [4, 49]. Так вот, современная экономическая наука отвечает этим запросам или нет? Заметим еще раз, что под именем современной экономической науки у нас понимается и преподается американизированная версия постклассической экономической теории.

Сейчас часто различают и даже порой противопоставляют социальное и экономическое. Говорят о социальных аспектах экономиче-

ских явлений или о социальном измерении экономических процессов. *Экономическое*, или экономические явления и процессы, понятно, изучает экономическая наука. Но изучает ли эта наука *социальное*, или социальные аспекты экономических процессов? Какое она имеет отношение к проблеме образования, к проблеме формирования «общества знаний»? Вопрос этот давно пора обсудить прямо, в лоб. Ведь экономическая наука по своей сути есть социальная наука или часть социальных наук. И раньше, скажем, в начале XX в. или даже в его середине мало кто отделял экономическую науку от социального.

Раньше под социальным понималось общественное, как простой перевод прилагательного, образованного от английского слова «society», т. е. общество, или латинского «socialis» (общественный). Имелось в виду, что экономическая наука изучает какую-то часть общества, его экономическую составляющую или его экономическую основу и тем самым — и все сопутствующие этому социальные аспекты. Иначе говоря, экономическая наука считалась также общественной (социальной) наукой. В какой-то мере это было действительно так. И классическая политическая экономия демонстрировала именно такой подход. Например, С.Н. Булгаков писал еще в самом начале XX в.: «Социальный вопрос — вот главная и даже единственная проблема, определяющая все содержание политической экономии, ее нравственный центр» [5, 276].

Но сегодня появилась тенденция все же различать экономическое и социальное, выводить социальное из области экономической теории. Под экономическим часто понимают сухой расчет рационального поведения потребителя. Так, чтобы результаты деятельности всегда оказывались больше затрат. Экономическое — все, что можно измерить и подсчитать в таком духе. Социальное сегодня понимается как этическое, гуманитарное, гуманистическое, нравственное, как учет всяческих аспектов, касающихся благополучия человека и общества, которые трудно или невозможно подсчитать в экономическом смысле. Может быть, поэтому у нас после 1991 г. и отменили политическую экономию как слишком нравственную науку.

Развитие и углубление экономического анализа как анализа рационального поведения «человека экономического» все социальное само собой выводят за пределы экономической науки. Плохо это или хорошо — другой вопрос. Но человек не может быть только экономической машиной. Его поведение, даже как потребителя, далеко не всегда соответствует рациональному выбору. Этому мешает масса проблем. И чтобы изучать человека более всесторонне нужно по необходимости изучать и многие другие аспекты его жизни. Нужно изучать социальное. Почему же экономическая теория уже не справляется с этим?

Известный принцип экономизма гласит: «Каждый субъект движим исключительно своим эгоистическим интересом». В соответствии с этим неоклассические либеральные экономисты утверждают, что все нормальные люди — это по природе своей разумные, рациональные существа, ведущие себя исключительно эгоистически. Они стремятся увеличить свое материальное благополучие при минимизировании всякого рода затрат. Иначе говоря, экономический человек ведет себя или должен вести исключительно рационально. Так, наемный работник стремится к максимуму оплаты труда и к минимуму трудовых усилий. Предел мечтаний для него: получение сверхвысокой зарплаты при ничегонеделанье. Так же и «работодатель» стремится к максимальной эксплуатации наемного труда при минимизации его оплаты. И такое поведение нельзя рассматривать с точки зрения принципа экономизма или экономической рациональности как ненормальное, как морально несостоятельное. Экономизм вообще вытесняет мораль и нравственность, выводит их за пределы рассмотрения. Если мораль и нравственность не дают прибыли, «навара», то они и не нужны, бесполезны.

В этой теме есть еще важный момент. Эгоистический, или экономический, человек действует исключительно в своих собственных интересах, преследует, прежде всего, свой личный интерес. И это очень важно и нужно. Ибо только он сам лучше других видит и понимает свой собственный интерес. Он сам лучше всех остальных может его удовлетворить. И если все будут действовать исходя из своих личных эгоистических интересов, то общество будет развиваться наилучшим образом, говорит нам современная экономическая наука. Конечно, при этом кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, но в целом общество развивается поступательно. Ибо выигрывает, как правило, наиболее сильный, умелый, дающий наибольшую экономическую эффективность. Проигрывает более слабый, менее эффективный. «Смысл рыночной конкуренции состоит в том, — пишет американский экономист Л. Туроу, — чтобы изгнать с рынка других, сведя к нулю их доходы, то есть захватив их возможности заработка» [6, 289]. Тем самым, на рыночном поле экономики остаются только сильные, эффективные игроки, что в конечном счете делает всю экономику более эффективной, динамичной.

Принцип экономической рациональности в общем и целом признается всеми авторитетами в экономической теории как основополагающий принцип функционирования рыночной экономики. Даже те авторы, которые стремятся обнаружить «слабость» этого принципа, вынуждены признавать его правоту хотя бы в общей постановке вопроса. Так, лауреат Нобелевской премии (1972) Кеннет Дж. Эрроу пишет:

«Безусловно, не существует общего принципа, который препятствовал бы созданию экономической теории, основанной на гипотезе, отличной от гипотезы рациональности. Действительно, существуют определенные условия, которые должны быть заложены в фундамент приемлемого теоретического анализа экономики. Прежде всего в их число должна входить теория рыночных взаимодействий, соответствующая концепции расчистки рынка в неоклассической теории общего равновесия» [7, 246—247]. Вместе с тем он утверждает, что «гипотеза о рациональности сама по себе слаба». Что она «в принципе не является обязательной для экономической теории». В обосновании этого вывода Эрроу указывает, что на экономику влияют обычно всякого рода «индивидуальные характеристики». Он рассматривает пример сбережений. В литературе по этому предмету обычно предполагается однородность экономических субъектов. «Между тем, — пишет Эрроу, — результаты неоднократно проведенных исследований говорят о том, что сбережения не пропорциональны доходу, из чего следует, что важную роль играет фактор распределения дохода». И делается такой вывод: «В целом, по мере совершенствования данных, становится все труднее найти простую, основанную на рациональности модель, которая объясняла бы имеющиеся данные о сбережениях, богатстве и наследовании».

Интересно то, что условия для рационального, распланированного экономического поведения были наилучшими в рыночной экономике. В феодальном хозяйстве помещика или крестьянина, например, все повторялось столетиями, и осуществлялась предельная рациональность на основе накопленного поколениями опыта и традиций, а не на основе математических моделей. В те времена не было нужды в экономической науке. «Пока все проблемы решались по традиции или в соответствии с приказами сверху, не могло быть и речи об отдельной области знаний, именуемой «экономикой» [8, 22]. Таким образом, проблемы рациональности тут не возникало, ибо не было проблемы выбора. С появлением рыночной экономики и появлением проблемы эффективности стали думать и говорить об экономической рациональности. Ибо, видимо, рыночная экономика благодаря своему стремлению к инновациям и динамизму опрокинула устоявшийся рационализм. Иначе говоря, принцип экономической рациональности появился в экономической науке тогда, когда из реальной жизни он стал уходить. Да и сама экономическая наука появилась как раз на этом этапе. Рыночная экономика хотя и базируется на принципе рациональности (экономизме), но постоянно его опрокидывает, экономическая теория же почти силой его навязывает обратно экономике. Во всем этом есть какая-то загадка.

На экономическое поведение человека влияет масса самых разнообразных и противоречивых факторов и причин. Все люди разные и ведут себя по-разному. Но в экономической теории мы абстрагируемся от многих случайных, временных, поверхностных причин и факторов. Мы берем явление в чистом виде. И чтобы понять устройство рыночного механизма, мы должны представить человека в виде бездушного автомата, механизма, эгоистически преследующего в каждом конкретном случае свою собственную выгоду. То есть человек как счетная машина без конца и эмоций соизмеряет свои затраты (времени, денег, сил, нервов и т. п.) с полученным результатом. Человек в экономике ведет себя (или должен вести) предельно рационально.

Другое дело, что в реальной жизни это случается далеко не всегда. Но как общее правило люди ведут или стремятся вести себя в экономике именно так. Эрроу, когда говорит об индивидуальных характеристиках, которые мешают «гипотезе рациональности», просто смешивает абстрактную модель поведения человека с тем, что бывает в жизни.

Рациональность и есть принцип экономизма, постулат рыночной идеологии. То есть соизмерение затрат и результатов и максимальное превышение результата над затратами. Так, если человек покупает бутылку французского вина за 400 р., то он ожидает, что она будет, по крайней мере, в два раза лучше чем бутылка за 200 р. И вот идеал для экономического подхода будет состоять в том, чтобы можно было подсчитать, как-то измерить получаемое удовольствие от вина. Соизмеримость всего и вся — высший идеал экономизма. В этом суть и соль современной американизированной экономической науки (неоклассики).

Некоторые, а если честно — то многие, представители современной либеральной экономической мысли (неоклассики) точно так же подходят и к образованию. Они считают, что каждый рубль, вложенный в образование, должен впоследствии принести повышенный процент, дополнительную прибыль. Другими словами, для них народное образование такая же отрасль экономики, как пивоварение или производство строительных материалов. Производство кирпичей, пива и образованных людей делается только ради прибыли производителя. Отсюда пошло вульгарное и донельзя пошлое выражение — «рынок образовательных услуг». Иначе говоря, надо не образовывать людей, передавать знания, учить детей, а продавать «образовательные услуги». Продавать желательно подороже и, естественно, тем, кто может заплатить больше. Дорогое, элитное образование для богатых людей; средненькое для среднедоходных и дешевое или никакое для бедных. А напомним, что у нас в стране бедных и малообеспеченных почти 46% от всего населения [9, 587]. При таком подходе почти половина

страны окажется без всякого или с очень минимальным образованием. Для либеральной экономической теории (неоклассики) образованный человек тот же кирпич, вокруг которого идет бесконечное соизмерение затрат и полезностей.

Все это можно проиллюстрировать на примере понятия «человеческий капитал» в современной экономической науке. Признанным основоположником здесь является американский исследователь Г. Беккер. Например, образование Г. Беккер рассматривает как обычное коммерческое мероприятие. Родителям, — пишет Г. Беккер, — «выгоднее финансировать образование своих детей, так как это принесет больший доход, чем проценты по сбережениям. Они могут косвенным образом обеспечить свою старость, инвестируя средства в детей, а затем, в старости, сократив наследство» [10, 700]. Получается, дети — как счет в банке. Первоначально можно вложить побольше, а потом сэкономить, «сократив наследство». Неясно остается, куда девать сэкономленное наследство, ведь на том свете, вроде, деньги не нужны? На все это российский ученый, профессор МГУ А.Г. Худокормов остроумно заметил, что так и «молитву можно объявить процессом затрачивания экономического ресурса (времени), с целью приобретения “выгод” в ином мире» [11, 27].

Ныне слово «капитал» приставляют к чему угодно и как угодно. И получается: человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, душевный капитал и т. д. и т. п. Конечно, использовать это слово («капитал») как прилагательное, как художественный образ никому не возбраняется. Ради бога! Например, в широкой литературе используют такие словосочетания, как кладбище паровозов, кладбище автомобилей, кладбище идей и т. д. Но каждый просвещенный читатель хорошо понимает, что есть одно нормальное кладбище в точном значении этого слова, а все остальное не более, чем красоты литературного стиля. Научное использование таких понятий недопустимо. То же и капитал. Применять его как научную категорию, как научный термин со строгим смыслом в самых разнообразных сочетаниях будет означать размазывание, затирание научного значения этого понятия. Понять и научно объяснить что-либо будет уже невозможно. Это не развитие и не углубление науки, а ее вульгаризация, по сути, ликвидация.

В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Например, И.В. Соболева в монографическом исследовании о человеческом потенциале указывает, что понятие «человеческий капитал» очень неопределенное. При этом автор ставит резонный вопрос

о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?». Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остается человеком или превращается в пустую оболочку? Таким образом, делает далее вывод И.В. Соболева, «подход с позиций теории человеческого капитала не охватывает в полной мере проблематику воспроизводства человеческого потенциала» [12, 25].

Вообще говоря, наука тогда добивается успеха, когда для новых явлений и процессов вырабатывает новые понятия и термины. Распространять же старые понятия и термины, прилично отражающие уже устоявшиеся и хорошо изученные явления, на новые области подобно тому, что разбавлять старое, доброе вино водой. Так, если в ожидании двух гостей, вы запаслись бутылкой хорошего французского вина, а неожиданно к вам пришло четыре гостя, то будет очень опрометчивым добавить в бутылку еще столько же воды. Конечно, напитка будет больше, на каждого гостя придется установленная вами ранее норма жидкости, и дилетанты, наверное, ничего не заметят. Но качество продукта резко снизится. Более того, хорошее вино как вино будет уничтожено. Так же и с научными понятиями и терминами. Наука должна не растягивать уже хорошо работающие понятия на необозримые новые сферы, а наоборот, детализировать, уточнять, дробить старые понятия вслед за большей детализацией научно изучаемого процесса. Если классическая экономическая теория не справляется с новыми явлениями, надо разрабатывать новую теорию, а не разжижать старую и называть ее «неоклассикой».

Таким образом, современная экономическая наука в ее западно-либеральном варианте (мейнстрим) ничего для «общества знаний» не дает, а только сильно запутывает проблему. Перевод отраслей, производящих знания, на рыночные начала оказался сокрушительным для их существования.

Известный лозунг деятелей «шокового правительства» 1990-х гг. о том, что «государство должно уйти из экономики», кроме прочего, обернулся сокрушительным ударом по интеллекту нации. Так, финансирование науки с советских времен по настоящее время сократилось почти в 6 раз (с 7% от ВВП в 1986 г. до 1,1% в 2004 г.). В США этот показатель с 1960 г. устойчиво держится на отметке в 2,6% ВВП (в 2004 г. — 2,68%) [13, 629; 14, 308].

В этой связи встает принципиальный вопрос о значении и роли государства в развитии науки, образования и культуры, т. е. в формировании и развитии «общества знаний». Может ли последнее сформиро-

ваться само собой — как физиологический рефлекс спонтанной рыночной экономики? Думается, что отрицательный ответ очевиден. Для России в целом пагубно превращение государства в «ночного сторожа» и в силу российских традиций, плохо оплачиваемого, плохо вооруженного и главное, плохо инструктируемого.

В современном мире такое отношение к государству представляется самоубийственным. По крайней мере по двум крупным основаниям Россия должна отказаться от такого уничижительного отношения к государству.

Первое, это особенности и традиции России. С древнейших времен Россия формировалась как все более укрепляющееся государственное образование. Раздробленность на отдельные княжества, что было типично для Средневековой Европы, в России довольно быстро было преодолено и постепенно шло создание весьма централизованного государства. Иначе, видимо, Россия не сохранилась бы как великая держава.

Второе — современный опыт развития западных стран. В настоящее время все высокоразвитые страны демонстрируют все возрастающую роль государства в распределении национального продукта. Так, по имеющимся данным, в таких странах, как Швеция, Норвегия, Нидерланды, уровень государственных расходов составляет более 50% ВВП, при среднеевропейском уровне в 40—45%. В России этот показатель с начала 90-х годов держится на уровне 30%. В таких условиях невозможно говорить о формировании «общества знаний».

Особенное беспокойство вызывает состояние социальных наук. Препятствия общественной советской наука сегодня полностью отменены, хотя в ней наряду с пустословием были и определенные достижения. Достаточно вспомнить экономиста-математика Л.В. Канторовича, который получил Нобелевскую премию по экономике за работы в области оптимального планирования. Сегодня же пытаются внедрить в Россию почти исключительно западную социальную науку, с западными понятиями и ценностями, с западной культурой и идеологией. Конечно, и в западной науке есть много полезного. Но как всеобщий, тотальный процесс поголовной замены отечественной общественной науки на западную, и главным образом на американскую, это не может не вызвать беспокойства. Россия утрачивает интеллектуальную независимость не только в силу ничтожно малого финансирования интеллектуальной сферы, но и в силу переориентации ее остатков на чужеземную идеологию.

Литература

1. *Маршалл Т.* Избранные очерки по социологии. М., 2006.
2. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003.
3. *Румянцев А.М.* Проблемы современной науки об обществе. М., 1969.
4. *Волконский В.А.* Выступление // Социология и экономика: от мифов к реальности. М., 2005.
5. *Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. Т. 1. От марксизма к идеализму. М., 1999.
6. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.
7. *Эрроу К.* Экономическая теория и гипотеза рациональности // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004.
8. *Хайлбронер Р.* Философы от мира сего. М., 2008.
9. *Гринберг Р.С.* Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. № 7.
10. *Мировая экономическая мысль.* Т. 5. Кн. 1. М., 2004.
11. *Худокормов А.Г.* Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада. М., 2008.
12. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М., 2007.
13. *Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник.* М., 1987.
14. *Россия и страны мира. 2006. Стат. сб.* М., 2006.

М.Ю. ПАВЛОВ

Нанотехнологии: сценарий инновационного развития страны на базе достижений фундаментальной науки*

По мере развития общества происходят изменения структуры затрат на изготовление изделий — стоимостная доля затрат интеллектуальных ресурсов становится выше, чем материальных ресурсов. Основная движущая сила этих изменений — нанотехнологическая революция. Размеры частичек, которыми оперирует человек в производственной деятельности — все меньше. Сегодня для человечества новые, захватывающие возможности открываются по мере развития технологии манипуляций веществами на уровне отдельных атомов и молекул — нанотехнологии.

В мире наблюдается бум вложений в nanoотрасли. В настоящее время область нанотехнологий является самым финансируемым и наи-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 08-06-00341-а).

более динамично развивающимся видом научно-исследовательской деятельности в мире. Большая часть инвестиций в наноразработки приходится на США, ЕС, Японию и Китай. Исследования в этой сфере активно ведутся также в странах бывшего СССР, Австралии, Канаде, Китае, Южной Корее, Израиле, Сингапуре и Тайване.

Количество научных публикаций, патентов и журналов непрерывно растет. В 2007 г. продажи в секторе нанотехнологий составили 50 млрд дол. [1]. По прогнозам Национальной нанотехнологической инициативы (National Nanotechnology Initiative) США, развитие нанотехнологий через 5—10 лет позволит создать новую отрасль экономики с оборотом в 15 млрд дол. и примерно 2 млн рабочих мест. Согласно прогнозам Министерства торговли Великобритании, к 2015 г. спрос на результаты деятельности в области нанотехнологий составит не менее 1 трлн дол. в год, а численность специалистов, занятых в ней, вырастет до 2 млн человек. А мировой рынок нанотехнологий достигнет 1 трлн дол. и превзойдет рынки, связанные с электроникой, медициной, химией, энергетикой.

Уже в 1990 г. за рубежом вышел первый номер толстого журнала «Нанотехнология», сайты, посвященные нанотехнологиям, множатся как на дрожжах. Нанотехнологии — общая основа для развития науки и техники XXI в. К настоящему времени в мире получено более 5 тыс. патентов, связанных с нанотехнологиями.

По данным Исследовательской службы Конгресса США (Congressional Research Service), мировая промышленность использует нанотехнологии в процессе производства как минимум 80 групп потребительских товаров и свыше 600 видов сырьевых материалов, комплектующих изделий и промышленного оборудования.

Нанотехнологии могут привести мир к новой технологической революции и полностью изменить не только экономику, но и среду обитания человека.

По мнению экспертов, для того чтобы нанотехнологии стали реальностью, ежегодно необходимо тратить не менее 1 трлн дол. В Японии в 2001 г. была опубликована программа развития нанотехнологий, в которой предполагается сконцентрировать усилия в нескольких ключевых отраслях: информационные технологии, биология, охрана окружающей среды, энергетика, материаловедение. Чуть ранее, в 2000 г., в США после длительного сбора и анализа данных о нанотехнологиях в разных странах была принята так называемая Национальная нанотехнологическая инициатива. При этом были выделены три основных направления исследований: создание новых сверхпрочных и одновременно сверхлегких материалов, разработка запоминающих устройств

повышенной мощности, к примеру, способных сохранить всю информацию библиотеки Конгресса США на крошечном чипе, и развитие новых методов борьбы с раковыми заболеваниями, позволяющих обнаруживать опухоль при появлении первых пораженных клеток. В мире созданы серьезные научные центры, специализирующиеся исключительно на этой проблематике. Крупнейший из них находится в Японии. В Японии действует с 1999 г. «Национальная программа работ по нанотехнологии», получившая высший государственный приоритет — «Огато». Данный проект спонсирует не только государство, но и дополнительно около 60 частных фирм. В Китае пятилетний план 2001 — 2005 гг. включал выделение 300 млн дол., позволив выйти на мировой уровень разработок [2]. В Европе более чем в 40 лабораториях проводятся нанотехнологические исследования и разработки, финансируемые как по государственным, так и по международным программам (программа НАТО по нанотехнологии).

В США отставание от Японии по объему финансирования работ в области нанотехнологии стало предметом государственного обсуждения, в результате которого объем финансирования только фундаментальных исследований каждый год стал удваиваться. С целью форсирования работ именно на данном направлении в 2000 г. по решению правительства США работы по нанотехнологии получили высшую степень важности (*top priority*). В результате была создана программа Американской нанотехнологической инициативы, а при президенте организован специальный комитет, координирующий работы по нанотехнологии в 12 крупнейших отраслях промышленности и военных силах.

Россия только на исследовательские работы в сфере нанотехнологий выделила средства в размере 4 млрд дол. на четыре ближайших года [1]. Нанотехнологическая инициатива в России, стартовавшая в 2007 г., направлена на развитие двух направлений: исследования в области нанотехнологий, порученные Курчатовскому институту, и коммерциализация нанотехнологических проектов, которую на государственном уровне координирует ГК «Роснанотех». Деятельность ГК «Роснанотех» весьма масштабна — стратегия корпорации направлена на развитие наноиндустрии в России сразу по множеству структурных составляющих⁶:

- 1) научное прогнозирование (форсайт);
- 2) инфраструктурные программы;
- 3) инвестиционная деятельность;

---

⁶ Подробно о стратегии ГК «Роснанотех» см.: [3].

- 4) образовательные проекты;
- 5) популяризация и общественные коммуникации;
- 6) развитие рыночных условий и отношений;
- 7) обеспечение безопасности нанотехнологий и продукции;
- 8) сертификация, стандартизация и метрологическое;
- 9) участие в совершенствовании законодательства;
- 10) международное сотрудничество;
- 11) создание международной площадки для обсуждения проблем и перспектив развития nanoиндустрии [3].

Уже сейчас в России разработаны фильтры для очистки жидких радиоактивных отходов, создана нанокраска для ценных бумаг, защита мобильных телефонов и микроволновых печей. Сегодня ученые занимаются созданием нанокерамики с высокой прочностью, нанометаллов и их сплавов. В частности, на Уральском заводе гражданской авиации нанометалл используется в покрытии лопастей для вертолетов, что в 5 раз увеличивает срок их эксплуатации.

Несмотря на то, что бурный интерес со стороны общественности к нанотехнологиям проявился только в последнее десятилетие, понятие это в науке совсем не новое. Первые работы в этой отрасли появились в России в 1934 г., правда, тогда это называлось «ультрадисперсные материалы». А одними из первых опытов использования нанотехнологий ученые считают легендарную дамасскую сталь и знаменитые златоустовские клинки.

Потенциал нанотехнологий заключается не только в миниатюризации каких-либо вещей. Работая в столь микроскопических масштабах, ученые получают возможность менять свойства материалов. В результате они получают необычные оптические, электрические и другие свойства из-за того, что с их помощью атомы располагаются строго определенным образом. А это, в свою очередь, можно использовать для самых разных целей.

Так, например, с помощью нанотехнологий американская фирма «Engelhard» создала своего рода молекулярные «ворота», через которые проникают молекулы двуокиси углерода, а более крупные молекулы (метановые) остаются в веществе. Практическое применение это находит при фильтрации двуокиси углерода из природного газа и при создании автомобильных катализаторов. «Hydrocarbon Technologies» (НТТ), дочерняя фирма известной американской компании «Headwaters», разработала методику обработки угля с помощью нанотехнологий на молекулярном уровне таким образом, чтобы создавать из него экологически чистое жидкое топливо.

Согласно исследованиям «Foresight Nanotech Institute» 2005 г., использование нанотехнологий позволит в будущем решить ряд наиболее значимых для человечества проблем. Одной из важнейших проблем является обеспечение мировых энергетических потребностей. Согласно прогнозам, спрос на электроэнергию к 2025 г. вырастет на 50%. В настоящий момент около 1,6 млрд человек не обеспечены электричеством, а 2,4 млрд — используют сельскохозяйственные отходы и растительные материалы в качестве источника энергии и тепла. Предполагается, что нанотехнологии позволят решить энергетические проблемы посредством применения более эффективного освещения, топливных элементов, водородных аккумуляторов, солнечных элементов, распределения источников энергии и децентрализации производства и хранения энергии за счет качественного обновления электроэнергетической системы. Теплоизоляция повысит комфортность и снизит энергопотребление. В местах, где уже используются прямые формы конструкции домов (большая часть городов) двухслойные вакуумные стенные панели могут значительно уменьшить передачу шума между комнатами и квартирами, одновременно предоставляя отличную термоизоляцию.

Важнейшей сферой применения нанотехнологий будет также экологический мониторинг, охрана и очистка окружающей среды. Нанороботы, которые разрабатываются в Университете Южной Калифорнии, предназначены для контроля за загрязненностью морской воды. В океан будет выпущен целый рой микроскопических роботов. Каждый из них будет способен определить чистоту воды, в которой он находится, и сообщить об этом по радио своему соседу. Уже сегодня существуют фильтры для сверхтонкой очистки, а в будущем предполагается, что мириады микроскопических автоматов будут осуществлять избирательную очистку среды, вычищая малейшие загрязнения.

Студентка-дизайнер Оливия Онг и ученые из Корнуэльского университета совместными усилиями создали одежду, которая защищает владельца от простуды и гриппа, смога и загрязнений воздуха, уничтожает вредные для дыхания газы и не требует стирки. В волокнах ткани повсеместно находятся заряженные статическим электричеством наночастицы, создающие невидимый, но прочный щит вокруг владельца. Один вид ткани содержит наночастицы серебра. Серебро, как известно, обладает антибактериальными свойствами, которые только усиливаются благодаря малым размерам частиц. Таким образом, ткань приобрела способность противостоять большинству вредных для человека бактерий и вирусов, а также пятнам и загрязнениям. Другой вид ткани — для верхней одежды — содержит наночастицы палладия, а

которые защищают владельца одежды от загрязнений окружающей среды. Особенно актуальна подобная одежда будет для людей, страдающих от астмы и аллергии. Препятствие для широкого распространения — высокая цена. В настоящий момент один квадратный метр новой ткани стоит приблизительно 10 тыс. дол. Вообще, подобная проблема типична для любых технологий, выходящих из лабораторий и находящихся на ранних стадиях внедрения в массовое производство.

Не менее актуальна проблема обеспечения человечества достаточным количеством питьевой воды. Запасы пресной воды, пригодной для использования, составляют всего 3%, из которых только 1% используется населением Земли. В настоящий момент 1,1 млрд человек не имеет возможности использовать чистую пресную воду. Принимая во внимание текущие объемы потребления воды, рост населения и развитие промышленности, можно утверждать, что к 2050 г. 2/3 населения Земли будут испытывать недостаток пресной воды. Следует ожидать, что нанотехнологии позволят найти решение этой проблемы за счет использования, в том числе недорогой децентрализованной системы очистки и опреснения воды, систем отделения загрязняющих веществ на молекулярном уровне и фильтрации нового поколения.

Одной из важнейших задач остается улучшение здоровья и продолжительности жизни. Американский Национальный институт здоровья включил наномедицину в пятерку самых приоритетных областей развития медицины в XXI в. Ожидается, что применение нанотехнологий в области медицины будет способствовать появлению недорогих и оперативных методов диагностики заболеваний на раннем этапе, новых способов разработки и применения новых лекарственных препаратов, возможности восстановления поврежденной структуры ДНК. В мире уже создан ряд технологий для наномедицинской отрасли. К ним относятся адресная доставка лекарств к больным клеткам, диагностика заболеваний с помощью квантовых точек, лаборатории на чипе, новые бактерицидные средства.

Еще одной важнейшей проблемой является повышение урожайности в сельском хозяйстве. Согласно статистике, численность населения на данный момент составляет около 6,5 млрд человек и к 2050 г. достигнет 8,9 млрд, что вызовет существенное увеличение потребления продуктов питания. Предполагается, что применение нанотехнологий позволит изменить технику возделывания земель за счет использования наносенсоров, нанопестицидов и системы децентрализованной очистки воды. Нанотехнологии сделают возможным лечение растений на геномном уровне, позволят создать высокоурожайные сорта, особо стойкие к неблагоприятным экологическим условиям. Биологи смогут

«внедряться» в живой организм на уровне атомов и станут возможными и «восстановление» вымерших видов, и создание новых типов живых существ, в том числе биороботов.

Одной из сфер, где нанотехнологии уже сегодня сделали значительный шаг вперед, является электроника. По данным исследования, проведенного в 2005 г., лишь 13,9% населения имеют доступ к Интернету. Отсутствие возможности использования информационных ресурсов и технологий большинством жителей Земли отрицательно сказывается на уровне образования, межкультурных коммуникациях и росте экономического благосостояния. Использование нанотехнологий позволит решить эту проблему за счет значительного снижения цены и повышения качества элементов памяти, мониторов, процессоров, элементов на солнечных батареях, встроенных информационных систем и т. д. Молекулярное производство способно создавать компьютерные ячейки размером в несколько нанометров, организуя их в сложные трехмерные структуры. Целый суперкомпьютер может поместиться в кубический миллиметр и стоить небольшую долю цента. Компьютеры, КПК и сотовые телефоны могут быть достаточно дешевыми, чтобы даже беднейшие люди на Земле могли их иметь и содержать голосовой интерфейс, чтобы люди, не умеющие читать, могли ими пользоваться.

Неоспорима перспективность нанотехнологий в развитии космических технологий. Особенно интересен проект «космического лифта» на основе сверхпрочных и сверхлегких нанотрубок, который способен существенно (на порядки) снизить себестоимость транспортировки грузов на околоземную орбиту. Нанотехнологии также позволят повысить степень безопасности работы в космосе, создать новые виды топлива, покрытий, конструкционных материалов, «умной» одежды, электронных систем обеспечения жизнедеятельности, которые будут эффективнее, устойчивее, легче и обладать способностью диагностики и ликвидации неисправностей⁷.

Однако подлинную революцию как в материальном производстве, так и во всем укладе жизни человека, как ожидается, произведут нанофабрики. В основе нанофабрики будут наноманипуляторы — нанодизассемблеры и наноассемблеры, которые смогут сначала разобрать любой предмет на отдельные атомы (это выполняют нанодизассемблеры), передав точный чертеж его атомного строения в компьютер, а затем собрать его идеально точную копию (это делают наноассемблеры). Возможно, что наноманипуляторы будут универсальными, и

---

⁷ При подготовке обзора по перспективам отдельных отраслей использованы материалы: [4].

функции ассемблера и дисассемблера сможет выполнить один и тот же робот. По чертежу, хранящемуся в компьютере, можно будет собрать любое количество экземпляров. Разумеется, чертежи будут создавать не только нанодисассемблеры на основе существующих образцов, но и человек, реализуя изделия практически любой сложности. Чертежи можно будет легко модифицировать, придавая изделиям другую форму, заменяя одни материалы на другие, устраняя последствия разрушения и износа. Вместе с программируемыми наноботами проявится еще одно важное свойство грядущих технологий — практически все технологические процессы, вообще вся производственная и даже непроизводственная человеческая деятельность будут представлять собой программирование и управление наноботами с помощью готовых программ. Таким образом, нанотехнологии создают предпосылки самой масштабной, значительной по своему влиянию экономической революции — каждый, обладающий мининанофабрикой, получает универсальное средство для производства широчайшего спектра изделий.

Человек получит колоссальные возможности для творческой деятельности. Нанопроизводство будущего будет зависеть в основном от двух факторов — энергии и наличия новых образцов, моделей, чертежей для производства. В будущем основными профессиями будут работник, обслуживающий крупные энергоустановки, и ремонтник, а самой главной профессией станет создатель новых образцов — человек-творец. По мнению некоторых исследователей, деньги приобретут энергетический эквивалент, поскольку современные технологии денежного обращения станут слишком уязвимыми перед нанотехнологиями. Сами изделия, воплощенные в материале, станут очень дешевыми, репродуктивный труд возьмут на себя наномашинны, по-настоящему ценным будет создание новых проектов, чертежей — творческая деятельность человека.

Литература

1. <http://apicentr.ru/wordpress/?p=47>.
2. http://www.nanometer.ru/2007/05/31/nanotehnologicheskaa_iniciativa_bessmertie_ossia.html.
3. <http://rusnano.com/Rubric.aspx?RubricId=259>.
4. <http://crnano.v.rusonyx.ru/benefits.htm>.

VI

ГЛАМУР КАК ИСКУШЕНИЕ И ПОРЧА

Р.М.-А. ГУСЕЙНОВ

Меритократия деградирующего общества

О градусе духовного здоровья общества можно судить по тому, каковы его герои.

А. Неклесса

Очередной август

Август в России — традиционный месяц драматических событий и острых переживаний. А сентябрь — время остаточных явлений. Вот и в этом году проскочить август без проблем не удалось.

На Кавказе очередная война со всеми трагическими атрибутами. Падает цена нефти. Резко сдал свои позиции российский рубль. Инфляция становится бедствием национальной экономики. Ипотечное кредитование замерло, разрушив последние надежды на собственное жилье у миллионов граждан России. Во внешней среде вокруг России снова создается стена отчуждения и бессовестной критики. Да и Олимпийские игры не принесли большой радости: китайцы показали, кто есть кто в мировом спорте. А тут еще авиакатастрофа... Настроение у людей, прямо скажем, не очень хорошее, тревожное. Но включишь телевизор и диву даешься: на всех каналах рядом с жуткими сообщениями о несчастьях, как ни в чем не бывало, хохочут придурки из «Камеди клаб»; зрители гогочут, глядя на кривлянье новых русских бабок; обстоятельно обсуждается внешность русских дам в суде Славы Зайцева. А киоски полны глянцевыми журналами о шикарной жизни, Ксюша Собчак остается «зеркалом русской контрреволюции». Гипертрофированная виртуальная сексуальность пытается компенсировать скудость любовного пайка периода крылатой фразы «в Советском Союзе секса нет», а возможно, просто скрывает физиологическую и духовную импотенцию людей, вовлеченных в водоворот гламурной жизни. Во Франции в старину гламуром называли специальную вуалетку, скрывающую прыщи и прочие недостатки кожи лица. Сегодня гламур — маска, скрывающая уродства деградирующего общества.

Гламурная жизнь бьет ключом, отрешенная от тягот русской жизни. В стране формируется компактный, но воинственный слой людей, которых в самом конце XIX в. Торстейн Веблен назвал «праздным

классом». Людей, принципиально не занимающихся производительной деятельностью, гордящихся демонстративной праздностью, демонстративным потреблением и считающих демонстративное безделье признаком высокого престижа и принадлежности к высшим сословиям общества. Бездельники становятся элитой нашего общества.

Нормальные люди легко соглашаются с наличием элит в обществе. Мы вовсе не против реальных меритократов, людей, выдвинувшихся благодаря своим личным качествам, выдающимся способностям. Мы легко признаем статус *very important persons* за теми соотечественниками, которые проявили себя в науке, армии, высоком искусстве, даже (с некоторыми оговорками) в политике и в бизнесе. Мы можем зачислить в элиту и представителей некоей родовой аристократии, отпрысков «хороших фамилий» советских времен. Но никогда в России не было столь откровенного и бесстыдного восторга по поводу «активного безделья». Русский человек мог посочувствовать человеку ленивому, незлобиво посмеяться над неумехой и лежебокой. Для русского человека лень — это род вирусного заболевания, которое быстро излечивается в минуты кризисных испытаний. Но чтобы восхищаться барской жизнью выскочек из черни, — нет, не было этого!

Сегодня гламурная жизнь усиленно пропагандируется и развращает простых российских граждан из всех социальных слоев. Красиво жить ведь никому не запретишь! А государство невольно потакает этим нечистым стремлениям своими бесконечными праздниками, выходными днями и лукавыми обещаниями райской жизни за счет бюджета. Конечно, при желании, гламурную жизнь можно трактовать как внешнее проявление возросшего благосостояния в стране. Но душа не принимает такого подхода. Напротив, демонстративное потребление гламурных прожигателей жизни напоминает ситуацию декаданса начала XX в., которая разрешилась (не к ночи будь сказано!) закономерным революционным взрывом.

Герои экономической литературы

Жить в рыночной системе нелегко, но интересно. Граждане России постепенно адаптируются к новым экономическим отношениям. А ведь прошло всего 16 лет с того времени, когда в январе 1992 г. в нашей стране пошли на рискованный шаг — либерализацию цен. Мы быстро привыкли к преимуществам рыночной системы.

Мы рады тому, что исчезли изнуряющие дефициты на потребительском рынке. Теперь граждане испытывают единственный дефицит — денежный, но и это обстоятельство при желании можно рассматривать как достижение: деньги реализуют все свои функции, давно выяс-

ненные наукой. Мы воочию видим, что в тех экономических сферах и отраслях (пока немногих), где появляется конкурентная среда, проявляется гибкость цен, улучшается качество материальных и нематериальных благ. Наконец, появился еще один неизвестный ранее России рыночный феномен — социальная динамика граждан, особенно молодых. Люди с легкостью необычайной меняют свой социальный статус, место работы и жительства, профессии, специальности, даже страны. Затхлость выветривается из наших городов, и свежий ветер перемен вот-вот проявится и в деревне.

Негативных проявлений рыночных отношений тоже немало. Уникальная по глубине социальная дифференциация граждан бьет в глаза. О новых русских богачах написано много. Но появился целый страт людей, который трудно сыскать в развитых экономических системах — новые русские бедняки. Это работающие люди с высшим образованием: учителя, молодые врачи, работники учреждений культуры, библиотекари, молодые офицеры... Другая проблема — неконституционная платность важнейших социальных услуг, безнадежный рост цен на жилье. Да и в производственной сфере никак не можем выйти из-под господства Трубы.

Впрочем, незачем продолжать, наш изощренный читатель и без нас все это знает. Поражает другое: производственный процесс, трудящиеся и трудовые коллективы, инженеры, строители, технико-технологические достижения перестают быть объектами внимания областей и средств массовой информации. Симпатичные экономические обозреватели из НТВ или «Вестей—24» каждый день по нескольку раз рассказывают рабочим, механизаторам, дояркам, учителям и лаборантам о биржевых котировках акций, о валютных курсах, ценах на нефть и золото в Нью-Йорке и Лондоне. Очень интересная информация для тех, у кого нет ни акций, ни долларов, ни золота, да и рублей — «кот наплакал!» А баррель — всего лишь старая бочка на дачном участке, в которую собирают дождевую воду по весне. Странное дело, что-то я давно не видел, чтобы Президент России награждал в Георгиевском зале рабочих или животноводов, тех, кого совсем недавно мы называли передовиками производства. То ли власти не ценят представителей трудового плебса, то ли передовиков в стране не осталось.

Героями даже солидных научных экономических журналов, не говоря уж о глянцевых изданиях, стали торговец, посредник, банкир и биржевой игрок с приятными кличками «бык» и «медведь». Вот и появляется новый литературный парадокс — все стремятся к росту валово-

вого внутреннего продукта, но о реальных создателях столь желанного ВВП мало кто думает и еще меньше пишет.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Все это в истории экономической литературы уже было. История экономической мысли — это поиск первичного аргумента, главного стимула экономической деятельности. И от того, какой точки зрения придерживалась основная элитная группа исследователей, от того, какая «научная мода» господствовала в обществе, возникали главные персонажи экономической литературы.

Вот тут-то и начинается самое интересное. Если брать во внимание только труды по рыночной экономике, то не производитель и не потребитель стали первыми героями литературы о рыночных системах. Движение человеческой мысли шло иным, зигзагообразным, путем.

Схематично, этот main stream экономической мысли можно изобразить так (табл. 1).

Таблица 1

Время возникновения доктрины	Предмет исследований	Главные герои литературы
XVI — XVII вв.	Сфера товарного и денежного обращения, рыночного обмена	Торговец, посредник, банкир, воин
Вторая половина XVIII в.	Сфера производства	Мануфактурист, промышленный капиталист, наемный промышленный рабочий
Первая треть XIX в.	Сфера распределения	Весь класс собственников промышленного, денежного капитала и земли; рабочий класс
Последняя треть XIX в.	Сфера потребления	Гедонистический потребитель, максимизирующий полезность
Первая треть XX в.	Сфера государственного регулирования экономики	Правительства и конкретные государственные деятели
Последняя треть XX в.	Сфера товарного и денежного обращения, рыночного обмена	Торговец, посредник, банкир, воин

Признавая всю уязвимость подобных схем, обратим внимание на главное.

1. Экономическая наука изучает ту сферу экономической деятельности, где в данное время, в данных обстоятельствах наиболее эффективным способом приобретает богатство. Первоначальное накопление капитала осуществлялось в торговле, в кредитной сфере, в посредничестве. Сегодня, в других исторических реалиях, торговец, посредник и банкир вновь становятся главными героями литературы. Особенно это наглядно проявляется в России. Круг замкнулся! А причем тут воин? Пожалуй, мы не будем подробно отвечать на этот вопрос, а отошлем читателя к информационным программам телевидения.

2. Сфера потребления долгое время вообще не была предметом экономического анализа. Возможно, что здесь проявлялся аскетический подход к жизни, присущий различным христианским и мусульманским конфессиям, особенно протестантизму. Лишь относительно недавно на Западе люди стали понимать, что если в жизни человека нет наслаждения, это столь же аморально, как и пребывание в вечной и непреходящей неге. Богатый человек — это тот субъект экономических отношений, который получает удовольствие от жизни, а не только создает материальные условия (к тому же не для себя) для гедонистического подхода к бытию.

3. В первой колонке мы отмечаем время возникновения доктрины, но не его завершения. Дело в том, что *идеи не умирают, они замирают*. В истории ничего не исчезает, все концепции и идеи сохраняются в генетической памяти людей и при определенных условиях возникают периоды их ренессанса.

4. На первый взгляд, предпоследняя строка выпадает из общей схемы. Разве сфера государственного регулирования может стать источником сокоровиц? Для российских граждан, если они не инвалиды по зрению и слуху, ответ ясен.

Торопимся!

Обратимся к нашей таблице! Экономическая наука стала исследовать потребление, самих потребителей, их стремление к наслаждению и удовольствиям после того, как развитая рыночная система уже дала высокий потребительский результат. Торговцы товарами и деньгами подготовили почву и создали достаточно капитальных запасов; производительный капитал и трудящиеся эффективно использовали средства и научно-технические достижения для производства массового стандартизированного продукта. И только тогда, в 1870-х гг., когда по всему западному миру прокатились *кризисы перепроизводства*, т. е.,

когда произведенные товары не реализовывались, а следовательно, невозможно было начинать новый цикл производственного процесса, — вот тогда-то и началась эпоха массового потребления в развитых экономических системах. Вот тогда-то и появились первые опыты создания гламурной экономики и пропаганды престижного потребления.

Начав рыночную реформу в 1990-х гг., мы застряли на этапе, характерном для XVI—XVII вв. Мы даже близко не подошли к тому этапу, когда производитель становится главным действующим лицом экономической жизни, т. е. к XVIII в.! Зайдите хотя бы в хороший магазин бытовой техники, и вы сами убедитесь в этом. Блага, которые нам предлагают торговые фирмы, в основном, появляются в торговых залах благодаря активности самих торговцев, а не производителей: импорт господствует не только на рынке потребительских благ, но и на рынке инвестиционных товаров.

Нам еще предстоит реализовать тенденции промышленного процветания, насыщения рынка отечественными товарами, но весело жить хочется сегодня! И многие наши граждане решили не ждать! *Мы пришли к потрясающему в своей нелогичности результату — высокому потреблению без высокого производства!* А поскольку «всего на всех не хватит», в стране создается и насаждается гламурный потребитель непроизведенного продукта.

Нет, конечно, люди гламурного сословия очень заняты. Азартные игры, мода, празднества, спорт, ритуальное образование (преимущественно гуманитарное), обрядовая религиозность — все используется для создания некоей видимости активности. Но в большинстве случаев — вся эта деятельность есть не что иное, как демонстративная праздность. Потрясает, что бездельники становятся реальной «элитой» в глазах обывателей. Имен академиков и генералов практически никто не знает, инженер считается «несчастьем в семье», слова «колхозник» и «слесарь» становятся презрительными кличками, а имена и образы бездельников не сходят со страниц журналов и интернетовских сайтов. Они становятся меритократами наших дней, людьми, добившимися славы и почета героическим бездельем. Воистину новаторское время в новаторском обществе: если есть новые русские богачи, если есть новые русские бедняки, то почему бы не народиться новым русским меритократам. «Все не так, ребята! Все не так...».

Danger!

Разумные люди уже начинают чувствовать опасность. Гламурный потребитель должен иметь армию обслуживающего персонала, которая, находясь в услужении у выдающихся бездельников, сама стано-

вится подобием элиты, гордящейся праздностью своих очаровательных хозяев.

Дизайнеры и портные, журналисты и издатели, рекламщики и комедианты, даже (прости, Господи!) священники — все получают работу благодаря гламурной экономике. Большой спорт становится всего лишь зрелищем, шоу. «Футбол имеет такое же отношение к подлинной физической культуре, как бой быков к сельскому хозяйству», — это было понятно еще Т. Веблену. Артисты большой эстрады пекутся за три месяца на специальных «фабриках». К черту консерватории с пятилетним кропотливым трудом! Диплом юриста с высшим образованием можно получить за два года! К черту римское право и Кодекс Наполеона!

Так это ведь хорошо, — скажет читатель. Все заняты, все при деле. Но вот маленький штрих: в моей родной Новосибирской области, не самой богатой в стране, расходы граждан значительно превышают доходы, в иные месяцы аж на 26% (январь 2008). Мы начинаем привыкать жить в долг, а экономическая публицистика «воспитывает» нас в том духе, что это очень хорошо. Аргумент прост: «на Западе все так живут». Тут и приходится возвращаться к табл. 1! Чтобы жить по-западному, надо хотя бы достичь сегодняшнего уровня их производительности. Надо вернуться к философии и практике, присущей хотя бы XVIII в.

Нас ждут две возможные опасности. Вполне реально застрять в Средневековье, хотя и позднем. Но есть и другая опасность — массовый протест против «потребительского общества». Тем более, что это «общество потребления» принимает самые уродливые формы гламурной экономики. Не будем забывать, что смешные, наивные и немые битники, хиппи, панки, рокеры, антиглобалистские «тортометатели» могут порой так расшатать стабильность общества, что невольно вспомнишь майскую революцию 1968 г. в благополучной деголлевской Франции.

Очень не хочется дополнять табл. 1 еще одной строкой: время возникновения доктрины — первое десятилетие XXI в.; предмет исследования — демонстративное потребление; главные герои литературы — бездельники и рантье.

П.А. САФРОНОВ

Гламур как искушение и как польза

Писать о гламуре так, как если бы он действительно существовал, невозможно. Однако нельзя сказать и того, что гламур не существует. Конечно, он есть. Но совсем не там, где его ищут. Гламур не является признаком и составной частью какой-либо вещи, какого-либо предмета потребления. Гламур не имеет субстанции, он порождается самим процессом потребления. Главное искушение гламура — это искушение желанием. Именно поэтому гламур так тесно связан с вещами определенного рода, роскошными и дорогими.

Устройство феномена гламура парадоксально. Он предъявляет нечто исключительное, претендуя при этом на то, что эта исключительность может быть достоянием повседневности. Торжество гламура обнаруживает существеннейший сдвиг в картине мира «обычного» человека. Прежде устойчивая связь элементов повседневной реальности в ее целом образовывала для индивида универсальный горизонт смыслополагания, размыкание которого было признаком системного кризиса. Смысловые структуры повседневности определяют режим воспроизводства индивидуальности, который поддерживает признание этой последней в качестве «своей». В условиях гламуризованного общества индивидуальное становится исключительным. За ним нужно охотиться, его нужно искать. И средоточение индивидуального локализуется в гламуре, отраженным светом которого озаряется повседневность. Каждый элемент повседневной реальности становится знаком собственной ничтожности и уже не поставляет индивиду готовое знание об определенных смыслах, правилах, техниках, избавляющее его от утомительной необходимости изобретать и придумывать новые, нетрадиционные приемы.

Ведущим мотивом этого бегства из земной юдоли повседневности в небесное царство гламура является стремление сделать самого себя другим. В приобщении к гламуру видится источник личностного преобразования. Гламурная вещь из простого предмета быта превращается в почти что орудие духовного совершенствования. Объекты становятся как бы инкапсулированными *поводами* для коммуникации, которая без них была бы несостоятельна. Индивид, к которому стягивается наибольшее число таких поводов, становится «иконой стиля», медиумом победоносного шествия гламура. Отдельного индивида в этом случае уже очень сложно отличить от манекена, вид которого моделируется в гламурном информационном поле. Он становится простой

функцией от глобальных «смыслораспределительных» линий. Индивидуальность утрачивает значение сущностной характеристики человека и превращается в характеристику вещей. Общество эпохи гламура является обществом вещей.

Разрушение синонимичности социальности и повседневности предполагает разрыв или даже отсутствие структурной связки между событием и смыслом. Такой разрыв актуализирует «внутреннюю» структуру каждого из членов связки самого по себе. Характеристика индивидуальности, бывшая прежде достоянием человека как места встречи события и смысла, переходит на события и смыслы вещей как таковые, без ссылок на их «антропное» измерение. Здесь имеется две возможности: производство невозможных, несбыточных смыслов или производство бессмысленных событий.

В современном обществе нет ничего, что было бы лучше или хуже, больше или меньше гламура. Гламур — это единственная реальность и одновременно инструмент (само)познания этой реальности. Настоячиво и последовательно гламур стремится к самим вещам, только к вещам и ни к чему, кроме вещей. Он как бы обволакивает вещи. Тем самым показывается пример торжества логики чистой вещественности, к которой приложимы только характеристики, имеющие количественное выражение. Роскошь гламурной вещи имеет прямое продолжение в ее цене. Критиковать гламур невозможно, поскольку он лишен доступного критике содержания. В гламуризованном обществе нет места дискуссиям о призрачных идеалах, поскольку все без исключения постоянно заняты только одним делом — производством. И это производство потребительских желаний.

Главная польза гламура заключается в том, что он является самым простым и эффективным средством достижения вечного мира. Гламур пронизан логикой движения чистых количеств. Тем самым выводится из игры любая позиция, продолжающая апеллировать к (интеллектуальному) суверенитету. Частным следствием этого является выведение общественных наук из списка претендентов на роль рефлексивной «приставки» к человечеству. Гламур не нуждается во внешней рефлексии. Поэтому любая попытка теоретического анализа гламура неизбежно выглядит противоречивой и непоследовательной. Это происходит из-за того, что «гламурное» не поддается отделению от не гламурного. Плотность событий стала так велика, что отдельное событие в качестве момента социального взаимодействия уже не может быть отделено, индивидуализировано и изолировано в нарративе.

Гиперсобытийная социальность гламура, выставленная под объективы фотокамер, есть социальность *гиперповседневная*, уровень плот-

ности которой превосходит возможности каждого отдельного языка описания и принуждает изыскивать некие «гипертрофированные» лингвистические ресурсы. Все события в ней итерированы, однако это происходит слишком часто и в течение слишком малого промежутка времени, чтобы мы могли уследить за ними. Отсюда свойственная эпохе гламура особенность искусственно «назначать» события, постоянно говорить о чем-то: «это настоящее событие». «В действительности» никто уже и не знает, как рассказывать и говорить о событиях, т. е. как выяснить, стоит ли за ними определенный, выразимый, артикулированный смысл. «Семантика» событий (объяснение) заменяется теперь голым «синтаксисом» событий (предъявлением). Метафорически можно представить такую ситуацию как своего рода калейдоскоп, внутри которого ограниченное число стеклышек складывается в бесконечное число изображений. Гламур манит и привлекает своим блеском, но при этом сам испытывает сильнейшее искушение реальностью, тягу к самим вещам. Жест «серьезной» теоретической интерпретации здесь будет равнозначен очередному рекламному ходу, поскольку никакой «объективной» смысловой нагрузки он уже не имеет. Теория гламура в условиях современного общества возможна лишь в форме «тени» *гиперповседневности*, отброшенной ею в давно оставленное позади прошлое, в котором находятся неудачники капиталистического рынка, с обочины наблюдающие его великолепии.

Роль символа современной ситуации отводится теперь особой фигуре «трендсеттера», т. е. человека, который аккумулирует и воспроизводит желание в своем облике, манере поведения, образе жизни. Деятельность трендсеттера служит образцом для универсальных производителей современного капиталистического общества.

Второе полезное применение гламура заключается в том, что он позволяет зафиксировать определенный антропологический тип. Прежде всего этот антропологический тип напрочь лишен души как ненужного добавления к процессу работы. Капиталистический работник озабочен лишь постоянной оптимизацией и рационализацией результатов своей деятельности, ее приближением к недостижимому идеалу гламурности. Он прямо-таки растворен в стихии своего желания. Однако поскольку скорость, плотность и объем «тенденций», за которыми надо следить, неконтролируемо возрастают, современный человек просто не успевает прогнозировать все происходящие изменения. Описанная еще Вебером пуританская деловитость постепенно превращается в мелочную суетливость. Человек хочет успеть все и не успевает ничего, оставаясь один на один с чистым желанием.

Желание заменяет производителю реальность товара, желание, наконец, само становится единственной реальностью. Реальностью, которая никогда не будет поколеблена. Вторая польза гламура заключается в том, что его совершенство никогда не разочарует своего адепта. Само желание превращается в предельную и окончательную цель. Все сводится к тому, чтобы желать как можно интенсивнее. Регулирование баланса желаний, безусловно, является проблемой, превосходящей возможности отдельного индивида. Человек желающий не существует сам по себе, он всегда существует вместе со своим желанием, и это желание заставляет его вводить в свою реальность других людей. Если нельзя управлять желанием, то само желание все-таки может управлять, и человеку приходится держать перед ним ответ. Желание действительно именно потому, что требует ответственности перед собой. Обязательство, которое накладывает гламур, называется модой.

Третье искушение гламура связано с производимой им иллюзией избранности. Надевая гламурные вещи, посещая гламурные кофейни, читая гламурные журналы, человек как бы получает пропуск в некие высшие сферы. Механизм «огламуривания» напоминает механику действий тоталитарной секты: вам обещают раскрыть все более и более секретное знание, но при условии внесения пропорционально возрастающей платы за него. Пусть на самом деле никакой скрытой истины не существует, важно само ощущение ее присутствия. Таким образом, гламур тесно связан с симуляцией, которая создает впечатление обманчивой легкости усвоения его весьма обременительных для разума и кошелека требований. Однако в погоне за гламурностью есть и полезная оборотная сторона. Адепты гламура не будут тратить силы на социальный протест, он чужд им. Адепты гламура были и будут самой законопослушной частью общества. Такого общества, которое в состоянии гарантировать им бесперебойное продолжение их бесконечной погони за совершенством.

А.С. КУЛИКОВА

Гламур как феномен моды и стиля жизни

Появившееся несколько лет назад в российском культурном словаре понятие «гламур» уже приобрело большую популярность. Первые фиксации его употребления в русском языке отмечены 1997 г., однако широкое распространение оно приобрело лишь в 2001 г. Этого поня-

тия еще нет в академических словарях, даже компьютерная программа «MS Word» до сих пор подчеркивает красной волнистой линией это слово как не существующее в русском языке, перед нами обычный англицизм. Тем не менее, понятию «гламур» не удивляются читатели популярных журналов о красоте и моде, а исследователи недугов современности уже нашли новую болезнь — «гламуроманию» [1]. В июле 2006 г. поэт Лев Рубинштейн в телевизионной передаче «Школа злословия» охарактеризовал гламур как новую идеологию современного общества, а глянцевые журналы — его печатный рупор, и с его точкой зрения нельзя не согласиться [2].

Гламур — это оценочное понятие (оценка при этом может быть как положительной, так и отрицательной, в зависимости от взглядов говорящего), означающее близость к общепринятым стандартам «роскоши», «шикарного», внешне «блестящего». Этот термин применяется, прежде всего, к моде на одежду и косметику, а в расширительном употреблении — также к стилю жизни, ориентированному на показную роскошь и внешний блеск [3—6]. К «гламурным» обычно относят стандарты одежды и жизни, рекламируемые в «женских» и «мужских» глянцевых журналах (понятия «глянец» и «гламур» часто выступают как взаимозаменяемые) [6].

История гламура

Слово «glamour» происходит от лат. *grammatica*, что в переводе означает — учение, которое несет свет. Из средневековой латыни слово *grammatica* было перенесено во французский язык, где поделилось, как клетка, на два самостоятельных понятия: *grammaire* — все то же обучение и *grimoire* — колдовская книга, собрание заклинаний. Слово *grimoire* не подверглось изменениям, а *grammaire* отправилось из Франции в Англию, чтобы там растерять часть букв, но обрести новый смысл. В XII в. *grammaire* превратилось в английское *gramare*, а затем в *grammar*, сохранив свой первоначальный смысл — обучение, изучение, знание. Так было до тех пор, пока слово не попало к шотландцам, которые то ли имели какие-то проблемы с дикцией, то ли просто скептически относились ко всему английскому, но *grammar* в шотландском языке опять распалось на два слова: *grammar* и *glamour*, где *grammar* сохранило свое значение, а *glamour* стал отвечать за колдовство и наведение чар. Словом *glamour* в Средние века обозначали разные проявления учености, в том числе оккультные практики, которые ассоциировались с грамотностью. В Оксфордском университете до сих пор есть должность профессора of *glamour* (грамматики).

В начале XIX в. Вальтер Скотт, певец рыцарских турниров, вводит шотландское слово *glamou* в значении «колдовство» в английский литературный язык. Между прочим, именно Шотландия подарила миру одну из самых гламурных королев — Марию Стюарт, которая не только была светской красавицей, но и первой в мире женщиной-гольфисткой. С тех пор гольф — один из самых аристократических видов спорта¹.

Современные веяния моды и словоформ несколько переиначили первоначальное значение гламура, вложив в это слово олицетворение очарования, стиля, недоступности и соблазнительности. Словарь Вебстера толкует английское слово «*glamour*» как «ускользающую, загадочно-волнующую и зачастую иллюзорную привлекательность, которая будоражит воображение и разжигает вкус к необычному, неожиданному, красочному или экзотическому». Второе значение слова — «странно-соблазнительная атмосфера романтического волшебства, околдовывающего, непостижимого, неодолимо-магнетического очарования; личное очарование в сочетании с необыкновенной физической и сексуальной привлекательностью».

Первоначально понятие «гламур» относилось скорее к стилю жизни узкого круга аристократии, чем к моде. Но настоящая жизнь этого стиля началась уже в Америке — в 1930-е г. Где еще найдется достойное место для символа волшебства, иллюзорности и вечной привлекательности? В кинематографе и, естественно, в Голливуде. Термин «*glamour of Hollywood*» получил официальный статус, и первая эпоха гламура, каким мы его знаем сейчас, началась.

Голливудский гламур 1930-х гг. — это время расцвета индустрии по производству кинозвезд. Костюмеры «фабрики грез» изобретали фантастические туалеты, подчеркивающие ослепительную, искусственно созданную красоту популярных актрис. Их платья поражали воображение зрителей обилием перьев, блесков и мехов. Во Франции этот стиль получил название «стиль Одеон» в честь знаменитого эстрадного театра.

Гламуром повеяло с экранов еще в 1920-е гг. Кумирами женщин были знаменитые голливудские актрисы немого кино — Глория Свенсон, Мэри Пикфорд, Пола Негри, Клара Боу, Луис Брукс. Ими восхищались, им подражали, их образы оказывали огромное влияние на массовую моду. Великая Мадлен Вионне, которую по праву называют архитектором в моде, в 1920-е гг. изобрела новый метод раскроя ткани

---

¹ См. историю термина в статье «Дискурс гламура» [7].

по косой линии и искусные драпировки. Ее знаменитые шелковые вечерние платья, струящиеся вдоль тела, определили силуэт 1920-х и 1930-х гг. Стиль Вионне считается символом элегантности.

Утрированная женственность продолжала царить на экранах, подиумах и в жизни и в 1940-х гг. Голливудские блондинки в роскошных вечерних платьях из мерцающих тканей являли собой воплощенную мечту миллионов. Роскошным и недостижимым идеалом была Рита Хейворт — в облегающем черном платье с глубоким декольте, в перчатках до локтя с сигаретой. В 1947 г. в Великобритании «гламур» входит в список модных слов.

В 1930—1940 гг. «фабрика звезд» воспевала на киноэкране образ ослепительной женщины. Неважно, была ли актриса также ошеломляюще хороша как Ава Гарднер, являлась ли обладательницей кукольного личика, подобно Джин Харлоу, или, как немного вульгарная простушка Мэй Вест не особо отличалась красотой — зритель видел только одно — стиль, отточенный до совершенства, воплощенный в чарующе женском облике. Рядом с яркой женщиной должен был находиться великолепный, безупречно одетый мужчина. И с этой задачей Голливуд справлялся так же виртуозно.

В золотой век кинематографа главенствовали гламурные образы Марлен Дитрих, Греты Гарбо и роскошной Риты Хейворт: на экране и на страницах журналов актрисы и светские львицы представляли в пышных длинных вечерних платьях с открытой спиной. Излюбленными аксессуарами для вечера были яркие разноцветные платки из шифона, страусовые перья, превращенные в веера, украшения из искусственных цветов, крепившиеся у плеча на корсаже и талии.

Мода, пропущенная через голливудские кинофильмы и соединенная с продуманными до мельчайших деталей, совершенными образами экранных героинь и героев, имела особое воздействие на женщин, находящихся по другую сторону экрана. Они изо всех сил старались походить на сказочно красивых людей из популярных фильмов. Тщательно выполненный макияж, с акцентом на губах, тонкие изогнутые брови, накладные ресницы, волны и локоны, и, конечно же, идеально подобранные аксессуары — маленькие сумочки, гармонирующие с туфельками, перчатки и шляпки, элегантные украшения, меховые боа — все это было необходимо женщине, чтобы, выйдя вечером «в свет», соответствовать гламурному образу любимой кинодивы [8].

В 1950—1960-х образцом зрелой женственности становится Элизабет Тейлор, ее стиль — платья и костюмы с тонкой талией и большим декольте, яркий макияж, подведение глаз подводкой в японском

стиле, пышные ресницы и прическа, — также оказал большое влияние на моду того времени [9].

Второе свое рождение гламур обрел в середине 1970-х гг. благодаря завсегдаэтим элитных диско-клубов. Стандартной одеждой передовых тусовщиц того времени были кричащие наряды, украшенные металлическими элементами и искусственными бриллиантами и огромные драгоценности, которые прибавляли модницам сияния. Дивы жили на широкую ногу, не считали денег и проводили все время на званых обедах и вечеринках. Их легкомысленный и эффектный («гламурный») стиль жизни и дал название этому стилю. И по сей день дам, ведущий яркую, светскую жизнь и соответственно одевающихся, называют «дивами».

Классической демонстрацией моды 1980-х считают популярные телесериалы. Благодаря им в моду вошли узкие юбки, широкие плечи и тонкая талия, а также яркие ткани и высокие каблуки. В этом стиле ярко воплотилось так называемое «американское» отношение к жизни — умение наслаждаться роскошью, не стесняясь богатства.

Оживление в области экономики 1990-х гг. возродило классический гламур 1930-х и вернуло в моду роскошь (в том числе натуральные меха и перья), материалы с блестящими поверхностями (атлас, парчу, ламэ, металлизированные пленки и кожу)². В 2000-х гг. понятие «гламур» приобрело свое современное значение, имеющее отношение не только к роскоши в чистом виде, но также и к культуре потребительства, дорогого и модного стиля жизни [11; 12].

Социальная функция современного гламура

Современный гламурный миф основан на вечном и неизменном. «Вечная молодость», «вековые традиции», «неизменное качество» — базовые легенды модных брендов поражают вирусом вечности и многого консерватизма. Идет ли речь о рекламе высшего образования, привлекательного для среднего класса, креме от морщин или новейших моделях, — все они свидетельствуют об одном: гламурный человек собрался жить вечно.

Гламур черпает свое вдохновение из мира классики, противопоставляя ему неклассичность, экстравагантность, природность/естественность. К этой антитезе отсылают большинство рекламных брендов. Природное тело человека — не в чести, оно выступает источником дурных запахов, выделений, нелепых случайностей, которые можно преодолеть, возвращая живому человеку неотъемлемое

---

² См. интернет-сайт, посвященный истории моды (www.couturiers.ru): [10].

право — быть правильно упакованным, заживо обрести гармонию бес-
смертной маски.

Мода укоренена в наиболее древней из всех культурных практик — в похоронном ритуале. Так же и архитектура — гораздо быстрее одежды «транслирующая» модные тенденции — восходит к первичной форме строения — не жилищу живых, но жилищу упокоившихся — кургану, саркофагу, пирамидам. Гигиена (омывание, устранение видимых недостатков), косметика (упорядочивание), мода (видоизменение, модификация образа тела), обувание в неношеную обувь (для жизни вечной, где нет дорожной пыли) — все перечисленные практики восходят к похоронному ритуалу и имеют в основе метафизические мотивации. Гламурный человек — тот, кто «готов». Точнее — тот, кто всегда наготове, поэтому на нем все лучшее.

Лучшее — ключевая легенда, так как гламурной вещь делает не внешний вид, и не гарантия качества, но «мифологическая» — не основанная ни на каких реальных критериях — убежденность, что *это* — *лучшее*. «Лучшее», соответственно, выражается в стоимости предмета, никак не сопоставимой с его реальной ценностью (неважно, высокой или низкой). Узаконивает и воспроизводит эту символическую систему всякий покупатель — как тот, кто приобретает предмет и легитимирует гламурную ценность, так и тот, кто обходит его стороной, подтверждая социальную границу — «это не для нас». Потребитель всегда выступает в качестве активного социального работника, замечал Ж. Бодрийяр. Праздность и демонстративное потребление — это неустанный символический труд, узаконивающий социальные структуры. При этом, в предпочтении «лучшего» проявляются сразу две черты гламурного сознания: инфантилизм (ребенок, как известно, всегда предпочитает лучшее, «сладенькое»: «Привычка к лучшему — с пеленок») и стремление увековечиться, заколдовать смерть [13].

Инфантильность гламура легко раскрывается сравнением с известной всем историей детства Будды: когда Гаутама Сиддхартха был еще ребенком, его отец, встревоженный пророчеством, распорядился обустроить жизнь принца так, чтобы его окружали одна только красота, молодость и роскошь. И отцовская любовь долгое время оберегала юношу — в его мире не было ни больных, ни старых, ни нищих. Все блага сыпались на него, как из рога изобилия. Мы знаем, чем закончилась эта история, тем не менее, гламур всегда молод, красив и не обременен заботами по аналогии с юным Гаутамой Сиддхартхой [14].

Гламур — побежденная смерть, перманентное сознание того, что «лучше, чем я выгляжу сейчас, я уже выглядеть не могу», это поиск жизни там, где ее и быть не должно — в идеале, весьма далеком от

реальности. Фальшивые и несущественные маяки плоти завернуты в маску красоты для эффективного распространения в современном обществе. Образы гламура претендуют не только на совершенство, их «божественность» предполагает «вечную жизнь». Смерть также отрицается через отрицание времени, периодизации человеческой жизни. Вечная молодость. Старости нет. Следовательно, нет и смерти, есть лишь сюжет для «креатива». Так всякая глубина (ибо отсутствие смерти на горизонте бытия всегда вносит глубину) отрицается: гламурные войны и конфликты, гламурные перевороты и революции, гламурные катастрофы...

Мода как технология модификации состоит в том, чтобы обнажать одни части тела и скрывать другие (выделять/вуалировать), она всегда является препарированием целого — тела. При этом очень важно, что есть некоторые «высшие образцы», которые «просачиваются», как выразился исследователь моды Т. Веблен, и становятся образцами для массовых модификаций. Откуда просачиваются? Для среднего европейца это происходит, как правило, от высших, аристократических классов. Отсюда — навеки заложенная в моде функция социальной мимикрии. Подражание образцам, просачивающимся сверху, позволяет компенсировать тот неизбежный разрыв, который существует между наиболее состоятельным из буржуа и родовым аристократом, позволяя выдавать себя за другого. То, что не устраняется на уровне материальных благ, может быть компенсировано символически. Поэтому гламурная реальность апеллирует ко всем слоям населения и является закономерным исходом развития среднего человека, всегда стремящегося вступить в «высшее общество» и смутно осознающего себя Ахиллом, не способным догнать черепаху. То, что нечто получено из первых рук — «от кутюр» — говорит о желанном просачивании образцов поведения, пользования жизнью и расточительства, совершенно не характерных для аскетичного и здравомыслящего буржуа.

Трактуя современное содержание термина «гламур», русский писатель В. Пелевин пишет в произведении «Empire V»: «Гламур — это маскировка, которая нужна для того, чтобы повысить свой социальный статус в глазах окружающих. Гламур нужен для того, чтобы окружающие думали, что человек имеет доступ к бесконечному источнику денег» [15]. Главная мысль, которую человек пытается донести до других, заключается в том, что он имеет доступ к гораздо более престижному потреблению, чем про него могли подумать. Одновременно с этим он старается объяснить окружающим, что их тип потребления гораздо менее престижен, чем они имели наивность думать. Этому

подчинены все социальные маневры. Больше того, только эти вопросы вызывают у людей стойкие эмоции.

Гламурный модус вивенди подразумевает непроизводственные траты, демонстрирующие динамику властных отношений в обществе. Набившее всем оскомину «могу себе позволить» или «ведь Вы этого достойны» — не что иное, как микрополитические вызовы, образующие социальный баланс, который построен на властном обмене этими «могу», этими актами прагматического присвоения. То есть «в принципе-то не нужно», но «могу позволить», а значит *должна/должен* позволить. В цивилизации гламура свободы крайне мало, если не сказать, что ее нет вовсе. Значения жестко кодифицированы, именно потому, что речь идет все время о ничем не оправданной необходимости, о ничем не объяснимом самопринуждении.

В дискурсе моды и глянцевого издания это особенно очевидно: существует жестко структурированное представление о человеческих типах, соответствующих им цвету глаз, волос, длине брюк, юбок, цвету тканей и т. п. Как ни странно, гламурное сознание легко узнается по догматическому отношению к стилю. мода потребляется теми, кто в нее верит, но при этом ее не производит. Без этой догматичности представление о том, что нечто сейчас является «модным», «определяющим», было бы невозможным. Поэтому гламур всегда вступает в диссонанс с творческим действием, с теми, кто изобретает стиль, — тот, что впоследствии просачивается в мир гламура в виде жестких подчиняющих образцов.

Глянцевые издания регулярно наживаются на внесении относительных свобод в мир установленного вкуса, апеллируя к чисто «метафизическому» аргументу — возникновению определенных тенденций в моде: «теперь Вы вполне можете позволить себе максимальную длину... в сочетании с...» (видимо, до этого, такое сочетание выглядело верхом безвкусицы). В основе — «возможность», т. е. роскошь совершать то, что не является необходимым, что не связано ни с какой пользой и не приносит непосредственного дохода. Собственно, привлекательно, притягательно (*glamour*), по определению, именно то, что бесполезно.

Гламур отдает предпочтение несложному. Можно привести множество обратных примеров, как различные течения в культуре, предполагавшие изысканность и «волшебство» облика, тяготели к усложненным правилам и формам — от дендизма с его чрезвычайно разработанной и закрытой системой значений до эпатажного гламура художественной богемы 1980—1990-х гг., легендарного Лея Бауэри. Принципиальное отличие состоит в том, что эти течения не были ориенти-

рованы на коммерческий широкий спрос. Кроме того, они предполагают изобретение нового, поиск всегда неожиданной формы для выражения содержания. Гламур, о котором мы говорим, задает труднодоступные, но массово воспроизводимые образцы, а совершенство облика здесь нужно ради соответствия модели. В самом устройстве гламура заложена формульность. Его критики обычно отмечают стертость индивидуальности на общем фоне стилистической выверенности.

Сопrotивление гламура усилию, глубине, уникальности заставляет рассматривать его как особый культ поверхностности, предпочтение доведенной до совершенства оболочки (облика человека, фотографии в журнале, интерьера дома и т. п.), той формы, которая часто не предполагает обязательную связь с содержанием.

Было замечено, что публичное потребление (истребление) ценностей, добровольное жертвование временем и капиталом как основы гламурного бытия, существовали как в античные, так и в архаические времена и сами по себе являются основой социального устройства. В самом деле, нескрываемая роскошь — ее потребление и вытеснение новыми роскошными моделями — весьма напоминает обмен дарами между древними племенами («потlach»), преследовавший целью установление властных отношений. Неписанный закон потлacha заключается в том, что каждый ответный дар превосходит предыдущий. Вплоть до того, что одна из сторон обмена способна демонстративно истребить «добро» на глазах другой стороны, которая может ответить лишь еще более масштабным истреблением собственных ценностей. В противном случае, она занимает подчиненное положение, так как не может «позволить себе» того же.

Однако нельзя не заметить, что при всем структурном сходстве гламура с традиционным даром и жертвоприношением мы имеем дело с их симуляцией. Именно мода превращает жертву в симуляцию, так как обращает ее на возделывание индивидуализированного тела, а не на символическое удержание социального целого. Вместо «расширяющейся общности» архаического социума, обращенной с даром вовне, мы видим дар, обращенный на себя и всегда подразумевающий истребление последнего. Хотя и публичное, показательное истребление.

Между тем именно избыточность, бессмысленность (с точки зрения здравого смысла) такого рода непродуманных трат, позволяет гламуру выполнять еще одну важнейшую функцию. мода в ее конкретном воплощении транслирует исторический смысл, незаметный современникам. Изменение силуэта, ткани, формы причесок, перемены во вкусах градостроителей, создающих модное пространство под

модного человека, формирует новый стиль жизни и отражает социально-культурные и политические тенденции точнее любых опросов и научных исследований.

Стоит ли говорить о том, что пространство города и интерьеры являются неотъемлемой частью моды, — наряду с обувью, сумками, моделями телефонов и т. д. Между архитектурой и модой — теснейший союз. Гламурный образ обесценивается в негламурном интерьере. И наоборот: вступая в пространство телестудии, фабрики гламура, мы сталкиваемся с определенными, «ритуальными», требованиями к внешнему виду [16]. Поэтому никогда не нужно рассматривать «моду вообще», но всегда стремиться говорить о конкретных моделях стиля жизни, общепризнанных в этом качестве. Ибо эта общепризнанность и говорит о том, что мы имеем дело не с усовершенствованием кроем или комфортом, но с формой «общественного сознания».

Современные нам модные тенденции не принято рассматривать с точки зрения транслируемого ими «смысла». Считается, что в современной моде не существует ведущего направления, она «демократична», «эkleктична» и предполагает множество вариантов сочетаний. Полагаем, что исходя из всего вышесказанного, можно оценить наивность (или напротив, сознательную хитрость) таких определений. Возможно, не существует единого стиля, но существует единый смысл, объединяющий разные модели.

Можно было бы обозначить его как экспансия частного. В культуре модерна приватно как особая индивидуальная ценность всякого человека было отмечено вниманием к деталям: чистейшим манжетам, воротничкам, носовым платкам, «выглядывающим» из-под верхней одежды, подобно сокровенной части человеческой души, заключенной в строгий футляр. Человек должен быть ограничен в частном, говорил И. Кант, известный модник своего времени, и это — гарантия его публичной свободы. Именно это соотношение частного и публичного «зафиксировано» сегодня в мужском «дресс-коде» бизнесмена.

Мы живем в эпоху, когда приватное вышло из заточения и экстраполировало себя вовне, в пространство публичного. В городской архитектуре эта экспансия проявилась в прозрачных фасадах строений, и главное — в «переносе» на улицу такого центра частного мира («домашнего очага»), как телеэкран. Передвигаясь по городу, мы остаемся дома, так как улица постепенно превращается в домашнее пространство.

Это не преминуло отразиться в сфере обувной моды. Всевозможные варианты «тапочкообразной» обуви, из вежливости именуемой «сабо», включая уличные тапочки и сумочки из искусственного меха,

были крайне популярны еще около года тому назад. Да и остальные модные модели несут на себе следы домашнего, частного мира, переместившегося на улицу и оттого переставшего быть домашним. Это в равной мере относится как к летним моделям, ничем не отличимым от пижам и нижнего, частного, белья, так и к зимним дубленным пальто, вывернутыми наружу своей мех и оттого ставшими модными. Даже молодежная мода, единогласно «выбравшая» на ближайшие годы стиль «милитари», демонстрирует нам не «честь мундира», а изрядно поношенный и ободранный по краям китель офицера в отставке, модный в силу своей домашней поношенности. Последние 5 лет показали, что гламурным может быть не только блестящее вечернее платье (тоже, кстати, восходящее к нижнему белью), но и продранные до дыр стертые джинсы.

Мировоззрение общества потребления

Многие люди высказывали свои мнения относительно феномена гламура, но примечательна точка зрения русского публициста Константина Анатольевича Крылова: «Человек гламурного мышления есть существо, которое считает акты потребления достижениями». Современному «человеку гламура» свойственно одушевлять вещи. С философской точки зрения гламур утверждает идеологию так называемого консюмеризма, крайнего гедонизма, культ сластолюбия и потребления, агрессивный эгоизм, направленный против всех. За три последних десятилетия победного шествия гламура по планете он показал себя не просто как мода (она изменчива), как стиль (он индивидуален), он начал укореняться как некое настроение общества потребления, его мировоззрение. Мировоззрение, нивелирующее основные духовные приоритеты человека, перенося акцент на роскошь и внешний блеск, и поэтому уподобляющееся все больше и больше мирозерцанию сквозь призму удовольствий.

Гламур ассоциируется с яркостью и внешней легкостью жизни, противопоставленной как рутине, так и эпигонству «подлинного» шика и чар. Он предполагает светскость, успешность и демонстративную праздность. Истории гламурных персонажей повествуют не о труде и тяготах зарабатывания денег, а об их увлекательной трате. Это понятие всегда используется как синоним сверхблагополучия.

Ключевое достояние человека эпохи производства — свобода в обществе потребления — оказалось редуцированным к свободе «потреблять». Сегодня, говорит З. Бауман, есть лишь одна разновидность свободы — это свобода потребления, однако и эта свобода выступает в рамках контроля — не над действиями или прибылью, как это было в

индустриальном обществе, а над желаниями и потреблением. Субкультура, сформировавшаяся вокруг культа знаковой причастности к элите потребления и получившая название «гламура» демонстрирует, как работает механизм контроля и управления потреблением, основанный на контроле над свободой предпочтений. Таким образом, брендинг и реклама выполняют важную функцию сброса социального напряжения, а также политическую функцию управления желаниями [17].

Слово «гламур» укоренилось в рекламном контексте: «Это целое настроение, дух последнего десятилетия. Гламур как стиль не поддается определению — это некая аура, под влиянием которой прошли несколько последних лет» (текст, рекламирующий марку часов). Его основная рекламная идея: то, что в культуре надделено ценностью — счастье, красота, молодость, здоровье, успешность, любовь, принадлежность к желанной группе, — может быть достигнуто при помощи покупки соответствующего «свидетеля» или его «заместителя» из мира товаров.

Гламур иерархичен, подразумевает определенный уровень материальной обеспеченности, ведь он требует подлинности товаров ведущих брендов, поощряет труднодоступность, посвящение в науку сочетания лейблов, взгляд «избранных» на «всех остальных». В то же время этот стиль вовлекает в свою орбиту другие социальные группы. Если верхушка этой пирамиды доступна для немногих, то на причастность к ее основанию может претендовать каждый. Всеми своими ресурсами стимулируя приобретение товаров, это популярное, поддерживаемое рекламой и глянцевыми журналами течение соблазняет всех, задавая недостижимый, но манящий идеал для подражания. В этом смысле о гламуре следует говорить как об особом явлении массовой культуры.

Однако «прямо» указать предел гламура способно лишь искусство [18]. Всякий образ — еще вчера альтернативный и неформальный, т. е. «негламурный», легко становится расхожим модным образцом. Большое выставочное шоу, если оно претендует на публичный и медийный успех, сегодня неминуемо работает с эстетикой фешенебельного гламура, по сути, гарантом коммерческого и массового признания. Нюанс в том, что работа с эстетикой гламура, будучи даже критичной или нетерпимой по отношению к нему, непременно перерастает в работу в эстетике гламура, в апеллирование к наиболее модным сейчас эмблемам глобальной потребительской культуры. Вторжения на поле гламура приводят к превращению и традиционалистского, и заведомо новаторского произведения в престижный рыночный объект. Гламур сегодня — продукт глобализационных технологий, направленных на

унификацию и усредненность любых поставляемых на художественный рынок символических ценностей. Экспансия гламура во многие сферы культурного производства зачастую "держит под колпаком" всех участников художественного процесса: и художника, и критика, и зрителя, и куратора, заставляя их подстраиваться к ценностным критериям, диктуемым новыми гламурными тенденциями.

Стратегии гламура нацелены на приравнение взвешенных, серьезных идей к поверхностным и красочным глобалистским высказываниям. Психотические эффекты, вызванные агрессивным натиском гламура, запечатлены в романе Брета Истона Эллиса "Гламорама" или в серии фотографий Люсинды Девлин, где абсолютно стерильные изображения электрических стульев в тюрьмах разных штатов разоблачают "непристойную изнанку" прилизанного и ханжеского глобалистского благоденствия.

Какова же атрибутика гламура, проявляемая в масштабных экспозиционных проектах и нередко служащая залогом карьерного преуспевания в глобальной публичной сфере? Гламур привносит в художественную среду состояние безудержной эйфории и оглуленного оптимизма, точно подмеченное куратором Чарльзом Эше в программной статье из каталога кассельской выставки "Коллективное творчество". Достаточно вспомнить бурлескные видеоролики группы "Синие носы" с кувырканьем вокруг обнаженной женщины или клоунадными мафиозными разборками, дабы понять, насколько показное шутовство и балагурство современного художника органично вплетены в структуры медийного успеха. Эпоха гламура подменяет самодостаточное, вдумчивое суждение ярким эффектным зрелищем. Художественный объект приравнивается к увеселительному аттракциону, предназначенному доставлять зрителю исключительно приятные минуты.

Идеология гламура, по сути, идеология преуспевающего среднего класса³, озабоченного комфортным жизненным дизайном и не желающего кардинальных социальных перемен [20]. Оттого эта идеология, насаждая нормы беззаботных развлечений, игры в стиль жизни успешного человека и уютной релаксации, отличается неистовой воинственностью. О реакционности глобалистской идеологии говорит Славой Жижек в статье "Непристойность прав человека: насилие как симптом": по мнению словенского философа, она выказывает агрессивную пассивность, настаивая на сохранении сложившегося порядка вещей и на этической успокоенности. Риторика гламура, являясь возгонкой такой агрессивной пассивности, превозносит отказ от социаль-

---

³ См., напр., обсуждение этой темы: [19].

ных преодолений, эстетических прорывов и этического вопрошания. Потому-то гламурное современное искусство ориентировано на отстаивание институциональной и рыночной стабильности, на создание инертных и продажных (во всех смыслах) социокультурных моделей [21].

Гламур не имеет собственной силы, его можно использовать, не признавая власти за «иконическими» модными образцами. Как и всякая несамостоятельная система, он приобретает силу только когда начинает восприниматься всерьез. Однако это принятие подобно обращению в особую веру, с вытекающим отсюда догматизмом, своеобразным морализаторством и вытеснением религиозного чувства.

Символично, но во Франции в старину «гламуром» называли специальную вуалетку, скрывающую прыщи и недостатки кожи лица. Сейчас вуалетку заменил «Photoshop»: прыщи, морщинки, поры на портрете стерты и отретушированы. В цифровой фотографии «гламуром» принято называть радикальное улучшение внешнего вида лиц женского пола средствами компьютерной графики. Некоторые фотографы относятся к этому явлению негативно и называют гламурный стиль «лакированными розовыми слюнями». Идеально чистое лицо, лишенное изъянов — так и получается гляцевая обложка, «икона», на которую все так отчаянно хотят быть похожими, но это невозможно даже для модели, которая для этой обложки позировала. Величайшая иллюзия — гламур! Такое ощущение, что в последнее время человечество задалось глобальной целью все эти прыщи и неровности убрать, и не только с «фотошопных» лиц моделей — отовсюду: из политики, истории, культуры. И работает эта система гламуризации четко, без сбоев, как цунами накрывая все сферы нашей жизни, вбирая в себя все, заворачивая в красивые обертки и развешивая ярлыки, штампы и лейблы-бирки.

Лев Рубинштейн, называя гламур новой идеологией современного общества, аргументировал это тем фактом, что он удобен как официальный культурный язык, позволяет конструировать облегченный образ мира, где нет проблем, где не требуется усилий, дает возможность создавать сглаженную репрезентацию жизни, где «все будет хорошо», где царит вечный праздник, глянец при этом выступает способом описания реальности [22].

В 1998 г. в русском журнале «Vogue» Татьяна Толстая написала очень интересную статью «Я планов наших люблю гламурье» с критикой чистого гламура. Пожалуй, это первая серьезная попытка препарировать надвигающийся новый мир со всеми его пенами для ванн и позитивным восприятием мира. «Гламур — высшее, разреженное, лу-

чистое, эфирное, запредельное состояние бытия. В гламуре гражданки — а тем более гражданка — уж не сеет, не жнет, не собирает в житницы. Все в ней гармония, все диво. В гламуре нет ни прыщей, ни вросших ногтей, ни кишечных колик, ни заусениц, ни храпа: все это преодолено на более ранней стадии развития, на полпути превращения из свиньи в серафима, в малом глянце, в журналах «для секретарш». В гламуре нет заплаканных глаз, хлюпающего носа, уныния, отчаяния, наплеательства, ответственности, тревоги за родственников. Наконец, нет смерти, в лучшем случае — «неумирающая легенда». Гламурное существо — молодое, худое, извилистое, как правило, женского пола. Рожденное без родителей, оно мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей», изредка имеет изящное гламурное дитя возрастом не более трех лет, которое неизвестно кто воспитывает. Оно не нуждается в деньгах, не берет и не дает в долг; источник его богатства неясен, но, очевидно, неистощим».

Литература

1. *Сергеев Г.* Гламур — культурная чума третьего тысячелетия // <http://www.bratstvo.info/index.php?go=News&in=view&id=7997>.
2. *Пчелкина К.* Гламур — новая идеология или старые раны? // <http://www.drugaya.ru/content/doc592.html>.
3. *Кононенко Ю.* Гламур: точка притяжения и отталкивания / Донецкий край // <http://www.zhmi.dn.ua/index.php?new=978>.
4. *Подольский Г.* Стихи о гламуре // <http://www.clubocheck.ru/vers.php?id=9922>.
5. *Лесин Е.* Баллада о гламурных девочках и московских рюмочных, Баллада о гламуре: новая религия наших дней (статья в интернет-журнале «Дворник»), www.dvornik.ru/issue/articles/10605.php?PHPSESSID=1238ee887d8b822cb21f54840f/.
6. Википедия — свободная интернет-энциклопедия, <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гламур>.
7. Большой город. 2006. № 22 (171) // <http://www.bg.ru/article/6273/>.
8. *Ласкина Е.* Стиль гламур (женский журнал «Casual») // www.casual-info.ru/moda/wardrobe/detail.php?ID=1418.
9. Материалы Херсонского форума (обсуждение темы «Гламур») // <http://forums.ks.ua/lofiversion/index.php/t84.html>.
10. <http://modern-fashion.couturiers.ru/49/503.htm>
11. *Святенков П.* Виват, гламур! («Взгляд, деловая газета») // www.polit.nnov.ru/2007/07/11/symbolglamour.
12. *Зверева В.* Позывные гламура // <http://www.kinoart.ru/magazine/11-2006/now/vera1106/>.
13. *Бражникова Я.* Закат гламура (статья от 18 декабря 2006 г) // <http://www.pravaya.ru/look/10208>.

14. Астальская А. Страусы гламура // <http://www.from-ua.com/kio/3045b9b7eccdb.html>.
15. Пелевин В. Empire V. М., 2006.
16. Михайлов М. Как стать богом. Куда деться от гламура. Спасет ли гламур мир // Все ясно. 2006. № 11.
17. Гридин С. Идеология гламура: идеология и тайны («Газета 2000», Украина) // <http://www.inosmi.ru/translation/240522.html>.
18. Шульц М. Арт-критика: три стороны гламура // azbuka.gif.ru/critics/3storony/.
19. Пенская Е. Все слопаёт гламур // Русский журнал. 2006. 9 авг. // http://www.russ.ru/stat_i/vse_slopaet_glamur;
20. Гламур по-русски. Рейтинг жизненных ценностей «демонстративных потребителей» (агентство экономической информации «Прайм-Тасс») // <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=1707&ct=articles>.
21. Голышко-Вольфсон Д. Агрессивно-пассивный гламур // Moscow Art Magazine. 2005. Дек. // <http://xz.gif.ru/numbers/60/glamur>.
22. Зверева В. Позывные гламура // <http://www.kinoart.ru/magazine/11-2006/now/vera1106/>.

З.А. КАЛМЫКОВА

Утешение гламуrom

Гламур... Как часто слышим мы это слово! Оно стало чуть ли не одним из самых часто употребляемых в современном мире. Шпильки, стразы, вспышки фотокамер, красные ковровые дорожки, запах дорогих парфюмов — все это, перемешиваясь, превращается в розовый туман, окутывающий умы миллионов людей. Люди как будто сошли с ума в погоне за гламуrom. В чем же здесь секрет?

Для ответа на этот вопрос попытаемся сначала разобраться в том, что же такое гламур. И начать, я думаю, следует с этимологии самого слова «гламур». Гламур — это оценочное понятие (оценка при этом может быть как положительной, так и отрицательной в зависимости от взглядов говорящего), означающее близость к общепринятым стандартам «роскоши», «шика», внешнего «блеска». Также известно, что английское слово *glamour* происходит, в свою очередь, от слова *grammer* (грамматика) и развитие значений такое: грамматика → сложная книга → книга заклинаний → колдовство, заклинания → чары, очарование.

Итак, исходя из этого, мы можем сделать вывод, что гламур — это попытка соответствовать неким общепризнанным стандартам красоты. Но если присмотреться повнимательнее, становится понятно, что гла-

мур — это далеко не только внешний вид. Это некий образ жизни, религия современного общества или, если хотите, новая идеология. Что же она в себя включает?

За ответом на этот вопрос далеко ходить не надо. Достаточно просто открыть любой глянцевого журнала. Все статьи в сотнях таких изданий можно разделить всего на несколько тем: в первую очередь, это, конечно, внешний вид — одежда, косметика, аксессуары; затем — непременно секс и все, что с ним связано; и, наконец, немного гламурной психологии, или как максимально упростить свою жизнь.

Исходя из этого, можно выстроить модель данной идеологии. Итак, первое, что бросается в глаза — попытка сделать максимальный акцент на всем внешнем, всячески избегая всего внутреннего. Недаром в некоторых изданиях гламур называют религией удовольствия. Гламур — это культ вечно-богатых, вечно-здоровых, вечно-успешных, ни о чем не задумывающихся людей. Их главная забота — то, как они выглядят в глазах других людей и насколько они соответствуют общепринятым шаблонам красоты. Разумеется, гламур — это не только внешний вид, это определенный образ жизни, где главное — не ты сам, а картинка тебя, не твоя жизнь, а видимость твоей жизни в глазах окружающих. Люди гламура стремятся создать вокруг себя иллюзию красивой, успешной жизни, зачастую совершенно не соответствующую реальному положению вещей.

Немаловажную роль в создании такой иллюзии играют аксессуары, причем в мире гламура аксессуарами считаются не только детали внешнего вида, но и вся твоя жизнь, прилегающая к тебе как рамка к красивой картинке. Аксессуаром у таких людей является и образование — очень важно, насколько твоя специальность или твой вуз соответствуют моде и престижу. Для таких людей совершенно не важно, чему их учат в таких вузах. Важно всем сказать, что ты учишься, скажем, на экономиста в там-то, а когда придет время — показать тот самый диплом того же экономиста.

Важными аксессуарами является, непременно, и то, сколько у тебя машин и какой они марки, в каком районе у тебя находится квартира и дача. Квартира может быть бедной и обставленной на последние копейки — это не важно. Главное, что она находится в престижном районе Москвы. Человеку, имеющему несколько дорогих машин, возможно, не на что кормить семью, но и это не важно. Главное — это иллюзия достатка, иллюзия успеха. Никто же не будет «копать в глубь» и думать о том, на что ты кормишь своих детей. Все будут верить только тому, что видят.

Таким образом, гламур — это своего рода форменный мундир, без которого сейчас уже нельзя обходиться. Причем в этом мундире важным является каждый штрих, каждая деталь, ведь от каждой мелочи зависит целостное восприятие этого мундира.

Как уже говорилось, гламур — это не только внешний вид, это целый мир с его правилами и законами, маленькая иллюзорная реальность. И, как и в любой другой реальности, здесь не обходится без взаимодействия между людьми. Как же оно происходит?

Итак, второй раздел, без которого не обходится ни одно глянцевого издание, — это секс. Секс здесь, в моем понимании, — это вывернутая изнутри наружу форма любви. И здесь мы снова видим одну из главных черт гламура — выворачивания внутреннего с попыткой сделать из него нечто гипертрофированно внешнее, да еще и с ярким акцентом на внешнее. Так же и здесь — главным являются вовсе не чувства, а, скажем, количество сексуальных партнеров, их популярность среди друзей и подруг, их материальный достаток. А любовь? Мы же так часто слышим о ней из телевизоров и радиоприемников? О ней же кричат все журналы! То, что имеет место быть в мире гламура, едва ли можно назвать любовью. Это такая же иллюзия, такой же аксессуар, такое же дополнение к мундиру, как и все остальное. Такие люди, задыхаясь, кричат о своих чувствах, не слыша предмета своей любви. Они его не понимают и, что самое страшное, даже не пытаются понять. Просто выбирается человек, более или менее соответствующий общественным идеалам, и дальше все начинает строиться по давно принятый обществом модели. Теперь вовсе не обязательно думать, как завоевать партнера, как должны строиться ваши отношения. Масс-медиа расскажет все: как модно ухаживать, какие нужно дарить подарки, сколько свиданий должно пройти перед первым сексом. Даже нежные слова — и те уже придуманы за вас в многочисленных красочных изданиях типа «Лучшие смс о любви» или «25 способов признаться в любви». И это неудивительно, ведь главная заповедь гламура — заповедь легкой и спокойной жизни, жизни, в которой не нужно задумываться ни о чем.

Отсюда мы переходим к третьей части «гламурной идеологии» — к гламурной психологии. Сейчас, кстати, стало модным увлекаться психологией. Изучая многочисленные статьи, посвященные психологии, можно найти ответы на многие вопросы относительно идеологии гламура. Так, например, можно с легкостью сделать вывод о том, каким должен быть человек гламура. Такие статьи учат нас быть уверенными в себе, всегда знать себе цену (читаем — всегда знать, сколько ты стоишь), всегда чувствовать себя самым красивым, самым успеш-

ным. В них можно найти ответы на все вопросы относительно того, как жить, чтобы затрачивать наименьшее количество усилий

Попробуем же разобраться, почему современных людей так притягивает гламур, почему все с таким энтузиазмом окунаются в этот розовый омут. Рассматривая идеологию гламура, мы увидели, что гламур — это такая сладкая сказка, мир, в котором все всегда хорошо, где не надо затрачивать усилий — все и так дается легко, главное — не упустить последних тенденций. Здесь не надо думать. За тебя все давно придумано. Здесь не надо чувствовать — все твои чувства давно расписаны на тысячах разноцветных блестящих страниц. Твоя главная задача — слушаться и поддаваться последним веяниям розового ветерка. Красивая жизнь, красивая сказка — пусть даже не настоящая — все это так помогает не видеть настоящих проблем! Ведь больше всего на свете человек боится самого себя. Он боится оставаться с самим собой наедине. Он приходит в этот мир совершенно одиноким. Он словно попадает в пустоту, в чистое поле, в котором нет ни одной тропинки. Ему страшно жить в хаосе, без каких бы то ни было рамок. Ему больно быть самим собой до конца, больно видеть мир таким, какой он есть. И тогда он начинает сам придумывать себе мир с его правилами и законами. Ведь куда проще жить, когда заранее известно, куда надо идти и что надо делать. Помимо иллюзии реальности, у него возникает иллюзия самого себя. Он как бы придумывает себе роль и с удовольствием играет ее. Такая игра — иллюзия, она не является обманом, потому что обман тут же рассеивается, как только мы узнаем, предмет на самом деле. Такая игра — это скорее некий вид самообмана, цель которого — придумать себе другую реальность и как бы прожить другую жизнь. С древнейших времен люди придумывали себе некую реальность и строго соблюдали ее законы. Еще Зигмунд Фрейд в своей статье «Будущее одной иллюзии» писал, что религия — это некий способ утешения человека, испытывающего страх перед миром и перед силами природы. А ведь чем гламур отличается от религии? По сути, ничем. Люди так же верят во что-то, поклоняются чему-то и соблюдают правила, заданные этой религией удовольствия.

Таким образом, мы видим, что гламур — своего рода розовые очки, попытка побега от реальности и от самого себя. Это утешение для людей, боящихся столкнуться с реальностью лицом к лицу. Гламур можно смело поставить в один ряд с религией, искусством или какой-либо идеологией, потому что все это нужно как утешение для человека, желающего раскрасить свой черно-белый мир другими, яркими цветами (в нашем случае, главным цветом будет розовый).

Ю.В. ЯКУТИН

Гламур как высшая стадия общества потребления

Слово «гламур» в последнее время стало широко распространенным, и не только в молодежной тусовке. Постоянно звучит оно с экранов телевизоров, в радиопередачах, привычно — на страницах прессы, в том числе и деловой, солидной. Так часто называют модные журналы, модельные агентства, интернет-магазины, сигареты, регулярные радиопрограммы, кинокартины... Гламур — теперь довольно привычное оценочное понятие, характеризующее не только что-то шикарное, внешне блестящее, т. е. шик в одежде, косметике, украшениях, домашней обстановке, развлечениях, но и вообще поведение, мышление того или иного человека, какой-то социальной группы, например, представителей шоу-бизнеса или так называемого бомонда, предпочитающих соответствующий стиль жизни. «Гламурно», «глянец», — говорят обычно, выражая высшую степень оценки вещей и человека. Но так же говорят и в том случае, когда хотят подчеркнуть, что за их внешним блеском нет ничего существенного, а скрываются лишь бездушное следование крайностям моды, духовная пустота, идейная скудость, серость, равнодушие.

Беда не в том, что в нашем обществе есть люди, жаждущие всегда быть в центре внимания, стать объектом подражания, т. е. жить гламурно. Такие были и будут всегда. Но гламур ныне, как никогда, навязчив, агрессивен, стремится утвердить себя даже в качестве общепринятых и обязательных стандартов. А поскольку такой образ жизни затратен, требует весьма значительных средств, то его внешняя сторона неизбежно вырождается в показушность, развивает способы дешевой маскировки, подделки под богатое содержание. И эта показушность, привычка выглядеть лучше, чем обстоят дела в действительности, утверждают себя, можно сказать, во всех сферах общественной и хозяйственной жизни. Вполне обоснованно поэтому процессы ее гламуризации привлекают внимание социологов и экономистов.

Масс-медиа принадлежит, конечно, основная заслуга в насаждении гламура, который буквально навяз в зубах, от него уже слепнут глаза, гложут уши. Создаются и навязываются ложные идеалы поведения, призывается модно одеваться, сверкать, мелькать в тусовке, быть своим в команде раскрученных ее кумиров.

Вызывает озабоченность то обстоятельство, что гламурные тенденции не только захватывают молодежь, но и проникают в другие слои общества. Тревожит то, что приукрашивание действительности, лаки-

ровка, приписки, т. е. показушность во всех ее видах, становятся нормой поведения в самых разных сферах общественной и хозяйственной жизни. Поддавшись коварному влиянию гламура, люди видят главное в том, чтобы все представить «в ажуре», отличным и благополучным. Нужен хороший отчет, хорошие показатели? Пожалуйста, это элементарно.

Гламурными выглядят и многие экономические показатели. Известные экономисты, например, считают, что действительная инфляция превышает официальный уровень более чем в два раза, а внушительный вроде бы в последние годы рост ВВП маскирует сохраняющуюся сырьевую направленность экономики. Гламурные официальные показатели неправильно рисуют состояние здоровья, образования, занятости населения. Затуманиваются жгучие, нерешенные проблемы в этих областях жизни. Да, сделано и достигнуто немало. Но в то же время нельзя забывать, что продолжается застой в перерабатывающей промышленности, во всех отраслях экономики опасно изношены основные фонды, сельское хозяйство не обеспечивает продовольственную безопасность страны, распространяются наркомания, заболеваемость туберкулезом, ВИЧ-инфекцией. Нужен ли во всем этом гламурный глянец? Трудные проблемы не решаются, топятся в успокоительном, благодушном словопотоке, загораживаются частностями, маскируются.

И здесь, на мой взгляд, перед обществом возникает весьма актуальная проблема оздоровления социального восприятия жизни, нашего общественного менталитета. Справедливо упрекали командно-административную систему в том, что она воспитывала в людях социальное иждивенчество, оправдывала уравниловку, приучала мириться с общим низким уровнем жизни. И сейчас, не изгнав уродливые родимые пятна старой командно-административной системы, приобрели новые, порожденные рыночным хозяйством с его засильем рекламы, гламурным желанием всячески приукрасить себя и продаваемый товар, чтобы скорее сбыть его с рук.

Дело не в том, чтобы осуждать стремление к хорошей жизни или следование моде. Все это нужно. Но нельзя забывать и о духовном, культурном развитии общества. Доступность образования, нравственное воспитание, создание возможностей для овладения всем богатством культуры и реализации творческих способностей человека должны стать приоритетными задачами в программах социально-экономического развития страны. Коррупционные сделки, приписки, блестящая отчетность при низком уровне экономических показателей — это во многом следствие запущенности духовной жизни общества.

О необходимости сбалансированного развития производства благ материальных и внутренних (услуг образования, здравоохранения, нравственного, духовного воспитания) в своей теории цивилизации писал еще первый российский академик-политэконом А.К. Шторх (1766—1835), в вышедшем в 1815 г. «Курсе политической экономии, или Изложении начал, обуславливающих народное благоденствие». Эта работа, в 2008 г. впервые полностью изданная на русском языке Издательским домом «Экономическая газета», убедительно свидетельствует о приоритетах российской школы социально-экономической мысли в разработке духовных, нравственных вопросов экономического развития общества. Идеи Шторха не потеряли своей актуальности для теоретического обогащения и углубления современных теорий человеческого и социального капитала, как и новейших учений об экономике знаний и экономике счастья, привлекающих все более пристальное внимание исследователей. Положения Шторха, других представителей российской школы социально-экономической мысли необходимо более активно использовать для умножения усилий, направленных на преодоление негативных тенденций гламуризации нашей жизни.

Гламур, будучи социальным явлением, не однозначно влияет на экономическую жизнь. И влияние это с разными знаками — и с плюсом, и минусом. При выработке методологических подходов к исследованию темы гламура, как представляется, могут быть полезны следующие три тезиса.

Первый. Сейчас часто говорят, гламур — это порождение нынешней определенной ступени цивилизационного развития, связывают его только с социальными аспектами рыночной жизни. Но можно ли согласиться с этим? Думаю, нет. Давайте присмотримся к животному миру, поведению птиц, рыб, млекопитающих. Птички, красуясь перед подругами, надувают зоб, распускают хвост, воркуют... Разве в этом не проявляются элементы гламура, внешнего шика, стремления приукрасить себя, предстать перед другими в лучшем виде, казаться более значительным, более красивым.

Гламур коренится, можно сказать, в самой природе. Это один из элементов механизма продолжения рода. А человек ведь тоже является частью живой природы. И ему, следовательно, отнюдь не чужды явления гламура. Не удивительно, что молодые люди так падки на гламур. Помимо полученных от рождения внешних данных, приобретенных знаний, социального положения, материальной обеспеченности им также надо приукрашиваться, чтобы хорошо выглядеть в глазах представителей другого пола, произвести на них благоприятное впечатле-

ние. Не даром говорят, что людей по одежке встречают. Поэтому-то гламур, не изобретение нашего времени, в той или иной степени всегда присутствовал в общественной жизни раньше.

Природный аспект гламура находит свое выражение на всех ступенях развития человеческого общества, неизбежно сказывается в социально-экономической жизни, хотя имеет, разумеется, разные формы своего проявления, окрашивается особым цветом на той или иной ступени цивилизационного развития, приобретает специфические черты, особые характеристики.

Второй тезис. Взгляд на историю человеческого общества все еще довольно значительно определяется представлениями о ней как либо о череде последовательных общественно-экономических формаций — первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной... — либо о череде сменяющих друг друга цивилизаций. Но можно применить и другую градацию истории человечества, выделив периоды выживания, общества потребления и совершенствования человека. Так, первую ее часть с полным правом можно назвать именно периодом выживания, когда все силы и устремления людей были направлены лишь на то, чтобы сохранить жизнь, найти пропитание, обезопасить себя от природных напастей, свирепых зверей, враждебных соседних племен. Разумеется, и тогда люди украшали себя перьями, цветами, разрисовывали свое тело глиной, естественными красками, однако главным было выживание как таковое.

Но постепенно человечество перестало ограничиваться удовлетворением неотложных, жизненно необходимых потребностей, потребление становилось более разнообразным, общество переходило на более высокие ступени развития и превратилось, наконец, в общество потребления, в котором само по себе потребление становится самоцелью. Еда, скажем, нужна теперь не только для насыщения и получения удовольствия, но и для демонстрации престижа, общественной значимости, статуса человека. Одежда также приобрела важные социальные функции. Общество потребления стало сознательно культивировать гламурные проявления. Оседлало, образно говоря, природную сущность гламура, «вмонтировало» его в свою систему общественных связей и отношений и заставило воспроизводиться вне всякой зависимости с потребностями выживания и продолжения рода.

Период гламуризации является высшей стадией развития общества потребления, несущей в себе диалектические черты своего отрицания. Здесь можно провести аналогию с империализмом, высшей стадией капитализма, которая характеризуется тем, что в ней нарастают черты его загнивания и отмирания. Гламуризация общественной жизни, эко-

номики ведет к расхищению природных ресурсов, разрывает естественную связь производства и потребления, искажает нравственный облик человека, цели и возможности самого его существования. Так, человек меняет легковой автомобиль старой марки на новейшую модель, делая это лишь для того, чтобы иметь машину самого модного цвета, самых модных очертаний. Меняя, следуя моде, предметы быта, беспрестанно обновляя домашнюю обстановку, гардероб, подстраивая стиль жизни под запросы и привычки тусовочной элиты, человек привыкает видеть смысл жизни лишь в ее блестящем внешнем проявлении.

Общество потребления тем самым начинает работать против человека, не давая реализоваться его природной сути как творца, созидателя, исследователя. Гламуризация не только наносит значительный урон нравственности, ведет к расхищению природных ресурсов, но и обременяет производство изготовлением, по сути, необязательной продукции. Меняются кардинально критерии оценки человека, его мастерства, заслуг в обществе. Можно сказать, что иконами общества потребления на стадии его гламуризации становятся все те, кто производит гламурные вещи, оказывает гламурные услуги и сам является воплощением гламурного стиля, особенно парикмахеры, стилисты, дизайнеры, владельцы огромных собраний шляп, платьев, часто ни разу не надеванной обуви. Такими собраниями кичатся перед друзьями и знакомыми, выставляют на всеобщее обозрение на специальных выставках, маскируемых иногда под «распродажу» этого гламурного бахла.

Никто, разумеется, не протестует против того, чтобы в человеке действительно было все прекрасно — и одежда, и тело, и душа. Но эта гармония человеческого бытия рушится, когда ценится лишь «прекрасность», показушность внешнего вида. Гламур превращается в торжествующее зло, крайне опасное своим разрушительным влиянием на человека, экономику, природу, общественные отношения и устремления. Внешний блеск навязывается молодежи, подменяет и подавляет здоровые занятия, цели, представления.

В экономических категориях, как известно, не присутствуют лишь либо исключительно положительные, либо исключительно отрицательные свойства. Во всем можно найти и плохое и хорошее, ведь единство и борьба противоположностей — это общий закон диалектики.

Есть ли все же что-то позитивное в проявлениях гламура? Надо признать, что есть. Гламур вольно или невольно заставляет молодежь следить за своей внешностью, одеждой, посещать фитнес-клубы, быть

привлекательным, подтянутым, спортивным. И это, конечно, хорошо. Но хороший внешний вид и внутреннее содержание человека должны соответствовать друг другу. Не плохо, если люди хотят жить красиво, комфортно, спокойно, а гламур подталкивает к этому. Однако важно создавать всем равные возможности в реализации своих желаний. Гламур вызывает протест именно на фоне массовой бездуховности и бедности значительной части населения. Поэтому так важны программы, направленные на расширение доступности качественного образования, здравоохранения, услуг культурных учреждений, туризма и спорта.

К положительным аспектам гламура на данном этапе развития можно, без сомнения, отнести и то, что достигнутые им крайне уродливые формы заставили наконец-то обратить на них внимание общественности и серьезно задуматься над тем, как же оздоровить духовную атмосферу, какие нравственные ориентиры способны привести страну в счастливое будущее и в чем, собственно, состоит желаемое счастье. Общество начинает осознавать, что путь, который навязывают нам адепты гламура, является не только тупиковым путем, но и путем, ведущим к краху. Гламур подрывает основы существования, общества, провоцируя растущее растранивание природных ресурсов, духовную опустошенность, разрушает семейные устои. Гламур тем самым отрицает сам себя, не способствует продолжению рода, дети-то от него не рождаются... Так что вопрос: а что же последует после гламура? — весьма актуален. Потребление ради потребления несет обществу угрозу гибели. Что же дальше?

Тезис третий. На дальнейшей ступени цивилизационного развития, по моему убеждению, главной ценностью должно стать совершенство творческих, душевных, нравственных качеств человека. Его устремления будут направлены на то, чтобы и в общественных отношениях, и в отношениях общества с природой царила гармония, чтобы все имели возможность жить в довольстве, счастье и безопасности, проявлять свои творческие способности, что позволит человеку пребывать и в гармонии с самим собой. Необходимость перемен становится все ощутимее.

Но давайте представим, чисто гипотетически, что все станут жить подобно праведникам, как тогда выявить критерии большей или меньшей праведности? Могут ли быть святые без грешников? Что будет с моралью, предполагающей сравнение плохого и хорошего, приемлемого и осуждаемого? Пока в этом сравнении весьма полезен тот же гламур, но он, как видим, конечен. А что дальше?

Завершая свой анализ проявлений гламуризации жизни, отмечу еще одно положительное качество гламура. заключается оно в его способности побуждать исследователей и всех тех, кто задумывается над будущим человечества, включать в круг своих размышлений ведущие в будущее и ждущие нас духовные и нравственные тропы, способы преодоления возможных ошибок и разочарований на пути к гармонии совершенства; вопросы, что в дальнейшем нас ждет в духовной жизни, где искать главные ценности бытия, как их достигать. То очевидное обстоятельство, что общество уже стало с улыбкой, насмешкой, пренебрежением и осуждением относиться к проявлениям гламура, неопровержимо свидетельствует о появлении защитных механизмов от его назойливого влияния, о том, что духовное выздоровление неизбежно.

Гламур как некая форма болезни потребительского общества, конечно, будет преодолен. Это явление исторически преходящее, переступит человечество и через эту ступеньку. Весь вопрос когда. Пока же на новую гламурную автомашину найдется еще более гламурная, новый модный крутой «прикид» вытеснит еще более крутой... Эта погоня за гламурностью неизбежно все же окончится. И хотелось бы, чтобы это произошло поскорей. России надо двигаться вперед к экономике знаний и счастья, а не топтаться вокруг «высшей» гламурной атрибутики потребительского общества.

VII

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ю.М. ОСИПОВ

Элита социальная

Элита социальная — особый (верхний, высший, ведущий, правящий) слой общества, исполняющий общественного значения, как правило, властные, функции организации, управления, информации, изучения, исследования, поиска, творчества, как и обновления человеческого бытия, обладающий возможностью принимать наиболее важные, часто неординарные и судьбоносные, решения, касающиеся как общего, так и частных жизнеотправлений, ответственный за бытие опекаемого им, как и ему нередко подотчетного (подвластного), человеческого общества.

Слово *элита* (Э.) в данном случае означает не более чем особое положение и особого рода функциональную роль социального слоя, а не какую-то особую его качественную характеристику в сравнении с остальным социумом, разумеется, в лучшую для Э. сторону. Высокий качественный уровень здесь желателен, и он в общем-то нередко подтверждается в реальности, но определяющим в случае с *элитой социальной* (Э. с.) он как раз не является. Э. с. — не особая порода или раса, людей, хотя некая качественная специфика принадлежащих к Э. особей и может иметь место, а часть общества, или же совокупность индивидов, наделенная способностью и возможностью, а иной раз и попросту владеющая такой возможностью — как *собственностью*, выполнять определенную социальную функцию. Само по себе слово «элита» не несет здесь никакой оценочной нагрузки, а употребляется лишь в некотором смысло-функциональном аспекте.

Э. с. — вовсе не обязательно хорошая, положительная, действенная, эффективная, примерная и т. д., она может быть и слишком часто бывает прямо наоборотной, реализуя себя даже не столько Э., сколько *антиэлитой* — вплоть до исполнения ею темной, разрушительной, inferнальной функции. Качество Э. с. — качество социума, как, разумеется, и наоборот. Иногда более социум определяет Э., а иногда наоборот — Э. более определяет социум, но в целом состояние и движение социума зависят от Э. с., ее состояния и движения, во всяком случае, если Э. с. сформирована, ясно выражена и практически действенна. Социум, конечно, характеризует Э., но самым характеристич-

ным параметром социума является все-таки свойственная ему ответственность и вина Э. всегда выше, чем социума в целом.

История социума — его история, но в истории социума всего важнее и выше всегда роль Э. с. Отсюда история социума не столько история самого по себе социума, сколько история его Э. с. Тут можно пойти и дальше: история творится прежде всего Э. с., а не социумом в целом или же отдельными индивидами, хотя в какие-то моменты на передний план и выступают великие — положительные или отрицательные — личности, как, собственно, и народные массы. За личностями тут, как правило, великие проекты с соответствующими созидательными или разрушительными усилиями, а за массами — стихийные выплески энергии в виде восстаний, неповиновений и разгромов.

Э. с. — это всё! И социум, и его жизнеотправление, и его *история*, и его судьба. Это и *общество*, и *государство*, и страна, и *культура*, и *цивилизация*. Это все *хозяйство* (Х.), его способ, его реализация, его консервация или развитие. Однако это и война, и мир и благоденствие, и прозябание. Это *жизнь*, но это и смерть тоже — всего и вся!

Социум — организм, и как в любом организме в нем есть управляющее устройство — голова, мозг, интеллект, т. е. то, что как раз и соответствует в социуме Э. с., а потому функцию и значение Э. с. не переоценить: какова Э. с., таково и все в социуме.

Реализация Э. с. — реализация хозяйственная, и лишь отчасти экономическая. Э. — основной в обществе и для общества *хозяйствующий субъект*, конечно же, трансцендентного свойства, ибо Э. лишь частично институционально организована — явно или неявно, но в целом это самоорганизующаяся масса особей, включенная в общество, в нем наличествующая. Отличительная особенность таких элитарных особей — умение вести Х.: от производства потребительных благ и медицинских услуг до производства политики и искусства. Элитарные особи — ведущие хозяйственные акторы (агенты), — и не имеет значения, в какой конкретно области они себя проявляют.

Какова доля Э. с. в обществе? Считать можно по-разному, поднимая или отпуская планку: от 1 до 3% при высокой требовательности и от 7 до 10% при заниженной. И внутри самой Э. с., которая, конечно же, совершенно условна как общественный слой и уж, тем более, как социальная группа (это не армия, которую можно определить заранее и точно представлять ее размер и состав) есть стратификация, разумеется, отчетливо не выраженная. Э. с. всегда есть, но вот сколько ее и какова она в целом? — вопросы почти что риторические.

Еще более сложно оценивать качество Э. с., о котором могут быть лишь примерные и относительные суждения, к тому же исторически

обусловленные и пространственно локализованные. За качество Э. с. говорит прежде всего качество жизнеотправления всего общества, а какое жизнеотправление считать удовлетворительным, а какое нет, это уж как кому кажется. При всеобщем процветании или же, наоборот, при столь же всеобщем прозябании можно, наверное, составить какое-то определенное мнение о качестве Э. с., но при обычных средних ситуациях это сделать совсем не просто. Тут решает сама история: общее удовлетворение от жизни обычно вызывает поддержку Э. с., а неудовлетворение — критику, а то и борьбу с Э. с., нередко завершающуюся ее сбросом и даже уничтожением.

Важен качественный и функциональный баланс между Э. с. и обществом, а для развивающегося общества — некое опережение в качестве Э. с. сравнительно со всем обществом. И тут, конечно, все относительно — что хорошо, что плохо! — но какая-то гармония, как правило, относительная, между Э. и обществом должна всегда иметь место — в противном случае социум впадает в кризис, идет вразнос.

Формирование Э. с. — не формирование, к примеру, той же армии. Это обусловленный многими обстоятельствами объективно-субъективный процесс, во многом неявный, в чем-то и попросту трансцендентный, сопряженный с общим жизнеотправлением общества, а также с происходящими в жизни общества событиями и коллизиями. Истории известны разные способы и пути образования элит, и не последнее место занимают тут внешние воздействия, прежде всего завоевания. Сила здесь решает все: завоеватели — это и есть Э. с. для завоеванного населения. Особенно это ярко проявляется в случае с колониальными захватами и проникновениями, в моменты образования и расширения империй. Один этнос оказывается элитарным по отношению к другому этносу, как и одна раса к другой. Этноэлитарность наблюдается и для обычных ситуаций, когда нет завоеваний и колонизаций, но общество, являясь многоэтническим, порождает все-таки ту или иную этноэлитарную конструкцию. Никакие заклинания по поводу прав и свобод личности, как и равенство этносов и рас, не могут затушевать имеющегося в наличности факта этноэлитарности, питающего и чувство элитарной избранности того или иного этноса по отношению к другим этносам. Лучше, наверное, когда этнос имеет свою собственную Э. с., но так бывает далеко не всегда: чаще случается, что общество реализует более сложную в таком разе конструкцию, допуская и этническую спецификацию Э. с.

Как и любое человеческое сообщество, образующее некую воспроизводственную целостность, решающую стоящие перед сообществом жизненетворные задачи, Э. с. формируется по-разному и, как правило,

весьма сложно. В первобытном стаде вопрос решался достаточно просто — Э. образовывали сильные, сообразительные и опытные особи, становившиеся вожаками, лидерами, но при этом еще и опытными знатоками. В общинах и племенах Э. оказывались опять же наиболее сильные сообразительные и опытные, но уже и соответствующим образом подготовленные, особи, причем не без роли и наследственного фактора: от вождя к вождю, от знахаря к знахарю. Гораздо сложнее обстояло дело в цивилизационных (городских) сообществах, в которых Э. с. формировались не из узнаваемых сообщинников и соплеменников, а более всего из инородного материала, как и не столь уже естественно и органично, как в нецивилизованных сообществах. Самое прямое отношение к Э. с. имели основатели той или иной конкретной цивилизации, как правило, пришельцы извне, и, конечно же, их потомки, составлявшие в итоге если не особый этнос, то уж субэтнос непременно. В дальнейшем такой элитарный этнос-субэтнос, пополняясь за счет внешних для него людских резервов, размывался, становился более органичной частью социума и, соответственно, нового, более крупного этноса. От отцов-основателей цивилизации, как и свойственных тому или иному цивилизационному образованию государств, возникали элитарные династии — от верховных, региональных и иных локальных правителей (вождей) до духовных и идейных лидеров (жрецов, священников). К коренным властным династиям с неизбежностью примыкали и некоренные династии, главным образом, профессионалов, специалистов, менеджеров, которые вместе с коренными составляли воспроизводящуюся с генетической обусловленностью Э. с., во всяком случае, в ее основном ядре.

Нельзя сказать, что социум в целом не имеет отношения к формированию Э., ее характеру и качеству, ибо он служит, по крайней мере, средой такого формирования, как нельзя сказать, что к формированию Э. с. не имеет отношения субъективная, прежде всего, властная, воля, но важно иметь в виду, что Э. с. в основном формируется сама, во всяком случае, по составу и по качественной специфике. И здесь велика роль такого свойства индивидов и этносов, как жизненная активность, или пассионарность, стремление вперед, вверх, к новому, либо сочетающееся с традицией, либо, наоборот, традицию отвергающее.

Сложившаяся и длительное время воспроизводящаяся Э. с. обычно не склонна к переменам и к собственному качественному обновлению, — и если такая Э. с. качественно меняется и даже уступает место новой Э. с., то это происходит под давлением обстоятельств или же субъективного насилия — как внешнего (типа завоевания), так и внутреннего (при той же революции). Для эпохи Премодерна (Древнего

мира и Средневековья) были более характерны насильственные элитные перевороты, когда одна Э. с. устранялась либо прямо другой Э. с., либо восставшим населением ради какой-то новой по составу Э. Характер Э. при этом мог существенно и не меняться. А вот для эпохи Модерна (Нового времени), когда социум в принципе стал более активен, изменчив и креативен, Э. с. стала более подвижной и обновляющейся, что позволяло обществу «освежать» Э. с. без особых насильственных мер. Социальная генетика в существовании Э. никуда не исчезла, но она стала более гибко сочетаться с социальной эволюцией, что и позволило Э. с. не только сохранять себя, но и изменяться, а изменясь, сохраняться.

В русско-российском цивилизационном пространстве (со времени Новгородской и Киевской Руси) Э. с. складывалась как полиэтническая Э., что в итоге и в целом выражалось в ее суперэтническом характере, не особенно и национальном, точнее, одновременно национальном и вненациональном, а, пожалуй, что и антинациональном. Русско-российская Э. с., постоянно или периодически пополняемая инородцами, всегда несла в себе две противоположные потенции: к России и от России, причем вне зависимости от этнических корней того или иного представителя Э. Корневой русский мог вполне занимать антирусскую позицию, а лицо иностранного происхождения — совершенно русскую. Так или иначе, но русско-российская Э. с. никогда не была достаточно органичной русско-российскому социуму, который тоже не отличался в связи с этим высокой национальной органикой. Далека была Э. с. от народа (один пример с французским языком, ни с того ни с сего воспринятым российской Э. и употреблявшимся ею вместо русского языка, чего стоит, как и последующее неудачное в общем-то хождение отдельных сознательных представителей Э. в народ), а сам народ лишь ожидал, не сильно об этом и помышляя, кровавой расправы над столь примечательной Э. с., — и это несмотря на «общие» с народом патриархальные устои, «родство» помещиков и крестьян, их хозяйственную и даже бытовую «совместность». Э. с. в России никогда не была достаточно народной, а потому и полноценно национальной, что и привело в XX в. к расколу как в Э. с., так и в народе, кровопролитной, революционного происхождения, гражданской войне, к окончательному разгону и гибели российской Э. с. вместе с великой империей, которую эта Э. с. вроде бы держала.

Занимая формально-идеологически — и явно утопически! — антиэлитарную позицию, советская власть была вынуждена не только признать на деле существование элитарного слоя населения, но и всячески создавать этот слой, именуя его представителей «слугами народа», что

было тем более оправданным, что многие элитарии незамедлительно попадали одно время в категорию «врагов народа» с известным печальным исходом. Э. с. номинально не было, но она, тем не менее, фактически была. В состав Э. с. входили тогда по высшему разряду партийная и административная номенклатура, генералы и полковники, академики и профессоры, народные и заслуженные артисты, но при этом, что было совершенно по-советски, и те же орденосные передовики труда. Э. с. в советские времена была, но, будучи идеологически одинаково обработанной и организационно сплоченной единой партией («орденом меченосцев»), оказалась в итоге не только не органичной советскому строю и социалистической стране, но, если прямо им и не враждебной, то как бы от них счастливо отстраненной. Советская Э. с. не только не выполнила функцию защиты и продолжения советского строя, как и поддержания благоденствия страны — СССР, но и обеспечила — то ли по законам диалектики, то ли вопреки им — крушение как этого строя, так и «этой страны». Э. с. даже не раскололась и не отобилизовалась настолько, чтобы вступить в жесткую схватку за строй и страну, за историческое наследство. Никакой органической принадлежности тогдашнему социуму советская Э. с. не продемонстрировала.

Зато она продемонстрировала, пополнившись значительно криминалом, псевдоорганическое единство с внешней для СССР и враждебной ему цивилизацией — Западной (буржуазно-демократической), поучаствовав не только в разрушении советской цивилизации и СССР, что было на руку Западу, но и вознамерившись присоединиться к мировой — западной по духу — Э. Нет, изменив строю и СССР, никакого предательства самой себя советская Э. с. при этом не совершила, ибо она оказалась каким-то чудесным образом вовсе и не советской, а совершенно буржуазной, хотя и не демократической (таковой ей еще вроде бы предстояло в итоге «демократической революции» стать).

Антисоветская Э. с. совершила антисоветскую же революцию, расчетливо обобрав российское население, распродав многие ресурсы и присвоив посредством мошеннической приватизации народное богатство страны.

Что касается остальной части Э. с., не принявшей участие в присвоительной антисоветской революции, то она, превратившись в некий фантом, довольствовалась ролью приживала при победившей антисоветской Э. с., утратив социальный вес, историческое достоинство и характерную для Э. ведущую функцию. Протестные настроения в среде этой части бывшей советской Э. с., не подкрепленные жесткой борьбой за насущные интересы со стороны обобранного и униженного

населения, ничего не дали кроме разочарования, ощущения тщеты и конечного поражения. Оставалось либо уйти в небытие, либо приспособиться к новым обстоятельствам, что и было так или иначе проделано.

В итоге возникла новая российская Э. с., которую невозможно было даже определить как Э. без оговорки, что это была более всего псевдоэлита, если не прямо антиэлита, поставившая своей эгоистический интерес выше любого общественного интереса. И нельзя сказать, что эта элита-антиэлита подверглась какому-то заметному остракизму со стороны населения — ничуть! — ибо население в своей активной во всяком случае части поддержало, как ценностным, так и поведенческим образом, Э. такую Э. с., — это было время массовой и практически тотальной измены не только СССР, но и России, нации, государству.

И только лишь обстоятельства (именно обстоятельства, а не, скажем, традиции, идеология, мораль, верность), ставшие угрозой существованию данной элиты-антиэлита вместе со всей прихваченной ею собственностью и обретенным суперблагополучием, заставили правящие круги пойти на ослабление коррозионного антиначала и придания новой Э. с. более приемлемого для страны и для нее самой состояния. Среди этих обстоятельств оказались: угроза расчленения России под давлением извне и превращение российского геопространства в колониальную территорию для сильных мировых субъектов-игроков (США, Европа, Китай, частично и мусульманский мир); суверенизация отдельных российских регионов с отпадением их от России и последующим региональным распадом страны (пример Чечни тут наиболее яркое); непризнание новой российской Э. с. со стороны мирового элитарного сообщества, недоверие к ней, если не отвращение (эффект Иуды-нувориша); конкурентная слабость российской Э. с. на международной, экономической, политической и интеллектуальной арене. В итоге правящие круги были вынуждены принять меры по предотвращению, или хотя бы резкому ослаблению, вышеперечисленных и иных подобных угроз с тем, чтобы, сохраняя страну и ее способность к выживанию, сохранить, как-то и изменяя, новый уклад российского бытия и саму новую Э. с.

Несмотря на свое критическое и в общем-то неприглядное состояние, новая российская Э. с. в лице своего непосредственно правящего в российском государстве слоя осознала необходимость и нашла возможность отпрянуть от бездны и, улучшив несколько общую ситуацию в стране, придать новой российской Э. с. более приемлемое для

страны и власти состояние, далекое, разумеется, от идеального, но вселявшего кое-какую надежду на конструктивное будущее.

Перед высшей российской властью стоит важнейшая историческая задача — задача формирования новой национальной Э. с., адекватной России, ее цивилизации и государству, а также современному открытому миру, в котором главную роль играют не границы и армии, а концептуальный, изобретательский и менеджериальный *интеллект* новой Э. с., способной обеспечить суверенитет страны, ее конкурентоспособность и развитие.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

* * *

Шестидесятипятилетие В.А. Кутырёва

Есть философы и философы. Наш Владимир Александрович из философов-мыслителей — самобытных и самостоятельных. Он видит то, что не видят другие, хоть за это на него иной раз и обижаются. Увидеть ведь можно очень многое, даже и очень скрытое, — и не из Москвы вовсе, как и не из каких-нибудь Парижа или Нью-Йорка, а прямо... из... Нижнего Новгорода — и не нижегородское вовсе, что понятно, а общемировое, общечеловеческое, к тому же еще и общекатастрофное, но не для того, чтобы поугагать философов-обывателей, а чтобы пособить всем особям человеческим покрепче призадуматься — туда ли?

Здоровья Вам, Владимир Александрович Кутырёв — мыслитель, гражданин и пророк, а успехи... что успехи?! они сами Вас найдут!

* * *

И.Р. Бугаяну — 65

Сначала инженер-техник, изобретатель, потом ученый-экономист, теоретик, а потом вдруг... философ хозяйства, да не где-нибудь, а в Ростовском государственном экономическом университете, больше занятом экономической практикой. Но понял однажды Илья Рубенович, что без философии хозяйства никуда, даже кафедру основал соответствующую в РГЭУ-РИНХе, да вот не убедил сообщество, склонное к экономической арифметике, уступил, но лишь для того, чтобы мыслью оригинальной воспарить, создав любопытнейшее учение о доминирующих факторах жизни хозяйственной, преклонившись перед хозяйством человеческим и историей, а на экономику посмотрев как на необходимую, но вовсе не святую реальность.

Есть, видно, истина, есть, конечно же, мифы об истине, вполне и искренние, не говоря уже о мифах, а есть и этой истины лукавые имитации — где же тут И.Р. Бугаян? — да как раз там — рядом с истиной, вне мифов и уж тем более подальше от имитаций неприглядных!

Ю.М. ОСИПОВ

Экономическое бессознательное

— **Юрий Михайлович, что Вы можете сказать о современной русской философии? Какими именами она представлена?**

— Много профессионалов, но мало мыслителей. Помимо недавно ушедших из жизни Сергея Аверинцева, Александра Панарина, Александра Зиновьева и Георгия Гачева могу назвать имена Федора Гиренка, Сергея Кара-Мурзы, Вадима Межуева, Владимира Кутырёва, Александра Дугина и Александра Неклессы, Александра Пятигорского, Сергея Хоружего и Евгения Головина. Исходя из личных исследовательских и размыслительных интересов, хотелось отметить целую когорту профессиональных экономистов: Александра Пороховского, Александра Бузгалина, Андрея Колганова, Василия Белолипецкого, Михаила Хазина, Юрия Яковца, Виктора Рязанова, Александра Агеева, Владимира Коллонтая, Вячеслава Пуляева, Дмитрия Миропольского, Сергея Дятлова, Вячеслава Ушанкова, Станислава Макарова, Роберта Нижегородцева, Игоря Шевченко, Михаила Гузева, Ивана Пшеницына, Илью Бугаяна. Михаила Глазунова, Виктора Кашицына, Ларису Андрееву, Елену Миргородскую, Ларису Дробышевскую, Василия Чекмарева, Сергея Синельникова. В области близкой мне философии хозяйства могу отметить Николая Шулевского.

Набирают силу молодые — Ирина Рудяк, Александр Погребняк, Михаил Румянцев и Светлана Румянцева. Думаю, что отечественная философия сейчас «опамятывается» после долгого простоя и забвения, хотя времена сегодня, скажем прямо, не самые философические.

— **Можно ли считать философию хозяйства альтернативой капиталистической экономике, название которой в настоящее время считается некорректным в связи с полным отождествлением капитализма и экономики?**

— Капитализм вышел из экономики и на ней базируется, но это не сама по себе экономика, которая может быть и некапиталистической. Капитализм — это форма экономики, один из способов ее реализации. Философия хозяйства не может быть ничему альтернативой, так как она занята целостным, а следовательно, философским осмыслением хозяйства вообще.

— **Как Вы относитесь к экономике богатства, или «потребления», американских философов Тоффлеров, наиболее подробно изложенной в книге «Революционное богатство»? Можно ли считать «потребление» неомеркантилизмом?**

— Капитализм — экономика богатства, причем во все времена. Сегодня накоплено и реализуется очень большое (избыточное) богатство. При желании можно считать «потребление» разновидностью «неомеркантилизма», если в том есть какая-то необходимость. Сам по себе меркантилизм шире и сложнее, поскольку касается не только стремления к денежному накоплению и потребительскому богатству, а представляет собой образ бытия капитала, в том числе производительного.

— **Разделяете ли Вы доктрину «третьего пути» для России? Насколько оправданной Вам кажется ее имперская историософия?**

— Идти в истории своим путем не значит идти именно «третьим путем», а идти «третьим путем» не значит отвергать имперскость, капитализм, социализм, феодализм или тот же этатизм.

«Третий путь» — надуманная в эпоху противостояния «капитализма» и «социализма», их борьбы за будущее человечества, идея. Дело не в этом «междупутьевом» направлении, а в особых исторических путях-дорогах, которыми идут страны, государства и цивилизации.

Китай «третий» не потому, что он между «капитализмом» и «социализмом», а потому что он Китай, и идет он своим путем. Аналогичное можно сказать и о России: она всегда находит свой путь в борьбе с чужими, но это вовсе не какой-то пресловутый «третий путь», которого нет в реальности — как, собственно, ни «первого», ни «второго». Все пути — свои или не свои!

У России свой — российский! — путь, которым она, не без грубых искажений, но все-таки идет. В космос прорвалась именно Россия со всей своей имперскостью, государственностью и мобилиционностью, а были ли тогда в стране «капитализм» или «социализм» — не очень важно. Россия — имперская страна с соответствующей историософией.

— **Охарактеризуйте отечественную традицию философии хозяйства, под которой Вы понимаете «самостоятельное, открытое для разнообразного творчества, течение мысли, в определенной мере постнаучное (с преодолением позитивистской науки) и во многом метафизическое (с восприятием трансцендентного), но не как отрасль философии и не как раздел экономики». Является ли философия хозяйства разновидностью экономического мистицизма?**

— У нас существует не традиция философии хозяйства, а сама философия хозяйства, тогда как на Западе есть либо философия экономики (в духе политической экономики), либо философия экономического знания (науки), либо этическая экономия, либо социальная экономия и т. п. Открытая Сергеем Николаевичем Булгаковым и нами продолжаемая философия хозяйства — это особая отрасль знания-размышления,

для которой хозяйство есть все мироотправление, жизнеотправление и человекоотправление, обусловленные какой-либо субъектной активностью — трудом, творчеством, демиургией, а философия — самая подходящая для такой мощной онтологии гносеология, ничем из мира, жизни и человека не пренебрегающая, ни от чего не отстраняющаяся, в том числе и от трансцендентного.

Философия хозяйства (не путать с философско-хозяйственными раздумьями внутри самой философии — например, аристотелевскими) родилась на рубеже XIX—XX вв., что совершенно не случайно, ибо тогда уже был достаточно проявлен и осознан кризис господствовавшей в XIX в. практически единственной социальной науки — политической экономии, а вслед за ней и таких явлений, как экономизм, сциентизм, что нашло концентрированное выражение в кризисе и марксистского учения.

Философия хозяйства — ответ на весь этот кризис, вследствие чего она постнаучна, неометафизична и в какой-то степени внеэкономична (не есть отрасль экономической науки), а в чем-то даже и внефилософична (не являясь одной из прикладных философий).

Философия хозяйства — это не столько философия *на* хозяйство и *о* хозяйстве, сколько философия *от* и *из* хозяйства. Хозяйство первично, а философия тут вторична.

Сама по себе философия есть ведь хозяйственный продукт, как, собственно, и наука. Пришло время переместить акцент с философии и науки на хозяйство, которое их порождает. Настало время разбираться с хозяйством и его демиургией. Хозяйство уже нельзя больше рассматривать узко научно и сугубо экономически.

В философии хозяйства не больше мистики, чем в жизни вообще, в любой философии или науке. Философия хозяйства не стесняется мистики, как не стесняется ее вся окружающая реальность. Мистика, понимаемая не в смысле закоренелого мистицизма, — вполне достойный компонент философии хозяйства, но, разумеется, не главный. Разве деньги или цены не мистичны, равно как и «доходы» олигархов и тех же шоуменов?..

— Считаете ли Вы своими идеологическими союзниками авторов журнала «Альтернативы», издаваемого преподавателями экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Александр Бузгалин, Андрей Колганов и другие)?

— Считаю Александра Бузгалина и Андрея Колганова союзниками по реализации самой возможности мыслить. У нас есть кое-какие ментальные сопряжения, но и много различий, причем настолько значительных, что мы находимся в разных концептуальных огородах. Философствуя, мои коллеги остаются в рамках сугубо научного подхода:

они явные политэкономы, а я «постнаучник» и гулять предпочитаю в иных сферах, относя себя не столько к политэкономам, сколько к собственно философам хозяйства. Но поиск авторов журнала «Альтернативы» мне в инициативном аспекте близок.

— **Является ли глобализация прототипом Матрицы (одноименный фильм), в которой противоречия будут встроены как системные, позволив максимально расширить манипуляционный потенциал?**

— Голливуд давно уже не отобразитель, а созидатель мира, его демиург. Дело здесь не в одной «Матрице», а практически во всей голливудской продукции. Фильм «Матрица» — это не просто фантазия и образ, а элемент самой Матрицы — как текущая, так и будущая реальность. Виртуальный апокалипсис в действии, переходящий в реальный (11 сентября — совершенно голливудское событие!). Голливуд — фабрика грез, но и фабрика мира и апокалипсиса! Существует даже своеобразная голливудская философия хозяйства — как раскрывающая, так и скрывающая голливудское хозяйство.

— **Философ Александр Дугин предложил вместо термина «постмодерн» термин «археомодерн» для характеристики современной культурной парадигмы в России, когда архаика и модерн берут друг друга в плен, в результате чего происходит наложение керигмы (рациональное начало) на структуру (мифологическое начало). Какова Ваша точка зрения?**

— Точка зрения Александра Дугина естественна и понятна. Ее можно вполне принять, но все дело в будущем синтезе «нового» и «старого», который выдает сегодня что-то совершенно неведомое.

Выход за постмодерн необходим, но вряд ли альтернативен, тем более через простое обращение к модерну, а по преимуществу к премодерну. Прошлого никак не вернуть, но оно может, оставаясь в текущем бытии, сработать на будущий синтез. Дело не в возврате к бывшим традициям, а в водружении новой-нетрадиционной-традиции, о которой трудно говорить в мире, раздерганном либеральным сознанием. Сегодня можно выдвинуть тезис о возможности *постпостмодерна*, или же *за-постмодерна*. Однако критика постмодерна сегодня важнее какого-либо надуманного антипостмодернового проекта, который может стать для человечества роковым.

— **Удалось ли, на Ваш взгляд, антиглобалистскому движению аккумулировать протестные настроения, реанимировав левый дискурс (в частности, марксизм), или антиглобализм давно пребывает в сумерках?**

— *Антиглобализм* сейчас стал или становится *альтерглобализмом*, что не случайно, ибо сам по себе антиглобализм не менее глобалисти-

чен, чем глобализм. Глобализм уже не отрицается, но задача видится в переходе к альтернативному глобализму. Но глобализм никаким другим, кроме имперского, причем дурного имперского, быть не может. Лично я выдвигаю идею *планетарного солидаризма*, реализуемого не столько государствами, сколько их крупными объединениями — *мировыми регионалами*, способными, не уничтожая наций, этносов, культур и цивилизаций, построить планетарный мир на взаимном согласии, а не на иерархическом соподчинении государств и народов, как это характерно для глобализма. Только крупные мировые игроки, представляющие всю планету, смогут построить животворный мир, не допуская разрушительного между собой соперничества и конечного столкновения. Глобализм требует одного доминирующего в мире центра, а такой центр, действующий исключительно в собственных интересах, как показывает опыт США и G7, не только неприемлем для мира, но и нежизнеспособен, поскольку затратен и во всех отношениях неэффективен. *Не мир для центра, а центр для мира*, но такой центр, который не для себя, а для мира, может быть лишь центром согласованных интересов и действий между крупными игроками, которые в свою очередь тоже должны быть центрами согласований, могущими иметь и имперские, — амбиции. Анти-, или альтерглобализм, — это неомарксистское, в чем-то даже неотроцкистское, лево-радикальное интернациональное движение, но находящееся еще на стадии сугубо протестной, полустихийной, до-властной, анархистской и предреволюционной.

— **Имеются ли похожие с философией хозяйства идеи в мировой экономической мысли?**

— Идеи всегда есть, но работающей и продуктивной кухней таких идей является — осознанно или нет — все-таки философия хозяйства. Именно для философии хозяйства важно *что* и *как* в этом мире делает человек хозяйствующий, причем во всех аспектах жизнеотправления, а не только в собственно потребительском или сугубо экономическом.

Экономическая наука так или иначе касается философско-хозяйственных проблем, как это делает любая наука, но синтезное осмысление возможно лишь на базе философии хозяйства, занимающей особое положение в мире знания.

— **Согласны ли Вы с тем, что метафора Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» свидетельствует о конце именно либеральной истории? Как вы оцениваете контраргументацию Роберта Кейгана в виде метафоры «конца “конца истории”»?**

— История как бытие, развертывающееся во времени, не закончилась. Заканчивается история как обусловленное самой историей бытие — уже не история, а какая-то сплошная импровизация, когда накоп-

ленный через кровь исторический опыт оказывается попросту ненужным. Постмодерновое бытие больше не фиксируется как собственно история, а реализуется ежедневно. Человек вырвался из истории на внеисторический (постисторический) простор, где нет ни довлеющего времени, ни порабощающего пространства. История превратилась в историю саму по себе, лишенную внешнего исторического смысла. История теперь не обязана и не может отвечать на актуальные вопросы. Конец истории выливается в историю конца — как самой истории, так и ее конца. История сброшена с корабля современности. Тезис о конце «конца истории» не имеет исторического смысла: бытие продолжается и без истории. Постоянное и невероятно скоростное обновление бытия делает его неисторическим — сродни небытию.

— **Нуждаются ли, на Ваш взгляд, российские философские институты в реформах?**

— Философия должна играть ведущую мировоззренческую роль, а ее институты — этому всячески способствовать. Философия сейчас не в загоне, конечно, но и не в достойном ее приоритете. Философская анемия сопровождается откровенным антифилософизмом. У мыслящего человека из самого дорогого осталась только философия («мудреведение»), превращение которой в философию парламентаризма или философию футбола крайне нежелательно.

— **Как Вы оцениваете вклад советской философии? Насколько призраки диамата и истмата изжиты из русской философии?**

— В диамате и истмате было немало ценного, как и в той же политэкономии. Изживать ничего не надо, надо лишь думать так, как требует реальность и куда ведет ищущее сознание, в какой-то мере и в их трансцендентальной (мистической) части. Логические конструкции нужны, но с ними надо быть осторожнее — общая онтология и общая гносеология сильнее любых такого рода конструкций, хоть марксистских, хоть гегельянских, хоть еще каких. В обществоведении и в истории философии я стою за *металогiku*, т. е. логику... без логики, или же *сверхлогику*, можно сказать, и трансцендентную логику, или *транслогику*.

— **Является ли прогрессизм формой дискриминации по признаку соответствия/несоответствия прогрессу?**

— Всякая абсолютизация чего-либо страшна для свободной мысли и вольно текущей философии. И прогрессизм может быть регрессивным, как и прогресс, вдруг оборачивающийся регрессом.

— **Что Вы понимаете под бессознательным в экономике?**

— Очень многое! Кругом вроде бы сознание, но чем оно руководствуется при принятии решений и к каким приводит результатам? Иметь сознание не означает не иметь бессознательного. Господство

рационализма в экономике — не более чем гносеологическая и пропагандистская установка. Например, какая цена рациональная, а какая нет? Ясно, что рациональное не заполняет всего объема экономики. Само деление на «рацио» и «иррацио» — условность, а на практике все это переплетено. Экономика в принципе не может быть не только рациональной, но и по преимуществу рациональной. Экономика — не машина! Что есть бессознательное в экономике? Прежде всего, все объективное, а также стихийное, само по себе происходящее; то, что между сознаниями или вне сознания. Игра на бирже — сознательна, но участие в игре — уже не всегда. Биржевую панику вряд ли отнесешь к действию только сознания. Далекое не все покупки бывают осознанными, как и приобретение ценных бумаг, совершение вкладов и т. д. Бессознательного хватает, поскольку оно всегда, так или иначе, присутствует при принятии любых решений, в особенности, при недостатке информации. Каков человек, этот сгусток сознания и бессознания, такова и экономика!

— Вы выдвинули идею финансовой экономики (финансомики), предполагающей торжество финансового капитала над промышленным. Насколько наша экономическая мысль ценится в мире? Какова степень виртуализации современной мировой экономики?

— Это очень хорошая и правильная идея, которую выдвинула сама экономическая реальность. Экономика давно перестала быть служанкой хозяйственной реальности, а стала над нею, достигнув кульминации в виде доминирования финансизма, т. е. денег, стоимости и, соответственно, финансовой виртуальности над любой реальностью. В XX в. произошел переворот в том смысле, что виртуальность превратилась из служанки реальности в ее госпожу. Возможное, идеальное, проективное, надуманное, субъективное стало выше любого действительного, материального, текущего, оправданного, объективного. Экономика насквозь субъектна и субъективна, хотя в ней есть свои процессность и объективность. Теперь не «экономика снизу» — от реальности, от хозяйства, от жизни, а «экономика сверху» — на реальность, на хозяйство, на жизнь. Это величайший переворот, еще совершенно не осознанный ни наукой, ни философией. Этот переворот не только списал в архив всю экономическую классику, но уже отправил в музей экономикс. Вся экономика (деньги, цены, кредиты, инвестиции в деньгах, ценные бумаги и т. д.) — в головах людей, в их и только их духовно-интеллектуальных организмах. Экономика — совершенная идеальность — в ней нет ничего материального. Даже экономическая объективность — в головах, ибо у экономического (обменно-оценочного, стоимостного) места на земле просто нет. Экономика — это постоянный счет, вершимый человеком, субъектом, сознанием. Деньги, цены

— это только цифры, числа, абстрактные величины, и ничем другим они быть не могут. Цены — не *от* вещи, а *на* вещь — с учетом, конечно, различных свойств вещи. Никакой труд и никакая полезность вещей не конституируют и не определяют. Цены от оценки, а оценки, увы, — дело субъектно-субъективное.

Экономика — параллельный хозяйственной реальности мир, неотъемлемый от сознания и ноосферы. Вне человеческих мозгов никакой экономики вообще нет. Она как раз там — в мозгах, в организмах, в субъектах! Это совершенно *иной* взгляд на экономику, который оказался возможным по одной субъективной причине — из-за применения в экономике концептуальных оснований философии хозяйства, отделяющей экономику от хозяйства и сопрягающей ее с хозяйством уже как нечто особенное, а также обращенной к идеальному, субъективному, трансцендентному, т. е. ко всему тому, с помощью чего раскрывается вся экономика.

На Западе отечественная экономическая мысль практически не ценится (что-то из нашего признается марксистами, что-то эконометриками). Помимо языкового барьера, а он в науке все-таки есть, здесь важно то обстоятельство, что наша наука почти на сто процентов вторична, будучи производной от западной. У нас были достойные разработки по планированию, которые привлекали внимание на Западе, но мы сами отказались от собственных достижений. Никакого авторитета за границей наша наука в целом не имеет, что не исключает внимания к отдельным работам и ученым.

Теория воспроизводства Михаила Туган-Барановского, кондратьевские длинные волны да леонтьевско-кантаровический межотраслевой баланс — вот весь признанный за границей вклад в мировую науку со стороны нашего отечества. Философию хозяйства на Западе практически не знают, там ведь вообще не могут отличить «экономики» от «хозяйства». Ни Булгакову, ни нам — его последователям — пока не удалось убедить отечественный научный официоз в важности и необходимости философии хозяйства.

— **Что представляет собой Философско-экономическое ученое собрание, основанное вами в 1997 году на экономическом факультете МГУ?**

— Философско-экономическое ученое собрание, основанное Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова (НИИ 1 категории), который в свою очередь был основан Правительством СССР в 1990 г., объединяет на совершенно свободной основе ученых и специалистов разных наук, направлений и взглядов, а также людей, считающих для себя возможным покровительствовать науке и мысли. Сейчас в Собрании около 400 членов, из которых полторы сотни обра-

зуют вполне активно действующее ядро. В составе Собрания много выдающихся ученых, известных общественных и политических деятелей.

Задача Собрания — привлекать отовсюду заинтересованные умы, предоставлять им трибуну с возможностью обмена мнениями и равноправной дискуссии, а также публиковать тексты в отдельных или периодических изданиях, в том числе в журнале «Философия хозяйства».

В целом, это очень хорошая, непринудительная, динамичная и продуктивная форма реализации интеллекта на путях работающей совместности. Наши главные принципы — свобода мысли и авторства, субъектная независимость и личное достоинство.

— Оправдались ли Ваши редакторские цели по изданию журнала «Философия хозяйства»? Как экономическое сообщество реагирует на философию хозяйства?

— Вполне! Это свободный, содержательный и оригинальный журнал. Издается уже десятый год, начиная с января 1999 года, по 6 номеров в год, объемом 19 п. л. каждый номер. Скоро мы выпустим шестидесятую книжку. Если обозреть мысленно все вышедшие номера журнала вместе, то воображению предстанет настоящая сокровищница мысли, некая живая философско-экономическая энциклопедия. Вклад журнала в отечественное обществоведение трудно переоценить.

Журнал признан заинтересованной научной общественностью, его выписывают и читают в разных концах страны, знают за рубежом, с почтением в нем печатаются. Состав авторов разнообразный, а авторское ядро попросту блистательное.

Научное сообщество реагирует на философию хозяйства, как и на наши публикации, включая журнал, совершенно по-разному: есть понимание и приятие, не говоря уже об участии; есть равнодушие и непонимание, нежелание вникать в суть; есть какая-то нарочитая отстраненность, ни на чем не основанная «критичность», нередко высокомерная; есть и кое-какое сопротивление. В принципе философия хозяйства и ее современная школа общепризнанны, в том числе официально и публично, в печати — в научных изданиях, энциклопедиях, учебных пособиях. Ее признают в РАН, в вузах, в высших органах власти, за границей (на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Грузии, Азербайджане, а также Польше, Сербии, Черногории, Болгарии, Китае).

Философия хозяйства получает разнообразную поддержку, но испытывает и проблемы, в частности по линии ее институционального закрепления как особого течения мысли (есть проблемы с диссертационными советами, открытием особой научной специальности, ведени-

ем преподавания, созданием кафедр, реализацией специальной профессиональной подготовки).

— **Солидарны ли Вы с концепцией русской интеллигенции, предложенной философом Федором Гиренком, которую вкратце можно выразить следующей фразой: «Если философия станет когда-нибудь рвом, который интеллигент не сможет перепрыгнуть на пути к власти, то это значит, что философия у нас состоялась»?**

— С Гиренком легче не соглашаться, чем соглашаться, ибо мысль его парадоксальна. В данном случае, как и почти во всех других, я с Федором Ивановичем согласен, но хочу добавить, что философия, если она реалистична, сама является очень сильной властью. Не оттого ли ее постоянно и упорно теснят?

— **Какое новое содержание приобретает категория «отчуждение» в капиталоцентрированном мире? Какой смысл Вы бы вложили в формулу «Отчуждение всех против всех»?**

— Дело здесь не в капитализме, а во всей новой — уже постмодерновой — цивилизации. Отчуждение «всех ото всех», как и «всех против всех», абсолютно неизбежно. Недаром на место «отношений» (взаимных нош) пришли «коммуникации», «связи», «тусовки».

— **Сергей Булгаков считает, что в центре экономики стоит не экономика, а антропология. Подлежит ли критике антропоцентризм философии хозяйства?**

— Булгаков не разделял «хозяйства» и «экономики», хотя и чувствовал, что это не совсем одно и то же. В центре человеческого хозяйства находится человек, а хозяйственная антропология не противопоставлена философии хозяйства. Правда, Булгаков призвал человека хозяйствующего больше думать о Боге и обо всем сакральном. Отсюда его антропология в единении с богословием. В центре экономики стоит все-таки не человек, несмотря на то, что вершит экономику, а стоимость. Без понятия стоимости и адекватного его восприятия ничего в экономике понять нельзя. Экономическая антропология — это бытие человека со стоимостью, в стоимости и ради стоимости.

— **Что ждет Россию после полноценной интеграции в мировую экономику (например, вступления в ВТО)?**

— Если иметь в виду не полную, а именно полноценную интеграцию российской экономики (хозяйства) в мировую экономику (хозяйство), то ничего страшного в этом нет, ибо вместе с этим должна быть утверждена полноценная национальная субъектность России: не растворение в мировой среде, в приобретение самости в интегрированном мире.

— **Могли бы дать Булгакову Нобелевскую премию по экономике, если бы она была учреждена в одно время с остальными? За**

какую экономическую теорию чаще всего присуждают Нобелевскую премию по экономике?

— Нет, ибо Булгаков в своей философии хозяйства слишком критичен к науке, политической экономии, логике, математике, технологизму, даже к статистике, и слишком открыт для религии, сакральности, трансцендентности, Софии, Бога.

Нобелевские премии по экономике присуждаются в основном за частности и конкретные разработки и менее всего за концептуальные, тем более философические, обобщительного характера, мировоззренческие работы. Экономическая наука ныне буквально заражена моделями и математическими доказательствами и очень далека от метафизических погружений в экономическую реальность, которая, не говоря о хозяйственной, не столь математична (физична), сколь метафизична (трансцендентна).

*Беседовал А.С. Нилогов*¹

* * *

8—14 сентября 2008 г. в Государственном музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская область) состоялись XIII Международные яснополянские писательские встречи, в которых принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов, выступивший с нижеследующим докладом.

Ю.М. ОСИПОВ

Тщета толстовская

Феномен, событие или происшествие, будучи связанным с личностью Льва Толстого и названным «Толстой», можно как-то осмыслить и понять с учетом не одной лишь уникальной личности Толстого, но и всего окружавшего, пронизывавшего, а во многом и поглощавшего эту уникальную личность исторического контекста — явно апокалиптического — в целом, что мирового, что сугубо российского, что локально сословного, что узко семейного — того самого контекста, который угнездился в самой уникальной личности Толстого, смертельно тревожа весь ее душевный и умственный строй. Не будь этого всеобщего

---

¹ Нилогов Алексей Сергеевич — автор проекта «Современная русская философия», составитель книги «Кто сегодня делает философию в России».

апокалипсиса, не было бы и удивительного феномена, события или даже происшествия под названием «Толстой», задевшего Россию и потрясшего когда-то многих думающих и переживающих современников загадочного русского гения.

О Льве Толстом и о феномене «Толстой» можно много говорить и говорить — и ведь говорят, говорят, говорят! — но без обращения к слову-понятию «апокалипсис», как мне кажется, во всем этом, действительно, ничего и не понять, как, впрочем, и во всем любом другом, что восходит так или иначе к XX в. — как только еще к истории подступавшему, так и уже ставшему в истории историей. Толстому досталось чувствовать этот воистину сакральный и судьбоносный век в момент как раз его подхода к истории и начала его триумфального по ней шествия.

Что же это был за век? А это был век триумфа человека — человека гуманизованного, или совершенно человеческого человека, освободившегося от давящей власти природы и от гнетущей опеки Господа Бога, стало быть, возрожденческого, или ренессансного, человека, а по сути как раз просто нового, рожденного денатурализацией и секуляризацией при участии экономизма, сциентизма и техницизма человека — человека уже и только ради и для самого человека.

Все было бы ничего, если бы такой освобожденный от тенет природы и регламентов Господа Бога человек обрел бы какую-то новую жизнетворную веру, оправдавшую бы его вырыв из-под гнета Природы и из-под опеки Господа Бога, а то ведь все произошло совершенно иначе — воцарилось безверие, а потому триумф нового человека обернулся незамедлительно всеобщим кризисом, да не просто кризисом, а кризисом-тупиком, из которого тогда не просматривалось никакого выхода. Это была совершенно апокалиптическая ситуация — ситуация крушения без видимого позитивного исхода.

Если б дело было только в ужасном кризисе контекста, а то ведь имел место совсем, может, и не ужасный, но зато апокалиптический кризис самого человека — из гуманизованного, или очеловеченного, человека вдруг стал вылезать на свет Божий... зверь, как раз тот самый — апокалиптический.

И гениальный все-еще-человек Толстой, к тому же великий творец уже великого русского слова — того же нового российского эпоса «Война и мир», вдруг почувствовал нестерпимую потребность в противостоянии пришествию в русский мир апокалиптического зверя, безудержного, если не в полной будущей над ним победе.

И Толстой решился! Он решился... повторить — и это уже в последние времена (может, только при их начале), когда возможно было уже лишь Второе Пришествие Христа — он решился повторить под-

виг... Христа, но при этом как бы Христа первоначального и невоцерковленного, еще простого проповедника в рубище, еще не преобразившегося чудотворно и не воскресшего чудесным образом, еще казавшегося людям пусть и необычным, но человеком, вовсе и не Сыном Божиим, а всего лишь удивительным человеком-пророком.

Толстой решился на Христа, но... освобожденного от... божественности, на секуляризованного Христа, на Христа-человека, человека... эпохи Возрождения, человека Нового времени, светского, так сказать, Христа, очищенного от всего трансцендентного и уж тем более чудесного.

Оставив вроде бы Христа в человеческом воображении, Толстой предложил при этом уже иного Христа — хоть и основателя религии, но... только сына человеческого, никак не Сына Божиего, не оставив тем самым действующему христианству ни права, ни шанса на выживание в качестве мистической религии, полной иррациональных таинств.

Оставляя вроде бы Христа, вычищая и приспособливая под свой нетрансцендентный замысел «Евангелие», Толстой, повторяя вроде бы подвиг Христа, опросясь и проповедуя, не смог при этом ни удержать в рамках своего учения Христа с христианством, ни избежать участи основателя новой религии — уже не христианской, а... толстовской, ни избежать, и это самое главное, своего личного — вместо Христа — обожествления.

Так родилась действительно новая религия, точнее, новое моральное учение религиозного типа, поименованное незамедлительно по имени ее основателя — не Сына Божиего и даже не пророка — толстовством.

А фактически получилось нечто совсем другое — некий эрзац религии и явная пародия на Христа!

Получилась и трагедия — разнообразная трагедия: личная, семейная, общественная.

И нет ничего удивительного в бегстве (скорее, именно в бегстве, чем в уходе: куда и как *уходить*-то ему было?) Толстого из Ясной Поляны, а точнее, в бегстве его от самого себя, от своей религии, от своих последователей, а заодно от своих близких, от семьи, от жены с детьми.

Трагедия страшная, которая не могла не закончиться Голгофой, но... совсем уже иной голгофой, чем это было у Христа — Христос взял на себя грехи человечества, а Толстой, увы, от этой миссии... ушел, завершив в Астапове свое страдальческое пребывание на этом свете совсем по-другому.

Нет, не получилось у Толстого основать новой религии, ибо это было уже апокалиптическое время, последнее время, время не пророков, а лжепророков, когда новые религии уже не основываются (крушение марксизма — яркое тому подтверждение!) и когда лишь кое-что неизбежное и уже промыслительно заложенное лишь исполняется.

Великое желание вырваться из апокалиптического ада у самоотверженного все-еще-человека Толстого было, но... не было на то Благодати Господней, ибо не в новой религии тут было дело (Толстой ведь ничего нового по сути и не сказал), а в движении к Богу через и с помощью... все того же Христа — Сына Божиего, а также, что было совсем уж противно Толстому, через и с помощью Церкви, Христом основанной. И хотя это единственный путь к спасению, подтвержденный и современной Толстому русской философией, это не значит, что человек секуляризованный сможет пойти этим путем, а еще менее значит, что сможет пройти этот путь, ибо сама цивилизация вокруг получилась слишком уж апокалиптической.

Эпоха Постмодерна — эпоха апокалипсиса!

И, однако, Толстой совершил свой великий подвиг, и, однако, совсем не подвиг Христа и не основателя новой религии, он совершил личный подвиг все-еще-человека, осознавшего гибельность построенного человеком по собственному замыслу искусственного мира и попытавшегося этой гибельности противостоять, разумеется, апокалиптически тщетно.

Вот почему Толстой в одном ряду с Руссо, Гюго, Ницше и даже Лениным, который провидчески назвал Толстого «зеркалом русской революции» — как раз апокалиптической!

Феномен, событие или же происшествие по имени «Толстой». Да, было, было это загадочное «это», до сих пор волнующее умы человеческие, барахтающиеся во все тех же, что и великий Лев Толстой, апокалиптических сетях. И нравится нам это или нет, но приходится признавать, что за всем этим феноменом, событием или происшествием стоит одно и то же — важное и, кажется, неоспоримое, а именно, тщета — тщета толстовская, впадающая бурливым потоком в широкое и плавное течение великой русской тщеты, с которой как раз и сразился когда-то амбициозно и самоотверженно великий русский все-еще-человек, создатель нового русского эпоса, апокалиптический мыслитель и деятель Лев Толстой.

«Не могу молчать!» — воскликнул как-то Толстой по весьма серьезному поводу — массовым казням русских террористов-революционеров, убивавших, убивавших и убивавших, но пришлось и ему вдруг сдавленно крикнуть безголосно: «Не могу жить!» — и он ушел, да и не из Ясной Поляны, что не так уж и важно, а из... самого

себя, устроив себе под конец — вольно или невольно — лютую гражданскую казнь.

Вот она — тщета толстовская!

* * *

23 — 25 сентября 2008 г. на базе Кисловодского филиала Ростовского государственного экономического университета (директор В.У. Галустов) состоялся II Кисловодский философско-хозяйственный симпозиум на тему: «Философия хозяйства в осмыслении реальности: постановка проблем и возможности разрешения», организованный по инициативе Ростовского государственного экономического университета с участием Центра общественных наук при МГУ. На симпозиуме рассматривались следующие проблемы: специфика философско-хозяйственного осмысления реальности; цельность и глубина; открывающаяся картина мира, человека, общества: оценка состояния и перспектив современного человечества; проблемы и их решения.

В симпозиуме приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский); кандидаты наук М.А. Румянцев (СПб.), Е.С. Зотова, Г.И. Гузева (Волжский), Т.М. Осипова; аспирант Н.В. Каймачникова (Ростов н/Д).

* * *

Определение философии хозяйства

Ученый мир любит точные определения, решительно и бодро ставящие чему-либо ими обозначаемому аксиоматические и смысловые пределы. Требуется настойчиво ученой общественности определение философии хозяйства — вряд ли, чтобы согласиться, скорее, чтобы начать бессрочную тяжбу с ним, почему-то оказывающимся непременно неудовлетворительным. Однако... почему бы не определить еще вроде бы неопределившуюся философию хозяйства, коли так уж это кому-то нужно. И такое определение вдруг пришло в мою покающую голову аккурат 24 сентября 2008 г. в г. Кисловодске во время микросимпозиума (чуть было не сказал «наносимпозиума»), посвященного как раз философии хозяйства и ее практической концептуальной реализации.

Вот оно, это определение: *«Философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого сознания».*

«Как так, — спросят в законном недоумении многочисленные инакомыслящие, — что значит тут “возможность”? На это мы ответим: «Да, да, именно так — *возможность!*, — как постоянно становящееся в деятельной и реализующейся возможности знание-размышление, которое не только в возможности, а и в некоторой возможной истинности, отражающей саму онтологическую возможность мира и человека в нем, равным образом и гносеологическую и креативную возможность еще возможного в реальности человеческого сознания. Выходит, что возможность здесь вовсе и не возможность — это как раз сама действительность и есть!

Ю.М. Осипов

* * *

27 сентября — 2 октября 2008 г. во Всероссийском детском центре «Орленок» состоялись Орленковские чтения — 2008 на тему: «Становление новой России: хозяйство, культура, социум», организованные Центром общественных наук при участии ОАО «Приват-инвест» (генеральный директор Е.Г. Пономаренко, Краснодар). В рамках чтений рассматривались вопросы осмысления состояния и перспектив развития России в условиях нарастания кризисных процессов в мире и роста хозяйственного напряжения.

В чтениях приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), В.Т. Рязанов (СПб.), С.С. Слепаков (Пятигорск), С.Н. Турищев, Л.Д. Широкоград (СПб.); кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.А. Марков, С.И. Панченко (Туапсе), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, О.Д. Юнеева (Краснодар); научные сотрудники Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына; аспиранты А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д), Н.В. Каймачникова (Ростов н/Д), В.А. Луковенко.

Публикуем тексты выступлений некоторых участников Орленковских чтений.

Ю.М. ОСИПОВ

Становление новой России

Сакральное словосочетание

Когда формулировалась тема очередного орлёнковского симпозиума, то словосочетанию «Становление новой России» не было придано никакого особого, кроме «темного» (от слова «тема», а не «темень!»), значения. Но во время творческого течения симпозиума вдруг выяснилось, что все не так тут просто: есть ли оно, это самое становление (?), да еще и новой (какой же?) России, да и России ли (?), а не какой-то *другой* страны? А может, уже всё и стало на место: несправедливое, бюрократическое, криминальное, жуткое — вот тебе и «Новая Россия», а если и не Россия, то уже другая страна, лишь называемая по инерции или недоразумению Россией! Походив умственно-эмоционально в ораторском раже вокруг тягостного словосочетания, участники симпозиума пришли-таки к заключению, что... есть ли это, нет ли ничего подобного... а надо, надо... а потому порешили оставить в своем сознании это зовущее к мысли и действию словосочетание и предложить его не одной лишь ученой общественности, а и всей России, включая и всех властей в ней предержавших. А ведь и верно, вполне сакральные эти слова, сбитые вместе: «*Становление новой России*», ибо она очень нужна, эта самая новая Россия, — и Россия эта еще вовсе не стала, — а та, которая есть... э-э... не та, совсем не та, ибо зело жалка она, раскассированна и уродлива!

С.А. МАРКОВ

Геополитический разворот России

Мировой фондовый кризис и ситуация на Кавказе — ключевые проблемы для мировой политики сегодня. Отчего же им придается столь большое значение?

Пятидневная война на Кавказе — это первые боевые действия армии сверхдержавы после вывода войск из Афганистана. Причем с одним из постсоветских государств. При этом Россия де-факто присоединила территории, на которых проживают граждане Российской Федерации. Всем известно, что половина стран постсоветского пространства, будь проведены в них референдумы среди граждан по вопросу о воссоединении с Россией, потеряли бы свою независимость. И поэтому многие замерли в ожидании... А вопрос состоит в том, являются ли

действия России рефлексивной реакцией, либо это часть новой политики? Если последнее, то в каких случаях Россия будет применять вооруженные силы? какова будет политика России на постсоветском пространстве? ставит ли она задачу воссоединения?

Одно из нашумевших заявлений Д. Медведева гласит: «Россия имеет свою зону влияния». Западные журналисты в связи с этим задаются вопросом: будет ли эта зона эксклюзивной или инклюзивной, т. е. будет ли любое иное вмешательство в зону этих интересов допустимо или же оно будет рассматриваться как заведомо агрессивное? Ответа на этот вопрос у наших западных коллег нет, поэтому они так сильно озабочены. Здесь же возникает вопрос, не последуют ли со стороны России отказ от пути вестернизации и переход на путь милитаризации, тем более что западные специалисты считают этот путь традиционным для нас. С российской же стороны возникает вопрос: будут ли продолжаться попытки убивать российских граждан? Мы неоднократно заявляли, что в таких ситуациях российская армия будет вмешиваться. Кроме того, будут ли попытки убивать русских, но не российских граждан? Как будет действовать в таких условиях наша армия и наши западные партнеры? Ответы на эти вопросы для нас самих остаются открытыми.

Во время грузино-южноосетинского военного конфликта, как всегда, наши солдаты показали высокий моральный дух, но оказалось, что наша армия по боевым своим качествам уступает грузинской армии: космической разведки нет, авиационной разведки нет, армейской разведки нет, не подавили ПВО противника и пр. Теперь о канве событийной. Российская и грузинская армии к этому конфликту были готовы. Происходили маневры северокавказской армии. По некоторым данным, эта война должна была начаться в июле. Назревала же она еще ранее. В 2005 г. ее удалось избежать путем критики действий М. Саакашвили. Кроме того, мы тесно сотрудничали с американскими коллегами. И одним из условий перевооружения грузинской армии было неприменение вооруженной силы в отношениях с Россией. И мы это четко знали. Однако что-то изменилось после визита Кондолизы Райс. По-видимому, тогда было принято решение о начале боевых действий. В то, что война началась без санкции Вашингтона, в российском руководстве не верит никто.

Евросоюз хотел уйти от ответственности... Происходящее их явно не устраивало. Грузия была на протяжении нескольких лет прекрасным примером сотрудничества России и США. Мы вместе смогли решить проблему Панкинского ущелья. В 2001 г. это была серьезная проблема. Была решена проблема передвижения чеченских боевиков по территории Грузии. Сейчас же, с моей точки зрения, американская

администрация действует в русле предвыборной гонки. Главная ее цель — добиться переизбрания республиканского президента, т. е. МакКейна. На данный момент МакКейн. проигрывает Обаме практически по всем пунктам: кто лучше для экологии — Обама, кто лучше для экономики — Обама, кто лучше для решения проблем иммиграции — Обама, кто лучше для медицины — Обама, кто лучше для образования — Обама... Кто же лучший командующий вооруженных сил США? Здесь МакКейн выигрывает с разгромным счетом. Он герой войны, прошедший много лет во вьетнамской тюрьме. Он действительно настоящий герой, потомственный военный, честный человек, неоднократно это показывавший... А Обама — гламурный герой Голливуда, наравне с Мадонной и пр. ... И в силу этих причин была выбрана Грузия, для имитации «холодной войны» с Россией. Указания о начале войны отдавал Д. Чейни, сам же Буш был против...

Почему было выбрано начало августа? В августе большинство политиков отдыхают. Все американские избиратели отдыхают, Обама отдыхает на Гавайях... Не отдыхают только МакКейн, Чейни и Саакашвили — вот три человека, которые хотят войны. Большинство европейских стран эту войну не поддержали. Но подобные попытки, очевидно, будут продолжаться. Скорее всего на Украине, где зреет новый диктатор — Ющенко. Нет никаких оснований предполагать, что Ющенко не сможет применить силу против парламента. Более того, он к этому готовится. Последний его указ — генеральские звания были даны сразу 120 военным. Он ввел в состав совета национальной обороны нескольких генералов, ввел режим постоянных военных учений... Главный его враг — Ю. Тимошенко. Ее он обвиняет во всех смертных грехах — в предательстве родины, и даже в своем отравлении во время предвыборной кампании. И этих обвинений стало достаточно для начала действий генеральной прокуратуры. Вполне могут быть спровоцированы столкновения между украинскими войсками и Черноморским морским флотом.

Посмотрим на последствия конфликта... Мы видим, что резко обострились отношения между США и Евросоюзом, а также отношения внутри Евросоюза. Кроме того, очевидно, реализуется концепция диверсификации энергоносителей. В частности, с очень большой вероятностью будет профинансировано строительство газопровода «Набукко» из Средней Азии, минуя Россию, в Евросоюз.

Мы стали свидетелями русофобии во всех странах Европы. И видим падение авторитета западных стран в России. Это, кстати говоря, приведет к серьезным внутривнутриполитическим последствиям. И если не будет проходить переосмысление этих событий сегодня, то в будущем оно произойдет случайным образом. Еще одно важное последствие —

нарастание общих процессов хаотизации. Если маленькая страна Грузия может напасть на большую страну, то какова же цена существующего мира? Стабильности? Как принимаются решения?

«Холодная война» означала определенные правила игры. Сегодня же есть ощущение, что мы вступаем в крайне неопределенный и стихийный мир. Не находимся ли мы в ситуации 1914 г.? Когда никто не хотел войны, но война началась и превратилась в мировую катастрофу.

Есть такая поговорка: «Спички детям не игрушка». Если посмотреть на наших вашингтонских коллег, то у них этими «спичками» забиты все карманы... И им очевидно нравится в них играть. По сути дела, мы оказались в состоянии возможности скатывания к борьбе между мировыми державами с применением оружия массового поражения. В этих условиях крайней неопределенности существующие концепции совершенно неудовлетворительны, а мировые правовые нормы не работают.

Заметим, что в условиях нарастания внешних угроз, серьезной проблемой становится двойная лояльность. Значительная часть нашего высшего чиновничества лояльна одновременно как России и ее национальным интересам, так и западному либерализму и глобализму. На сегодняшний день достигнут некий либеральный экономический консенсус внутри власти. Дело в том, что пока альтернативной либерализму экономической политики не сформировалось, за исключением разве что активной промышленной политики.

* * *

10—12 октября 2008 г. на о. Родос (Греция) прошел очередной Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», в котором в качестве модератора экономической секции и докладчика принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов. Ниже публикуется краткое изложение его доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Кризис экономической цивилизации

Понятие *экономической цивилизации*, выдвигаемое в русле нового и активно развиваемого знания-размышления — *философии хозяйства*, не только не общепризнанно, но и смело отвергается официальной экономической и обществоведческой наукой. Хотя нынешний кризис сначала американской, а затем и мировой экономики практически подтверждает, что экономическая цивилизация есть, что она достигла

крайних рубежей развития — финансизма, виртуализма и глобализма, сочетающихся с феноменом *гиперхозяйства* (не просто искусственного, но и сверхприродного, сверхпотребительского, паразитарного, во многом излишнего, избыточного, ненужного хозяйства), что попала она не в периодический экономический кризис, а в кризис цивилизационный, т. е. в кризис не экономики только, а всей экономической цивилизации в целом, со всеми ее и неэкономическими атрибутами.

Это кризис не одного лишь финансизма, виртуализма и глобализма, это кризис всего нажитого эпохой Модерна и уже превращенного в постмодерновое достояние, это кризис всей возрожденческой (от европейского Возрождения) и просвещенческой (от европейского Просвещения) парадигмы, исповедующей творческую свободу человека, его независимость от Бога, его господство над природой, его превосходный интеллектуализм и не менее превосходный ноосферизм. Это кризис освобожденных Модерном и ставших самодостаточными, т. е. лишь самим себе подотчетными, экономизма, сциентизма и прагматического проектизма.

Разве тут дело лишь в эгоизме и наглости финансистов или же в ошибках и недоделках каких-нибудь топ-менеджеров от экономики, — нет и еще раз нет: тут дело в самой сути лукавой цивилизации, ведомой добычей неограниченной денежной ренты и стремлением к какому-то уже нечеловеческому образу бытия!

Мы имеем безусловный *общий кризис экономической цивилизации*, далеко выходящий за пределы собственно экономики, собственно финансизма, собственно США. Куда ни кинь взгляд и на какой точке мирового цивилизационного пространства его ни останови, везде одно и то же: кризис, неприемлемость, приговор, — и это уже не простой циклический кризис, это, как утверждает философия хозяйства, — *апокалиптический кризис*, из которого ни автоматических, ни менеджериальных выходов нет, — выйти из такого кризиса можно лишь посредством полного и глубокого преобразования, но уже... за пределами накликавшей его экономической цивилизации.

* * *

14 октября 2008 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Экономический суверенитет и суверенная экономика», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Н.А. Шапиро (СПб.), Д.Л. Епископосов, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук А.К. Попов, С.В. Кайманаков; соискатели А.А. Антропов, И.И. Рудяк.

Анонс

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

Круглый стол
на тему:

Время кризиса — кризис времени

Это только кажется, что современный мир переживает острый финансово-экономический кризис, нет, не только, все куда сложнее — и дело вовсе не в том, что это глубокий хозяйственный кризис, этого мало, это кризис самого современного мира, построенного по западным возрожденческим и просвещенческим лекалам.

Кризис — факт, но что же дальше, что впереди, что в людском ожидании, что в будущей мировой реальности?

К участию в дискуссии приглашаются А.И. Агеев, В.Г. Белолипецкий, А.В. Бузгалин, С.Ю. Глазьев, Л.И. Глухарев, Р.С. Гринберг, С.Г. Кара-Мурза, А.И. Колганов, В.М. Коллонтай, С.П. Макаров, А.А. Нагорный, Ю.М. Осипов, А.А. Пороховский, В.Т. Рязанов, Е.Д. Сорокин, М.Л. Хазин, К.А. Хубиев, Ю.В. Яковец.

**18 ноября 2008 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ,
в 15 часов.**

* * *

**ЧЕТВЕРТЫЙ
МАЛЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРУМ**

3—5 декабря 2008 г.

Национальная элита — судьба России

Историю творят прежде всего элиты, те верхние слои общества, которые, держа в своих руках власть, неважно какую, принимают судьбоносные решения — хорошие или плохие, все равно. Именно элиты, которые легко оборачиваются антиэлитами, устраивают войны

и мир, подъемы и застои, революции и реформы. Вот и перестройку СССР с его последующим развалом тоже.

Присвоив оставшуюся от СССР Россию в свое собственническое владение, российская элита, она же антиэлита, обогатила историю новым социохозяйственным устройством, неспособным к самостоятельному инновационному развитию. Главная причина — приоритет присвоения и несправедности над развитием и праведностью, следовательно, отсутствие жизнеспособной элиты, нацеленной на интересы социума в целом, его благополучие и всестороннее развитие. Антиэлита благоденствует, слишком медленно эволюционируя в элиту, не пропуская вперед и возможную новую элиту. Отсюда задача целенаправленного формирования элиты — что может сделать только сильная централизованная власть. Без нормальной и действенной национальной элиты — лишь эфемерное прозябание и неминуемый крах.

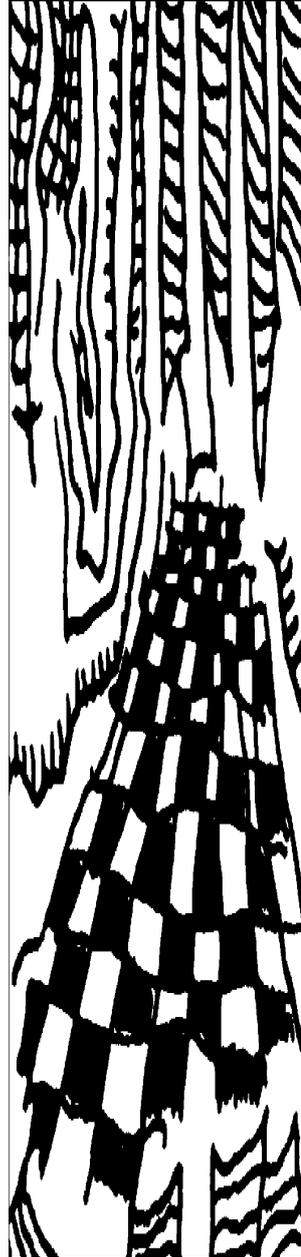
Конференция состоится во 2 учебном корпусе МГУ на Ленинских горах, с 10.00 до 18.00 с перерывом на обед с 13.00 до 14.00 (расписание заседаний с указанием аудиторий будет вывешено на доске объявлений к. 441 2 декабря 2008 г.).

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.econ.msu.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2009 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 10 ноября 2008 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2008 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

BELLE-LETTRE

В.А. ЕРМАКОВ

Темен жребий русского поэта...

Речь о русской поэзии должна бы начинаться с образа. Скажем, так: в начале были три мифических существа — птица радости Сирин, птица печали Алконост и вещая птица Гамаюн. Три мистических ипостаси единого поэтического дара, не поддающегося анализу. Да, так бы и следовало начать. А дальше растечься мыслию по древу, на котором сидят райские птицы с прекрасными женскими ликами. Но растекаться не хочется.

Наверное, диалектический материализм, которым была насквозь пропитана вся советская умозрительная среда, так въелся в структуру нашего мышления, что без предположенной схемы нам трудно помыслить о чем бы то ни было как о явлении или событии. Сначала тезис, потом фазис, и никогда наоборот. Поэтому свои рассуждения о кризисе жанра, опираясь на гениальную в своей умственной простоте ленинскую работу, я изначально хотел озаглавить «Три источника и три составных части отечественной поэзии», но по здравому размышлению не стал этого делать. Чтобы, упаси боже, не заподозрили в постмодернизме; склонность к этому направлению сегодня в отечественной критике снова считается предосудительной. И все же, оговорив слабость своей схоластической препозиции, я расставляю силки силлогизмов, надеясь уловить в них ускользающую суть происходящих изменений.

Вот что странно: кризис русской поэзии на рубеже веков очевиден. Разве что библиографы, учитывающие названия новых поэтических книг, не догадываются о том, что суету на Парнасе создают эпигоны и энтузиасты. В то время как поэты перечитывают и переписывают сами себя, стараясь понять — где исчерпалось вдохновение? Что-то случилось — и после этого не случается ничего, за что стоило бы умереть в стихе. Но даже в кризисном состоянии русская поэзия продолжает сохранять свою суверенность по отношению к мировой литературной ситуации. Русский путь завел в бездорожье, но сворачивать с него никто не намерен. К лучшему или к худшему, но русским стихам свойственна высшая мера непереводимости. И это касается не только и не столько их метафорического строя или одержимости рифмой. Они ин-

тенционально иные. Что порой трудно понять извне, без учета смыслопорождающего контекста.

Каковы же три не иссякающие источника отечественной поэзии? Я бы определил их так: ностальгия по не бывшему, тоска по небывалому и печаль о самом себе. В синергетической связи с ними находятся три составных части поэтического дара: приверженность, жертвенность и исповедальность. Когда все три ингредиента в разных пропорциях смешиваются в душе русского стихотворца, он становится поэтом.

Избитая метафора уподобляет поэта канарейке в шахте: чуткие к смутным предвестиям, поэты становятся первыми жертвами еще неясных современникам процессов. Поэт, наделенный даром речи, как бы отвечает за всех. Наиболее известные самореференции поэтов уточняют или варьируют этот тезис.

Темен жребий русского поэта... (*Максимилиан Волошин*).

В сем христианнейшем из миров поэты — жида (*Марина Цветаева*).

Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт (*Владимир Высоцкий*).

Поэт в России — больше чем поэт (*Евгений Евтушенко*).

Ну и так далее... Разброс, как видим, весьма велик — от отверженности до избранности. Но в любом случае поэт — это что-то особенное. Поколение тому назад никому бы в голову не пришло оспаривать, что биография русского поэта — канва судьбы, шитая золотом стихов. Поэт не был ни идейным вождем, ни духовным лидером, но являлся мощным катализатором общественных явлений. Случалось так, что автор лирических исповедальных стихов, ни сном, ни духом не мечтавший ни о чем, кроме веселой славы и легкого успеха у женщин, вдруг становился символической фигурой речи, внутренним голосом эпохи. Поэтом. И в этом своем качестве любимец муз получал больше, чем хотел. Он обнаруживал себя включенным в некую незримую систему отношений, лишаящих его приватности. Уличенный в гениальности (или оставленный под подозрением), он уже не принадлежал самому себе, а должен был следовать своему тернистому пути. Народ чаял в нем мученика, а царь чуял соперника. Темен жребий русского поэта, но в магическом кристалле поэзии жизнь, недостаточная для счастья, обрела контуры судьбы, которая выше счастья.

* * *

Что придает такое значение ремеслу поэта, что превращает это в общем-то частное занятие в миссию? На чем зиждется особая роль поэта в нашей культурной традиции? Откуда взялись столь непомер-

ные амбиции русских стихотворцев и почему они по умолчанию были признаны обществом? Если не брать былинные времена, то никаких исторических оснований к тому не было.

Русская классическая поэзия возросла, как и положено, от национального корня, но настоящий ее расцвет связан с привоями западной культурной традиции. Не вдаваясь в историю вопроса, можно только констатировать, что наиболее важными были два привоя к стволу нашей изящной словесности, в XVII и XVIII вв. Это общеизвестно. Но вот что не отрефлектировано в критике: с формальным уроком версификации наша поэзия неосознанно усваивала скрытые в ином культурном опыте содержания. Подсознательные импульсы — как программные вирусы. Преодоление последствий идеологической экспансии потребовало мобилизации внутренних ресурсов языка. Первый внедренный опыт, от польской силлабики, латентно содержал поклонение Богоматери, а второй — от французской поэтики, куртуазный культ Прекрасной дамы. Как и многие другие, эти западные топосы в нашем мощном культурном контексте неузнаваемо преобразились. В два этапа, от Симеона Полоцкого до Василия Тредиаковского и от Михаила Ломоносова до Гаврилы Державина, российские литераторы прописали все жанры в русском языке и заложили глубокий фундамент под грядущее явление высокой классики. Феномен русской литературы XIX—XX вв. представляет собой особую тему, прояснению которой посвящены библиотеки. И совсем уж отдельное дело — наша поэзия. Дело не столько в ее несомненной художественной значимости, сколько в не проясненном духовном значении. В мощном гравитационном поле авторитарного государства все общественные институты, включая религию и юстицию, этику и науку, прогибались под власть. Под тяжким гнетом сверхценной имперской идеи носители ее вздохнуть не могли свободно. И только поэзия в душевной атмосфере великодержавности сохраняла, по образному выражению Ивана Бунина, «легкое дыхание». Не случайно другой великий поэт, Осип Мандельштам, жертва сталинского режима, определил суть поэзии как «ворованный воздух». Наверное, такой образ мог родиться только в России... Трагический парадокс в том, что в атмосфере духовного подполья дух времени, тот самый гегелевский *Zeitgeist*, достигает опасной для разума концентрации. Поэтический эфир подобно медицинскому при вдыхании действует как наркотик. Под его воздействием поэты, как пифии дельфийского святилища, надыхавшиеся подземных испарений, самозабвенно пророчествовали, уже не в силах отделить прозрений от иллюзий. Власть трактовала их творчество в

нужном для себя смысле — так, чтобы вода из Кастальского ключа лилась на мельницу идеологии.

Одна из незамеченных особенностей харизматической власти состоит в том, что она имеет неявно выраженный гендер, т. е. пол. Власть у нас женского рода. Даже если властитель — мужчина, самодержавная власть как сущность проявляет архетипично женский характер. Она непредсказуема и непостоянна, мотивирована страстями и руководствуется чувствами, требует любви и отрывается от реальности, действует спонтанно и не думает о последствиях. Всегда озабоченная имиджем, она придает слишком большое значение тому, что о ней говорят. И потому соблазняет поэтов.

Золотой век русской литературы связан своим началом с правлением Екатерины Великой. Державинская ода «Фелица», с которой начинается роман Поэта с Властью, обращена к богоподобной царевне Киргиз-Кайсацкой орды, «которой мудрость несравненна». Новация риторического жеста в том, что обращение поэта носит характер лирического высказывания. Держава в лице императрицы ответила поэту взаимностью. Нет, совсем не так, как вы подумали! — для любовных утех у Екатерины хватало молодых пократь статью и покруче нравом; монархическая власть усмотрела в поэзии возможность насыщать свою архаическую харизму духом времени.

И вот здесь-то, вероятно, и произошел ментальный сдвиг в парадигме поэзии как особого состояния языка. Смещение тектонических пластов, в которых берут свое начало истоки поэтического чувства. Служенье муз и служенье высшей власти смешались между собой и соединились с имплицитно присутствующим в поэтике поклонением женскому началу. Поэт и философ Роберт Грейвз, большой знаток мифологии, в знаменитой книге «Белая богиня» почти доказал, что поэтическая работа изначально носит магический характер и возникновение ее (еще в каменном веке!) связано с культом жестокой и переменчивой лунной богини. На Западе, по Грейвзу, эта тайная функция угасла, выродилась и заглохла. Поэзия после Данте стала высоким искусством, но не более того. А вот в русской поэзии произошел неожиданный ренессанс скрытой сакральности. Видимо, здесь счастливо совпало несколько разнородных тенденций.

Вечная женственность, целелеполагающий идеал русской поэзии, не поддается простому определению. Она синкретична и гетерогенна. Ее истоки родом из разных онтологических уровней. Ее сущность темна, текуча, подвижна, изменчива, многолика. В исходном мифологическом начале — мать сыра земля; в позднем эгегическом восприятии — Природа. В высшем религиозном значении она Богородица. В дейст-

венной ипостаси она суть София, премудрость Божья. В секулярном срезе — Святая Истина, в сниженном плане — сермяжная правда. (Афродита Урания и Афродита Пандемос.) В державном воплощении — священная монархия. В приземленном плане — Россия; в идеологическом — Родина-мать. В мистической эйфории — русская соборная душа. В философской рефлексии — русская национальная идея. В анархическом вожделии — стихийная свобода (вернее, воля). В политическом аспекте — социальная справедливость, явленная как Революция. (В вырожденном виде — Партия.) Ну и, конечно, собственно Женщина. Женщина вообще. Муза. Прекрасная дама. В ней — все, и все — в ней.

Русские пегасы стаями летели на колдовской свет белой богини и гибли в ее холодном невидимом огне. Все путалось в поэтическом угаре — гордость и предубеждение, шум и ярость, страх и трепет, эрос и танатос. «О Русь моя! Жена моя! До боли... Да святится имя Твое!» — ну и т. д. Парадигматический текст русской поэзии — блоковская «Незнакомка». *La belle dame sans merci*, прекрасная дама без милосердия, вышедшая на петербургскую панель. Все в одном флаконе — французские духи и мистические туманы, ностальгия по небывшему, тоска по невозможному и печаль о себе.

Советская власть, поставив все с ног на голову, не изменила лишь требовательного и трепетного отношения к поэтическому слову. Советской власти, по определению, присуща та же харизма, что и царской, только в результате пролетарской революции великодержавность опростилась, а вечная женственность обабилась. Софья Власьева, как издевательски именовали ее диссиденты, требовала бесконечной и безоглядной любви к себе. И чтобы выражалась эта любовь не только всенародной поддержкой на безальтернативных выборах, но и поэтическими восторгами. Как хотел Сталин, томясь в тереме Кремля, чтобы сам Пастернак воспел его в бессмертных стихах! Мнительна, мстительна, мелочна, обидчива, злопамятна, капризна, как стареющая прима, власть возвышала поэзию и унижала поэтов. Не оправдавшего возложенных надежд стихотворца ждали серьезные неприятности по службе партийным музам. От социального остракизма до полной гибели всерьез. Темен жребий русского поэта. Его парадоксальный статус тот же Пастернак выразил в знаменитом четверостишии с темным смыслом:

Напрасно в дни высокого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

Там, где за стихи убивают, поэзия дорогого стоит. Мировая слава русских поэтов XX в. оплачена с лихвой.

* * *

Все проходит, и это прошло. Два столетия, от Пушкина до Бродского, поэзия в России была всем, чего не хватало в жизни, и только потом собственно стихами. Теперь остались только стихи. Бродский был последним героем русской поэзии. Потому что героический период отечественной литературы кончился. А в обыкновенной жизни до поэта никому, кроме филологов, дела нет. Поэзия теперь не общественное поприще, а частное дело: один из возможных способов быть собой, и не более того. Приверженность утратила предмет, жертвенность потеряла цель, а в исповедальности нет прежнего высокого смысла. Поэт, переживший свою славу, вызывает глухое раздражение — как психически контуженный ветеран проигранной войны, о которой все хотят забыть.

Трагедия русского поэта на пороге нового века в том, что его участь потеряла трагичность, и эту утрату поэт воспринимает как символическую кастрацию. Поэт был тайным любовником высшей власти и любимым певцом национальной идеи, а теперь он кто? Да никто. Пережиток мифологической эпохи. Никому до него дела нет — ни государству, ни обществу. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» — волновался великий поэт и провидец Федор Тютчев. Напрасно беспокоился. Никак. Пространство не резонирует. Звук не отражается ни от неба, ни от горизонта. Вокруг поэта пустота. Стихи не разлетаются по устам, а ютятся по малотиражным сборникам.

На рубеже тысячелетий власть в России утратила сакральный смысл и гендерный характер. Система управления худо-бедно модернизирована по западному образцу. Государство как таковое — существо среднего рода. Иначе говоря, само по себе безличное и бесполое. Постыдно равнодушное к поэзии и правде чиновничество не нуждается в символическом и ни бельмеса не смыслит в нем. Государственному служащему нужны льготы и привилегии, а не оды и мадригалы. Конечно, отдельные официальные лица и на государственной службе продолжают быть личностями и по мере возможности стараются поддерживать актуальную культуру. В провинции особенно сильна инерция классической поры. Поэт здесь, конечно, лишен влияния, но не оставлен без внимания и даже некоторого уважения. Лучшие поэтические книги, изданные в Орле, поддерживают образ литературного края — но погоды не делают. В общем и целом новая российская власть сугубо прагматична. Зачем ей поэт? Ей поэт не нужен. Разве что гимн

сочинить? — так ведь и прежний, советский, если перелицевать его под новый великодержавный фасон, россиянам сгодится...

А что общество? Оно-то должно поддержать поэзию как тонкую субстанцию национальной культуры? Должно. Но не поддерживает. Потому что нет у нас его, общества. Различные социальные страты соотносятся между собой только внешним образом, и общей участи не ищут. В отдельности некоторые из них могли бы взять часть поэтов на содержание, но поэзии в тесных рамках среднего класса не развернуться. Конечно, настырные графоманы, одержимые демонами тщеславия, могут выжать слезу из невзыскательного читателя и деньгу из неразборчивого предпринимателя, на настоящие поэты не хотят заискивать и не умеют просить. А те хозяева жизни, что могли бы стать меценатами, предпочитают содержать поп-звезд или покупать футбольные клубы. Единственно значимое исключение — Анатолий Чубайс, на деньги РАО ЕЭС учредивший национальную премию «Поэт». Но это, скорее, широкий жест своенравного олигарха; счастливый случай, а не прецедент. Участие в судьбе поэта не входит в новорусский обычай. А старым русским уже ни до чего дела нет: они выпали из истории.

* * *

Поражение поэзии в правах означает отречение от русской национальной идеи в классическом изводе, как она вызрела в Золотом веке и высказалась в Серебряном. Ну и, само собой разумеется, отказ от утопического сознания советского периода отечественной истории. Все ретроспекции на эту тему носят чисто спекулятивный или откровенно идеологический характер. Они лишены и действенности, и действительности. Связь времен распалась, и этнос рассыпался. Нравы изменились: вектор национального характера повернулся от сентиментальной инфантильности к брутальному эмпиризму. Народ стал неотзывчив на общие слова. Эта глухота обоснована объективными причинами. В стране радикально изменилась историческая ситуация. Русская идея поменяла модус существования. Была метафизической судьбой, а стала геополитической стратегией.

Тектонический сдвиг отечественной истории вызван подвижками базовых плит в глубине национального менталитета. С течением лет стабилизируется опорная платформа — новая русская парадигма. Возможно, именно поэтому русская идея как таковая в наши дни не будит мысль и не насыщает душу. Она как бы не поддается актуализации в современных понятиях. Поэт в России, два века являвшийся выразителем ее несказанной сущности, ныне оказался не у дел. Миссия невы-

полнима. И никому, в сущности, ни дома, ни в мире не интересна. На смену внешней изоляции русской литературы, обоснованной идеологическими причинами, пришла внутренняя замкнутость, обусловленная уязвленным самолюбием великороссов. Поэзия страсти уже невозможна, а поэзия мудрости еще не нужна.

Репрессия равнодушием радикальнее прежних гонений. Что оставлено в удел поэту? Не освящение живой воды родной речи, не возгонка и конденсация духа времени, а всего лишь фильтрация смыслов, очистка языка, испытание стереотипов на прочность — то, чем давно и успешно занимается мировая поэзия под наблюдением филологов в толерантном и политкорректном свободном мире. Однако к такому режиму функционирования наша среда не готова.

* * *

Русский поэт и в России-то уже меньше, чем поэт, а за границей и подавно. В европейском концерте ведущие партии сегодня исполняют другие голоса.

Жаль, конечно. Что делать... Национальная гордость великороссов сегодня в том, чтобы принять это положение как данность и преодолеть его. Наверное, мы утомили мир, захваченный драматическим процессом глобализации, своими непроясненными и неподтвержденными претензиями на исключительность и особость. Поэтому отношение к нам в общем и целом несколько напряженное. Нам как бы дают понять: будьте какими хотите, только определитесь, наконец, и успокойтесь; если есть что сказать по существу — говорите, а если нет, то мы лучше лишний раз перечтем Достоевского или Толстого...

Поэт в России больше не Поэт. Иначе говоря, стихи-то, конечно, он пишет, и порой не хуже прежних, но государственного значения и общественного признания, судя по всему, его работа не имеет. Отчетный период отечественной истории по горло занят насущными делами и не претендует быть эпохой. «Лета к суровой прозе клонят».

На ментальной карте мира Россия сместилась от смыслового центра к периферии. Быть русским еще не значит быть априорно интересным в человеческом плане. Преференции, созданные напряжением «холодной войны», утрачены. Да, в период агонии геополитического ящера по имени СССР внимание всего мира было обращено к нам. Но этот момент прошел; можно сказать — упущен русской литературой. На рубеже веков весь мир вовлечен в другое тревожное таинство, захватывающее сознание — наступление иного времени. И в конкуренции проектов будущего мироустройства утопический опыт России не дает ей никаких привилегий. Скорее, усложняет ее положение. Не пре-

одоленная историческая инерция увлекает оторванную от реальности мысль в пустоту. Метафора, основной риторический троп поэтической традиции, схватывает несказанную суть русскости в выношенный в тягости и рожденный в муках вербальный образ, но не находит, с чем его сравнить — и только кутает и кутает в истертые эпитеты, прижимая к сердцу, словно больного ребенка...

* * *

Русская культура на рубеже эпох занята переучетом и переоценкой духовных ценностей. Этим процессом управляют аудиторы и менеджеры, продюсеры и кураторы. Плохое время для поэтов. Зато замечательное для поэзии. Когда стихи пишутся без оглядки на власть и без надежды на славу, когда поэта не требуют к священной жертве и не зовут к пиршественному столу — в одиночестве и свободе, в пустоте и тишине, поэт начинает отчетливее слышать настойчивый голос музыки, нашептывающей ему песнь песней. И вечная женственность снова и снова смущает тревожные сны поэта...

Ибо эйдос России, ее креативный аккумулятор, еще не разряжен. Россия продолжает довлеть как целевая причина, как вещь особого рода, сущность которой не исчерпывается акциденциями и даже не выражается ими. Надо держать в уме, что Россия как феномен и Россия как ноумен, Россия-страна и Россия-держава, фатально не совпадают во времени и пространстве. Так реальность, если верить Гегелю, не покрывается действительностью. Значит, не так важно, что происходит в действительности, — важно то, что реально в новой картине мира, а что в ней всего лишь суггестивный морок, лишенный сути. Политикам веры нет по определению, но порой даже философы не могут толком разобраться в этом. И лишь поэтическая интуиция способна угадать, что войдет в нас со временем и останется навсегда.

Поэт в России ныне не в чести, но работа над стихом продолжается. Еще не иссякли три источника русской поэзии: ностальгия по не бывшему обживает фантастические развалины СССР; тоска по невозможному настаивается в ожидании чуда; печаль о себе вырабатывает иммунитет к дешевым утешениям и дорогим удовольствиям. Три части национальной поэтики, приверженность, жертвенность и исповедальность, все так же предстоят стихосложению. Поверяют память совестью, покоряют сердце року и предвещают иные времена. Словно три сказочных птицы — Сирин, Алконост и Гамаюн...

Миссия поэта невыполнима — но никто не вправе отменить и никто не в силах запретить ее. По старой пословице, свято место пусто не

бывает. Опасная вакансия поэта открыта. Открыта в будущее. Как знать может, мы на пороге нового ренессанса?

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Москворечь

Людям москворечащим

Я люблю этот город. Я люблю его за воронки, втягивающие с головой в вихри и бездны головокружительных, лицевых и изнаночных смыслов. За непредвиденное, непредвзятое, непреднамеренное, непредсказуемое и непримиримое сочетание укромных, тихих, заброшенных уголков и взрывного, бешеного, сметающего всё и вся потока-потопа авто, лиц, автолиц и лиц авто, некоторые из которых, будучи олигархическими, более заметны и выразительны, чем примелькавшиеся и стертые в толпе и толпой лица людей.

Но и люди — даже олигархического свойства — иногда бывают удивительно добры и внимательны и чутки, даже первые встречные олигархи. Кто-то услужит и услышит — подготовленный или просто здешний. И вот тогда нет-нет да и проглядывает сквозь протертую до дыр мишуру усталых соломы солнечных лучей улиц и неграмотных усталых лиц палимых солнцем неприкаянных пришельцев — добрый старый старушачий размеренный теплый задушевно-деревенский — капор-дух Москвы с самоварами и неспешными чаепитиями, сердечностью странноприимства.

Волнообразная пространственная чувственность Москвы. Вихревое время. Совсем бестелесная субтильная кромка между укромностью, скромной деревенскостью и мировыми вселенскими и транснациональными бурями.

Чтобы сделать миры новые, старые должны стать осколками. А потом вырасти в живительные кристаллы. Кристаллы мира — это Москва, даже бульжники Москвы. Мировое веяние Истории — это вечно мятежный дух Москвы. Выход за хрупкую грань мироздания — тоже здесь. Мировая весна, чудо, полоска света за тентом-экраном.

Пелена над окном глухо закрытого зала, где заседают учнейшие умы, вдруг падает от ошеломляющей догадки, что настоящий-то, вездесущий и неистощенный мир — не в плотно завешенном зашторенном зале, куда проникает только проблеск полоски, а там, за окном — без границ. И для него этот зал — лишь узенькая темная

полоска. Однако именно узенькая полоска света, просочившаяся в темный зал, наводит на мысль о дорожке, ведущей в мир света из мира темноты. Пелена спадает с ясных прорицательных глаз, которые созрели для прозрения Истины.

Свет невечерний на светлом челе нескольких человек. Этим людям Москвы — и своим, и чуждым Москве — принадлежит честь открытия жизни вне ее, но сердце мира и иномира бьется здесь. Со всеми здешними изъятиями и недомоганиями добросовестности, содрогающейся от вопиющего цинизма вокруг (черномирья). Здесь зажжен светоч внемировой мощью сознания и голосом псалмоликующего создателя. Здесь сокрыты сокровища мира невидимого, что в условленное время дадут знать о себе.

Москва город безумный и все же безумно интересный. В нем возможно все. В нем по улицам — как медведь, которым всю жизнь москвиты пугали иноземцев и пугали себя иноземцы — гуляет дикая свобода-вольница-девица. Она интересна собою и ей интересна светлица-околица. И встречные ей попадают — Бог весть откуда — все больше утонченные и благоговеющие перед ней. Может быть, чувствуется над ней чудо-образ расцвета Родины образца *N*-ного года. Вокруг нее средоточие и варево мира, миров страдания и надежды, варварства, нахрапистости и забвения многопудового, и многомигтового, и воодушевления вселенского, и живой воды, и живого воздуха всечасной немеркнувшей как зарево кремлевских крепких и пустынных звезд надежды. Как спокоен и бушующ Кремль! Как средоточие замысла Вселенной. Как крепки и милостивы и умиротворенны его камни. Как бьет струей истории ввысь его стрелецкая, взбунтовавшаяся, его смутная-смутьянская кровь. В ней копится силы какой-то безжалостный мировой бунт и распахивает все окна — непрекословя только Всевышнему Слову.

28 апреля 2008 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания, член Союза писателей России.

НЕКЛЕССА АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

заместитель директора, Институт экономических стратегий при отделении общественных наук РАН.

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет.

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

БАБАЕВ АЛИДЖАН ПЕРЕДЖАН ОГЛЫ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет.

ЕГОРОВ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

д.ф.н., профессор, Мурманский государственный педагогический университет.

КРОПИН ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Академия бюджета и казначейства Министерства финансов РФ.

ГНИЛИТСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА,

к.э.н., старший научный сотрудник, Всероссийский институт научной и технической информации РАН и Миннауки РФ.

МУСАЕВА СЕВИНДЖ БАДИХАН КЫЗЫ,

к.э.н., доцент, кафедра менеджмента, Азербайджанский государственный экономический университет.

БЕЛОЛИПЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АГН, д.э.н., профессор, кафедра экономики инноваций, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ.

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., ведущий научный сотрудник, лаборатория по изучению рыночного хозяйства, экономический факультет МГУ.

ВОЕЙКОВ МИХАИЛ ИЛВРИОНОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий сектором, Институт экономики РАН.

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

к.э.н., с.н.с., заместитель руководителя центра «Экономика знаний», экономический факультет МГУ.

ГУСЕЙНОВ РИФАТ МИР-АХМЕД ОГЛЫ,

д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, кафедра общей экономической теории, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет.

САФРОНОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра социальной философии, философский факультет МГУ.

КУЛИКОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА,

аспирант, кафедра эстетики, философский факультет МГУ.

КАЛМЫКОВА ЗОЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

студентка 5 курса, философский факультет МГУ.

ЯКУТИН ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

д.э.н., профессор, научный руководитель, Издательский дом «Экономическая газета».

ЕРМАКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, научный сотрудник, Краеведческий музей (г. Орел).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

к.э.н., советник департамента монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь.

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2008 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — не только философия о хозяйстве, не одна лишь отрасль философии, даже не философская интерпретация экономики, это еще и особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира. Что есть хозяйство, почему оно, чего хочет, к чему ведет? И что есть человек в хозяйстве, как и для чего он действует, что переживает, чего творит? Эти, как и многие другие, вопросы волнуют философию хозяйства, ибо это воистину философские вопросы, на которые даются, если возможно, и философские ответы.

Отсюда и признание философией хозяйства трансцендентной сложности мира, жизни, человека и самого хозяйства, как и необходимость учета всего разнообразного природного, социального и культурного контекста, политических, этнических и психологических аспектов, характерных для хозяйственной жизни, духовной составляющей человеческого бытия.

Не отрицая ни традиционной политэкономии, ни новейших математизированных версий научной экономики, философия хозяйства, поверяя теоретическую экономию, обогащает и дополняет ее, вырабатывая и новые, более емкие и гибкие смыслы. За философией хозяйства большое будущее.

Представляя этот журнал, который издается в виде Альманаха, предлагаем обратиться на него Ваше внимание как возможного подписчика и читателя. Концепция журнала уже оправдана жизнью: научная содержательность и новизна, свобода мысли, разнообразие, добротный стиль.

Среди авторов журнала видные ученые и высококвалифицированные специалисты, члены академий, профессора, многие из которых составляют активное ядро Философско-экономического ученого собрания. Журнал может быть интересен ученым, преподавателям, диссертантам, студентам, как и государственным деятелям и предпринимателям.

Выписывайте и читайте журнал «Философия хозяйства». Размышляйте в русле нового научного направления. Становитесь авторами журнала.

Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 15—20 п. л.) осуществляется в лаборатории философии хозяйства.

Стоимость подписки на год — 400 р.

Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс — 83115. Библиотечный индекс — 741.

Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441. Контактный тел. 939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).